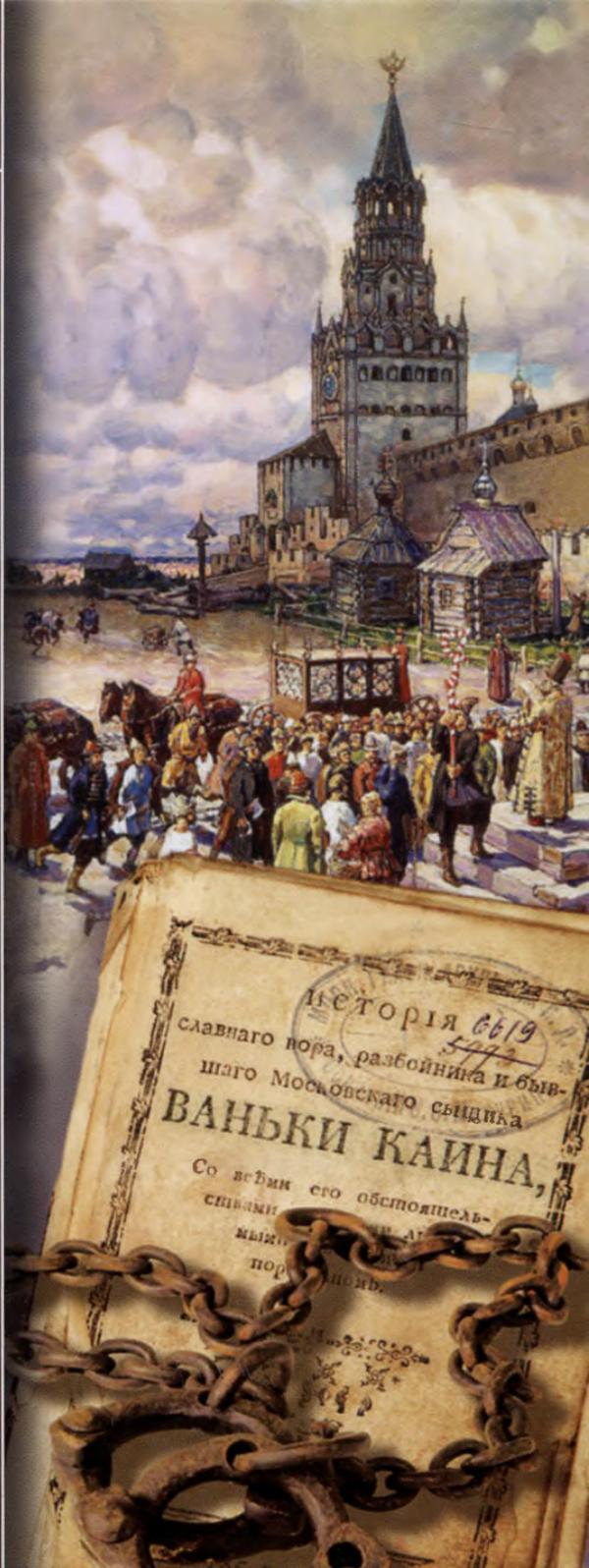

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Евгений Акельев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ВОРОВСКОГО МИРА МОСКВЫ ВО ВРЕМЕНА ВАНЬКИ КАИНА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Евгений Акельев

МОСКВА

ЖИЗНЬ

ВОРОВСКОГО
МИРА МОСКВЫ
ВО ВРЕМЕНА
ВАНЬКИ КАИНА

УДК 94(47)“174” “17”
ББК 63.3(2)512-7
А 38

ISBN 978-5-235-03508-9

© Акельев Е. В., 2012
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2012

Имя Ваньки Каина в XIX веке находилось в ряду тех исторических персонажей (Стенька Разин, Гришка Отрепьев, Емелька Пугачев, Маришка-безбожница, Иван Мазепа), которых, по народным представлениям, в первую неделю Великого поста, неделю Торжества православия, проклинали в храмах, а земля не принимает их на вечное упокоение¹. Оно стало нарицательным и в словаре В. И. Даля значится «бранным прозвищем отбойных буянов»². Ванькой Каином прозывали литераторов и издателей Ф. В. Булгарина, Н. И. Греча и последнего председателя Государственного совета И. Г. Щегловитова³. Это имя фигурирует в произведениях русской литературы позапрошлого столетия, например в «Маскараде» М. Ю. Лермонтова: «Берегись — имей теперь глаза!.. / Не по нутру мне этот Ванька Каин, / И притузит он моего туза». Такое же прозвище носил один из героев «Пошехонской старины» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Чем же Ванька Каин заслужил недобрую память о себе?

Иван Осипов родился на закате петровского царствования в семье крепостного крестьянина в ростовской вотчине именитого купца А. О. Филатьева. Мальчиком его привезли в Москву на господский двор. Прослужив в дворовых несколько лет, он сбежал и очень скоро превратился в одного из самых удачливых и дерзких московских воров. Вместе с компанией преступни-

ков Каин занимался кражами в Москве, «мошенничал»^{*} на Макарьевской ярмарке, в Троице-Сергиевой лавре, Дмитрове, Владимире и других городах. Но 27 декабря 1741 года он явился с повинной и предложил свои услуги в качестве доносителя. В ту же ночь вместе с Каином была послана команда солдат, и в Сыскном приказе оказалось несколько десятков представителей преступного мира, его бывших товарищей. С этого дня Ванька Каин стал официальным «доносителем и сыщиком» Сысского приказа.

«Это печальное положение — с одной стороны, возмутительные грабежи, а с другой — недостаток средств для их преследования, безнаказанность грабителей — заставляло для сыску преступников употреблять людей из преступников же, которые, по-видимому, приносили пользу», — рассуждал выдающийся историк XIX века С. М. Соловьев о феномене Ваньки Каина⁴. Несколько лет этот новоявленный сыщик ловил и приводил в

* В следственных документах первой половины XVIII века под мошенничеством понималась мелкая (главным образом карманная) кража, совершенная без взлома и насилия, втайне от жертвы преступления. Происхождение этого понятия связывают с кошачьей лапой — мешочком для хранения денег, который подвязывался на поясе (*Фойницкий И. Я.* Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. С. 25—39). За этими набитыми деньгами кошачьими лапками и охотились воры. Но в XVIII веке произошла революция в одежде: изобретенные в конце предыдущего столетия карманы на камзолах, жилетах и брюках вошли в Европе в моду, которая вскоре добралась и до России. Именно в карманах теперь стали хранить деньги, часы, табакерки, платки и прочие вещи, за которыми охотились воры. Однако людей, занимавшихся мелкими тайными кражами, продолжали по старинке называть мошенниками, в то время как понятие «вор» было более широким — оно использовалось для обозначения всякого нарушителя закона, в том числе и политических преступников (см.: *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 4. Л., 1988. С. 68—69). Термин «мошенник» в XVIII веке очень близок по содержанию к используемому в современной криминологии термину «профессиональный вор» и вообще «профессиональный преступник» (см., например: *Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова.* М., 2004. С. 719—720). Ниже мы покажем, что для большинства московских «мошенников» XVIII столетия воровство являлось основным источником средств существования; для многих были характерны «специализация» и владение определенными навыками («квалификацией») в совершении определенных видов краж; кроме того, все тогдашние московские «мошенники» образовывали преступную субкультуру с такими характерными признаками, как воровской жаргон и клички. Именно поэтому мы используем понятия «мошенник» и «профессиональный вор» как синонимы.

Сыскной приказ преступников, беглых, скупщиков краденого, разузнавал и доносил о воровских притонах и т. п. В 1744 году Каин укрепил свое положение, добившись двух сенатских (!) указов: первый запрещал Сыскному приказу принимать на него доносы от воров и разбойников, а второй повелевал всем присутственным местам и всем «верноподданным» по требованию Каина оказывать ему необходимую помощь при задержании преступников.

Однако нравственный облик бывшего профессионального вора, а теперь доносителя к лучшему не изменился: пользуясь покровительством чиновников Сыскного приказа, он брал взятки, невинным людям «чинил обиды и разорения», вел распутную жизнь, знался с преступниками и т. д. В 1749 году в Москве была создана специальная следственная комиссия и начался громкий процесс над «вором Каином», который повлек за собой увольнение от дел многих московских чиновников и расформирование всего штата Сыскного приказа⁵. Следствие тянулось до 1755 года. В итоге Ванька Каин был приговорен к смертной казни, которая в марте 1756 года была заменена битьем кнутом, вырезанием ноздрей, клеймением и ссылкой на вечную каторгу в эстляндский Рогервик на берегу Финского залива.

Но на этом история вора-перевертыша не закончилась. Уже при жизни Ванька Каин стал героем цикла народных песен и повестей о его похождениях⁶, которые по числу изданий в России являлись наиболее популярным чтением XVIII века (до конца столетия жизнеописание Каина были напечатаны 15 раз⁷). На основании нескольких вариантов повестей в 1770-х годах известный народный писатель Матвей Комаров опубликовал авантюрно-приключенческий роман о Ваньке Каине⁸, который на долгие годы стал одним из наиболее популярных произведений массовой литературы России конца XVIII — XIX века (Л. Н. Толстой даже назвал его автора «самым знаменитым русским писателем»⁹). До сих пор этот персонаж вдохновляет романистов на новые варианты повествований о его личности¹⁰.

Однако при всей популярности личности Ваньки Каина мало кто знает о том, что в Российском государ-

ственном архиве древних актов хранится более сотни подлинных судебно-следственных дел 1740-х годов, инициированных доносами Ваньки Каина. В ходе состоявшихся уголовных процессов было осуждено несколько сотен обвиняемых, среди них московские «мошенники», укрывавшиеся в Москве разбойники, торговцы краденым, беглые солдаты и крепостные, фальшивомонетчики и др. Эти судебно-следственные дела, никем не тронутые, покрытые архивной пылью, могут приоткрыть для нас окно в давно исчезнувший мир «отверженных», «униженных и оскорбленных» обитателей «дна» Москвы XVIII столетия¹¹. Как ни странно, несмотря на значительный интерес, проявляемый исследователями к личности Ваньки Каина, архивные документы, связанные с деятельностью доносителя из воров, ранее изучались лишь фрагментарно¹².

Наша книга основывается главным образом на изучении всего комплекса следственных дел, инициированных Ванькой Каином. Соответственно, рамки нашего повествования ограничены временем службы Каина на посту доносителя Сыскаго приказа (конец 1741-го — начало 1749 года). Главными его героями являются те профессиональные воры, которые в 30—40-х годах XVIII века своими преступлениями держали в страхе московских обывателей, а затем по указаниям их бывшего собрата по противозаконному ремеслу были схвачены и в Сысканом приказе приговорены к различным наказаниям.

Мы рассматриваем повседневную жизнь воровского мира Москвы XVIII века многопланово, через несколько «срезов».

Одним из них будет рассказ о дне 28 декабря 1741 года, роковым для многих московских «мошенников», когда вор Иван Осипов по кличке Каин явился в Сысканой приказ с повинной и попросил команду солдат для сыска и ареста его «товарищей». Той же ночью по наводке Каина в нескольких воровских притонах были схвачены десятки их обитателей. Для реконструкции событий этого дня потребовался скрупулезный анализ огромного комплекса делопроизводственной документации. Например, чтобы выяснить, кто из служащих Сыскано-

го приказа в тот день находился на работе, были исследованы пометы чиновников на входящих и исходящих документах. Интерьеры помещений приказа мы можем представить себе благодаря расходной документации, фиксировавшей затраты на приобретение мебели, покраску и обивку стен, закупку канцелярских принадлежностей и пр. Для характеристики воровских притонов, обнаруженных с помощью доносчика Каина, мы использовали перепись московских дворов 1738—1742 годов и исповедные ведомости* 1740-х годов.

История повседневности не может быть полной без знакомства с ее действующими лицами, конкретными людьми. К настоящему времени в архиве обнаружено более шести десятков протоколов допросов профессиональных воров, арестованных Ванькой Каином, что позволило составить «коллективный портрет» московских преступников. Однако для того, чтобы понять, в каких конкретных жизненных ситуациях эти люди принимали роковое решение обратиться к противозаконной деятельности, мы использовали метод «персональной» истории (или «новой исторической биографии»). В отличие от традиционного биографического жанра он рассматривает разнообразные соотношения между нормой и практикой, индивидуумом и группой, детерминизмом и свободой, чтобы раскрыть, по выражению итальянского историка Дж. Леви, «реальный диапазон выбора, которым могли располагать действующие лица в конкретном нормативном пространстве»¹³. Статистический анализ дает возможность выделить несколько вариантов жизненных путей обитателей московского «дна». Каждый из них мы более детально рассмотрим на примере конкретных персонажей, чьи судьбы реконструируем на основе данных, содержащихся в различных видах государственной документации (протоколах допросов, ревизских сказках, исповедных ведомостях и пр.), а также в источниках,

* Исповедная ведомость — ежегодно составлявшийся приходским священником и подававшийся в Духовную консисторию подворный именной перечень всех прихожан с указанием для каждого его социального статуса, возраста, а также факта исповеди и причастия.

отразивших исторический контекст жизни персонажей (например, для реконструкции биографии беглого дворового используются сведения о его помещике).

В поле нашего зрения окажутся «законы» и иерархия, быт и развлечения преступного сообщества Москвы XVIII века, воровской язык и особенности «ремесла», отношение к ним «честных» обывателей.

Все московские преступники, о которых мы что-либо знаем, рано или поздно оказывались в тюрьмах Сысного приказа. Как долго длилось следствие? Как московские «мошенники» вели себя на допросах и в застенке? Как они приспособлялись к суровым будням в московском остроге? К каким наказаниям их приговаривали? На все эти вопросы мы найдем ответ на основе изучения огромного комплекса делопроизводственной документации Сысного приказа.

Работа над книгой велась несколько лет, в течение которых множество людей оказывало мне неоценимую помощь. Выражаю свою глубокую признательность коллегам по факультету истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», прежде всего Г. О. Бабковой, А. Б. Каменскому и Е. Н. Трефилову; всем сотрудникам Российского государственного архива древних актов, в первую очередь А. А. Булычеву, А. А. Голубинскому, О. Е. Кошелевой, Е. Е. Рычаловскому, М. В. Николаевой и А. Д. Шаховой; а также А. В. Ковальчуку, Н. В. Козловой, И. В. Курукину, Ф. Д. Лиштенан, Д. О. Серову и Е. Н. Швейковской. Особенно благодарю своего учителя Е. Б. Смилянскую за неизменную и всемерную поддержку.

«МОШЕННИК И ТОГО РЕМЕСЛА ЛЮДЕЙ
СЫЩИК»

*Ах! Тошным-та мне, доброму молодцу, тошнихонька,
Что грустным-та мне, доброму молодцу, грустнихонька;
Мне да не пить-та, ни есть, добру молодцу, не хочется,
Мне сахарная сладкая ества, братицы, на ум нейдет,
Мне московское сильное царство, братицы, с ума нейдет;
Побывал бы я, добрый молодец, в каменной Москве,
Только лих-та на нас, добрых молодцев, новый сыщичек,
Он по имени, по прозванью Иван Каинов,
Он не даст нам, добрым молодцам, появиться,
И он спрашивает папшортов все печатных,
А у нас, братицы, папшорты своеручные,
Своеручные папшорты все фальшивые.*

Народная песня

«Торжественные» дни декабря 1741 года

Двадцать пятого ноября 1741 года в Санкт-Петербурге произошел очередной дворцовый переворот: гвардейцы Преображенского полка взяли под стражу малолетнего императора Иоанна VI и его родителей — принцессу Анну Леопольдовну и принца Антона Ульриха, чтобы возвести на престол «дщерь» Петра Великого. Так началось двадцатилетнее правление Елизаветы Петровны.

Но весть об этом судьбоносном для всей страны событии разнеслась по обширной Российской империи не сразу. Как ни гнал лошадей по заснеженной московской дороге капитан лейб-гвардии Семеновского полка Петр Васильевич Чаадаев (дед философа П. Я. Чаадаева), до Москвы он домчался лишь в субботний вечер 28 ноября. По прибытии в Первопрестольную он поспешил напрямик в Кремль, где располагалась Московская сенатская контора. Там и вскрыли важные государственные пакеты, в которых были запечатаны 100 экземпляров «Манифеста о вступлении Ея Императорского Величества Елизаветы Петровны на родительский Всероссийский императорский престол» и

50 экземпляров присяги «в верной Ея Императорскому Величеству службе».

На следующее воскресное утро манифесты были читаны в кремлевском Успенском соборе, там же состоялся благодарственный молебен «о восшествии на Всероссийской престол Ея Императорского Величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы Всероссийской», а затем началась присяга подданных на верность новой императрице. После этого был дан салют («пушечная пальба»), возвестивший о торжественном событии. Многие московские обыватели, только услышав артиллерийские залпы, узнали, что произошло нечто из ряда вон выходящее. Например, мирно почивавшие в спальне своего московского дома недалеко от Арбата статский советский Никита Ушаков и его супруга Аграфена Ивановна, услышав салют, отправили своего дворового человека «для проводывания, о чем та пушечная пальба». Когда же дворовый прислал в господский дом мальчика сообщить, что «пушечная пальба была для того, пришли де указы, что Ея Величество государыня императрица Елисавет Петровна соизволила принять всероссийский престол», супруги Ушаковы его словам не поверили. Они наспех собрались и отправились в город сами: Аграфена Ивановна поехала к поздней обедне в свою приходскую церковь Симеона Столпника за Арбатскими воротами, где «об оном торжестве слышала», а ее муж, статский советник, видимо, поспешил напрямиком в Кремль¹⁴.

Во всем городе царило оживление. Московские обыватели поздравляли друг друга с торжественным событием: «С государынею императрицею Елисавет Петровою на многие лета!» (Именно так поздравил коллег купец 3-й гильдии Борис Фомин, а в ответ услышал «непригожие речи»¹⁵.) В соборах и монастырях происходило массовое приведение москвичей к присяге (это касалось всех «верноподданных», кроме «пашенных крестьян»). Из уст в уста передавались всякого рода слухи и толки. Некоторые из них отразились в документах Московской конторы тайных розыскных дел (московского филиала Тайной канцелярии). Так, вышеупомянутая Аграфена Ивановна Ушакова, вернувшись домой в

дурном расположении духа, имела неосторожность в присутствии своих дворовых высказаться относительно произошедшего следующим образом: «Вот топеревочеводить наследника! Вить де она, государыня Елисавет Петровна, девица, она ж де лет в сорок! Какому у ней быть наследнику?! Достойно бы де быть принцессе Анне для того, что де от нее государь Иоанн Антонович. И хоша де, децкое ево дело, он и скончается, так де и еще от нее, принцессы, будет — все де одно царское поколение!» Дворовые люди Ушаковых прекрасно понимали причину плохого настроения госпожи: «помещица их невесела, что де кто в правление принцессы Анны чем пожалован, велено то возвращать», а «помещик их Никита Ушаков в правление принцессы Анны пожалован в статские советники и в Казань вице-губернатором, а зять их Петр Ивашкин взят был из полевых полков из сержантов к принцессе Анне ездовым сержантом же и пожалована ему вотчина». Вечером в людской избе дворня тихо обсуждала своих хозяев и радовалась их несчастью: «Вот де помещики их желают государевой милости им, думают, чтоб пожалованной зятю их вотчины не отняли. А к нам же они не милостивы — спрашивают де на нас оброку, пряжи, а нам де взять негде»¹⁶.

Наверное, такого рода толки велись тогда в Москве повсеместно — в гостиных и людских господских домов, в торговых рядах, в кабаках, на улицах... В понедельник 30 ноября купец 3-й гильдии Борис Фомин, простояв «у обедни», где он слышал, «что на ектеньях поминали государыню императрицу Елисавет Петровну», пришел на «шляпный завод» («в Земляном городе у Неглинной»), где он работал вместе с другими мастеровыми людьми — «из найму бил шерсть», и стал поздравлять своих товарищей: «Здравствуйте! С государыню императрицею Елисавет Петровною на многие лета!» Но оптимизм купца разделяли не все — в ответ он услышал от «шерстобита» Логина Дементьева: «Много ль лет она будет царствовать?»¹⁷

Двадцать девятого ноября 1741 года московские улицы были украшены иллюминацией: горели казенные фонари, в обычные дни не зажигавшиеся. Вся последующая неделя (30 ноября — 6 декабря) была нерабочей

для московских государственных учреждений, а праздничная иллюминация освещала московские улицы каждую ночь, для чего было использовано десять ведер конопляного масла и четыре фунта фитиля на 16 рублей 20 копеек¹⁸. В рапортах «о приходе и выходе» присутствующих, которые ежемесячно подавались в Московскую сенатскую контору, напротив этих чисел обозначено: «...присудствия не было, понеже было торжество о восприятии Всероссийского престола государыни императрицы Елисавет Петровны»¹⁹.

Всю неделю в соборах и монастырях Первопрестольной было многолюдно. В начале декабря 1741 года по храмам разнесли печатные формы «о возношениях в церковных священнослужениях Ея Императорского Величества». С этого дня при чтении великой ектеньи возносилась молитва: «О благочестивейшей самодержавнейшей великой государыне нашей императрице Елисавети Петровне, Всея России, о всей палате и воинстве Ея Господу помолимся!» А во время литургии, на Великом входе, в первую очередь произносилось: «Благочестивейшую самодержавнейшую великую государыню нашу Императрицу Елисавет Петровну всея России да помянет Господь Бог во Царствии Своем!»²⁰

После службы происходило приведение московских жителей к присяге. В многочисленных соборах и монастырях Москвы слышалось чтение «клятвенного обещания»: «...обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, что хочу и должен своей природной и истинной, всепресветлейшей, державнейшей, великой государыне императрице Елисавет Петровне, самодержице всероссийской... верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и все к высокому Ее Императорского Величества самодержавству силе и власти принадлежащие права... по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всём живота своего в потребном случае не щадить, и при том по крайней мере стараться споспешествовать всё, что к Ее Императорского Величества верной службе государственной во всяких случаях касаться может... И поступать, как доброму и верному Ее Императорского Величества рабу и подданному благопристойно есть и надлежит. И

как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь!». Потом священник давал присягавшим целовать крест и Евангелие, а затем все подходили к столу, где подписывались под печатным текстом присяги, а секретарь заносил имена присягнувших в специальный «присяжный лист»²¹.

Процедурой приведения к присяге руководили высокопоставленные московские чиновники и генералы. Так, в понедельник 30 ноября член присутствия Главной соляной конторы действительный статский советник Кирилл Лаврентьевич Чичерин «стоял у присяги» в Покровском соборе, куда пришли присягнуть 139 человек — 73 церковнослужителя, 33 чиновника, 11 военных, 14 московских купцов, трое дворовых, два оброчных крестьянина, дворянин, «недоросль» и «фабричный». Президент Московской артиллерийской конторы грузинский царевич генерал-лейтенант Бакар Вахтангович тогда же присутствовал на приведении к присяге в Благовещенском соборе Московского Кремля 157 человек. Старый отставной генерал-лейтенант Иван Петрович Измайлов в тот же день принял присягу 214 подданных в Архангельском соборе Московского Кремля. А в Казанском соборе на Красной площади, где пожелали присягнуть 134 человека (офицеры, чиновники, церковнослужители, купцы и дворовые), у присяги стоял судья Монетной канцелярии действительный статский советник князь Сергей Алексеевич Голицын. Главный судья Сысского приказа князь Яков Кропоткин приводил к присяге московский люд неподалеку, в Божоявленском монастыре²². Подписанные тексты присяг и «присяжные листы» ежедневно переправлялись в Московскую сенатскую контору, где производились подсчеты, о результатах которых еженедельно сообщали в Санкт-Петербург. Так, 15 декабря 1741 года в Северной столице получили известие, что за первую неделю в Москве к присяге приведены 24 134 подданных; к 15 февраля 1742 года число присягнувших составило 80 258 человек²³.

В пятницу 18 декабря 1741 года был также день «торжественный»: праздновали «рождение Ея Императорско-

го Величества государыни императрицы Елисавет Петровны», и во всех московских присутственных местах вновь заседания не было. В среду 23 декабря высокопоставленные чиновники вновь не работали, но уже по другому поводу: в Москве встречали турецкое посольство, и многие были приглашены на прием к послу. А в период с 25 декабря по 7 января, от Рождества Христова до Крещения Господня, большинство чиновников освобождались от службы в силу Генерального регламента 1720 года.

Конечно, недовольных неожиданной переменой на троне в Москве было немало, особенно из числа дворянства. Но все-таки многие обыватели в первые дни нового правления пребывали в эйфории, ожидая перемен к лучшему. И Елизавета Петровна постаралась не обмануть ожидания подданных.

В воскресенье 27 декабря 1741 года московский люд снова собрался в многочисленных московских городских и монастырских храмах. Конечно, были здесь и «мошенники», которые не упускали возможность пошарить по карманам москвичей, превратившихся в слух. Возбужденный гул толпы звонко пронизывали голоса зачитывавших именной указ от 15 декабря «О Всемилоштивейшем прощении преступников и о сложении штрафов и начетов с 1719 по 1730 год»:

«Понеже по воле Всемогущего Бога мы родительский наш Всероссийский императорский престол минувшего ноября 25 числа сего 1741 года по всеподданнейшему к нам всех наших верноподданных прошению принять соизволили, того ради в наказание к верным нашим подданным высочайшего нашего милосердия, для многолетнего нашего здравия и благополучного государствования, всемилоштивейше повелели... кто из духовных, военных, штатских и других чинов явились в неисpravлении должностей своих и в непорядочных поступках, учиненных в противность нашим указам, и в других винах (кроме важнейших по первым двум пунктам*, и воров и разбойников и смертных убийцов и похитителей

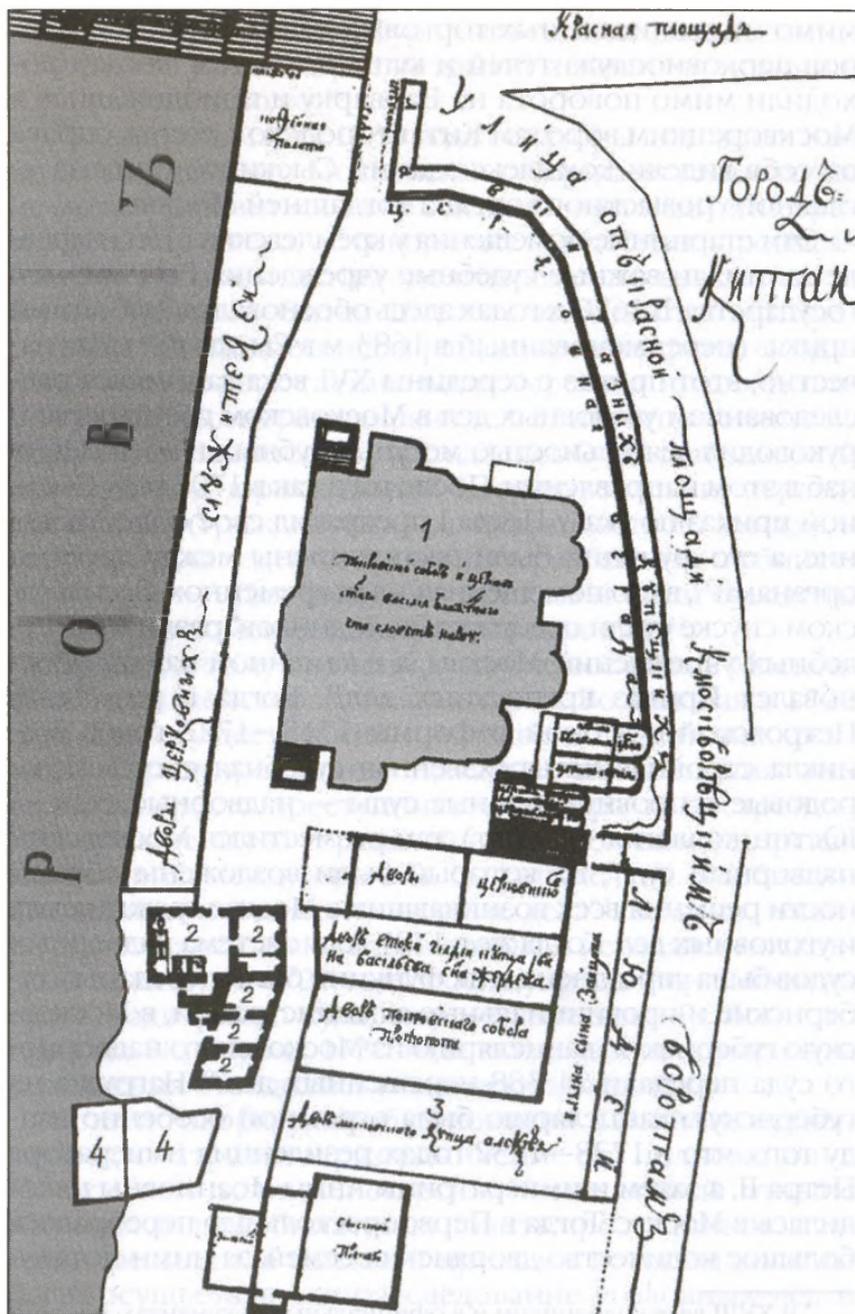
* Первые два пункта — согласно указу от 25 января 1715 года важнейшие государственные преступления: к первому относились «умысел против персоны Его Величества или измена», ко второму — «возмущение и бунт».

многой казны государственной), за которые... осуждены на смерть, или в каторжную работу, или куда в ссылку... оным всем такие учиненные ими вины всемилостивейше прощаем, и от наказания и ссылки и штрафов свободяем... Посланных в каторжную работу и в ссылки за вышеобъявленные вины... оных всех от той работы свободить... Сей наш указ действие свое имеет только для тех, которые в вышеупомянутые вины впали... до сего числа, а ежели впредь в таких же винах... кто явится, со всеми такими поступать по прежним указам без упущения»²⁴.

Указ касался практически всех: и многочисленных беглых солдат, и проворовавшихся чиновников, и купцов, которым прощались казенные недоимки за период с 1719 по 1730 год, и даже крестьян, для которых сокращался подушный оклад в 1742 и 1743 годах. С быстротой молнии из уст в уста пронеслась по Москве весть о царицыной милости, причудливо преломляясь в различных толкованиях. Городское дно, обиталище бесчисленного множества беглых людей, всполошилось. Новая государыня объявила о прощении преступников! Теперь у каждого появился шанс изменить жизнь. Достаточно покаяться в своих преступлениях — и можно вновь стать законопослушным подданным! Но верно ли не последует жестокого наказания? А что будет с ними потом? Ведь наверняка беглых солдат вернут на службу, а беглые крестьяне и дворовые вновь окажутся у ненавистных помещиков. Так в тот день размышляли многие «подозрительные» люди, погрязшие в трясиине трущобной жизни. Но среди них нашлись и смельчаки, которые попытались сыграть ва-банк — а вдруг повезет? Всё равно терять нечего!

Сыскной приказ

В те времена московские обыватели, направлявшиеся от собора Василия Блаженного к наплавному («живому») мосту (он находился немного ниже по течению Москвы-реки, чем современный Москворецкий мост), шли по не существующей ныне Москворецкой улице,

На плане части Китай-города между Кремлевской стеной и Москворецкой улицей изображены Покровский собор (под цифрой 1), Берг-коллегия (под цифрой 2), Сысной приказ (внизу по центру). Составитель А. Москвин. 10 ноября 1750 г. РГАДА

мимо многочисленных торговых лавок, харчевен, дворов церковнослужителей и купцов, а затем, когда проходили мимо поворота на Варварку и приближались к Москворецким воротам Китайгородской стены, справа от себя видели комплекс зданий Сысского приказа — главного розысского органа тогдашней Москвы.

Эти старинные помещения у кремлевских стен издревле занимали важные судебные учреждения Российского государства. В 1670-х годах здесь обосновался Разбойный приказ (переименованный в 1683-м в Сысской²⁵). Как известно, этот приказ с середины XVI века занимался расследованием уголовных дел в Московском государстве и руководил деятельностью местных губных и воеводских изб в этом направлении. После того как в 1701 году Сысской приказ по указу Петра I прекратил свое существование, а его функции были распределены между другими органами²⁶, в его помещениях на современном Васильевском спуске стали содержать колодников* различных судебных учреждений Москвы, а в каменной палате обосновался Приказ крепостных дел²⁷. Когда в результате Петровской судебной реформы 1718—1722 годов возникла стройная четырехзвенная судебная система (городовые и провинциальные суды — надворные суды — Юстиц-коллегия — Сенат), там разместился Московский надворный суд²⁸, на который были возложены обязанности решения всех возникавших в Москве гражданских и уголовных дел. Когда же в 1727 году система надворных судов была упразднена, а их функции были переданы в губернские и провинциальные администрации, в Московскую губернскую канцелярию из Московского надворного суда передали 21 388 нерешенных дел²⁹. Нагрузка на губернскую канцелярию была огромной особенно ввиду того, что в 1728—1732 годах резиденция императора Петра II, а затем и императрицы Анны Иоанновны находилась в Москве. Тогда в Первопрестольную перебралось большое количество дворянских семей, за ними потяну-

* В XVIII веке колодником и в официальных документах, и в обычной речи по традиции называли всякого заключенного, что никак не было связано с конкретным способом заковки. В Сысском приказе для заковки заключенных использовались ручные и ножные кандалы, тогда как об использовании деревянных колодок никаких упоминаний нет.

лось купечество, а Петербург в эти годы настолько запустел, что его улицы поросли травой и зимними ночами в город забегали волки³⁰.

Двадцатого марта 1730 года сенаторы доложили Анне Иоанновне, что Московская губернская канцелярия не может справиться даже с делами чисто административного характера, не говоря уже о судебных и розыскных, по которым истцы «долговременно волочатся» и терпят большие убытки. Вместе с этим докладом императрице был поднесен для рассмотрения проект создания в Москве двух специальных учреждений для решения уголовных и гражданских дел. 22 июня по именному указу Анны Иоанновны учреждались Судный и Сыскной приказы под юрисдикцией Юстиц-коллегии: первый для судных (гражданских) разбирательств по Москве, а второй — для ведения «татийных, разбойных и убийственных дел»³¹. Для Сыскного приказа и были отведены старинные помещения у кремлевских стен³².

Правда, к тому времени туда уже вселилась Московская полицмейстерская канцелярия. Возникшая в 1722 году для осуществления в Москве полицейских функций (предупреждения пожаров, искоренения нищенства, ареста преступников, надзора за постройками, наблюдения за торговлей и пр.), полицмейстерская канцелярия, между прочим, была наделена судебными функциями и решала уголовные дела³³. Видимо, именно для содержания колодников были переданы московской полиции в 1727 году, после упразднения Московского надворного суда, тюрьмы бывшего Разбойного приказа. Но с июля 1730 года по сенатскому указу эти помещения отводились под Сыскной приказ.

Кстати говоря, указ об основании Сыскного приказа предусматривал и разграничение его полномочий с Московской полицмейстерской канцелярией: отныне полиция должна была лишь ловить преступников, а затем пересылать в Сыскной приказ, в котором должны были осуществляться расследование уголовных дел и вынесение приговоров. Сыскной приказ, таким образом, получил монополию на решение уголовных дел в Москве и во всём Московском регионе³⁴.

Переданные Сыскному приказу строения были ветхи

и требовали капитального ремонта. Первый судья приказа бригадир Федор Полибин 28 июля 1730 года докладывал в Сенат, что «тюремный двор и застенок развалился». Сенат распорядился выделить на перестройку помещений 500 рублей. Осенью 1730 года был поправлен острог вокруг тюремного двора, а в течение 1731-го перестроены тюремные казармы³⁵.

Двадцать девятого мая 1737 года в Москве произошел страшный пожар. В Сыскном приказе «деревянное строение, и над оным крышка, остроги, казармы и застенок — всё сгорело без остатку»³⁶. Сильно пострадали розыскные дела. Спустя много лет секретарь Сыскного приказа Сергей Попов вспоминал, что в тот страшный день лишь немногие документы удалось вынести из огня, «понеже не токмо всех дел было можно сохранить, но едва и колодников через великую нужду выводом из острогу спасти могли»³⁷.

Помещения пришлось ремонтировать, а некоторые отстраивать заново, присутствие приказа даже было вынуждено временно переехать за Москву-реку в один из конфискованных дворов³⁸. Пока не были возведены новые деревянные острог и казармы, колодники содержались в различных местах, в частности на Калужском житном дворе и где-то возле Каменного моста³⁹. Но в 1737—1739 годах ремонт и реконструкция всех зданий были завершены.

Московские обыватели, подходя к Сыскному приказу, видели вытянувшиеся вдоль Москворецкой улицы два корпуса деревянных казарм (один — для содержания колодников, другой — для караульных солдат и офицеров), которые смыкались воротами, ведущими на территорию Сыскного приказа. За ними находился деревянный острог, вытянувшийся вдоль Москворецкой улицы на 13 сажень*, а в ширину на 15, вплоть до кремлевского рва. Внутри острога были расположены пять деревянных казарм для содержания колодников и «покаянная» (часовня для исповеди и причастия заключенных). Справа от острога (если смотреть в сто-

* Сажень — старая русская мера длины; в XVI—XVIII веках равнялась 216 сантиметрам, а в начале XIX столетия была приравнена к семи английским футам и стала составлять 213,36 сантиметра.

рону кремлевской стены), как раз напротив Константино-Еленинской башни Кремля, стояло двухэтажное каменное здание присутствия приказа. К нему со стороны кремлевской стены был пристроен бревенчатый пыточный застенок, а со стороны Москворецкой улицы и Москвы-реки здание ограждали два малых острожка, предназначенных для охраны колодников, содержащихся в подвальных помещениях. Так же как и Большой острог, они были сделаны из пятиметровых заостренных сверху бревен, на полтора метра вкапанных в землю и плотно связанных друг с другом. Острожки отступали от стен присутствия на два с половиной метра и тянулись почти по всей их длине: южный состоял из девяноста трех бревен и тянулся вдоль стены на пять саженей, а восточный, длиной в шесть саженей, был сооружен из 115 стоячих бревен. Вся эта огороженная малыми острожками территория вокруг здания с помощью внутренних перегородок разделялась на пять маленьких дворишков — три мужских и два женских, в каждый из которых вела отдельная деревянная дверь. Со всех сторон к постройкам Сыскного приказа вплотную примыкали обывательские дома и каменные торговые лавки, а на заднем плане величественно возвышались стены и башни Московского Кремля⁴⁰.

Как видим, Сыскной приказ занимал очень небольшую площадь, явно недостаточную для главного розыскного органа Москвы: всего около 30 саженей в длину, вдоль по Москворецкой улице, и около 20 саженей в ширину, от Москворецкой улицы до кремлевского рва. Трудно представить, как на ней одновременно могло находиться до шестисот закованных в кандалы заключенных, 20—50 чиновников Сыскного приказа и до 120 стоявших на карауле солдат и офицеров!⁴¹ Положение усугублялось тем, что приказ был со всех сторон зажат обывательскими строениями, которые местами залезали даже на его территорию. Со стороны Москворецкой улицы Сыскной приказ окружали каменные торговые лавки, где целыми днями толпилось множество народа, со стороны Покровского собора к зданию приказного присутствия вплотную примыкал крупный двор московского купца 1-й гильдии Алексея Зайцева, а

со стороны Москвы-реки Большой острог окружал дворы церковнослужителей церкви Всемилоственного Спаса, что у Москворецких ворот. Западная часть Большого острога, примыкавшая к кремлевскому рву, была отделена от здания присутствия двором московского купца 2-й гильдии Ивана Иванова сына Попова, торговавшего поблизости, в одной из лавок рыбного ряда⁴². Его двор тянулся вдоль кремлевского рва на девять саженей и углублялся на территорию Сысского приказа на шесть саженей⁴³. Сам купец проживал в Сыромятной слободе, а свой дворик у кремлевских стен он заставил каменными и деревянными строениями, которые приспособил под постоянный двор с харчевней, куда ежедневно приходило перекусить множество всякого люда⁴⁴. Согласно исповедной ведомости 1744 года, в этом маленьком дворике жили 14 постояльцев: пятидесятилетний купец 3-й гильдии Александр Петров с женой и сыном, трое оброчных крестьян с семьями, сторож Главной аптеки Иван Иванов с женой и двумя сыновьями и др.⁴⁵

Столь близкое соседство Сысского приказа с многолюдным постоянным двором с закуской не могло не вызывать беспокойство караульных офицеров. 20 января 1741 года сержант Сысского приказа Петр Дарановский доносил: «При Сысском приказе имеется острог для содержания воров и разбойников, а близ того острогу имеетца каменная вотчина купецкого человека второй гильдии Ивана Иванова сына Поподыина, которую вотчину оной Попадьяин умножил многим деревянным строением, и свесы зделал кровлям на самой острог, от чего возымеется немалое опасение, чтоб из острогу колодники не учинили утечек... К тому ж в тех покоях живут разночинцы, в том числе харчевники, у которых бывает топление тем покоям не токмо ежедневно, но всегда ежечасно. А на оных покоях вся крыша деревянная... И от оногo ежечасногo от показанных харчевников топления (от чего Боже сохрани!) не без опасности пожарногo случая и утечки из острогу колодникам...»

Судьи, князь Яков Кропоткин и Андрей Писарев, распорядились доставить соседа в приказ, презрительно назвав его в официальном документе Попадьеи: «...по-

казанного купца Попадью в Сыскной приказ сыскать, и против сего доношения допросить, чего ради он близ того острога от харчевни своей строение вновь без указа построил, и той харчевнею на показанном месте строением по чему владеет?». Купец Попов, видимо, весьма оскорбился таким к себе отношением, и судьи долго ждали, чтобы он явился для допроса. Когда же солдаты Сыскного приказа 6 мая 1741 года наконец «изошли» «нетчика» в Китай-городе в рыбном ряду и предъявили ему сыскную память (повестку), тот оказал сопротивление — забежал в лавку, где находилось множество купцов, и стал угрожать солдатам: «Ежели вы хотите быть живы, то взойдите в лавку и возьмите! А я с вами не пойду!»

Но вскоре купец всё же явился в Сыскной приказ и предъявил все документы, подтверждавшие его право на владение двором возле кремлевского рва. Оказалось, что Иван Иванов сын Попов в январе 1720 года купил двор с каменным и деревянным строением у Покровского монастыря, «что на убогих домех», за 70 рублей. Судьям оставалось лишь обратиться в Сенат с предложением выкупить двор у владельца за ту же сумму. Но Попов не согласился уступать владение за эту цену. По его собственной оценке, двор со всем строением стоил теперь 1236 рублей 50 копеек. Независимая экспертиза, в которой участвовали несколько купцов, оценила двор в 700 рублей⁴⁶. Такой большой суммы в казне не нашлось, и Иван Попов владел своим двором вплоть до перевода Сыскного приказа с Москворецкой улицы на Калужский житный двор в 1752 году⁴⁷. Таким образом, судьи главного розыскного учреждения Москвы равным счетом ничего не могли поделать с купцом, на законных основаниях владевшим куском земли на территории Сыскного приказа.

А между тем в самом Сыскном приказе катастрофически не хватало площадей для содержания огромного числа колодников, ежедневно присылаемых для следствия из различных присутственных мест и приводимых частными лицами. Так, в 1743 году здесь содержалось одновременно от 250 до 421 колодника, в 1744 и 1745 годах их число превышало 500 человек и позже

никогда не было меньше трехсот⁴⁸. В результате большого скопления арестантов их, за недостатком места в тюремных казармах, помещали в подъяческой и секретарской палатах.

Кажется, более неудобного места для содержания заключенных придумать нельзя: самый центр одного из крупнейших торгово-промышленных центров Европы, кругом кипит торговля, происходит людское столпотворение... Впрочем, обратимся за описанием центра Москвы тех времен к известному историку XIX века Г. В. Есипову:

«На Красной площади с раннего утра толпился народ между беспорядочно построенными лавками и шалашами; здесь, на крестцах, производилась главная народная торговля; здесь бедный и расчетливый человек мог купить всё, что ему было нужно, и за дешевую цену, начиная с съестных припасов, одежды и до драгоценных камней, жемчуга, золота и серебра. В уменьшенном виде это продолжается и теперь на толкучке у пролома. Вглядитесь в эту сплошную толпу и перенесите ее в своем воображении к Лобному месту и к монументу Пожарского и Минина, тогда не существовавшего, но вообразите толпу в десять раз более, и вот вам Красная площадь... В харчевнях, в пирожных народ толпился с утра до ночи, а в “фортинах” (кабаки) в продолжение всей ночи сидели пьяные. Харчевни и “выносные очаги” существовали не только вблизи рядов и гостиного двора, но и между рядов, в самых тесных местах, и внутри гостиного двора, от чего не один раз случались пожары. Так, в 1735 году от одного “выносного очага” сгорел весь гостиный двор. В харчевнях печи большей частью устраивались без труб, а дым выходил в окна. На Красной площади, против комедиантского дома, было три очага, в которых жарилась для проходящих рыба; в Зарядье, в рядах и около гостиного двора существовала 61 харчевня и 16 “выносных очагов”. Особенно было много харчевен и шалашей около Василия Блаженного, вниз к Москве-реке, против щепетильного и игольного рядов. Тут от них была “теснота для проезда”... “Питейные погреба” находились только в Китай-городе, их было 100, из ко-

торых 33 помещались идучи от Ильинского крестца к Варварскому»⁴⁹.

А теперь мысленно поместим учреждение уголовного сыска с переполненными тюремными казармами посреди этой картины, мастерски нарисованной блестящим знатоком документов XVIII века, а именно в нескольких десятках метров от Покровского собора, вниз к Москве-реке, напротив Константино-Еленинской башни Кремля. Помещения Сыскаго приказа были со всех сторон зажаты торговыми лавками, харчевнями и обывательскими строениями. Сотни колодников в казармах месяцами томились в ожидании своей участи. Из застенка раздавались крики подследственных, которым производили «указные пытки»: поднимали на дыбу, били кнутом, жгли огнем. И тут же, в нескольких метрах, шла оживленная московская жизнь: тысячи «людей всякого чина и подлого народа» толкались в рядах, пили в кабаках и закусывали в харчевнях... Для современного человека такое сочетание кажется диким, но для московских обывателей первой половины XVIII века это была обычная повседневная картина. Присутствие главного сыскаго учреждения Москвы вместе с тюрьмами у кремлевских стен никого не шокировало. (Впрочем, местоположение тюрьмы в самом центре города не было удивительным даже для иностранцев. Известная парижская тюрьма Шатле, где содержались заключенные по уголовным делам, находилась в самом центре французской столицы вплоть до начала XIX века.)

Однако в 1740-х годах происходят изменения. Различные учреждения начинают высказывать недовольство находждением сыскаго органа в самом людном месте города. Так, 24 ноября 1743 года Московская полицмейстерская канцелярия, призванная следить за чистотой и порядком в городе, прислала в Сысканой приказ промеморию, которая заслуживает того, чтобы быть процитированной полностью:

«Понеже, хотя по полицейской должности смотреть и велено, чтоб в Москве шуму и крику не было, тако ж бы иметь чистоту и сор чистить и возить за город и за слободы в поле, в ямы и в буераки, а на

Москве-реке никакого б помету и сору не бросать, и смрадного б духу не было, почему то смотрение и происходит. Однако, как ныне усмотрено, что имется в Китае-городе при Сыскном приказе колодников множественное число, которые просят милостыню с необыкновенным криком, почему разумеется, что оных быть в том Китае-городе никак не должно, ибо ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО по Высочайшему своему соизволению во время пришествия в Москве неретко изволит бывать во оном Китае-городе, при чем уже министры, тако ж и иностранные послы и посланники, и генералитет, и протчие знатные персоны бывают, которым не токмо от оно-го бываемаго крику быть в Китае-городе не должно, но более для одного испражнения, ибо имеющейся близ городской стены и полисадника ров почти весь наполнен, из которого то наполненное скарედство течет непрестанно в Москву-реку».

Руководители приказа признали обоснованность предъявленных претензий и провели внутреннее разбирательство. Оно показало, что, хотя деньги на очистку нужников регулярно выделялись, в кремлевский ров «помет течет из Большого острога, также и из прочих тюрем от колодников носят в тот ров ушатами». Но, правда, не один Сыскной приказ был виновен в загрязнении кремлевского рва. По соседству с его помещениями, ближе к Москве-реке, находились обывательские двory, «из которых домов по близости жилища во оной [кремлевский] ров помет течет же и валют всякий сор»⁵⁰.

Что же касается шума, который производили колодники прошением милостыни, на это возразить было нечего: сами судьи и канцеляристы немало страдали от него, но ничего поделать не могли. Из Большого острога колодники непрестанно зывали к проходящим по Москворецкой улице о подаянии, и запретить им делать это было невозможно. Но наибольшее беспокойство прохожим доставляли колодники одной из казарм (ее неизвестно почему прозвали Сомовой), окна которой выходили на Москворецкую улицу. Томившиеся в ней заключенные целые дни проводили возле окон.

В ноябре 1747 года сержант Сысского приказа Петр Дарановский донес, что содержащиеся в Сомовой казарме колодники, «отважа себя, проходящим в [Китай-] город и из [Китай-]города мимо той бедности* улицею разного чина людям кричат непорядочно, якобы прося милостыни, и многих, будучи на воле, знавали, и называют именами, и кто не подаст, то употребляют всякие угрожительные слова, от чего происходит не без попрекания». 4 ноября судьи приказа распорядились «ис казармы, что называется Сомова, колодников развесть по разным тюрьмам... а ту казарму вычистить, и в пристойных местах починить, и прорубить окна, и вставить окончины, и зделать дощатую дверь, а полощенные нары и полати осмотра, починить порядочно, и зделать печь, чтоб в той казарме быть караульным салдатом»⁵¹.

Итак, в ноябре 1747 года Сомова казарма была переделана в караульную. Отметим, что в доношении сержанта указывается на «попрекания» со стороны московских обывателей. Думается, вряд ли офицеры, охранявшие колодников, обратили бы внимание на недовольство каких-нибудь приезжих крестьян или мелких купцов и судьи отдали бы из-за этого распоряжение освободить от арестантов одну из казарм, когда и без того приказ испытывал острую нехватку в помещениях и время от времени вынужден был даже держать заключенных в канцелярских палатах. Скорее всего, «попрекания» высказывали влиятельные дворяне, которые уже не могли спокойно переносить ужасающий вид колодничьей казармы, из-за решеток которой высовывались страшные лица заключенных, просящих милостыню с «необыкновенным криком» и «угрожительными словами». Видимо, во второй половине 40-х годов XVIII века общественное мнение уже было готово добиваться удаления колодников подальше от центра Москвы, о чем свидетельствует и тот факт, что именно в это время было запрещено выводить колодников для прошения милостыни на связках (подробнее об этом речь пойдет ниже).

* «Бедностями» в XVIII веке часто называли арестантские казармы. Так, помещения для содержания женщин в Сысском приказе именовали «женские бедности».

Третьего июля 1751 года судьи Сысского приказа обратились в Сенат с доношением, в котором жаловались, что «приказ находитца... в самом тесном месте» и испытывает нужду в помещениях до такой степени, что «многие колодники содержатца в секретарской и подъяческой полатах, от чего не точию в летнее, но и в зимнее время бывает великая духота, к тому ж... и в произведении дел происходит не без помешательства». Члены приказного присутствия просили отдать в их распоряжение каменные помещения на Калужском житном дворе (в районе современной Калужской площади), которые ранее использовались Канцелярией ревизии душ мужского пола и в тот момент пустовали. 16 июля архитектору князю Дмитрию Ухтомскому было приказано осмотреть каменные постройки житного двора и оценить затраты на их ремонт⁵². Одновременно Московская сенатская контора намеревалась привести в порядок и помещения приказа на старом месте, для чего Ухтомский в мае 1752 года составил план реконструкции фасада зданий Сысского приказа.

Неожиданно 13 августа 1752 года из Петербурга пришел сенатский указ, по которому Сысскому приказу предписывалось «в самой скорости перебраться на Калужский житный двор». Деревянные острог и казармы на Москворецкой улице следовало немедленно снести, а на новом месте построить. Причем в сенатском указе особо отмечалось, что возводить новый острог следовало в глубине житного двора так, чтобы «с проезжих улиц как острог, так и казармы не столько видны были». Указ заповедовал на будущее: «И впредь во обретающихся в Москве коллегиях, и канцеляриях, и канторах, которыя находятца в Кремле, колодников отнюдь держать не велеть, а для содержания отсылать в тот острог... И накрепко смотреть, чтоб в Кремле колодников отнюдь ни одного содержано не было».

Это мероприятие было тесно связано со строительными работами, которые происходили в Кремле. В 1749—1753 годах по указу Елизаветы Петровны там под руководством архитектора Растрелли была возведена новая императорская резиденция. В результате перестроек, которые претерпел кремлевский ансамбль в

эти годы, Московская сенатская контора потеряла значительную часть своих старых помещений и была вынуждена подыскивать для себя новое место. В результате летом 1752 года было решено Московскую сенатскую контору перевести в помещения, занимаемые Вотчинной коллегией, Главным комиссариатом и Юстиц-коллегией. Комиссариатская контора переезжала в помещения Судного приказа, а тот, в свою очередь, должен был переместиться в апартаменты Сысского приказа на современном Васильевском спуске. Параллельно с решением проблемы размещения государственных учреждений в Москве центр города очищался от многочисленных колодников.

Сенатская контора после получения указа из Петербурга быстро приступила к воплощению его в жизнь. Уже 24 августа присутствие Сысского приказа было вместе с делами переведено на Калужский житный двор. Что же касается колодников, их было решено пока оставить в старом остроге на Москворецкой улице до тех пор, пока на житном дворе не будут отстроены новые острог и казармы.

Для разработки проекта нового острога была собрана специальная комиссия. В нее входили архитектор Василий Обухов и присутствующие Сысского приказа, Московской военной конторы и Московской губернской канцелярии (большинство помещений нового острога должны были занять арестанты именно этих учреждений). Все члены комиссии собрались на Калужском житном дворе и вместе размышляли над тем, каким образом лучше расположить острог и казармы, чтобы их не было видно с проезжих улиц, и при этом сохранить размещавшиеся на дворе казенные провиантские склады. Члены комиссии подсчитали, что только для содержания колодников Сысского приказа, Московской губернской канцелярии и Военной конторы нужно строить помещения вместимостью не менее двух тысяч человек. А поскольку для этого острог должен был достигать в длину 60 саженей и в ширину 40 саженей, несколько складских помещений всё же требовалось перенести. Внутри острога предлагалось либо построить комплекс казарм под одной крышей, напо-

добие морских казарм, либо сделать 12 «связей» по четыре казармы в каждой, то есть всего 48 казарм. После обсуждения за основу был принят второй вариант.

В начале декабря 1752 года строительные работы на Калужском житном дворе были закончены, а 10-го числа колодники Сысного приказа были переведены в новый острог. 12 декабря туда же были доставлены арестанты Военной конторы — для них на тюремном дворе было отведено десять казарм. По три казармы получили в свое распоряжение Московская губернская канцелярия и Юстиц-коллегия. Кроме этого, практически все московские учреждения (Московская сенатская контора, Камер-, Мануфактур- и Вотчинная коллегии и их конторы, Московская полицмейстерская канцелярия и др.) присылали своих колодников в этот острог⁵³.

Так в 1752 году на окраине тогдашней Москвы возник большой тюремный комплекс размерами 56×34 сажени. Столь масштабного места для содержания арестантов ранее в Москве не было. Прямой преемницей Калужского острога станет известная Бутырская тюрьма, спроектированная архитектором М. Ф. Казаковым, которая до наших дней является главным следственным изолятором Москвы. Эпоха, когда сотни человек находились в заключении, претерпевали пытки в Кремле и возле Красной площади, попрошайничали из окон и, закованные в кандалы, в изодранных рубахах выходили просить милостыню, безвозвратно ушла в прошлое.

Однако в интересующий нас период, во времена Ваньки Каина, Сысного приказа, главный розыскной орган Московского региона, еще располагался на старом месте — на современном Васильевском спуске, в непосредственной близости от кремлевских стен.

28 декабря 1741 года: день

Этот день в 1741 году пришелся на понедельник. Тем не менее в Судном приказе, Вотчинной коллегии, Коммерц-коллегии и многих других московских государственных учреждениях он был нерабочим. В рапорте о приходе и выходе присутствующих Юстиц-конторы

напротив 25—29 декабря стоит отметка: «Во оные числа заседания не было, а был праздник Рождества Христова, в которые и по Регламенту заседания иметь не велено»⁵⁴.

Но в Сыскном приказе 28 декабря было обычным рабочим днем. Судьи — действительный статский советник князь Яков Никитич Кропоткин, коллежский асессор Афанасий Сытин и капитан Андрей Писарев — явились в присутствие к семи часам «по полуночи» и отработали до двух часов «по полудни»⁵⁵. В какое время прибыли на службу другие сотрудники приказа, мы не знаем, но Генеральный регламент предписывал «канцелярским служителям, кроме... воскресных дней и господских праздников, сидеть по вся дни, и съезжаться за час до судей». Скорее всего, это требование соблюдалось, поскольку секретари должны были к приезду судей подготовить доклады, а для этого требовалось присутствие остальных приказных служителей — канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и писчиков.

Генеральный регламент 1720 года предусматривал следующий порядок действий по прибытии судей в присутствие: «Сколь скоро коллегиям в вышепомянутое время и часы соберется... то доносит и чтет секретарь всё в надлежащем порядке, а именно нижеписанным образом: перво публичные государственные дела, касающиеся его царского величества интереса, потом приватные дела. При обоих таких управлениях должность чина секретарского в том состоит, что ему на всех приходящих письмах и доношениях номера подписывать, и на них числа, когда поданы, приписывать, и об оных без всякого подлога или пристрастия по номерам и числам доносить, разве когда дела такие между прочими случатся, которые остановки иметь не могут, но вскоре отправлены быть имеют; и в таком случае порядок оной отставить, и об тех наперед доносить надлежит, которые нужнее».

Хорошо сохранившиеся протокольные книги Сыскного приказа показывают, что служащие главного московского розыскного органа в целом придерживались данного предписания.

В этот день судьи Сыскного приказа заслушали 13 до-

кладов: пять сделал секретарь Сергей Попов, четыре — секретарь Дмитрий Шарапов, три — Иван Богомоллов и один — Иван Григоров. По этим докладам присутствующие отдали девять текущих распоряжений и подписали два решительных протокола.

В первую очередь присутствующим доложили о присланных Московской сенатской конторой правительственных указах: о новой форме присяги при определении чиновников в службу, «о сложении доимок и штрафов и об отпущении впадшим в преступления вин», а также касаясь того, «ежели кто имеет деньги или пожитки бывшей фрейлины Юлии» (речь шла о Юлии Менгден, отправившейся в ссылку вместе с семейством свергнутого младенца-императора Ивана Антоновича. — *Е. А.*). Первые два указа доставил в приказ солдат сенатской роты Иван Лукьянов в пятницу 25 декабря, а последний принес солдат сенатской роты Федор Федоров еще во вторник 22 декабря⁵⁶. Но во вторник присутствовал один князь Яков Кропоткин (остальные судьи заболели), да и тот отъехал рано; в среду присутствия не было, так как судьи были на приеме у турецкого посла, а в пятницу был праздник Рождества Христова. Поэтому так и пролежали эти документы запечатанными до понедельника (распечатывать императорские и сенатские указы имел право только глава государственного учреждения). Главный судья Яков Кропоткин вскрыл пакеты, а секретарь зачитал указы вслух. После прочтения присутствующие отдали распоряжение: «...записать в книгу, взять в приказной стол и сообщить с таковыми присылаемыми указами, и о получении рапортовать, и секретарям и приказным служителям объявить с подпиской», — что и было исполнено. В Московскую сенатскую контору были в тот же день отправлены рапорты о их получении⁵⁷.

Канцелярские служащие Сысского приказа по очереди читали правительственные указы, подписываясь в специальном листе. Эти мелкие чиновники, видимо, не без интереса ознакомились с повелением новой императрицы: «...ежели кто имеет у себя какие пожитки или деньги фрейлины Юлианы Менгденовой, отданные от нее на сохранение или для отвозу и переводу по вексе-

лям куда, тако ж буде кто имеет на себе какие долги ее, те б люди объявляли о том... без утайки... под опасением за необъявление жестокого штрафа».

Между тем секретарь Сергей Попов докладывал судьям о поданном челобитье старосты дворцовой деревни Бабы Ожерелье с просьбой вернуть ему под расписку* содержащегося в Сыскном приказе крестьянина Устина Емельянова для отдачи в рекруты. Судьи распорядились челобитье «записать в книгу, взять к делу и, справясь, доложить». Затем Попов доложил о прошении подканцеляриста конторы иностранных дел Андрея Полозова определить его сына в копиисты Сыскного приказа. Судьи и в отношении этого дела приказали «записать в книгу, взять в приказной стол и, выписав из указов, доложить». Секретарь Иван Богомоллов сделал доклад о поданном 22 декабря заявлении полковницы Алены Степановны Хвостовой на своего крепостного Никиту Антипьева, подозреваемого в краже «домовой рухляди». Далее судьи заслушали сообщение о челобитье часовых дел мастера Варлаама Алексеева сына Бункина о краже из его дома настольных часов и приказали: «...приняв пошлины по указу, записать в книгу явочных челобитен впредь для ведома»⁵⁸.

Затем другой секретарь, Дмитрий Шарапов, представил к слушанию решительные протоколы по двум делам. Первое дело было заведено по жалобе вдовы княгини Авдотьи Ивановны Одоевской. Ее 23-летний домовый слуга Василий Артамонов в феврале 1741 года написал в господскую вотчину, село Лаву Алатырского уезда, местному колдуну Алексею Зайцеву письмо, в котором просил прислать в Москву (а жил он при своей госпоже в Китай-городе, близ Никольских ворот) «гадательную» книжку и различные травы с причудливыми названиями («Одолен глава», «Иван-змеца», «Кудрява» и пр.). Вскоре колдун сбежал, а в его доме между различными «непотребными письмами» с магически-

* В XVII—XIX веках заключенных отпускали из-под стражи не иначе как под расписку лица, возлагавшего на себя обязательство в случае необходимости представить освобождаемого следствию. Крепостных «на расписку» брали приказчики помещиков или монастырские стряпчие, а свободных городских жителей — родственники или хорошие знакомые.

ми заговорами было обнаружено и письмо Артамонова. Княгиня была так разгневана, что 17 декабря повелела немедленно отвести дворового слугу в Сыскной приказ, лично подписав челобитье, где обвинила его в «ереси». На допросе Василий признался, что действительно отправил письмо колдуну, но при этом утверждал: «...ереси и еретичества к заговорам и к порче и прочему ничему не умеет». 21 декабря Одоевская челобитьем объявила: «Я, именованная, тому Артамонову розыску (пытки. — Е. А.) не желаю, а оной мой человек подлежит для отдачи за вотчины в рекруты». 28-го судьи Сыскного приказа подписали протокол, по которому следовало Василию Артамонову «учинить наказание, бить плетьюми нещадно и, по учинении наказания, взяв с него, Артамонова, приводные деньги, для отдачи в рекруты отдать в дом оной вдове госпоже Одоевской с распиской». В тот же день Артамонов был выпорот в застенке, а затем передан служителю княгини Василию Федорову⁵⁹.

Второе дело касалось сына однодворца* Герасима Чубарова. Его привел в Сыскной приказ ученик Инженерной школы дворянин Федор Мартынов вместе со своим беглым крестьянином Герасимом Шумилиным, обвинив этих двоих в том, что они, приехав в его поместье в Московском уезде, обрезали веревки на колокольне церкви Рождества Христова на реке Выдре, чтобы никто не смог поднять тревогу, и попытались совершить церковную кражу. На допросах обвиняемые нарисовали другую картину происшедшего. Чубаров признался, что, живя в работниках у попа той церкви Климента Намумова, закрутил роман с поповной, которая «в разговорах говорила ему, что она пойдет за него замуж», поэтому он и подговорил крестьянина той деревни Герасима Шумилина помочь ему увезти зазнобу с ее пожитками. Секретарь Сыскного приказа Дмитрий Шарапов предложил решить дело, следуя указу от 29 июля 1729 года, предписывавшему не записанных в подушный оклад молодых людей долго не держать, а отправлять для оп-

* Однодворец — представитель особой социальной группы, фактически занимавшей промежуточное положение между мелкими помещиками и крестьянами. Однодворцы жили на окраинах и обязаны были нести охрану пограничья, получая за это небольшой (в один двор) участок земли, который обрабатывали своими силами.

ределения в военную службу в Военную коллегию. Судьи подписали протокол с резолюцией, по которой следовало «вышеписанного однодворческого сына Герасима Чубарова для определения в военную службу отослать при промемории Государственной военной коллегии в кантору и отдать с роспискою, понеже он по усмотрению Сысского приказа явился в службе быть годен... а на него, Чубарова, как показанной Шумилин воровства, так и по подписке приказных служителей от колодников оговоров ни от кого не явилось»⁶⁰.

В то время как члены присутствия заседали в судейской палате, в секретарскую из Штатс-канторы принесли предписание о выдаче священнику Никите Васильеву, определенному в Сысской приказ «для исповедования и увещевания колодников», 79 рублей 20 копеек заслуженного жалованья за 1737—1740 годы. Как только документ был подписан начальством, подканцелярист Семен Кочуков, находившийся у прихода и расхода денежной казны, произвел расчет с Васильевым. Наверное, 28 декабря 1741 года в доме священника был большой праздник: нечасто в его руках оказывалась такая сумма — деньги, заработанные за четыре года работы с заключенными⁶¹.

Этот самый обычный день из жизни Сысского приказа не оказался бы под нашим пристальным вниманием, если бы не одно обстоятельство. Именно тогда в приказе началось знаменитое «дело Ваньки Каина». В литературном описании приключений Ваньки Каина, якобы написанном «им самим при Балтийском порте в 1764 году», об этом событии рассказано следующим образом: «При том ходил по Москве и проводывал воров и разбойников, где кто пристанище имеет, потому что во оное время для покупки ружей, пороху и других снарядов в Москву многие партии приезжают, а как о многих сведал, то вздумал о себе, где надлежит, объявить, а помянутых воров переловить. Идучи по дороге из той Рогожской в город, спросил идущих, кто в Москве наибольший командир, коего искать мне велели в Сенате, почему я к Сенату пришел, в который в то же время приехал князь Кропоткин, коему подал я приготовленную мною записку, а во оной было написано, что я имею до

Сената некоторое дело, и хотя от меня та записка и взята была, однако резолюции по ней никакой не получил, токмо спросил, где оногo князя двор, в которой по случаю пришел, и, остановясь у крыльца, ожидал князя. Тогда вышел из покоев его адъютант, которого я спросил о объявлении о себе князю. Но адъютант столкнул меня с двора. Однако, не хотя я так оставить, пошел по близости того двора в кабак, в коем для смелости выпил вина, и обратно в тот же князя Кропоткина дом пришел, взошел в сени, где тот адъютант попал мне навстречу, которому я объявил за собою важность, почему приведен был перед того князя, который спрашивал о причине моей важности. Коему я сказал, что я вор, и при том знаю других воров и разбойников, не токмо в Москве, но и в других городах. Тогда князь приказал дать мне чарку водки, и в тот же час надет на меня был солдатский плащ, в коем отвезли меня в Сыскной приказ»⁶².

Повествование, видимо, действительно основано на устном рассказе Ваньки Каина, так как оно хорошо соотносится с повседневным контекстом этих декабрьских дней 1741 года. Как мы помним, 27 декабря в московских храмах был объявлен всемилостивейший указ о сложении недоимок и штрафов «и об отпущении впадшим в преступления вин». Он, по-видимому, очень впечатлил Каина. В его голове к вечеру того же дня созрело решение «о себе, где надлежит, объявить, а помянутых воров переловить». Хотя 27 декабря было неприступственным днем, Каин решил не терять времени до утра: если вовремя не донести, на тебя могут донести другие, и тогда сибирской каторги точно не миновать! Ванька зашел в кабак, выпил для смелости и отправился напрямиком на двор главного судьи Сыскного приказа Якова Кропоткина.

Князь Кропоткин действительно имел личного адъютанта; мы даже знаем из расходной документации Сыскного приказа, что на его содержание выделялась дополнительная прибавка к зарплате. Вот, например, запись о расходе за 17 июля 1741 года: «По присланной из Штатц-канторы асигнации действительному штацкому советнику и Сыскного приказу главному судье князю Якову княж Никитину сыну Коропоткину заслу-

женное жалованье со вступления ево в Сыскном приказе в дела декабря с 22 дня прошлого 740 году по рангу генерал-майора по табелю 720 году денежного и за рацион и на денщика ис пятисот двадцати девяти рублей пяти копеек, а имянно, декабря с 22 дня на 10 дней 14 рублей 20 копеек, на генварскую треть 741 году 176 рублей 55 копеек»⁶³. Адъютант, естественно, сперва не пустил Каина: Генеральный регламент 1720 года запрещал присутствующим принимать у себя на дому просителей по частным делам. Однако в случае, если кто-то заявлял о необходимости донести о каком-то важном государственном деле, чиновник любого ранга под страхом наказания был обязан его «немедленно пред себя допустить, и ему отповедь учинить и таковому не отказывать», а «караулу или служителям приказать, чтоб такого пустили»⁶⁴. Поэтому, когда Каин объявил адъютанту, что имеет за собой дело чрезвычайной важности, тот не посмел не доложить судье.

Видимо, сразу после того как Каин был доставлен в Сыскной приказ, дежурный копиист Алексей Матвеев помог ему составить доношение. Оно сохранилось до наших дней, правда, находится в очень плохом состоянии:

«ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАЯ ДЕРЖАВНЕЙШАЯ ВЕЛИКАЯ ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТ ПЕТРОВНА, САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ, ГОСУДАРЫНЯ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ.

Доносит Иван Осипов сын Каинов, а о чем мое доношение, тому следуют пункты.

1.

В начале, как Всемогущему Богу, так и Вашему Императорскому Величеству, повинную я сим о себе доношением приношу, что я, забыв страх Божий и смертный час, впал в немалое погрешение: будучи в Москве и в протчих городех, во многих прошедших годех машенничествовал денно и ночью, будучи в церквах и в разных местах, у господ, и у приказных

людей, и у купцов, и всякого звания у людей из карманов денги, платки всякие, кошельки, часы, ножи и прочее вынимывал.

2.

А ныне я от оных непорядочных своих поступков, напаятовав страх Божий и смертный час, всё уничтожил и желаю запретить ныне и впредь, как мне, так и товарищем моим, которые со мною в тех погрешениях обще были, а кто имяны товарищи и какова звания и чина люди, того я не знаю, а именам их объявляю при сем реестр.

3.

И по сему моему всемерному пред Богом и Вашим Императорским Величеством извинению я от того прегрешения престал, а товарищи, которых имена значит ниже сего в реестре, не токмо что машенничают и ис корманов денги и прочее вынимают, но уже я уведомился, что и вяще воруют и ездят по улицам и по разным местам, всяких чинов людей грабят и платья и прочее снимают, которых я желаю ныне искоренить, дабы в Москве оныя мои товарищи вышеписанных продерзостей не чинили. А я какова чину человек, и товарищи мои, и где, и за кем в подушном окладе написаны, о том всяк покажет о себе сам.

И ДАБЫ ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом повелено было сие мое доношение в Сыском приказе принять, а для сыску и поимки означенных моих товарищей по реестру дать канвой сколько надлежит, дабы оныя мои товарищи вперед как господам афицерам и приказным служителям и купцам, так и всякого чина людем, таких продерзостей и грабежа не чинили, а паче всего опасен я, чтоб от оных моих товарищей не учинилось смертных убивств, и в том бы мне от того паче не пострадать.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ, ПРОШУ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о сем моем доношении решение учинить. Декабря 27 дня 1741 году.

Доношение писал Сыскного приказа копеист Алексей Матвеев к поданию в Сыскном приказе.

Реестр

Иван Яковлев сын Жегалов	Алексей Майдан
Тимофей Васильев сын Чичов	Матвей Цыган
Денис Криворотов	Данила Артемьев
Тихон Белой	Иван Дикой
Прокофей Крымов	Григорей Смазной
Дмитрей Таракан	Иван Куфаев
Леонтей Васильев	Алексей Емельянов
Алексей Ляхов	Клим Васильев
Петр Камчатка	Григорей Расадин
Семен Панфилов	Козма Легас
Кандратей Иванов	Мина Иванов
Михайла Жулов	Иван Метла
Дмитрей Поспелов	Иван Сабакин
Савелей Прокофьев	Василей Еретчинин
Иван Плешивой	Петр Губан
Андрей Смирной	Леонтей Курсаков
Андрей Федулов	

А других которых имен не упомнит, при поимке объявлю имянно.

К сему доношению и реестру новой заведенной фабрики Андрея Еремеева ткач Семен вместо Ивана Осипова Каинова руку приложил по его прошению»⁶⁵.

После этого Ваньку Каина отдали под караул. Видимо, до утра его посадили отдельно от других колодников — иначе слух о новоявленном доносителе мог бы выйти за пределы Сыскного приказа и быстро распространиться по Москве.

Утром 28 декабря среди прочих дел в судейской палате был заслушан доклад секретаря Сергея Попова, который зачитал доношение Ваньки Каина. После этого секретарь наскоро занес на оборот доношения определение судей: «Записать в книгу, взять по повытью означенного подателя Ивана Каинова, приняв, отдать под караул и против сего доношения распросить обстоятельно, и ежели по сему доношению в роспросе утвер-

дится, то по показанию ево оговорных сыскивать, и спрашивать, и в спорных словах давать очные ставки, и с росписанием указов доложить неукоснительно». Под этой резолюцией судьи поставили свои подписи. Затем доношение Каина и определение судей были записаны в журнал входящих документов Сысского приказа под № 1778⁶⁶, а самого доносителя привели из-под караула в секретарскую палату для допроса.

Как мы знаем, здание присутствия Сысского приказа было двухэтажным. Первый этаж был разделен перегородками на три части: сени, подъяческую и секретарскую. Войдя по каменной лестнице с южной стороны (то есть от Москвы-реки), посетитель попадал в сени, где по всей длине стен были сделаны лавки. Здесь всегда было многолюдно: челобитчики, истцы и их поверенные, родственники заключенных ожидали своей очереди. Генеральный регламент 1720 года предусматривал разделение «прихожей каморы» на две части, чтобы «люди знатного характера (или чина) от подлых различены были и особливое свое место иметь могли»⁶⁷. С правой стороны были двери, ведущие в подъяческие и секретарские помещения, а с левой располагались чулан для «скорой поклажи опальной рухляди» и два нужника, очистка которых обходилась учреждению в 13 рублей в год⁶⁸.

Второй этаж разделялся на две половины: в одной располагалась судейская, где заседали присутствующие (туда вела отдельная лестница с улицы), во второй (в нее можно было попасть, поднявшись по лестнице с первого этажа) находилось помещение для содержания заключенных. Видимо, сюда сажали вновь прибывших арестантов, а значит, именно здесь провел ночь Ванька Каин. Около этого помещения висели часы, под ними стоял стол, на котором лежали два журнала для записи, соответственно, поступавших в Сысской приказ и освобожденных колодников. Тут постоянно дежурил часовой. К сожалению, журнал приводных заключенных 1741 года до нас не дошел. Но зато в архиве хранится журнал освобожденных. 28 декабря 1741 года в него были внесены три записи:

1741 г. 27 декабря

вселити вшишая. Гдрия прошу
 императорского величества
 молив доносилки рублине здри...
 дня 141 в доносилки пиа
 поспытть слича матовъ вв ипогашивъ
 вбвиши турмазъ пиа уь ссали сну рдти
Реестр
 вбвиши янолелъ ив рбалиовъ. алелуи
 пиморехъ вайховъ ив инд. мава и вбга снати
 Аля и привороттс замка аттисъ
 пихо б.блан вбвиши охномъ
 пронафи ирванд еригорехъ шахионъ
 Амири пиринд вбвиши ивфа едв
 левтени байхивъ алелуи вилель яновъ
 алелуи лавъ или байхивъ едв
 пвиръ налатти архиторехъ раисъ
 ивие пафаловъ нома левадъ
 надратени вбвиши мина вбвиши
 михока едла вбвиши моттв
 рмипури ивпвв вбвиши яванхи
 иашли пронафи байхивъ фимелиши
 вбвиши пвешивамъ пвиръ вбвиши
 аурени с мхиомъ левтени ивриановъ
 аурени ауреловъ
 яковъ лоттв ивд ивупвд поновъ
 яковъ вилановъ в.в.т.т.т.
 снли каинова

Въ итмъ Протв

Фрагмент доношения Ивана Каина в Сысной приказ с реестром его товарищей-«мошенников». 27 декабря 1741 г. РГАДА

«Дому вдовы княгини Авдотьи Ивановой дочери служитель Василей Исаев сын Артамонов, которой держался по челобитью ее, Одоевской, в писании в вотчину ее в Алаторский уезд в село Лаву к крестьянину Алексею Зайцову о зерменной гадательной тетрадке и о всяких разных травах. И по определению Сысского приказа освобожден со учинением наказания плетью, и отдан в дом оной госпожи Одоевской служителю с распискою. Приводные деньги взяты и отданы за сержанту (то есть исполняющему сержантскую должность. — Е. А.) Петру Дарановскому. Дело у Ивана Городкова. Петр Дарановской принял.

Того ж числа вотчины лейб-гвардии Преображенского полку капитана Николая Лопухина крестьяне Яким Матвеем, Данила Чернеченок, которые держались в отпуску колодника, а оного Лопухина крестьянина, и по определению Сысского приказа оные Матвеев и Чернеченок отосланы при понятых на двор оного Лопухина. Дело у Петра Донского.

Сего декабря 28 дня в дневанье канцеляриста Алексея Попова с товарищи в свободе колодников три человека»⁶⁹.

Ваньку Каина привели вниз по лестнице для допроса в канцелярские помещения.

Мы знаем, как в то время выглядели палаты Сысского приказа, поскольку главный судья князь Яков Кропоткин распорядился произвести в них ремонт. В счетном списке 1741 года содержатся сведения о расходах на ремонтные работы и закупку материалов и мебели. В секретарской и подъяческой палатах стены были выбелены известью, двери обиты красными полстями*, сделана новая печь и т. д. В судейской палате стены обили красным сукном, поставили специально закупленные дубовый стол и дубовую же дверь⁷⁰.

Часовой ввел доносчика в подъяческую палату — большую комнату со свежесвыбеленными стенами. Семь ее окон выходили на восток и на юг. Правда, Москворецкой улицы из окон первого этажа видно не было:

* Полсть (полость) — согласно словарю В. И. Даля, «толстый и плотный лоскут, иногда тканый (ковер), плетеный (половик), стеганный, чаще валеный, сбитый (кошма, войлок), или половинка звериного меха, на подстилку, на покрывку или завеску, отгорожу чего».

как уже говорилось, с восточной и южной сторон здания присутствия, на расстоянии двух с половиной метров от стен, были сооружены острожки, которые сильно мешали проникновению в канцелярские помещения дневного света. Поэтому в эти и без того темные зимние дни на каждом столе горели сальные свечи (кстати говоря, в декабре 1741 года в канцелярии Сысского приказа было израсходовано семь пудов свечей общей стоимостью 11 рублей 90 копеек)⁷¹. Обогревала помещение изразцовая печь с голландской заслонкой, топившаяся дровами. В подъяческой стояло шесть столов, за которыми работали рядовые канцелярские служащие Сысского приказа. Судя по пометам, которые они оставляли на текущей делопроизводственной документации, 28 декабря 1741 года здесь находилось не менее шестнадцати приказных служителей*: протоколист, шесть канцеляристов, четыре подканцеляриста и пять копиистов⁷². Надо думать, многие из них бойко писали, так что в помещении раздавался скрип перьев. В декабре 1741 года в канцелярии приказа было израсходовано пять стоп бумаги, два ведра чернил, два воза желтого и один воз белого песка**, а также воз можжевельника⁷³. По всей подъяческой — на столах, на подоконниках, в печурах*** и в специальных коробах, стоявших возле каждого стола, лежали, в связках и по отдельности, решенные и нерешенные дела⁷⁴.

Количество столов в комнате не было случайным. Вся канцелярия Сысского приказа подразделялась на

* В соответствии с Генеральным регламентом 1720 года канцелярия Сысского приказа состояла из секретарей, протоколита, канцеляристов, подканцеляристов и копиистов. Секретари контролировали всё делопроизводство и выступали перед судьями с докладами, а протоколист отвечал за протокольные книги. Канцеляристы, подканцеляристы и копиисты вели делопроизводство, а также осуществляли следственно-розыскные мероприятия, при этом четкого разделения функций между ними не существовало. Кроме того, в канцелярии трудились не включаемые в штат писчики — своего рода стажеры, обучавшиеся канцелярской работе и занимавшиеся главным образом переписыванием документов набело.

** Песком осыпали только что написанный лист для осушения чернил, а можжевельник, видимо, использовали для затирания подскобленных мест на бумаге. Белый, желтый песок и можжевельник по цене не отличались — в 1741 году стоили 15 копеек за воз.

*** Печура — здесь: ниша на внутренней поверхности стены.

шесть повытий (отделов). Служащие одного повытья (обычно три-четыре человека: канцелярист, подканцелярист и один-два копииста) занимали один большой стол с ящиками.

За одним из таких столов восседал повытчик — сорокалетний канцелярист Семен Иванович Кочуков из дворян. Его отец служил при царском дворе, но рано умер, оставив малолетнего сына. Достигнув совершеннолетия, Кочуков с 1716 года служил в различных государственных учреждениях, а в Сыскном приказе стал работать канцеляристом с самого его учреждения в 1730 году. В 1735-м его по сенатскому указу определили во временную следственную комиссию при Ярославской провинциальной канцелярии о пожаре в Рыбной слободе. Прослужив в Ярославле четыре года, Семен в 1739 году вернулся в Сыскной приказ и возглавил повытье. Когда в марте 1745 года Московская сенатская контора потребовала прислать в Тайную контору для следствия о сектантах канцеляриста, туда был отправлен не самый ценный сотрудник — пожилой Кочуков, уже потерявший профессиональные навыки (в Тайной конторе он был оценен как «негодный» и к делам не принят⁷⁵). Два года спустя, 19 ноября 1747-го, Семен Иванович подал прошение, в котором жаловался: «...ныне я, именованный, нахожусь весьма головой и глазами болен, и вижу мало, при том же и руками дряхл, и приказных дел за старостию, и за слабостию, и за имеющимися во мне болезнями быть и править не в состоянии». Канцелярист просил «за долговременную мою и беспорочную... службу за старостию и дряхлостию и за показанными от болезнями слабостями от дел с награждением ранга уволить и отпустить на свое пропитание в дом мой». Однако его не отпустили, пока он не сдал все имеющиеся в его производстве дела. Лишь 6 апреля 1750 года Кочуков получил из Сыскного приказа долгожданный аттестат для предъявления в Герольдмейстерской конторе: «...и с определения ево с 730 года в Сыскном приказе канцеляристом был при отправлении приказных дел беспорочно и без всякого подозрения, и в бытность у приходов и расходов денежной казны расходчиком начетов на нем нет, и ни за что не штрафован, и нахо-

дился в добрых поступках, и за оные ево долговременные беспорочные службы и за старость надлежит ево наградить рангом против губернских канцелярий секретаря, в чем мы и подписуемся». Семен Кочуков вырастил троих сыновей: в 1747 году старший, Степан, служил прапорщиком в Невском полку, средний, Семен, был сержантом Сибирского полка, а младший, Алексей, еще не достиг совершеннолетия и находился на содержании отца, обучаясь арифметике⁷⁶.

Но в 1741 году Семен Кочуков еще исправно исполнял свои обязанности и на него была возложена ответственная работа — контроль прихода и расхода денежной казны Сыскного приказа. Близ его стола находились короба со свечами и канцелярскими принадлежностями, а также сундук для хранения казны⁷⁷, возле которой постоянно дежурил часовой. Именно в этот сундук Кочуков складывал деньги, взыскиваемые за произведение дел, за освобождение колодников, за прием и запись явочных челобитных и т. п. В его обязанности также входили закупка канцелярских принадлежностей, выдача жалованья судьям, сторожам и заплечным мастерам (палачам), расчет с подрядчиками за чистку нужников и всякого рода ремонтные работы и т. д. Все статьи прихода и расхода тщательно фиксировались в специальных зашнурованных, запечатанных государственной печатью и скрепленных подписью секретаря книгах⁷⁸.

Семен Кочуков готовился передать казну другому канцеляристу, которого назначит присутствие для исполнения этих обязанностей. Поэтому 28 декабря 1741 года он, по-видимому, был занят пересчетом казны и составлением итогового доношения по приходу-расходным делам, которое будет заслушано в присутствии на следующий день⁷⁹. На его столе лежали счета⁸⁰ и приходу-расходные книги, а рядом сидел копиист, который под диктовку записывал цифры.

Возможно, этим копиистом был пожилой Макар Лукьянов. Он родился в далеком 1681 году⁸¹ и происходил из подьяческих детей. Служил «пищиком» (писчиком), а затем копиистом в Земском приказе, Московской губернской канцелярии и Московском провинциальном

суде. Когда был учрежден Сыскной приказ, Макар был назначен туда копиистом и проработал там много лет. Он был очень опытным чиновником, немало повидал на своем веку, но к концу 1741 года уже едва справлялся со своими обязанностями. В ведомости о чиновниках Сыскного приказа 1738 года ему была дана характеристика: «Стар, и крив, и другим глазом мало видит»⁸². Но это не помешало ему проработать в приказе еще десяток лет. В ведомости о чиновниках Сыскного приказа 1748 года его характеризовали следующим образом: «Стар, и дряхл, и крив, и писать не может». 31 января 1749 года Лукьянов обратился к судьям с доношением: «...ныне я пришел в великую старость, и глазами мало вижу, и за старостью моею желаю воспринять чин монашеский. У меня ж, именованного, имеется два сына, из которых один, большой, находится в военной службе, а меньшей, Николай, уже в совершенном возрасте, токмо к делам еще ни куды не определен». 14 апреля 1749 года Макар Лукьянов был отослан в Святейший правительствующий синод «для восприятия монашеского чина»⁸³.

За соседним столом сидел другой повытчик — подканцелярист Петр Волков (во всяком случае, в 1742 году он возглавлял повытье)⁸⁴. Он был прислан в Сыскной приказ 31 октября 1739 года, а до этого служил в Курске. Его работой в приказе были, кажется, довольны (в ведомости 1748 года напротив его имени стоит характеристика: «Должность свою правит, а находится всегда в болезни цинготной»⁸⁵). Более о нем ничего не известно, кроме того, что он был большим любителем табака, из-за чего однажды сильно пострадал. 19 февраля 1742 года в Сыскном приказе было зарегистрировано его челобитье с жалобой: «...сего февраля 18 дня пришел он, Волков, по выезде судей ис приказу на Варварскую улицу в полатку, в которой торгуют табаком, для покупки того табаку, и в то ж время в ту ж полатку пришед Конюшенной канцелярии, которой ныне у конного набору, копиист Илья Иванов сын Чистяков сам-пять незнаемо с какими людьми умышленно и бил ево смертно»⁸⁶.

Подчиненный Волкову 28-летний копиист Семен Протопопов, из подьяческих детей, в интересующий нас день на службе не был. О возможной причине его

отсутствия мы узнаем из ведомости о чиновниках Сысского приказа 1748 года, где напротив его имени стоит характеристика: «Оной Протопопов всегда пьян и неоднократно штрафован, и, бегая, в приказ не ходит, и у дел быть не годен». Не захотел прийти в этот день в присутствие и тридцатилетний копиист Василий Тупицын. Видимо, не случайно в той же ведомости ему была дана такая же нелестная оценка: «Василий Тупицын, из конюховых детей, в Сысской приказ определен копиистом в 731-м году; часто бывает пьян и чинит немалые шумства, и от приказу бегаёт, и у дел быть не годен»⁸⁷.

Зато на работу явился и подписывался под входящими указами семнадцатилетний копиист Алексей Леонтьев. Он начал служить копиистом в 1739 году в Берг-коллегии, а в 1740-м был определен в Сысской приказ. С ним связан один комический эпизод (правда, думается, жертве проделки молодого подьячего было не до смеха). 18 августа 1746 года явившийся в присутствие купец Лука Осипов «словесно объявил»: «...сего августа месяца четвертого да пятого чисел сего году приходил в дом ево из Сысского приказу копиист Алексей Леонтьев в небытность ево, Луки, к снохе ево Анне Ивановой дочери и говорил, чтоб де он, Лука, явился в Сысской приказ, понеже де имеется до него дело... и у снохи ево он, Леонтьев, взял денег десять копеек, и при том объявлял, ежели де не явится, то де прислано будет канвой немалой, от чего де она ево сноха пришла в немалой страх»⁸⁸. Видимо, это была далеко не единственная шалость копииста: в ведомости о чиновниках Сысского приказа 1748 года напротив его имени стоит характеристика: «Всегда находится в шумстве, и в приказ не ходит, и у дел быть не годен»⁸⁹.

Другое повытье возглавлял молодой канцелярист Алексей Смирной (Смирнов). Его служебная карьера началась здесь же, в Сысском приказе, в 1732 году с должности копииста, подчиненного Семену Кочукову. В 1737 году он был произведен в подканцеляристы, а в 1738-м назначен «к протокольному правлению» и получил подчиненного — копииста Егора Жукова. Оба чиновника «при том правлении имелись во исправности», и поэтому 9 января 1740 года начальством было опре-

делено «означенному подканцеляристу Алексею Смирнову за многие ево приказные труды быть канцеляристом и от протокольного правления уволить, а на место ево у протокольного правления быть копиисту Егору Жукову подканцеляристом, и для того их, Смирнова и Жукова, привести к присяге по указу». 23 января 1740 года Смирной и Жуков в соборе Василия Блаженного были торжественно приведены к присяге священником Никитой Васильевым⁹⁰.

Кстати говоря, 28 января 1741 года Жуков также находился в присутствии и расписывался в получении входящих бумаг. В ведомости 1748 года он получил отрицательную аттестацию: «Шумен, и многократно штрафован, и должность свою править не может, и имеетца в бегах, и у дел быть не годен». Его хотели было вместе с другими негодными служащими отправить из Сысского приказа в Герольдмейстерскую контору, но в начале 1749 года он умер⁹¹.

Третье повышение было под началом канцеляриста Ильи Васильева. Он начал государственную службу в 1719 году копиистом Земской канцелярии, а потом работал в Московской провинциальной канцелярии, Московском надворном суде, Московской губернской канцелярии, всегда находясь при «судных, розыскных, татийных, убийственных и интересных делах». В 1730 году, когда был учрежден Сысский приказ, Васильев был туда определен подканцеляристом к протокольному правлению. В 1735 году «за многие его приказные труды» он был пожалован в канцеляристы и назначен повытчиком. Надо полагать, к 1741 году Васильев уже накопил значительный опыт ведения уголовных дел, но в приказе почему-то были им недовольны. В ведомости 1738 года он получил такую оценку: «...за шумством приказные дела исправляет слабо». Правда, в июне того же года в Сысском приказе было «усмотрено», что он «от шумства воздержался и в делах своих исправляется». Однако в 1745 году, когда собирали временную Комиссию о раскольниках, канцеляриста Илью Васильева туда не приняли и отправили обратно в Сысский приказ с характеристикой: «Негодный и к делам незаобыкновенный»⁹².

Возможно, рядом с ним сидел подканцелярист Иван

Попов. Он начал служить копиистом в 1714 году в Земской канцелярии, а в 1719-м был среди московских чиновников, отправленных в Санкт-Петербург для определения в штат учреждавшейся там Юстиц-коллегии. В родной город он вернулся спустя шесть лет, будучи переведен в Московский надворный суд. После упразднения этого учреждения в 1727 году Попов был определен в Московскую губернскую канцелярию, где находился «у судных и розыскных дел», а в 1730-м был направлен в Сыскной приказ. В 1731 году «за приказной труд» его повысили до подканцеляриста, но на этом его карьерный рост прекратился, несмотря на то, что в Сыскном приказе его службу ценили (в ведомости 1738 года Попов получил положительную оценку)⁹³.

Быть может, в этом же повытье исполнял бюрократические обязанности и происходивший из подьяческих детей подканцелярист Василий Болтунов. Он начал службу в 1729 году в Главной дворцовой канцелярии, а спустя три года вырос до подканцеляриста, но в 1739-м попался «в написании себе в Дворцовые волости фальшивого пашпорта». Для следствия его прислали в Сыскной приказ, а пока шло расследование, его труд «за неимением приказных служителей» использовали в канцелярии. 28 декабря 1741 года Болтунов, как и другие канцелярские служащие приказа, расписался в ознакомлении с указом новой императрицы «о сложении доимок и штрафов и об отпущении впадшим в преступления вин»: «Василий Болтунов читал». Видимо, в этот день он размышлял, спасет ли означенный указ его самого от битья кнутом и сибирской ссылки. Спустя несколько дней он подал прошение, в котором попросил в силу «всемиловитейшего указа» освободить его от наказания и определить к делам в Сыскной приказ. Его просьба была удовлетворена: расследование дела приостановили, а самого Василия, выпоров плетьюми, оставили служить в приказе подканцеляристом⁹⁴.

За соседним столом располагался еще один повытчик — Нефед Попов, старожил Сыскного приказа: он начал службу в 1731 году копиистом, а к сентябрю 1737-го стал канцеляристом и повытчиком. В учреждении его ценили — в ведомости 1738 года напротив его имени

стоит оценка: «При делах быть достоин. Порученное ему дело отправляет неленностно, исправно, и никаких страстей, а именно пьянства и других худых поступков за ним не присмотрено»⁹⁵. Возможно, рядом с ним сидел копиист Андрей Боков. Он служил в Сыском приказе с момента его учреждения — сначала «пищиком», потом копиистом, а в 1733 году «за приказной его труд» определен подканцеляристом. В 1737 году Боков даже возглавлял повые, но его работой начальство было недовольно: в ведомости 1738 года отмечено: «...за шумством в делах правление слабое имеет». 28 декабря 1741 года Андрей Боков подписывался под сенатскими указами уже как копиист⁹⁶.

Тихий и скромный Семен Сизов появился в Сыском приказе в 1735 году, сначала исполнял обязанности «пищика», а затем копииста. По-видимому, его работой были довольны: и в ведомости 1738 года, и спустя десять лет его оценивали положительно. Но при этом за долгие годы службы он так и не поднялся выше копииста⁹⁷.

Его полной противоположностью был молодой и одаренный семнадцатилетний Дмитрий Аверкиев, который в этот день также был в присутствии. Он поступил на службу в Сыской приказ в 1739 году пятнадцатилетним подростком, сначала исполнял обязанности «пищика», а 23 января 1740 года в Покровском соборе был торжественно приведен к присяге в должности копииста. В том же году Аверкиев стал подканцеляристом, а два года спустя — канцеляристом. В марте 1745 года Московская сенатская контора требовала прислать из Сыского приказа в Тайную контору двух канцеляристов для следствия о сектантах. Когда Тайная контора забракела Илью Васильева и Семена Кочукова, в нее были отправлены лучшие канцелярские служители — канцелярист Дмитрий Аверкиев и подканцелярист Алексей Матвеев. А уже в мае 1745 года прокурор Сыского приказа Н. С. Безобразов жаловался в Сенат: «...когда оные канцелярист и подканцелярист взяты в ту комиссию, на которых почти вся канцелярия и прокурорские дела зависли»; «...без оных канцеляриста и подканцеляриста в Сыском приказе в произвождении дел

чинитца крайняя остановка и челобитчикам немалая волокита, а колодникам долговременное задержание». Короче говоря, Аверкиев, несмотря на молодой возраст, был незаменимым служащим, на котором держалась значительная часть канцелярской работы. Неудивительно, что в 1746 году сразу после возвращения в Сыскной приказ из Комиссии о раскольниках он был повышен до секретаря. В этом же году у него родился первенец. При своем московском доме Дмитрий Аверкиев имел одного дворового, а в Галицком и Ярославском уездах за ним числились 22 крепостные души мужского пола⁹⁸.

В интересующий нас момент подканцелярист Дмитрий Аверкиев находился в повытье протоколиста Петра Донского — «сильном звене» канцелярии Сыскного приказа. Под началом Донского служили надежные и ответственные копиисты Алексей Матвеев (рукой которого, как мы помним, и написано доношение Каина), Степан Молчанов, Иван Фомин и пятнадцатилетний копиист Алексей Донской, сын повытчика. Именно этому повытью, работа которого контролировалась секретарем Сергеем Поповым, и было поручено расследование «дела Ивана Каина».

Говоря о канцелярских служащих Сыскного приказа, нельзя не отметить одну немаловажную деталь. Начиная с указа от 23 мая 1726 года мелким чиновникам, производящим дела, не выдавалось жалованье — они должны были «довольствоваться от дел... с челобитчиков, кто что даст по своей воле»⁹⁹. Из приходо-расходных книг Сыскного приказа видно, что жалованье получали и судьи, и заплечные мастера, и сторожа, и прикрепленный священник. Но секретарям, канцеляристам, подканцеляристам и копиистам казна не выплачивала ни копейки вплоть до 1750 года¹⁰⁰.

Некоторые дела позволяют наглядно представить, каким образом канцелярские служители «кормились от дел». Так, летом 1737 года служители дома князя М. В. Долгорукова Матвей Сахаров и Андрей Тумасов привели в Сыскной приказ дворовую «женку» Марфу Герасимову, обвиняемую в поджигательстве. Позднее Матвей Сахаров жаловался, что секретарь Иван Набо-

ков начал его «устрашивать» и «приличать в винность», а канцелярист Осип Бровкин на допросе говорил ему туманные слова, которые были похожи на угрозы: «Ты хоть и приводец, а тем и хочешь прав быть». В то время, когда Сахаров и Тумасов доставили преступницу, судьи уже уехали, поэтому секретарь распорядился задерживать до утра как обвиняемую, так и обоих «приводцев». На следующий день, когда княжеские слуги уже были из-под караула отпущены и приехали в Сыскной приказ хлопотать о деле, секретарь Иван Набоков вышел в сени и между ними состоялся разговор, который Сахаров передал таким образом: «...просил с него... якобы за труды, и сказал, что де их то дело пахнет рублей пяти и шести, понеже де он по нем, Сахарове, по оному делу старание многое имел. На что де он, Сахаров, сказал, что у него денег нет, и обещал оному Набокову прислать муки две четверти*. И оной Набоков сказал, чтоб он прислал к нему три четверти. А Тумасову оной Набоков велел ему, Сахарову, молвить, чтоб он ему, Набокову, дал денег. И он де, Сахаров, сказал, что ему, Тумасову, денег взять негде, понеже он человек бедной. И Набоков де послал ево, Сахарова, ко оному Тумасову вторично, и велел как возможно сыскать денег. И оной Тумасов велел ему, Сахарову, сказать, что он тому Набокову челом бьет рублем. И Набоков ему, Сахарову, сказал, чтоб он, Тумасов, принес бы ему... сего июня 13 дня денег два рубли, и в том подтвердил, что он ли, Сахаров, по нем порука? На что он, Сахаров, сказал, что во оном он до сего дня порука... Да велел же оной Набоков, чтоб он, Сахаров, их накормил и купил икры да рыбы, и он, Сахаров, сказал, что де денег при нем не имеетца, а пришлет из двора. И того дня из двора рыбы, да калачей, да кунган пива он, Сахаров, к нему, Набокову, прислал». Секретарь же на допросе и очной ставке утверждал, что просил вовсе не пять рублей, а десять копеек «на пищу», которые Сахаров ему тотчас же дал и при этом задал вопрос: «Долго ль вы здесь пробудете?» — на который получил ответ: «До ночи, только есть будет нечего». Тогда Сахаров по-

* Четверть — здесь: русская единица объема сыпучих тел, размеры которой на протяжении веков менялись, к тому же различались по регионам. «Московская осьмипудовая четверть» в конце XVII — первой половине XVIII века составляла 131,04 килограмма.

обещал прислать им «из двора пообедать» и в тот же день передал «небольшой кувшинец ботвинья, да небольшое звено белужин на пример фунта три или четыре, да калачей на две копейки, да пива небольшое число, которое он, Набоков, с имеющимся в том приказе дневальными и прочими подьячими и ел»¹⁰¹.

Вот так, видимо, и «кормились от дел» канцелярские служащие Сыскного приказа. Явочные челобитные, в которых чиновники заявляли об украденном имуществе, позволяют думать, что «кормились» они очень даже неплохо. Так, секретарь Сыскного приказа Петр Вителев в марте 1741 года пожаловался, что у него из дома «воровскими людьми... с чердаков покрадено ветчины тридцать пуд, цена тридцать рублей, рыбы провесной пять пуд, цена шесть рублей»¹⁰².

Есть еще один важный момент, который нельзя упустить из вида, говоря об уровне жизни мелких московских чиновников. Состоятельные московские купцы охотно выдавали своих дочерей замуж за канцелярских служащих: они прекрасно понимали, насколько важно было иметь своего человека в таком учреждении, как Сыскной приказ. Так, отличавшийся «шумством» и неоднократно штрафованный канцелярист Сыскного приказа Иван Ульянович Городков (он также был на работе 28 декабря 1741 года) был женат на дочери купца Гостиной сотни Семена Максимовича Спиридонова Ирине Ивановой¹⁰³. Теща Городкова была дочерью купца Кожевницкой полусотни Ивана Федотова сына Вешнякова, которой ее мать, вдова Агриппина Григорьевна, в 1722 году завещала «двор в Москве в Кожевницкой полусотни, в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы з деревянным всяким строением, да двор в Кожевниках же со всяким же дворовым строением и кожевненным заводом»¹⁰⁴.

Впрочем, мы слишком долго задержали внимание читателей на канцелярских служащих, присутствовавших в подьяческой палате 28 декабря 1741 года. Между тем Ваньку Каина провели через нее на допрос к секретарю Сергею Попову.

Секретари сидели в отдельной, примыкавшей к подьяческой, комнате (секретарской) за одним большим

столом, на котором стоял календарь на 1741 год, лежали большие ножницы и прочие канцелярские принадлежности. Именно в секретарской в специальном мешочке, запломбированном печатью караульного офицера, хранились ключи от всех острогов и тюремных казарм. Возле этого мешочка с ключами круглосуточно по-сменно дежурили часовые, не позволявшие брать ключи никому, кроме караульного офицера. В секретарской было два окна, которые выходили на восточную сторону, на Москворецкую улицу. У стены стояли шкафы, за стеклами которых виднелись корешки «указных книг» (сборников законов)¹⁰⁵. Благодаря тому, что эти книги были в первую очередь вынесены во время пожара 29 мая 1737 года, а затем описаны вместе с другими уцелевшими документами, мы точно знаем, что именно стояло на полках книжных шкафов: печатное Соборное уложение 1649 года, печатная Кормчая книга 1650 года, рукописный сборник Новоуказных статей 1669 года, печатные Воинский устав и Артикул воинский, печатные сборники указов 1714—1728 годов, сборники присылаемых указов за 1730—1735 годы и др.¹⁰⁶

Секретари контролировали работу повытий, принимали деятельное участие в произведении дел и регулярно докладывали судьям обо всех делах и входящих бумагах. Мы уже знаем по именам секретарей, делавших доклады 28 декабря 1741 года, — Сергея Попова, Ивана Богомолова, Дмитрия Шаропова и Ивана Григорова. Впрочем, вряд ли все секретари присутствовали в комнате во время допроса Каина, поскольку они постоянно ходили в судейскую палату для докладов по текущим делам.

Ваньку Каина поставили перед секретарским столом, за которым восседал правящий секретарскую должность 44-летний канцелярист Сергей Попов. Он начал служить в 1716 году в Счетной рекрутской канцелярии, потом работал в Преображенском приказе, а затем в Приказе церковных дел, где и стал подканцеляристом. В Сыскном приказе Попов начал служить со времени его учреждения в 1730 году, а в декабре 1731-го за хорошую службу его повысили до канцеляриста. Еще в сентябре 1737-го он был назначен к отправлению сек-

ретарской должности на место состарившегося секретаря Василия Неелова, а в Московскую сенатскую контору было подано прошение о повышении Сергея Попова до секретаря. Но указ о пожаловании его в секретари воспоследовал только в 1744 году. У Сергея Попова был сын Николай, которому в 1741 году было три года. Когда он подрос, отец привел его служить в Сыскной приказ копиистом¹⁰⁷.

Сидевший рядом с Поповым копиист Алексей Матвеев приготовился записывать показания. Сначала Попов задал Каину вопросы, призванные установить основные факты его биографии (имя, возраст, происхождение, место рождения, настоящее состояние). После этого канцелярист перешел к доношению Каина, которое имел перед глазами. Доноситель подтвердил все его пункты.

Копиист Матвеев принялся за составление чистового «ропроса» Каина. В первую очередь он переписал автобиографические показания арестованного от третьего лица, затем основные пункты доношения, перенес весь список «товарищей» Каина, нисколько не изменяя его последовательность, и добавил некоторые дополнительные сведения о криминальной деятельности преступника, которые тот дал на допросе.

Для того чтобы «ропрос» возымел юридическую силу, обвиняемый должен был в нем «утвердиться» в присутствии судей. Сергей Попов, взяв в руки чистовик протокола допроса, повел Каина на второй этаж, в судейскую палату.

Как уже говорилось, туда вели две лестницы: одна каменная, на столбах, пристроенная с южной стороны здания¹⁰⁸, которой, видимо, пользовались судьи; по второй, внутренней, секретари по нескольку раз в день поднимались в судейскую для докладов и возвращались на рабочее место.

Канцелярист открыл сдвоенные дубовые двери и явил Каина «пред присутствующими». Согласно Генеральному регламенту 1720 года, судьи Сыскного приказа — князь Яков Никитич Кропоткин, Андрей Писарев и Афанасий Сыгин — сидели посреди комнаты за большим дубовым столом, покрытым алым сукном с шелко-

вой бахромой¹⁰⁹. Секретарь громко зачитал вслух «роспрос»:

«Иваном ево зовут Осипов сын Каин. От роду ему двадцать три года. Отец ево, Осип Павлов, тако ж и он, Иван, Ростовского уезду вотчины Гостиной сотни купца Петра Дмитриева сына Филатьева села Ивашева крестьяне. И жительство он, Иван, со оным отцом своим имел в том селе Ивашеве. И тому ныне лет с десять он, Иван, из того села взят в Москву в дом одного помещика ево Филатьева, и в том доме он, Иван, жил года с четыре. И тому ныне шестой год он, Иван, из дому одного помещика своего бежал и жил в Москве по разным местам. И с того времени, живучи в Москве, он, Иван, спознался с мошенниками, незнаемо какова чину, Иваном Жегалом, Алексеем Маданом, Тимофеем Чичовым...»

Во время чтения Ванька Каин так же, как и секретарь, стоял — сидеть перед судьями в присутствии могли только лица, имевшие чин полковника и выше. Пока Попов озвучивал длинный список московских воров, Ванька Каин мог осмотреться в судейской палате, стены которой были обиты красным сукном. Значительную часть массивного стола занимало новенькое резное зеркало (в декабре 1741 года мастеровой Андрей Назарьев вырезал его, а живописец Иван Андреянов разрисовал и позолотил¹¹⁰) — увенчанная орлом трехгранная призма, эмблема законности, специально введенная Петром I для размещения во всех присутственных местах Российской империи. На зеркале был наклеен печатный экземпляр грозного петровского указа от 17 апреля 1722 года: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде на свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть... Того ради сим указом, яко печатью, все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать против регламентов... Буде же кто сей наш указ преступит, под какую оговоркою ни есть ... тот, яко нарушитель прав государственных и противник власти, казнен будет смертью без всякой пощады»¹¹¹.

Здесь же, на крытом сукном столе, освещенном горевшими в подсвечнике благовонными свечами (в декабре 1741 года был закуплен фунт таких свечей), стояли чернильницы и дорогие лебяжьи перья¹¹², которыми члены присутствия подписывали приказы и определения. Судя по различному цвету чернил, используемых судьями для проставления подписей, чернильница была для каждого своя, то есть в Сыскном приказе исполняли предписание Генерального регламента: «Стол, при котором коллежные члены сидят, добрым сукном покрыт, и пред всяким членом чернильнице со всею принадлежностью»¹¹³. Стол украшали настольные часы, медный колокольчик¹¹⁴, календарь на 1741 год и печать Сыскного приказа¹¹⁵. Для того чтобы секретарь мог записывать судебские распоряжения и определения, справа располагался специальный секретарский стол¹¹⁶.

Над судебским столом обычно висел портрет государя. Но в данный момент изображение Елизаветы Петровны, пришедшей к власти чуть более месяца назад, еще не успели заказать, и почетное место на стене пустовало. (В декабре 1741 года никаких расходов на портрет новой императрицы не зафиксировано. Когда именно он был написан, неизвестно; но к 1756 году портрет уже пришел в негодность, и 16 декабря был заказан новый, «мерою и обширностью, каков в Камер-коллегии и в Корчемной канцелярии написан». Заказ выполнил служитель покойного князя Ивана Юрьевича Трубецкого Борис Архипов сын Коромышев. Кроме этого, ему было поручено отреставрировать «имеющийся в Сыскном приказе прежний портрет». Коромышев выполнил работу в течение месяца за 16 рублей¹¹⁷.)

В красном углу висели три иконы: образ Пресвятой Богородицы на холсте в позолоченной раме и два других образа в серебряных окладах. Перед ними теплилась медная позолоченная лампада. С левой стороны весь угол занимала изразцовая печь, в которой потрескивали дрова. На одной стене висело большое настенное зеркало, а у другой находились застекленные шкафы, в которых, как и в секретарской, стояли сборники законов¹¹⁸.

В судейской было три окна, которые выходили на восточную сторону. Несмотря на находившиеся рядом острожки почти четырехметровой высоты, со второго этажа можно было увидеть оживленную Москворецкую улицу, по всей длине которой вытянулся длинный ряд каменных купеческих лавок, и Зарядье.

Между тем правивший секретарскую должность Сергей Попов продолжал чтение протокола допроса Ваньки Каина: «...А других товарищей как зовут, не упомнит, и каких они чинов, не знает, только в лицо признать может. И с ними, будучи в Москве и в прочих городах, мошенничал денно и ночно: будучи в церквах и в разных местах, у господ, и у приказных людей, и у купцов, и всякого звания у людей вынимал из карманов деньги, платки шелковые, часы, ножи и табакерки. Да на Макарьевской ярмарке он, Иван, с вышеписанными товарищами был в четыре пойма*, да в городе Тихвине один поем, в городе ж Кашине один поем, да в городе Устюжине один поем, да в городе Гороховце один поем, в городе Вязниках один поем, да в городе Нижнем один поем, в городе Володимере один поем, у Троицы Сергиева монастыря в пять поимов, да в городе Дмитрове в два пойма. И в тех городех он, Иван, мошенничал же: вынимал у купецких людей из карманов кошельки с деньгами и платки шелковые и ножи и продавал в тех городах разным людям... А ныне он, Иван, мошенничать перестал и воровать не будет, а товарищи ево и по ныне воруют и в разных домех крадут пожитки, которых он, Иван, всех укажет. А которых имян он, Иван, не знает, и тех в лицо знает и укажет. В сем роспросе он, Иван, сказал сущую правду».

Когда «роспрос» был зачитан, между Каином и судьями состоялся разговор, после которого Попов на обороте «роспроса» написал: «Означенному Ивану Каину пред присутствующими чтен, и он, Каин, утвердился на сем роспросе»¹¹⁹.

Часовой вывел Каина и отдал под караул, а Попов остался для получения от судей устных распоряжений по

* Поем, поим (от *несов.* поймать, *сов.* поять — брать, взять) — здесь: количество преступлений.

этому делу. Когда он спустился вниз, в канцелярские помещения, копиист под его диктовку составил следующий документ:

«По указу Ее Императорского Величества Сысского приказа протоколисту Петру Донскому.

Инструкция, по которой чинить вам по ниже следующим пунктам:

1. Понеже сего декабря 28 дня Иван Каинов в Сысском приказе Ее Императорскому Величеству в воровствах своих принес извинение, и при том объявил таких же воров, где может он сыскать.

2. И для указывания оных воров послан с тобою оной Каин.

3. И где оной Каинов покажет означенных воров, живущих где в покоях, кроме знатных господских домов, по тому его показанию забрать всех.

4. А ежели он, Каинов, будет вам показывать на оные господские дома, то тех домов управителям: учинить вам по сей инструкции.

5. Кто по тому ево объявлению и показыванию взят будет, тех всех объявить при доезде своем в Сысском приказе. А будучи при том взяты означенных воров, обид и разорения не чинить под опасением штрафа — вам по Генеральному регламенту, а солдатам по Военному артикулу»¹²⁰.

После подписания этой инструкции секретарем Сергеем Поповым она была внесена в книгу исходящих бумаг и протолист Петр Донской расписался в ее получении.

28 декабря 1741 года: ночь

Возглавить первую операцию по сыску «товарищей» Каина поручили протоколисту Петру Донскому. Это был матерый 37-летний подьячий, уже не первый десяток лет занимавшийся расследованием уголовных дел. Он начал свою канцелярскую службу в 1714 году в десятилетнем возрасте в Приказе земских дел. В 1719 году молодой копиист был переведен в Московский надворный суд, где повышен до подканцеляриста. В 1727-м его перевели в Московскую губернскую канцелярию

и за прилежное расследование уголовных дел сделали канцеляристом. Когда в середине 1730 года уголовные дела передавали из Московской губернской канцелярии в учреждавшийся Сыскной приказ, туда вместе с прочими чиновниками перевели и Петра Донского. 26-летний чиновник к тому времени уже имел 16 лет стажа канцелярской службы, в том числе большой опыт работы с уголовными делами. Поэтому в Сыском приказе его быстро назначили править должность протоколиста, а в феврале 1736 года из Сыского приказа в Московскую сенатскую контору было подано доношение с просьбой повысить Донского до секретаря, поскольку он «к розыскным делам заобычный и секретарем быть достоин». Но этого назначения он дождался лишь в 1746 году.

У Петра Донского было три сына. В 1741 году старшему сыну, Алексею, исполнилось 14 лет, среднему, Петру, — семь, а младшему, Сергею, — пять. Всех их, конечно, также ждала служба в государственных учреждениях. В 1754 году Алексей уже был секретарем в Раскольнической конторе, а Петр и Сергей копиистами, один в Правительствующем сенате, а другой в Соляной конторе. Алексей Донской впоследствии дослужился до надворного советника и выдал свою дочь Елизавету за тульского помещика прапорщика Алексея Андреевича Хомякова, родственника известного философа-славянофила А. С. Хомякова. Однако брак оказался несчастливый: в 1781 году прапорщик Хомяков убил свою жену¹²¹.

В святочный день 28 декабря 1741 года семейство Петра Донского не дождалось отца домой. Как только наступила ночь, он отправился вместе с четырнадцатью солдатами и новоявленным доносителем Ванькой Каином для сыска и ареста его «товарищей». О деталях этой операции мы знаем благодаря сохранившемуся «доезду» Донского. Это своего рода отчет о проведенном сыске, который подавал канцелярский служитель всякий раз, когда он посылался с солдатами для задержания подозреваемых лиц. В нем сначала приводилось основание для сыска (как правило, цитировалась инструкция, данная из Сыского приказа); затем указывалось, в каких домах удалось побывать и каких людей

арестовать; наконец, отмечалось, какие подозрительные вещи были обнаружены в домах или в карманах подозреваемых. В конце приводился список солдат, участвовавших в сыске, после чего руководивший операцией канцелярский служитель ставил свою роспись, а вместо неграмотных солдат подписывался какой-нибудь чиновник Сыскного приказа.

Донской подал свой «доезд» 29 декабря 1741 года, на следующий день после операции. Из этого документа мы узнаём, что Ванька Каин не заставил протоколиста и солдат далеко ходить... Впрочем, пусть чиновник сам расскажет о том, где ему пришлось побывать этой морозной зимней ночью: «1741 декабря 28 дня ПО УКАЗУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и по данной мне, протоколисту Петру Донскому, инструкции велено мне с явшимся доносителем Иваном Каиновым, которой в воровствах своих принес извинение, итти, где он, Каин, покажет таких же воров, и тех воров забрать всех. И по тому ево показанию я, Донской, с салдаты ходил, и он, Каин, указал мне в Китае-городе, в Зарядье, незнаемо чей двор, а сказал, что в том доме живут товарищи ево мошенники. И в том доме взяли по указыванию ево, Каинову, становщика слепого Андрея Федулова сына Букатенка, Кизяка он же, да жену ево Пелагею Никитину дочь, да мошенников...» Далее шел перечень имен шестнадцати человек мужского и женского пола¹²².

Итак, Ванька Каин повел членов экспедиции по захвату преступников в Зарядье — древний район Москвы, расположенный между Москворецкой улицей, Варваркой и Китайгородской стеной (она тянулась вдоль Москворецкой набережной, а затем поворачивала на север и шла вверх, вдоль нынешнего Китайгородского проезда). В Зарядье с Варварки вел Кривой переулочек, который спускался вниз к реке от церкви Великомученика Георгия, доводил до церкви Зачатия Анны, что в Углу, а затем плавно переходил в Мокринский переулочек. Последний шел параллельно Варварской улице и Китайгородской стене до Москворецкой улицы. От Варварки к Мокринскому переулочку спускались Псковский и Зарядьевский переулочки, а выше Мокринского, параллельно

Варварке, проходили Мытный, Большой Знаменский (впоследствии — Елецкий) и Ершов переулки.

По переписной книге московских дворов 1742 года в Зарядье насчитывалось 67 дворовых мест, в том числе 46 жилых дворов, восемь пустырей, четыре кладбища (при церквях Николая Чудотворца Мокрого, Ирины Мученицы, Зачатия Анны в Углу и Николая Чудотворца в Углу), четыре архиепископских подворья (смоленского, воронежского, белгородского и нижегородского архиереев), монастырское подворье (Вознесенского монастыря), две харчевни, «питейная фортина» (кабак) и государственное учреждение — Иностранная контора¹²³.

Самые ранние исповедные ведомости Китайгородского сорока* показывают, что Зарядье к 1740-м годам было так густо заселено, что напоминало муравейник. В одном только приходе Великомученика Георгия в девяти дворах проживали 133 человека (заметим, что это только официально зарегистрированное население, в реальности же число жильцов было намного больше). Так, в маленьком дворе при церкви, кроме самого «попа Ивана Васильева» и его жены Ефросиньи Абрамовой, проживали 18 человек: 47-летняя вдова подьячего Татьяна Георгиевна; сорокалетний оброчный крестьянин Георгий Тимофеев с женой Анастасией, четырехлетним сыном и двенадцатилетней дочерью; 39-летний купец Илья Федоров с женой Степанидой; семидесятилетняя вдова «фабричного» Суконной мануфактуры Ирина Михайлова с тридцатилетней снохой Феклой и др.¹²⁴ Во время переписи зарядских дворов осенью 1742 года этот густонаселенный дворик был обмерен. Оказывается, он занимал по Варварке всего шесть сажений в длину и простирался на пять сажений в глубину, то есть имел площадь всего 30 квадратных сажений¹²⁵.

На расположенных по Кривому переулку подворьях Вознесенского монастыря и смоленского архиерея в 1740 году ютились 68 человек (обслуживающий персо-

* Сорок — здесь: церковная административно-территориальная единица, благочиние, в которое входили приходы. В Москве насчитывалось семь сороков: Кремлевский, Китайгородский, Срегенский, Никитский, Замоскворецкий, Ивановский и Пречистенский.

нал подворий, церковнослужители, а также жильцы — оброчные крестьяне, купцы, «фабричные», отставные солдаты, солдатские вдовы и др.)¹²⁶.

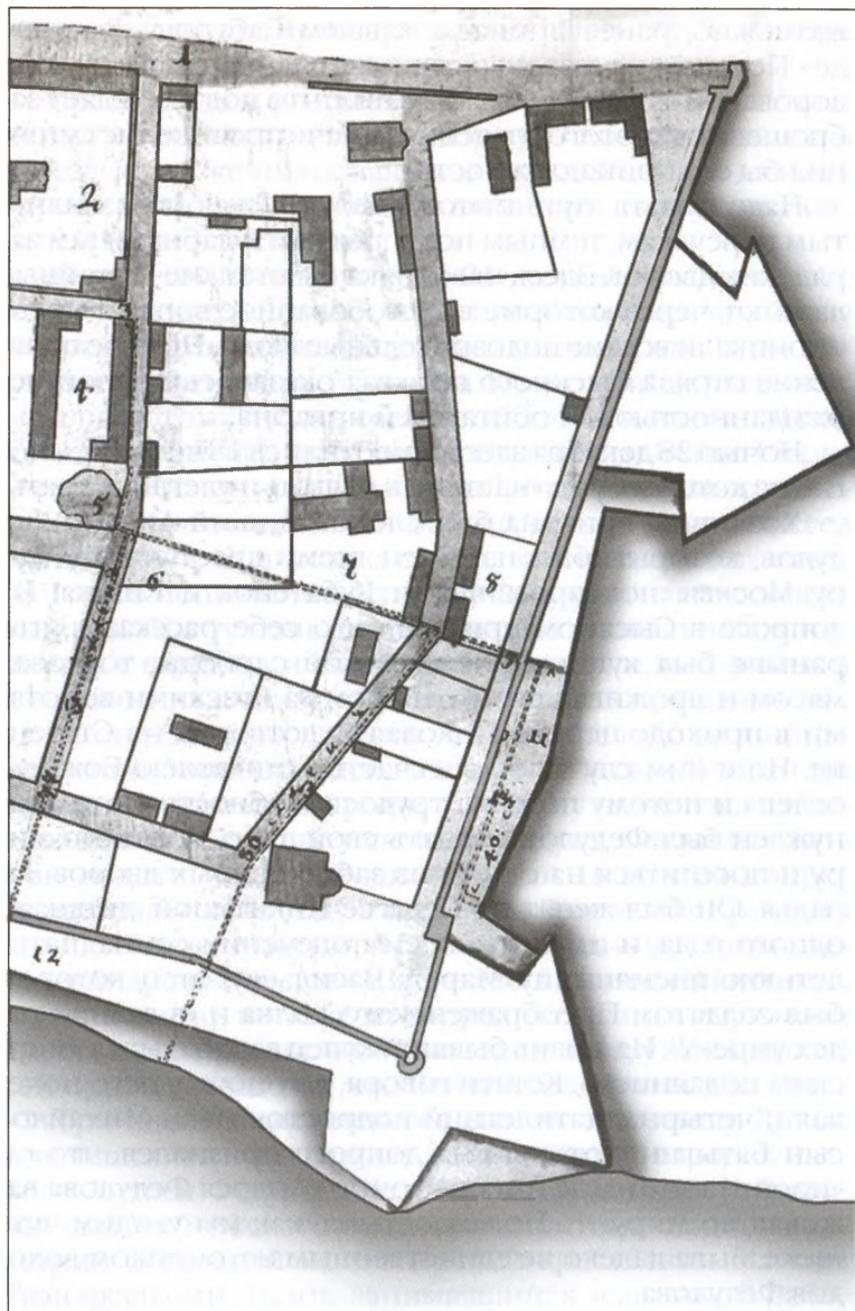
Чуть дальше по Кривому переулку, в приходе Зачатия Анны в Углу, согласно исповедной ведомости 1748 года, было десять дворов, в которых только легально проживали сто человек. Так, на церковной земле храма Зачатия Анны, где располагались три маленьких дворика церковнослужителей, имели жилища почти четыре десятка обывателей. В первом дворике жил пятидесятилетний священник Гаврил Феофилактов с двумя дочерьми, домовою работницей и восемью постояльцами: оброчным крестьянином Алексеем Кирилловым с женой и сыном, оброчным же Алексеем Афанасьевым с женой, купцом Иваном Андреевым с женой и сыном. Рядом находился дворик тридцатилетнего дьякона той же церкви Ивана Иванова и его жены. Здесь нашли приют семь жильцов: оброчный крестьянин Петр Якимов с женой и «фабричный» Большого суконного двора Игнатий Никитин с женой, двумя сыновьями и племянником. В третьем дворике 47-летний дьячок Василий Иванов, имеющий жену и сына, приютил 11 жильцов¹²⁷. Просвирня Ксения Юдина проживала в пристройке, приделанной к печуре в Китайгородской стене для размещения пушек. Еще в июне 1710 года ее предшественница Елена Викулова просила позволения пристроить к печуре хижину: «Державнейший царь государь милостивейший. По твоему государеву указу мое строение в Китай-городе в приходе церкви Зачатия, что в Углу, разломано, и ныне мне, бедной просвирнице, жить стало негде и нанять не на что. И у того ж приходу близ тоя церкви есть Китай-города в городской стене печура порозжая. И без твоего государева указу в той печуре построитца я, нижайшая раба твоя, не смею. А в той же городской стене иные жители в таких же печурах построились... и ныне они живут. А мне, бедной и скудной, инде где жить или строица в ыном месте не мочно, потому что я у тоя церкви Божей работаю в просвирницах з двенатцать лет. Всемилоостивейший государь, прошу Вашего Величества, вели, Государь, мне, бедной, близ тоя церкви построитца в городской печуре для приюту, чтоб мне, бедной, было

где приютитца и твоево государского богомолия и тоя вышписанные церкви не отбыть, и о том мне свой Государской милостивой указ учинить». На этом прошении стоит резолюция: «Велеть ей построить, как иным таким убогим дано». С тех пор все просвирни церкви Зачатия Анны в Углу так и обретались в этой убогой хижине¹²⁸.

Такие маленькие густонаселенные дворики и хижинны в Зарядье соседствовали с несколькими крупными дворами знатных господ, на которых обитало множество крепостных дворовых людей. Так, в Кривом переулке с левой стороны, если идти от Варварки, сразу за Вознесенским подворьем, находился двор генерал-майора Ивана Ивановича Бибикова. Напротив него располагался огромный двор «генерала, кавалера, лейб-гвардии Семеновского полка подполковника и Ея Императорского Величества генерала-адъютанта» Андрея Ивановича Ушакова общей площадью более 4500 квадратных саженей. По соседству с начальником Тайной канцелярии Ушаковым во дворе площадью около 430 квадратных саженей проживал советник Иностранной конторы Иван Иванович Топильский с женой Пелагеей Тимофеевной в окружении двадцати трех крепостных слуг. Если свернуть в Мокринский переулок и пройти по направлению к церкви Николы Мокрого, можно было увидеть большой двор Никифора Кондратьевича Вяземского, бывшего воспитателя царевича Алексея¹²⁹.

С крупными богатыми дворами в Зарядье причудливо перемежались «пустые дворовые места», не восстановленные после пожара 29 мая 1737 года. По переписи 1742 года в Зарядье насчитывалось семь таких мест общей площадью около 2500 квадратных саженей.

Возможно, на один из таких запущенных дворов и привел Ванька Каин Петра Донского с солдатами. Некоторые арестованные на допросах показали, что их воровской притон находился в Зарядье на территории двора Петра Сабурова¹³⁰. Однако ни в переписи зарядских дворов 1742 года, ни в исповедных ведомостях Китайгородского сорока 1740-х годов владение Сабурова в Зарядье не фигурирует. Поэтому скорее всего речь идет об одном из брошенных после пожара дворов,

План части Зарядья. Цифрами обозначены: 1 — улица Варварка; 2 — Знаменский монастырь; 4, 6, 7, 8 — дворы сановников И. Е. Вяземского, И. И. Топильского, А. И. Ушакова, И. И. Бибикова. Составитель И. Ф. Мичурин. 1739 г. РГАДА

возможно, ранее принадлежавшем Сабурову. В «доезде» Петра Донского владелец двора, где расположился воровской притон, назван не был, что подтверждает заброшенность этого владения (иначе протоколист уточнил бы его принадлежность).

Надо думать, путь к этому двору лежал по извилистым переулкам, темным подворотням и лабиринтам рядских дворов. Здесь наверняка были какие-то тайные лазейки, через которые в облюбованное ворами место проникали всякие подозрительные люди. Ночное появление отряда Сыскного приказа оказалось полной неожиданностью для обитателей притона.

Ночью 28 декабря здесь приютились 18 человек, многие из которых уже «напились пьяны» и улеглись спать.

Хозяином притона был слепой нищий Андрей Федулов, который был известен всему преступному миру Москвы под прозвищами Кубатенок и Кизяка. На допросе в Сыскном приказе он о себе рассказал, что раньше был купцом Алексеевской слободы, торговал мясом и проживал своим двором за Яузскими воротами в приходе церкви Николая Чудотворца на Студенце. Но с ним случилось несчастье: он «волею Божиею ослеп» и потому потерял трудоспособность. Вот и вынужден был Федулов продать свой двор, пойти по миру и поселиться на одном из заброшенных дворов Зарядья. Он был женат на Пелагее Никитиной, двадцати одного года, и имел на своем попечении семнадцатилетнюю племянницу Марфу Васильеву, отец которой был солдатом Преображенского полка и «в давних годах умре»¹³¹. На жизнь бывший купец зарабатывал «мирским подаванием». Кстати говоря, в ту ночь у него ночевал и четырнадцатилетний подросток Иван Михайлов сын Батыгин, который на допросе признался, что он «пропитание ныне имеет — оного Андрея Федулова жививал по миру»¹³². Но милостыня, как мы увидим чуть ниже, была далеко не единственным источником доходов Федулова.

Детали обстановки его жилища неизвестны, кроме той, что в эту зимнюю ночь его обогревал «истопок» (при обыске «на истопке, в земле» были обнаружены «два палаша солдацкие без ножен да кортик»¹³³). Зато

мы знаем, что кроме Федулова и его близких 28 декабря 1741 года здесь ночевали еще 14 человек.

Прежде всего, в «палате» бывшего купца были схвачены «мошенники» (то есть воры) — так они названы в «доезде», так же их назвал на допросе Федулов, да и сами они в Сыскном приказе повинились в многочисленных «мошенничествах».

Кондратий Федоров сын, 25-летний «фабричный», по прозванию Безрукий, на допросе показал, что жил у Андрея Федулова уже несколько месяцев, при этом хозяин и его жена «про то, что он, Кондратий, мошенник... ведали, потому что он сам им об этом сказывал». Двадцатилетний купец Алексеевской слободы Степан Гаврилов сын Жижин жил у «Андрея Слепого... с месяц... заведомо, что он мошенник». Беглый рекрут Иван Елисеев сын Буханов, «Харахорка он же», пятнадцати лет, «заведомо, что мошенник», остался у Федулова на ночь в первый раз. «И в ту ночь, пришел из Сыскного приказа подъячей с салдаты, и ево, Харахорку, взяли, и хозяина, и жену ево, и прочих и привели в Сыскной приказ», — показал он на допросе. Купец Казенной слободы двадцатилетний Михайла Васильев сын Рубцов, «Голован он же», мог считаться старожилом: «тому ныне года с полтора живет в Зарядье у слепого Андрея Федулова». Беглый солдат Максим Родионов сын Попов на допросе показал: «...сего году в праздник Рождества Христова пришел де он, Максим, в дом к приводному с ним слепому Андрею Федулову, к жене ево, Пелагее Никитиной, по знакомству, понеже де наперед сего с ним торговали вместе съестным харчом. И жил де у него, у жены ево по сей привод заведомо, что беглой солдат и мошенник». «Фабричный» Иван Алексеев сын по прозвищу Дикой признался, что «недели две живет в Китай-городе у слепого Андрея Федулова без поручной записи»¹³⁴. Замыкал список мужского населения притона семнадцатилетний оброчный монастырский крестьянин Максим Тимофеев сын Лылов, занимавшийся «сапожной работой» и проживавший в Кожевниках. Накануне в Зарядье он повстречался с Федуловым, который звал его к себе в гости. В хижине слепого нищего в компании «мошенников» Максим Лылов «напился пьян» и лег спать, и тут

неожиданно нагрянули солдаты¹³⁵. Кстати говоря, Андрей Федулов на допросе показал, что крестьянин Максим Лылов «пришел к нему в гости по знакомству для того, что жена его (Андрея. — Е. А.) строчила на него подрядные сапожные голянищи».

Кроме них, в «палате» этой ночью оказалось несколько временных жилищ Андрея Федулова. Солдатская вдова Аксинья Иванова дочь, после смерти мужа (он был солдатом Семеновского полка) скитавшаяся «по разным местам», в декабре 1741 года устроилась к «слепому Андрею Федулову, у которого жила «без поручной записи и без записи съезжего двора», а зарабатывала на жизнь шитьем «на разных людей платья». На допросе она утверждала, что «мошенников... не знает и заведомо краденого не покупала». Ее дочь Степанида Ивановна, послушница Страстного монастыря, на дни Рождественского сочельника была отпущена для свидания с матерью и вместе с ней была схвачена в хижине Андрея Федулова и приведена в Сыскной приказ. Тридцатилетняя вдова солдата Вятского пехотного полка Ирина Яковлева дочь вначале «мотала шелк» на одной из московских мануфактур, при которой и жила, потом около года была в работницах у мучника Семена Максимова на Таганке, но летом 1741 года от него «сошла» и поселилась у Федулова. Характер своих занятий в последние месяцы она не уточнила, но зато призналась, что «в тот дом приходили ко оному слепому мошенники... и про то, что они мошенники, она, Арина, ведала, а о том нигде не доносила простотою своею».

Екатерина Васильева дочь, 22-летняя купеческая вдова, знавала лучшие времена. Пока был жив ее муж, купец Большой Садовой слободы Иван Васильев, она жила на Панкратьевской улице в своем доме, но после его смерти в 1739 году молодая вдова была вынуждена продать свой двор и выселиться из слободы. Она переехала за Красные ворота и устроилась на шелковую мануфактуру Ивана Панфилова, где жила без поручной записи и «мотала шелк на пряжу». Но потом она с той мануфактуры «сошла» и нашла пристанище «в Зарядье по сему делу у приводного слепова без поручной записи и без объявления съезжаго двора». При этом она утверждала,

что, «живучи у того Федулова... блудного дела ни с кем не чинивала и ко оному Федулову в дом хаживали разных чинов люди, а что они мошенничают, про то она, Катерина, не знает и краденого у них заведомо и незаведомо ничего не покупывала».

В гости к Екатерине в этот день пришла ее кума, восемнадцатилетняя солдатская дочь Анна Иванова. Ее отец, солдат Псковского пехотного полка Иван Леонтьев, находился в службе при своем полку в Санкт-Петербурге, а она жила у своей тетки, вдовы Анны Епифановой дочери, за Никитскими воротами в приходе церкви Воскресения Христова. На допросе Анне пришлось давать показания, что «в том доме она... блудно ни с кем не живала и про то, что в том доме мошенники живут, она, Анна, не знала». Солдатская вдова Арина Федосеева дочь была более информированной. После того как ее муж, артиллерийский канонир Иван Чирков, был убит при взятии крепости Очаков летом 1737 года, Арина мыкалась «у разных людей», пока не поселилась в хижине Андрея Федулова. Если верить ее показаниям, она зарабатывала на жизнь «мытьем на разных людей рубах». На допросе Арина призналась: «...приводные по сему делу Иван Дикой, Михайла Голован, Степан Жижин, Кандратей Безрукой к нему, Андрею, хаживали, а про то, что они мошенники она, Арина, ведала», а «о том машенничестве не доносила простотой своей, а более того она, Арина, ни за кем воровства никакова не знает... и у показанного слепова сводства никакова не видывала».

В результате облавы в Сыскной приказ попала и одна замужняя дама — девятнадцатилетняя купеческая жена Матрена Данилова. Ее муж, купец Хамовой слободы, еще в августе уехал в Санкт-Петербург «для торгового промыслу», а в его отсутствие Матрена не ужилась со свекровью Татьяной Ивановой и в ноябре перебралась в Нижние Садовники к своему родному дяде, купцу Огородной слободы Василию Сергееву, который находился в дружбе с Федуловым. Накануне облавы последний прислал к Матрене малолетнюю девочку Ирину с просьбой прийти к нему «для обережи дому ево» (значит, было что оберегать!), поскольку на следующее утро на-

меревался вместе с женой отправиться в Новодевичий монастырь для сбора милостыни. Вечером 28 декабря Матрена к нему и пришла, якобы ничего не зная о том, что «в том доме были мошенники»¹³⁶.

При обыске в «палате» кроме двух солдатских палашей были обнаружены и спешно доставлены в Сыскной приказ другие вещи: Андрей Федулов не без оснований подозревался в скупке краденого. На допросе нищий объяснил их происхождение следующим образом: «...взятые у него, Андрея, рубашка александрийская [с] кушаком полушелковым положены у него от брата ево двоюродного Алексеевской слободы купца Андрея Васильева в двух рублях, а ныне он в Питербурге. Ранец солдатский, кортик, портупей шелковый положены у него, Андрея, от присылаемых из Сибири с казной счетчиков Ивана Иванова, Николая Иванова, которые де стояли у него, Андрея, из найму с филипповских заговорен с месяц, в закладе в полтине, а обещали де выкупить оное по приезде их в Москву к празднику Рожества Христова или к Новому году. Две рубашки да два фартука холстинные детские жилицы его, солдатской жены Варвары Ивановой дочери малолетнего ее сына, а муж де ее имеется в посылке, а куда не знает. А остаток Ивановского полотна да два платка бумажные, один крашенинной, пять покровей* зеленых простого сукна да холст посконной** собственные де ево, Андреевы»¹³⁷.

Итак, слепой нищий Андрей Федулов не только ходил с сиротой Иваном Батыгиным по «караульным», монастырям и прочим местам для сбора «мирского подаяния», но и пускал в свою хижину постояльцев, давал деньги под залог и, скорее всего, покупал краденые вещи. Среди его постоянных жильцов и поставщиков краденого были профессиональные «мошенники». Ночью 28 декабря 1741 года их оказалось шесть человек, из которых четверо ночевали у него уже более двух недель. Однако нам известно, что этот дом посещали и другие воры. Так, Арина Федосеева дочь показала, что два палаша принес к нему, Андрею, в дом по сему делу доноситель Иван Каин, про которые сказал, что они те па-

* Покромь, покрома — кромка, кайма, продольный край ткани.

** Посконный холст — домотканый из конопляного волокна.

лаши отбили у солдат, а у кого, не сказали, которые она, Арина, приняла с купецкой женой Матреной Даниловой дочерью и, приняв де те палаши, закопала в землю на наистопак»¹³⁸.

Среди женщин, взятых в доме слепого, оказались четыре его «жилицы», однако мы знаем, что их было больше. На допросе хозяин упомянул еще жилицу Варвару Иванову с малолетним сыном, которой в ту ночь в доме не оказалось. Причем все они — вдовы, которые после смерти мужей несколько раз меняли места жительства, пока, наконец, не оказались «в палате» Федулова. Две женщины признались, что для них не было тайной, с кем они соседствуют. Хотя ни одна из вдов не повинилась в каких-либо преступлениях, многозначителен уже сам характер подозрений — в покупке краденых вещей и «блудном деле», то есть Федулов мог заниматься также «сводством».

Видимо, 18 человек, арестованных в доме Федулова, были доставлены в Сыскной приказ, а потом Каин повел Петра Донского с солдатами по другим воровским притонам. Но и на этот раз он не заставил их далеко ходить... Впрочем, пусть Петр Донской продолжит свой рассказ: «...Он же, Каин, близ Москворецких ворот указал дом церкви Всемилоостивого Спаса, что словет Мокрой, дьякона Алексея Якимова, а он сказал, что де в том доме живут мошенники. И я, Донской с солдаты, в том доме взял мошенников Коломенского полку беглого солдата Тимофея Васильева сына Чичова, Хамового двора матроса Дениса Иванова сына Криворотова. Он же, Каин, близ Москворецких ворот указал дом церкви Николая Чудотворца священника Ильи Елисеева, а сказал, что де в том доме живут мошенники. И я, Донской, в том доме взял мошенников Большого суконного двора ученика Тихона Степанова сына Боброва, Белой он же, Журавлевой фабрики ученика Матвея Дмитриева сына Тарыгина, да женок Иверского монастыря крестьянскую жену Татьяну Иванову, солдатских жен Прасковью Васильеву, Варвару Нестерову. Он же, Каин, близ Москворецких ворот указал дом церкви Всемилоостивого Спаса священника Ивана Леонтьева, а сказал, что де в том доме живут мошенники. И я, Донской, в том доме

взял мошенников солдатского сына Леонтия Васильева сына Юдина, Ивана Данилова сына Тареева, Зубарев он же, дому ассессора Афанасия Сытина человека Петра Иванова сына Ачку, Рябинин он же, да в том доме хозяйку солдатскую жену Марфу Дмитриеву дочь, да полотняной фабрики ученика Михайла Васильева сына Стульникова, Киска он же, которой показал, что он бежал из Корчемной канторы, да солдатскую жену Ирину Иванову дочь. Он же, Каин, близ Москворецких ворот указал печуру, а сказал, что в той печуре живет мошенник Казанского полку беглой извозчик Алексей Иванов сын Соловьев. И в той печуре оного Соловьева взяли, у него ж, Соловьева, взяли из кармана доношение, в которой написано рукой ево, что он знает многих мошенников, и при том написан оным мошенником реэстр, да в той же печуре взяли хозяина, Басманой слободы купца Степана Иванова сына Болховитинова...»¹³⁹

Итак, Ванька Каин провел Петра Донского с солдатами по притонам, расположенным на Москворецкой улице, в непосредственной близости от Сыскного приказа.

Как известно, Москворецкая улица в 30-х годах XX века после разбора Китайгородской стены, церковью Всемилоостивого Спаса, Николая Чудотворца и прочих построек навсегда растворилась в обширном пространстве Красной площади и Васильевского спуска. А во времена Ваньки Каина она была одной из центральных и наиболее оживленных улиц города. Она брала начало от Спасской башни Московского Кремля и Спасского моста, перекинутого через кремлевский ров (засыпанный лишь в начале XIX века). На мосту находился книжный ряд, а справа, если идти от Спасской башни, расположилась первая в Москве кофейня. Далее улица тянулась до Лобного места, а затем поворачивала направо, огибая собор Василия Блаженного, и спускалась к Москворецким воротам Китайгородской стены, которые выводили прямо к наплавному «живому» мосту через Москву-реку. По правой стороне улицы (если смотреть с Красной площади) между собором и Москворецкими воротами возвышались главки двух церквей — Всемилоостивого Спаса и Николая Чудотворца Москворецкого.

С левой стороны Москворецкой улицы во времена Ваньки Каина возле Лобного места находились кабак и пирожные места, за которыми до Гостиного двора один за другим выстроились торговые ряды — башмачный, игольный, свечной, овощной, медовый и т. д. Несколькими выше поворота на Варварку, возле башмачного ряда, раскинулся харчевенный шалаш с очагом без трубы, где жарили рыбу, варили кутью, кисель и продавали горячий «съестной харч» прохожим людям. Далее, на повороте на Варварку, располагались каменные и деревянные лавки рукавичного и масляного рядов. Ниже масляного ряда находился Мытный двор*, а за ним налево от улицы ответвлялся Мокринский переулок, который вел в Зарядье.

С правой стороны улицы по всей ее длине тянулся ряд каменных торговых лавок: напротив собора Василия Блаженного располагался рукавичный ряд, который затем переходил в масляный, а его сменял яблочный ряд; ниже шел рыбный ряд, а за ним соляной. Покровский собор окружали маленькие дворики церковнослужителей. Здесь в 1742 году жили иерей Покровского собора Иван Михайлов, просвирня того же собора Дарья Александрова, протоиерей Иван Климентов, церковный сторож Алексей Андреев, священник Никита Васильев, пономарка Ирина Борисова, священник Алексей Селиверстов, дьякон Иван Васильев. Чуть ниже был большой двор купца 1-й гильдии Алексея Ильина сына Зайцева, за которым возле кремлевского рва виднелось каменное здание Берг-коллегии. Еще ниже находился уже хорошо известный нам комплекс помещений Сысского приказа, на территорию которого со стороны кремлевского рва вклинился двор купца 2-й гильдии Ивана Попова, приспособленный под постоялый двор и харчевню.

С Большим острогом Сысского приказа с южной стороны соседствовали кладбище и дворики служителей церкви Всемилоственного Спаса, что у Москворецких

* Мытный двор (мытная таможня) — местное финансовое учреждение, подчинявшееся Камер-коллегии и до 1753 года осуществлявшее в Москве и ее окрестностях сбор пошлин с продаж леса, дров, деревянных изделий, сена, скота и продуктов, кроме хлеба и круп (см.: Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.): Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 176.).

ворот, — священника Ивана Леонтьева, дьякона Алексея Якимова и пономаря Василия Семенова. Возле самой церкви стояла каменная харчевня, в которой пекли пироги и блины. Еще ниже шли дворы церковнослужителей церкви Николая Чудотворца Москворецкого — священника Ильи Елисеева, дьякона Леонтия Никулина, просвирни Авдотьи Ивановой. Около церкви Николая Чудотворца также находилась каменная харчевня. С дворами служителей церкви Николая Чудотворца Москворецкого соседствовали дворники вдовы священника Архангельского собора Степаниды Лаврентьевой, иерея Николо-Гостунского собора Московского Кремля Трифона Агафонова и купца 2-й гильдии Федора Вагина. Возле Москворецких ворот с правой стороны, в углу, образованном Китайгородской стеной и кремлевским рвом, было пустое, никем не занятое дворовое место, а возле самих Москворецких ворот находились каменная часовня Соловецкого монастыря, караульная будка и питейная лавка купца Кондратия Сидорова¹⁴⁰.

Облава коснулась именно правой стороны Москворецкой улицы, на отрезке между Сыскным приказом и Москворецкими воротами. Некоторым ночевавшим здесь представителям преступного мира удалось ускользнуть и скрыться. Тем не менее «улов» был значительным: ночью 28 декабря на этом участке удалось схватить и доставить в Сыскной приказ 15 знакомых Ваньки Каина.

Настоящий воровской притон обнаружился на дворе священника церкви Всемилоственного Спаса Ивана Леонтьева. Из переписной книги московских дворов 1742 года известно, что его владения граничили с северной стороны с острогом Сыскного приказа, с западной — с церковным кладбищем, а с южной — с маленькими двориками дьячка той же церкви Алексея Акимова и пономаря Василия Семенова. Известен также его приблизительный размер: 12 саженей в длину (по Москворецкой улице) и 16 — вглубь¹⁴¹.

Этот дворик, окруженный острогом Сыскного приказа, церковным кладбищем, кремлевским рвом, торговыми лавками и соседними дворами, был, как и многие здешние дворы, густо населен жильцами. Согласно са-

мой ранней сохранившейся исповедной ведомости, в 1744 году в нем только официально проживали 30 человек. Хозяин двора, 43-летний поп Иван Леонтьев, жил там с женой, 46-летней Евдокией Спиридоновой, и двенадцатилетним племянником Иваном Спиридоновым, служившим при церкви пономарем. Все остальные обитатели двора были жильцами священника. Кого здесь только не было! В поповском дворе ютились купеческая вдова 53-летняя Ирина Селиверстова, оброчный крестьянин Андрей Иванов с супругой и тремя детьми, сорокалетний купец 2-й гильдии Тимофей Анисимов с женой Ксенией, двадцати одного года, шестидесятилетний оброчный крестьянин Михаил Иванов с тридцатилетней женой Татьяной, «фабричный» Суконного двора 45-летний Егор Алексеев с женой Анной, пятидесятилетняя солдатская вдова Устинья Максимова, тридцатилетний оброчный крестьянин Андрей Макаров с 24-летней супругой Ксенией, 35-летняя крестьянская вдова Татьяна Иванова с десятилетним сыном Петром, «фабричный» суконной мануфактуры Гаврила Журавлев, 31-летний «фабричный ученик» Филипп Дмитриев с женой и двумя малолетними детьми и др.¹⁴² Отметим, что это только те жильцы, о которых в 1744 году священник объявил в ежегодно подаваемой ведомости о числе исповедовавшихся и причащавшихся жителей его прихода. Однако, как оказалось, некоторые из них неофициально пускали к себе «в углы» на ночь других постояльцев.

Так, еще в 1740 году Леонтьев сдал одно из строений своего двора 44-летней солдатской жене Марфе Дмитриевой. Настоятель церкви Всемилоственного Спаса, видимо, не подозревал, что ее наемное жилище по ночам превращалось в пристанище для «мошенников». Ночью 28 декабря 1741 года в «полатке», нанимаемой Марфой, были схвачены, кроме нее самой, пять человек: беглый из Корчемной конторы «фабричный» Михаил Васильев сын Стульников по прозвищу Киска, восемнадцатилетний дворовый коллежского асессора А. Я. Сытина Петр Иванов сын Рябинин, «Ачка он же», воспитанники Московской гарнизонной школы — пятнадцатилетний Иван Данилов сын Тареев, «Зубарев он же», и четырнадцатилетний Иван Данилов сын Тареев, «Зубарев он же», и четырнадцатилетний Иван Данилов сын Тареев, «Зубарев он же».

цатилетний Леонтий Васильев сын Юдин, а также одна женщина, 22-летняя солдатская жена Ирина Иванова дочь, которая, в то время как ее муж находился на службе, жила «на разных постоянных квартирах» (род своей деятельности на допросе она предпочла не уточнять). Мужчины в Сыскном приказе признались в многочисленных «мошенничествах», а Леонтий Юдин, между прочим, показал, что он у Марфы Дмитриевой «жил блудно з женкой... Ириной Ивановой»¹⁴³. В 1742 году она была после наказания кнутом освобождена и спустя некоторое время вышла замуж за доносителя Ивана Каина.

Об этом факте, а также о других интересных подробностях жизни в «притоне» Марфы Дмитриевой мы знаем из показаний самого Каина, которые он сделал в 1749 году, уже будучи под следствием: «...Когда он, Каин, еще в Сыскном приказе не явился и жил в Зарядье у заплечного мастера Алексея Иванова, а близ двора ево жила женка [Марфа] Дмитриева дочь, у которой приставали мошенники, да у нее ж жила вдова Арина Иванова дочь, которая ныне имеетца в замужестве за ним, Каином, которую он тогда только по одному соседству знал и в тот дом, к означенной [Марфе] Дмитриевой дочери, прихаживал и начевывал времянно, а дальняго знакомства никакого у него с ней не было, и в замужество намерения за себя взять никакого не имел. А потом вскоре он, Каин, явился в Сыскной приказ и объявил о всех своих воровствах, и кого воров и мошенников знает, почему ис того приказу послана была для забраня тех воров и мошенников команда, коих и забрано было немалое число, в том числе означенной [Марфы] Дмитриевой дочери взяты были мошенники Лев Юдин, да школьники, а имянно не знает, да подозрительной битой кнутом суконщик Михайла Максимов сын Стульников, тако ж и оная [Марфа] Дмитриева и вышеписанная жена ево Ирина Иванова дочь. И хотя оная жена тогда в ведомстве про мошенничество и запиралась, но он, Каин, по злобе с нею, Ариною, что она в одно время в бытность ево, Каинову, в том доме с ним бранилась, доказывал, что она подлинно про мошенничество ведала, может быть, и жила с теми мошенниками блудно...»¹⁴⁴

Итак, Каин в 1749 году охарактеризовал это жили-

ще коротко и ясно: у Марфы «приставали мошенники», в частности, он сам до своего появления в Сыскном приказе не раз туда навевался по ночам. Не случайно именно сюда Ванька привел солдат Сыскного приказа. Четверо «мошенников», одна женщина, жившая с ворами «блудно», и содержательница притона были схвачены. Но можно предположить, что это были лишь самые нерасторопные обитатели «полатки». Мы точно знаем, что ночью 28 декабря 1741 года кроме этих шестерых здесь ночевали и другие люди, по неизвестным причинам в Сыскной приказ не попавшие. Так, один из арестованных, Иван Зубарев, на допросе проговорился, что он не жил в притоне Марфы Дмитриевой, а пришел туда к «сестре своей Наталье Афанасьевой в гости»¹⁴⁵.

Рядом с двором попа находился маленький дворик дьякона той же церкви Алексея Акимова, вытянувшийся вдоль по Москворецкой улице на шесть саженей¹⁴⁶, все углы которого также сдавались постояльцам. Памятной ночью в этом дворе были схвачены два «мошенника» — беглый солдат Тимофей Васильев сын Чичов и «матрос» (то есть подневольный рабочий Хамовного двора) Денис Иванов сын по прозвищу Криворот. Оба значатся в поданном Каином реестре его «товарищей» и на допросах повинились в многочисленных «мошенничествах», но при этом показали, что жили у дьякона «по объявлению на съезжем дворе не заведомо (то есть не признаваясь. — Е. А.), что мошенники»¹⁴⁷. Может быть, поэтому хозяин этого двора избежал наказания, хотя непонятно, как ему удалось зарегистрировать на съезжем дворе в качестве жильца беглого солдата.

У Москворецких ворот высилась церковь Николая Чудотворца Москворецкого, возле которой располагался двор ее настоятеля Ильи Елисеева. Осенью 1742 года, во время переписи московских дворов первой команды*, его территория была обмерена. Он тянулся вдоль Москворецкой улицы на 7,5 сажени, а в глубину, по направлению к кремлевскому рву, на 10,5 сажени. Этот ма-

* В 1731 году Москва была разделена на 12 команд со съезжими дворами, где постоянно дежурили офицеры и солдаты. Кремль и Китай-город относились к первой команде (см.: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. М., 1950. Т. 1. 1147—1762. С. 239, 256).

ленький дворик был плотно заставлен всякими строениями, которые священник сдавал внаем. Так, в 1748 году, по данным тех же исповедных ведомостей, здесь проживали, кроме самого 43-летнего священника и его домочадцев (матери и двоих сыновей), более двадцати жильцов — оброчные крестьяне, солдатские жены и вдовы, «фабричные», отставные солдаты (еще раз подчеркнем, что это только постоянные жильцы, которых указал настоятель в исповедной ведомости)¹⁴⁸. На одну из построек этого густонаселенного маленького дворика и указал Каин. Ее снимал оброчный крестьянин «Суздальского монастыря» Федор Игнатьев и, в свою очередь, нелегально пускал на ночлег всякого рода подозрительных людей. Ночью 28 декабря 1741 года по наводке Каина солдаты схватили здесь трех человек. Одним из них был числившийся в списке «товарищей» Каина 25-летний «мошенник», «фабричный» Большого суконного двора Тихон Степанов сын Бобров, более известный в преступном мире под прозвищем Белый. В руки солдат угодил также «фабричный» Матвей Дмитриев сын Тарыгин, который на допросах повинился в многочисленных грабежах. Третья задержанная, крестьянская вдова Татьяна Иванова дочь, которая после смерти мужа «жила по разным местам» и «кормилась» торговлей, на допросе призналась в том, что покупала у «мошенников» краденые вещи. После допроса Татьяну осмотрели, и она «явилась подозрительна» — на ее теле были обнаружены следы битья кнутом. Тогда вдове пришлось признаться еще и в том, что она уже два раза успела побывать в Сыскном приказе и была наказана поркой: впервые «лет 13 назад» за «житье блудно с атаманом Егором Михайловым», а повторно — по обвинению «в покупке у церковного татя серебра». Видно, не случайно Татьяна и на этот раз оказалась в компании с «мошенниками». В том же дворе священника, у жилицы Алены Михайловой дочери, были схвачены еще две торговки краденым: солдатская вдова Прасковья Васильева дочь, которая также успела побывать в Сыскном приказе, где была бита кнутом «за блудное дело», и солдатская жена 36-летняя Варвара Нестерова дочь, чей муж находился в Санкт-Петербурге при своем полку, а она «жительс-

тво имела по разным постоянным квартирам» и торговала «на площади разными платками», которые покупала у «мошенников». Известно, что в этом же строении проживали торговки краденым — вдова заплечного мастера Анна Герасимова и солдатская вдова семидесятилетняя Алена Степанова. Той ночью они каким-то образом избежали ареста — их схватили на следующий день на Красной площади¹⁴⁹.

Но и на дворе попа Ильи Елисеева облава на «товарищей» Каина ночью 28 декабря 1741 года не закончилась. Дойдя до Москворецких ворот и караульной будки, доноситель повел Петра Донского с солдатами направо, вдоль Китайгородской стены, мимо питейной лавки купца Кондратия Сидорова, в заброшенный дворик в углу между Китайгородской стеной и кремлевским рвом¹⁵⁰. Московские обыватели издавна не любили это место. Так, еще в 1645 году протопоп Иоанн, которому девятью годами ранее оно было пожаловано, просил позволения переехать: «...позади, государь, моего дворишка грязь и болотина непроходная... погребенка выкопать нельзя, потому что место тесное и тиновато, а от городской стены, где стоят мои воротешки, проход и проезд нужен, а от рыбного ряда и рыбников утеснение великое... и в пожарное время уйтить никуда не мочно»¹⁵¹. Если никто из законопослушных москвичей не хотел строить двор в столь низком, сыром и тесном месте, то для «мошенников» оно оказалось весьма подходящим: со всех сторон окруженное дворами, малозаметное, в самом центре города, к тому же вблизи от Китайгородской стены.

В XVI веке Китайгородскую стену строили качественно, по всем правилам тогдашней фортификационной науки, в расчете на быстро развивавшуюся артиллерию. Укрепления возвели невысокие, но мощные (толщиной до шести метров), а с их внутренней стороны были устроены печуры для установки тяжелых артиллерийских орудий. Спустя два столетия, когда стена уже потеряла свое оборонительное значение, обыватели стали использовать ее в других целях. Печуры забивались с уличной стороны досками или другим материалом и служили москвичам на протяжении XVIII—XX

веков в качестве складских, торговых, хозяйственных и даже жилых помещений¹⁵².

Когда солдаты, предводительствуемые протоколистом Петром Донским, оказались в темном заброшенном дворике, зажатом в углу между Москворецкими воротами, Москворецкой улицей, кремлевским рвом и Китайгородской стеной, Каин указал на одну из стеновых печур, переделанную в «избу» (надо полагать, со стороны печуры была сооружена какая-то деревянная пристройка к стене). В ней были схвачены два человека: известный «мошенник», сорокалетний беглый солдат Алексей Иванов сын Соловьев, и сдававший ему жилье за плату хозяин, сорокалетний Степан Болховитинов. На допросе Болховитинов показал, что является купцом Басманной слободы, подушные деньги платит «во оную слободу погодно», «а пропитание имеет» от торговли на Красной площади железом, а также признался в том, что года три назад уже был осужден в Сыскном приказе «за прием под заклад краденой шубы». Можно предположить, что основным его занятием были скупка и перепродажа краденого¹⁵³.

При обыске в кармане Алексея Соловьева был обнаружен сложенный вчетверо лист бумаги. Развернув лист, Петр Донской увидел, что на нем рукой Соловьева написано «доношение... что он знает многих мошенников, и при том написан оным мошенником реэстр». На допросе в Сыскном приказе беглый солдат признался, что вот уже «ныне года три», как он, скрываясь в московских трущобах, занимался карманными кражами вместе с целой группой преступников, а затем с горечью поведал, что «об означенной своей вине и о показанных ворах он, Алексей, хотел объявить в Сыскном приказе и о том написал с реэстром доношение, токмо подать не успел» — Ванька Каин его опередил!¹⁵⁴

Это доношение было подшито в дело и также сохранилось. Грязный, засаленный, со следами складок лист бумаги — его как будто только вчера вытащили из кармана Алексея Соловьева. На нем светло-коричневыми чернилами, неровными крупными буквами, вкривь и вкось, написано:

«Доносит Казанского пехотного полку извощик Алексей Иванов сын Соловьев, а о чем, тому следуют пункты:

1.

Из оногo полку был я от службы в укрывательстве, а сколько числом, о том значит в деле. А, пришет в Москву, жил я в Олексеевской слободе у посацкого человека, и знал я из воров, которые просили у меня, чтоб я промыслил им пистолет на разбойное дело, о которых доносил я Вашему Высоко Графскому Сиятельству, которые мною пойманы и в Сыскной приказ приведены и, по приводу, розысканы, и в розысках винились в разных разбоях, о чем значит в деле. А мне, нижеименованному, и поныне решения не учинено, токмо освобожден из Сыскнова приказу и доныне живу праз[д]но.

2.

Жив праз[д]но в Москве, усмотрел беглых салдат, драгун, матрос и праз[д]ноживущих, которые от службы и подушного окладу укрываются.

3.

Много разных чинов люди имеют за собой разкол, о которых именую роспись подам, а имено 607 человек.

4.

Много купечество праз[д]ноживущих, а другия и в подушном окладе, много женска полу, имеют купечество на... (часть рукописи утрачена. — Е.А.) и на Неглиной, однако ш, не боясь Божия страха, покупают краденое заведомо всякие вещи, в лакамство и в погибель приходят, а нас, шетающихся, х каторжно работе, но и к местной казне приводят к убыткам.

5.

Дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указам повелено было по объявлению моему мною сыскивать»¹⁵⁵.

Доношение было адресовано московскому главнокомандующему графу Семену Андреевичу Салтыкову, к которому, как следует из самого документа и материалов допроса, однажды уже обращался Соловьев. Тот факт, что в реестре Соловьева фигурирует имя Ивана Каина, навело исследователей (вначале Г. В. Есипова, а затем и Е. В. Анисимова) на мысль о том, что Каин якобы знал о намерении Соловьева явиться в Сыскной приказ и решил его опередить¹⁵⁶. Однако пристальный анализ следственного дела заставляет нас усомниться в основательности такого предположения. Ночью 28 декабря Каин повел солдат за Соловьевым в самом конце операции, когда уже был взят 31 человек, а в реестре Каина имя Соловьева вообще отсутствует. Иными словами, Каин вовсе не думал о своем нерасторопном коллеге, когда составлял доношение, а вспомнил о нем лишь тогда, когда не удалось поймать всех перечисленных в реестре «товарищей».

Тогда, может быть, наоборот, Соловьев знал об умысле Каина и писал свое доношение в надежде опередить его? Вряд ли может быть принято и это предположение, поскольку в реестре Соловьева имя Ивана Каина упоминается в самом конце списка, хотя именно оно должно было стоять в первых строках, если бы доношение действительно было спровоцировано намерением Каина явиться в Сыскной приказ. Скорее можно предположить, что оба документа были написаны независимо друг от друга.

Но при этом вне сомнений остается факт, что Каин и Соловьев принадлежали к одному кругу московских «мошенников»: они прекрасно знали друг друга, а списки их «товарищей» во многом совпадают. Можно предположить, что Алексей Соловьев, услышав в храме «милостивый манифест», глубоко задумался: если сейчас упустить случай, тогда, возможно придется до конца своих дней прозябать в жалкой печуре, в компании московских «мошенников» и торговцев краденым. Но он колебался дольше Каина: судя по всему, из его кармана вытащили черновой вариант документа, который автор намеревался переписать набело. Об этом говорит то, что реестр преступников, который следует за «доно-

шением» и включает более восьмидесяти имен, составлен небрежно, некоторые прозвища написаны сокращенно, а после реестра следует текст, который, казалось бы, прямо не относится к содержанию документа. Это перечисление сворованного за последние дни имущества с указанием мест совершения краж (его мы рассмотрим ниже). Предположительно эти сведения решивший раскаться преступник намеревался включить в чистовой вариант своего «повинного доношения».

На аресте обитателей печуры у Москворецких ворот операция по захвату «товарищей» доносителя Ивана Каина ночью 28 декабря 1741 года закончилась. В результате в Сыскной приказ были доставлены 33 подозреваемых — ровно столько, сколько было указано Каином в его реестре; правда, среди них оказались лишь четверо из тех, чьи имена были в нем названы.

«Явшейся доноситель»

На следующий день сыск преступников «по указыванию» доносителя Ивана Каина продолжился, но уже несколько в иной обстановке. Местом действия на этот раз выступила уже не ночная, а шумная, многолюдная торговая Москва. По «наказу» Сыскного приказа подканцелярист Дмитрий Аверкиев 29 декабря ходил с Каином и солдатами на Красную площадь и «взял» «по указыванью ево воров и мошенников, тако ж и торговок, которые покупали у него, Каина, и у товарищей ево воровские пожитки и протчье» — всего 19 человек¹⁵⁷.

Благодаря некоторым протоколам допросов можно представить, что происходило в тот момент на Красной площади. Так, торговавшая «ветошьем» солдатская жена Дарья Богданова на допросе показала, что «как взяты были по показанию доносителя Ивана Каинова такие ж торговки, и то де она, Дарья, видя, и от страха с [Красной] площади побежала в ряды, и бывшие при том взятые салдаты, догнав ее, Дарью, поймали и привели в Сыскной приказ. А она, Дарья, воров и мошенников не знает и краденого ни у кого ничего не покупывала». Но при этом она призналась, что раньше однажды уже

побывала в Сыскном приказе по обвинению в покупке краденого серебра и была наказана плетьюми¹⁵⁸. Неудивительно, что некоторые из пойманных, как сорокалетняя торговка солдатская жена Авдотья Афанасьева дочь, не признались ни в каких преступлениях («а у воров и машенников она, Авдотья, платков никаких заведомо и не заведомо не покупывала») — они могли быть схвачены по ошибке. Тем не менее и второй сыск оказался весьма продуктивным: в Сыскном приказе в этот день оказались восемь мужчин и одна женщина, которые на допросах повинились в различных «мошенничествах» и грабежах, а также пять женщин-торговок, признавшихся в покупке у «мошенников» «заведомо» краденых вещей¹⁵⁹.

Но и на этом операция по захвату «товарищей» Ваньки Каина не завершилась. Следующей же ночью доноситель опять повел Дмитрия Аверкиева с солдатами по московским притонам. Тогда были схвачены еще девять «мошенников» и хозяев, дававших им приют¹⁶⁰.

Так всего за два дня, 28—29 декабря 1741 года, по «указыванию» Ваньки Каина был взят и доставлен в Сыскной приказ 61 человек. На первом же допросе большинство арестованных признались в различных преступлениях (регулярные карманные кражи, грабежи, кражи в банях и с повозок, торговля краденым, укрывательство преступников). Можно себе представить, сколько работы появилось у немногочисленного штата служащих Сыскного приказа! Видимо, именно в связи с этим для розыска и ареста воров Ваньку Каина стали отпускать одного с солдатами. Об этом свидетельствуют «отчеты» от его имени, которые официально именовались «извещениями явшагося (то есть явившагося в присутствие. — Е. А.) доносителя Ивана Каина». Первый такой «извет» датируется последним днем года:

«1741 году декабря в 31 день в Сыскном приказе явшея доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа он, Каин, ходил с салдаты из Сыскного приказу для сыску воров, и за Москвой-рекой, на Ордынской улице, поймал он, Каин, дому секретаря Василья Леонтьева человека Алексея Сухарукова, ко-

торой де в Москве по начам с товарищи в разных до-
мех во окны и в протес крадут платья. Да он же, Каин,
на Москве-реке поймал Журавлевой фабрики уче-
ника Петра Губанова, которой знал за ним, Каином,
мошенничество: как он, Каин, в полую воду на Мос-
кве-реке на перевозе и в лотках у разных людей вы-
нимал платки и деньги, он, Губан, видел, и за то он,
Губан, брал у него, Каина, пай по пяти и по три и по
две копейки. Он же, Губан, на Москве-реке ночью, как
прогоняют лес, кражей отрубал бревна по пяти, и по
четыре, и по три, и продавал разным людям. Он же,
Губан, на Балчуге в ровушке у квасника украл кафтан
серой. Да на Москве-реке он, Каин, поймал Парусной
фабрики матроза Осипа Соколова, которой с това-
рищи близ Москворецких бань у прохожего челове-
ка снял шапку да рукавицы, которых он, Каин, объяв-
ляет при сем извете»¹⁶¹.

При этом сам Каин продолжал оставаться колодни-
ком Сысского приказа и даже выполнял вместе с осталь-
ными арестантами всякого рода работу (в частности,
таскал с Москвы-реки бревна «для топления печей»¹⁶²).
Между тем сыск преступников продолжался и сам Каин
принимал в нем активное участие. 28 января 1742 года
было решено обратиться в Сенат с «требованием» выде-
лить дополнительные военные силы:

«...А при Сыском приказе ныне имеется на ка-
рауле солдат самое малое число, и те старые и
дряхлые, а другие из рекрут и не обыкновенные
люди, и теми солдатами сыскивать воров никак не
возможно, и в ночных часах посылки чинить не-
кем для того, что без караулов Сысской приказ ост-
тавить зело опасно... Что б указом ЕЯ ИМПЕРАТОР-
СКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелено было для скорых
посылок к сыску искоренения воров и разбой-
ников к Сысскому приказу... определить безопас-
ную и добрую партию ундер-офицеров и драгун
тридцать человек с ружьем и с лошадыми, кото-
рым быть при оном приказе безотлучно, поне-
же завсегда случаются в ночных часах за ворами
посылки, а бес таковой доброй надежной партии
сыскивать и искоренять воров Сысскому приказу
никак не возможно»¹⁶³.

По всему видно, что для судей Сысского приказа это было необычное дело, а штат учреждения просто не был приспособлен для осуществления столь масштабной операции по борьбе с преступным миром. Но идея очищения Москвы от «воров, разбойников и других тому подобных злодеев» оказалась в тот момент весьма востребованной: Первопрестольная вовсю готовилась к торжественной церемонии коронации Елизаветы Петровны в Московском Кремле, которая состоялась 25 апреля 1742 года. Конечно, власть имущие хотели сделать всё возможное для того, чтобы это торжество не было омрачено множеством карманных краж. Действительно, многолюдные собрания часто служили на руку карманникам, о ловкости которых в Москве ходили слухи. (Кстати говоря, в августе 1719 года в Париже во время салюта в честь праздника Святого Людовика возле входа в сад Тюильри возникла страшная давка, в которой погибли 11 человек. Виновными в происшествии оказались карманники. Как свидетельствовал в своем дневнике копиист королевской библиотеки Жан Бюва, воры искусственно создавали давку, чтобы незаметно «снимать часы и кресты с бриллиантами с женщин, оказавшихся зажатými и сдавленными»¹⁶⁴.) Отметим, что московские карманники в 30—40-х годах XVIII века умело применяли метод искусственной давки. Поэтому не исключено, что именно в связи с подготовкой предстоящих массовых торжеств Сысский приказ, обычно малорасторопный, в этом деле проявил невиданную активность. Так неутомимая энергия Ваньки Каина, его исключительное знание преступного мира Москвы, а вместе с тем и удачно выбранный момент способствовали возникновению уникального явления — штатного «сыщика из воров» при Сысском приказе.

В марте 1742 года Каин обратился в Сысский приказ с доношением, в котором жаловался: «...воров и мошенников... по показанию ево сыскано многое число, о чем значит в приводах ево, а пропитания никакова он не имеет. И, ходя для сыску оных воров и мошенников, забрал в долг в разных харчевнях хлеба и харчу на шесть рублей на семьдесят копеек, а того долгу заплатить ему

нечем, понеже имеетца при оном приказе безотлучно». Вор-отступник просил, «чтоб для расплаты за забранной им харч, тако ж и впредь на пропитание, дать ему в награждение, что указом ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелено будет». Власти Сысского приказа с пониманием отнеслись к просьбе доносителя. В канцелярии были наведены соответствующие справки, в результате чего выяснилось, что с 28 декабря 1741 года по март 1742-го благодаря Каину остроги Сысского приказа пополнились на 117 человек. В числе арестованных были 69 «мошенников», 17 «воров», четыре «разбойника», 14 беглых солдат. В этой связи Каину «за показанные ево приводы воров в награждение» было выдано пять рублей¹⁶⁵.

В доношении, рассмотренном 22 марта 1742 года, Каин уже предстает одним из служителей Сысского приказа («иметца при Сысском приказе для сыску воров и мошенников безотлучно»), претендовавшим на жалованье. Судя по сумме денег, истраченных им в долг в различных харчевнях, он уже давно не сидел в остроге приказа. Итак, уже в марте 1742 года за бывшим карманником закрепился статус официального доносителя Сысского приказа.

В одном из «изветов» 1746 года Каин, между прочим, заявил: «А он де по силе присяжной должности и по ревностному ево ко всяким государственным пользам старанию уведомился...»¹⁶⁶ Как мы видим, должность доносителя была присяжной. Правда, каких-либо официальных документов о приведении Ваньки Каина к присяге пока не обнаружено. Кроме того, в следственных материалах имеется указание на наличие у доносителя «печатного указа 1744 года июля 15 дня о прщении вин, [который] получил он... в Сенате»¹⁶⁷. Этот указ пока обнаружить не удалось. Но если он существовал, значит, Каин получил не только легитимную присяжную должность доносителя при Сысском приказе, но также и полную реабилитацию на самом высшем уровне.

Статус официального доносителя значительно укрепился осенью 1744 года, после того как Каину удалось добиться двух сенатских указов. 19 сентября 1744 года

в Правительствующем сенате, который тогда вместе с императрицей Елизаветой Петровной и всем ее двором пребывал в Москве, был заслушан доклад судьи Сысского приказа коллежского асессора Афанасия Сытина, явившегося на заседание вместе с доносителем Каином, чтобы сообщить радостное известие: «Сего сентября против 19 числа в ночи в Рогожской Ямской слободе по доносу доносителя Ивана Каина (коим и наперед сего таковых злодеев переловлено многое число) поймано разбойников два человека». Потом взял слово сам Каин — «собрания Правительствующаго Сената просил, чтоб для ево бедности и за изыскание им таковых злодеев учинить ему награждение». Тогда сенаторы реши:

«...с вышеписанными пойманными по доносу оного Каина разбойниками поступать по указам, о чем означенному асессору Сытину от собрания Правительствующаго Сената и приказано, а доносителю Каину за прилежное изыскание им воров и разбойников в награждение выдать пятьдесят рублей из Штатс-канторы из неположенных в штат доходов и о том в Штатс-кантору и в Сысской приказ послать указы. И велеть вышеписанному доносителю объявить, чтоб он, видя такую ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА милость в сыску таковых воров и разбойников наиприлежнейшее свое старание прилагал, за что и впредь милостию ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА оставлен не будет»¹⁶⁸.

Видимо, такая удача ободрила Каина и навела его на мысль о том, что наступил хороший момент для упрочения своего положения. Неделию спустя после награждения, 25 сентября, он вновь явился в Правительствующий сенат и стал «требовать», чтобы его «для некоторого объявления» допустили «пред собрание». Вновь представ перед сенаторами, доноситель заявил следующее (его слова, как обычно, были занесены в протокол от третьего лица): «Он, Каин, в поимке воров и разбойников крайнейшее всегда старание прилагает и впредь иметь будет, и о таковых де злодеях, где они жительство и пристань в Москве и в других местах имеют, проведе-

вает он чрез таковых же воров, кто с ними знакомство имеет, и для того де он, Каин, с ними принужден знаясь под видом, дабы они в том от него потаены не были. А не имея де с ними такого обхождения, таких злодеев сыскивать невозможно. А при том де он, Каин, такое опасение имеет, что когда таковые злодеи по поимке где будут на него, Каина, о чем показывать, не приведен бы был по оговорам их к какому истязанию».

Сенаторы, поразмышляв, приняли решение, которое секретарь зафиксировал в протоколе:

«И от собрания Правительствующего Сената ему, Каину, объявлено, чтоб он, Каин, во искоренении таковых злодеев всеможное старание имел, и о которых чрез какое-либо указательство ни уведает, в крайней скорости и без всякого оным закрытия объявлял, не имея никакова притом опасения. Ибо хотя по поимке где таковые злодеи на него, Каина, что будут и показывать, то оное показание за истинное принято не будет, и к нему, яко изыскателю тех воров, не токмо какое подозрение причтено быть может, но сверх того он, Каин, за такое тех злодеев изыскание награждением оставлен не будет».

В Сыскальной приказ из Правительствующего сената был послан указ: «...ежели в том приказе кто из содержащихся колодников или впредь пойманных злодеев будет на него, Каина, что показывать, того, кроме важных дел, не принимать и им, Каином, по тому не следовать».

Таким образом, право поддерживать связи с преступниками при осуществлении сыскальной деятельности было признано за Каином на самом высшем уровне, при этом ему гарантировалась неприкосновенность в случае доносов со стороны преступников. В то же время сенаторы в полной мере осознавали, к каким злоупотреблениям может подтолкнуть бывшего профессионального вора чувство почти полной безнаказанности. Поэтому они поспешили предупредить доносителя: «...только он, Каин, сам с таковыми злодеи в том, что до их воровства и злодейства касаетца, ни под каким видом не мешался и никакова к тому умыслу и тем злодеям совету и наставления в таких злодействах не имел и

не чинил, и неповинных к тому злодейству не привлекал, ибо ежели он, Каин, в том подлинно явитца и доказан будет, то с ним, Каином, яко злодеем поступлено будет по указам»¹⁶⁹.

Прошло чуть больше месяца, и Каин вновь обратился в Правительствующий сенат с доношением, которое было заслушано 19 ноября:

«Доносит Сысского приказу доноситель Иван Осипов сын Каин, а в чем мое доношение, тому следуют пункты:

1.

С прошлого 1741 году по поданным от меня в Сысской приказ доношениям и по словесным в том приказе объявлениям выискано мною, нижайшим, воров, разбойников, мошенников, беглых салдат, драгун и матрозов более пятисот человек, о чем явно по делам в том Сысском приказе.

2.

А ныне я, нижайший, уведомился, что за тем моим изыском еще в Москве воров, разбойников, мошенников, становщиков и покушчиков, тако ж беглых салдат, драгун и матрозов находится немалое число, которых для сыску по присяжной моей должности я имею ревностное старание.

3.

И по ныне мне, нижайшему, для сыску помянутых воров надлежащей по силе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указов инструкции ни откуда не дано, от чего в поимке и в сыску тех воров мне, нижайшему, чинится немалое препятствие, и тех мест, где оные злодеи имеют свои воровские пристани, от командующих вспоможения не имеется.

И дабы высочайшим ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указом повелено было сие мое покорное доношение в Правительствующий Сенат принять и для сыску и искоренения в Москве помянутых как воров, разбойников, мошенников, так беглых салдат,

драгун, и матрозов, и воровских становщиков, и покупщиков воровских пожитков, и протчих тому подобных по силе ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указов пожаловать мне, низайшему, надлежащую инструкцию, и о том в Москве по командам, как полицейского ведения, так и в протчих смотрениях, о сыске и поимке мною, низайшим, помянутых воров подтвердить наикрепчайше ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ис Правительствующаго Сената указами, дабы в том мне, низайшему, ни от кого никакого препятствия чинено не было».

Сенаторы, посовещавшись, решили:

«...вышеписанному доносителю Каину для беспрепятственного в поимке им воров, и разбойников, и других тому подобных злодеев дать из Сената с прочетом указ, в котором написать, что ежели где в Москве случай допустит ему, Каину, помянутых злодеев ловить, и в той поимке будет требовать от кого вспоможения, то в таком случае всякого чина и достоинства людям, яко верно подданным ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВА, в поимке тех злодеев чинить всякое вспоможение, дабы оные злодеи чрез такой ево сыск вовсе могли быть искоренены, и все подданные ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА по искоренении таковых злодеев с покоем без всякой опасности и разорения впредь остатца могли. А ежели кто при поимке таких злодеев ему, доносителю Каину, по требованию ево вспоможения не учинит, и чрез то такие злодеи упущены, и ко умножению их воровства повод подастся, и сыщется про то допряма — таковыя, яко преслушники, жестоко истязаны будут по указом без всякого упущения»¹⁷⁰.

Этот указ от 8 декабря 1744 года был разослан в Военную коллегию, Главную полицмейстерскую канцелярию и Сыскной приказ. Получил копию сенатского указа и сам Ванька Каин. Отныне он стал постоянно носить ее с собой в кармане сюртука¹⁷¹.

Сенаторы по-прежнему опасались возможных злоупотреблений со стороны бывшего вора, который получал право для задержания преступников использовать по своему усмотрению военные полицейские

команды, солдат всех присутственных мест и даже любого верноподданного. Но и на этот раз члены Сената ограничились лишь внушением, которое было прописано в указе: «...напротиву же того и ему, Каину, в поимке под видом таковых злодеев никому посторонним обид не чинить и напрасно не клеветать под таким же истязанием»¹⁷².

Кроме того, что с зимы 1744 года Каин мог пользоваться силами военных полицейских команд и всех присутственных мест Москвы, в его полном распоряжении находилась команда солдат Сыскного приказа, которая прикреплялась к его дому в Зарядье (в народе ее называли Каиновой командой). К сожалению, сведения о ее численности фрагментарны. Но известно, что летом 1744 года она составляла 12 солдат во главе с капралом, а в феврале 1746-го была уменьшена до трех солдат и не увеличивалась следующие три года, вплоть до декабря 1748-го¹⁷³.

Характеристику официального статуса доносителя необходимо дополнить замечанием, что Каин не получал за свою сыскную деятельность никакого жалованья (напомним, за службу в Сыскном приказе не получали денег также секретари и канцелярские служители, которые «кормились от челобитчиковых дел» до 1750 года). Об этом свидетельствует дело «о выдаче доносителю Ивану Каину денег за привод им в Сыскной приказ воров и разбойников», начавшееся с доношения Ивана Осипова от 29 июля 1746 года, в котором он жаловался, что «пал в долги и платить тех долгов нечем», и просил «справясь по делам, коликое число мною воров и разбойников в приводе имелось... что надлежит, деньги повелено б было выдать». Решение дела затянулось аж на два года, но зато исследователь может узнать, «с прошлого 742 году по нынешний 748 год доносителю Ивану Каину за привод воров в награждение коликое число денег было дано и в котором году». Справку составили, сверяясь с расходными книгами Сыскного приказа, поэтому 50 рублей, выданные в сентябре 1744 года по указу Правительствующего сената из Штатс-канторы, не были учтены. Оказалось, что из казны Сыскного приказа за все годы службы в качестве доносителя Каи-

ну выдали деньги только два раза! Первый раз, как уже говорилось, это было в 1742 году. Второй раз доноситель получил деньги в награду за... честность! Тогда он привел в Сыскной приказ разбойника Якова Шеветалова, который ему предлагал крупную взятку — 15 рублей. Каин деньги взял, но разбойника не отпустил и рассказал о взятке в Сыском приказе. Тогда члены приказного присутствия решили отдать «означенные деньги пятнадцать рублей ему, Каину, за привод показанного разбойника... в награждение». Документ заканчивается словами: «...а кроме вышеписанных денег в даче тому Каину ничего не было»¹⁷⁴.

Таким образом, бывший карманник Иван Каин занимал присяжную должность «доносителя» и «сыщика» при Сыском приказе. Целью его деятельности было искоренение преступного мира Москвы, для чего он был наделен сенаторами большими полномочиями и мог распоряжаться воинскими командами присутственных мест Москвы. Самому Каину были не только прощены прежние вины, но также фактически обещана неприкосновенность. При этом его не только не обеспечили постоянным жалованьем, но также и не были созданы механизмы контроля за его деятельностью. Несмотря на то, что сенаторы предполагали возможность злоупотреблений со стороны Каина, они предпочли положиться на честность бывшего вора и ограничиться внушениями и угрозами.

К чему всё это привело, мы узнаем ниже. Пока же попробуем выяснить, насколько эффективной была сыская деятельность «доносителя из воров». В связи с уже упоминавшимся делом «о выдаче доносителю Ивану Каину денег за привод им в Сыскной приказ воров и разбойников» в 1748 году была составлена справка о количестве пойманных им преступников:

«И по вышеписанным подпискам по доношениям
оного Каина в приводе явилось, а имянно:

Мошенников	137
Воров	153
Церковных татей	1

Разбойников	48
Денежных воровских мастеров	7
Становщиков	79
Покупщиков	157
Выжежников	29
Держателей	61
Беглых салдат	43
Ссылочных утеклец	16
Беглых людей и крестьян	33
В письме и продаже воровских пашпортов	10
И того по нынешней 748-й год	774 человека» ¹⁷⁵ .

Итак, если верить этой канцелярской справке, Каин за основной период своей деятельности поймал и привел в Сыскной приказ почти восемь сотен преступников, из которых почти половину составляли «мошенники», «воры», «покупщики» и «держатели» краденого. Другая половина — укрывавшиеся в Москве разбойники, беглые солдаты и крепостные, «ссылочные утеклеты» (сбежавшие из ссылки), а также «становщики» (укрыватели преступников), «денежные воровские мастера» (фальшивомонетчики), «выжежники» (нелегальные торговцы выжигой*), изготовители и распространители «воровских» (фальшивых) паспортов, «церковные тати» (воры, специализировавшиеся на кражах церковной утвари).

Изучение следственной документации Сысского приказа за период с конца 1741 года по начало 1749-го и протокольных книг за 1742 год позволило обнаружить сведения о 119 отчетах, в которых сообщается об арестах, произведенных либо по «указыванию» Каина, либо им самим, 227 подозреваемых.

При этом в конце 1741-го — начале 1742 года деятельность Каина была направлена почти исключительно на задержание профессиональных преступников (воров, содержателей притонов, торговцев краденым). Неожиданность и массовость арестов характеризуют этот короткий этап, который оказался весьма продуктивным:

* Выжига — слитки драгоценных металлов, полученные путем сжигания ткани с золотым шитьем или переплавки позолоченной оловянной посуды.

тогда было арестовано более ста связанных друг с другом представителей преступного мира.

Но в дальнейшем, по мере получения Каином самостоятельности, оформления его статуса профессионального доносителя (с февраля 1742 года), после получения права пользоваться военными командами и, вместе с этим, гарантий собственной неподсудности по чужим доносам (осень—зима 1744 года), содержание его деятельности постепенно менялось. Облавы в местах скопления профессиональных преступников с массовыми арестами стали осуществляться лишь изредка. В этот период Каин занимался главным образом патрулированием московских улиц с солдатами Сысского приказа и арестом подозрительных лиц (беглых, подозреваемых в торговле краденым, нелегальных торговцев выжигой и т. п.).

Вместе с этим Каин выстраивал свои отношения с московским преступным миром. Уже весной 1742 года он имел контакты с профессиональными «мошенниками» с целью получения информации. Так, осенью 1741 года в Сысской приказ был прислан из полиции «фабричный» Авраам Звезда с делом «об обрезании им, Звездой, на Каменном мосту скрыни деревянной из коляски». На допросе он отрицал свою вину, утверждая, что десятские* его схватили на Каменном мосту, когда он возвращался на мануфактуру, а затем подняли с мостовой «деревянную скрынью да три кулька» и отвели его на съезжий двор. Десятские же настаивали на том, что подозреваемый выбросил краденые вещи в момент задержания. Тогда члены присутствия Сысского приказа обратились с просьбой добыть сведения о подозреваемом к Каину. 7 апреля 1742 года тот объявил, что «означенной суконщик Авраам Звезда подлинно мошенник и обрезывает у всяких проезжих людей у колясок на Каменном мосту и по дорогам пожитки, и вынимает у разных людей ис карманов платки и деньги, о чем де он сведом того ж Суконного двора от суконщика Алексея Емельянова, которой де ему сказывал в разговорах на одине, и тот де Емельянов и сам мошенничает же»¹⁷⁶. Каин полу-

* Десятские — здесь: должностные лица, выборные из посадских людей для несения полицейской службы.

чил эту информацию через своего знакомого, известного «фабричного» вора Алексея Емелина, чье имя мы находим в числе тридцати трех «мошенников», названных в реестре Каина от 27 декабря 1741 года. Поскольку в 1742 году Емелин оставался на свободе, можно предполагать, что ею он был обязан контактам с доносителем. Лишь летом 1743 года он был арестован Каином на Красной площади при совершении карманной кражи¹⁷⁷ (возможно, к тому времени бывшие приятели успели по какой-то причине поссориться и разойтись).

Как мы видим, «сыщик из воров» постоянно плел интриги, в результате которых преступный мир Москвы оказался расколот на две части. Одни преступники, бывшие «товарищи» Каина, старые воры, враждебно относились к доносителю. Они, по-видимому, представляли угрозу личной безопасности Каина, поэтому тот прикладывал особые усилия к их розыску и аресту. Так, 19 февраля 1746 года Каин поймал за Покровскими воротами в торговых банях известного вора и разбойника Гаврилу Рыжего¹⁷⁸. Спустя полгода, 2 августа 1746-го, ему удалось схватить старого 56-летнего вора Ивана Яковлева по прозвищу Жегала, которого он 27 декабря 1741 года при составлении реестра своих «товарищей» поставил на первое место. Это, конечно, не могло быть случайностью. Очевидно, Иван Яковлев был одним из самых авторитетных московских воров. В августе 1748 года доносчик доставил в Сыскной приказ своего старого друга, «мошенника» Петра Камчатку¹⁷⁹. Если верить «Автобиографии» Каина, Камчатка сыграл в его жизни важную роль — помог ему бежать от хозяина. Затем они были неразлучны почти до того самого момента, когда Каин явился в Сыскной приказ с повинной.

Но среди профессиональных «мошенников» Москвы нашлось много таких, которые стали лояльно относиться к Каину и его доносительской деятельности. Тот с ними общался, закрывал глаза на совершаемые ими преступления и даже покрывал их, регулярно получая взамен информацию о событиях, происходящих в преступном мире Москвы. В дальнейшем целая группа профессиональных воров превратилась в агентов Каина. В их числе были «фабричные» Алексей Шинкара, Дмит-

рий Маз, Василий Базан, Петр Волк, Сергей Соколов, Иван Буза, Дмитрий Монах и др. Некоторые из них даже проживали в доме доносителя¹⁸⁰. Вместе с солдатами Сысского приказа они помогали Каину осуществлять сыск и задержание преступников, что нашло отражение в протоколах допросов арестованных им подозреваемых.

Тридцатого ноября 1745 года к Каину пришел один офицер, пожаловался на кражу из его саней «епанчи* суконной гвоздичной на лисьем меху», совершённую на Красной площади «незнаемо какими воровскими людьми», и попросил, чтобы доноситель «тою епанчу искал на рынках». Уже на следующий день Каин привел в Сысской приказ солдата Василия Бордукова, который на допросе показал: «...в нынешнем 745-м году октября 30 дня... у Боровицкого мосту наехали к нему на извозчике Ярославского полку салдаты, а как зовут, не знает, и говорили ему, Василью, чтоб он, Василей, купил у них епанчу суконную гваздишную на лисьем меху, и сказали, что де они тою епанчу нашли, а где, не сказали, и он, Василей, тою епанчу купил, дал рубль пятьдесят копеек, а купил бес порук. И, купя, он, Василей, усмотрел, что она епанча краденая, положил ее за Арбацкими ворота в лавке лавочнику Василью, а чей сын, не знает. И на другой день приходил к нему, Василью, в квартиру явшаго доносителя Ивана Каина незнаемо какой человек Тихон, а чей сын, не знает, и спрашивал у него, Василья, не он ли купил краденую епанчу, и он, Василей, сказал, что епанчу купил он, Василей, и оной Тихон говорил ему, Василью, чтоб он, Василей, тою епанчу принес к вышеписанному Каину»¹⁸¹.

Виновный в краже у вдовы Дарьи Семеновой Аладинной золотых перстней и алмазов армянин Петр Соруханов был пойман и приведен в дом Каина «незнаемо какими людьми». Беглого каторжника Ивана Васильева в мае 1748 года задержали и сдали доносителю также «незнаемо какие люди». Как следует из показаний крестьянина Тараса Михайлова, пришедшего в мае 1748 года в Москву с чужим паспортом «для покупки яблоневых

* Епанча (*тур.* попона) — широкий безрукавный круглый плащ с капюшоном.

прививков для сажения в огороде своем», во время приобретения им «прививков» на Красной площади «пашпорт из-за пазухи у него выпал на мостовую и на той мостовой незнаемо какова чину люди три человека ево, Тараса, взяв, привели к доносителю Ивану Каину»¹⁸².

Уже будучи под следствием, Каин признался, что «закрывал» многих преступников «для того, что де когда у кого что пропадет и ему, Каину, скажут, то де он посылавал их для присматривания на площадь к выжежникам, не купил ли кто чего ис того краденого, и буде присмотрят, тогда ему, Каину, объявляли, и за то он, Каин, об них не доносил». Других преступников доноситель использовал «для указывания беглых, которья, ходя по баням, крадут рубашки и протчее платье»¹⁸³ и т. п.

Имел доноситель своих людей и среди торговцев краденым, которые пользовались его покровительством в обмен на помощь в сыске преступников. Так, 8 января 1746 года торговец выжигой Алексей Авдеев, «которой наперед сего содержался в Сыскном приказе и пытан», рассказал Каину, что «сего числа на площади незнаемо которого полку салдаты два человека продавали серьгу алмазную выжежнице Василисе Евсеевой, которая содержалась в Сыскном приказе и бита кнутом»¹⁸⁴.

Кроме того, у Каина существовала договоренность о поимке беглых людей с некоторыми изготовителями фальшивых паспортов. Так, 9 апреля 1748 года он привел в Сыскной приказ беглого дворового Илью Чулкова. На допросе беглец поведал о том, как он угодил в лапы доносителю: «...попался ему навстречу... диакон, которой у него спросил, что де не писать ли тебе чего? И он, Илья, сказал ему, что есть нужда написать пашпорт воровской. И он де, диакон, взяв ево, взвел к Троице на паперть, и на той паперти означенной дьякон по прозьбе ево именем помещика ево написал пашпорт... а именем де помещика ево под тем пашпортом подписался, якобы ево рукой... того ж собору сторож Никита Аксенов, за что он им дал за работу дватцать копеек, да означенной диакон снял у него с шеи платок полушелковой пестрой, цена дватцать пять копеек. И, подписав тот пашпорт, он, Никита, взяв ево, Илью, отвел к доносителю Ивану Каину, и оной Каин, взяв, привел ево в Сыскной приказ».

Девятого октября 1748 года беглый рекрут Иван Семенов попался на ту же удочку: «...сего октября 18 дня с того струга ходил он, Иван, в город, и пришел незнаемо какого чину человек, по-видимому церковник, спросал ево, что ему написать ли пашпорт, которой и написал, а за работу у него насильно взял денег дватцать пять копеек, шапку серую, рукавицы бараньи, котороря хотел отдать, и привел в дом, которой имеется в Зарядье, к сыщнику Ивану Каину, которой ево, Ивана, в Сыскной приказ и привел»¹⁸⁵. 24 октября был арестован и приведен в Сыскной приказ сам изготовитель фальшивых паспортов. Им оказался 54-летний дьякон Алексей Яковлев, который «служил в Москве по разным церквам из найму, и сверх того пишет он, Алексей, на монастыре Василия Блаженного, что на рву, разных чинов людям мирские челобитныя и грамотки, и от того пропитание имеет». На допросе Яковлев оправдывался тем, что фальшивые паспорта писал «не для свободного в пути ходу, но для сыску беглых людей и воров, понеже вышеписанной сыщик Иван Каин наперед сего просил их и научал, когда какия люди придут к ним писать пашпорта и увольнительные письма, а признаны будут люди беглыя, и, написав им пашпорты и увольнительныя письма, приводили б к нему, сыщнику Каину». Сам сыщик, вызванный 2 ноября для допроса, дал показания, что «означенному дьякону Алексею Яковлеву и другим, котороря пишут на монастыре Василья Блаженного... говорил он, Каин, когда де какие люди придут к ним писать пашпорты и увольнительные письма, а признаны будут люди беглыя, тогда об них ему, Каину, объявлять вскоре, а пашпортов и увольнительных писем ему, диакону Алексею и другим никому писать и подписывать не приказывал и не научал»¹⁸⁶.

Итак, при розыске преступников Каин использовал целую сеть агентов из солдат, информаторов из воров, изготовителей фальшивых паспортов, торговцев краденным. Поэтому напрасно сенаторы надеялись, что с помощью Каина «оные злодеи... вовсе могли быть искоренены и все подданные Ея Императорского Величества по искоренении таковых злодеев с покоем без всякой опасности и разорения впредь остаться могли». Реаль-

ный опыт борьбы с профессиональной преступностью с помощью прикрепленного к Сыскному приказу доносителя из воров привел к установлению его личного контроля над преступной средой Москвы. Такая форма отношений с криминальным миром была выгодна как самому Каину, который мог быстро найти краденую вещь или разыскать того или иного преступника, так и отдельным сотрудничавшим с ним ворами, получавшим возможность безбоязненно совершать преступления.

Но все-таки немало профессиональных воров и скупщиков краденым, близких друзей Каина до его явки в Сыскной приказ, были схвачены и понесли наказание. Их допросы предоставляют нам замечательную возможность поближе познакомиться с многими представителями преступного мира Москвы XVIII века.

МОСКОВСКИЕ ВОРЫ XVIII ВЕКА — КТО ОНИ?

„На первом плане нашего поиска — конкретный человек, его индивидуальное поведение, его собственный выбор... Пусть этот человек окажется из ряда вон выходящим. И в этом случае мы признаем его заслуживающим внимания. Ведь самая его уникальность раскрывает нечто от уникальности его времени.

Ю. Л. Бессмертный

Портретная галерея профессиональных преступников

Московские воры в XVIII столетии действовали четко и слаженно, приемы краж отрабатывались ими до автоматизма и передавались из поколения в поколение, поэтому поймать их было не просто. Оказавшись в Сыскном приказе, профессиональные «мошенники» не были склонны откровенно рассказывать о своей преступной деятельности и уж тем более выдавать товарищей. Картотеки преступников еще не составлялись, и при чтении допросов часто нельзя понять, являлся ли подозреваемый профессионалом, регулярно занимавшимся противоправной деятельностью, или же впервые покусился на чужое имущество. Поэтому следственные дела Сыскного приказа, как правило, не содержат сведений о московском преступном мире XVIII столетия. (Видимо, это была общая и даже международная тенденция. Так, полномасштабный анализ материалов архива Шатле — учреждения, которому с 1674 года была передана вся полнота судебной власти в Париже — за вторую половину XVIII века показывает, что в них очень мало информации о профессиональных ворах. В основном в Шатле попадали

одиночные преступники, совершившие незначительные кражи¹⁸⁷.)

Дело Ваньки Каина представляет собой исключение из общей практики. Авторитетный московский вор явился в Сыскной приказ и выдал многих своих товарищей. Среди пойманных по его указанию «мошенников» был беглый солдат Алексей Соловьев, в кармане которого, как мы помним, было свернуто собственноручно написанное им «доношение» с реестром из семидесяти пяти человек (из них 20 имен мы находим в списке тридцати трех «товарищей» Каина). В такой ситуации большинство арестованных по этому делу преступников не видели смысла скрывать свою воровскую сущность. «Тому ныне пять лет... с товарищи... мошенничал и поныне — на Красной площади, под горой и в крестных хождениях в разные дни вынимали всякого чина у людей из карманов деньги, а во сколько поймов, за множеством не упомнит» — в таких словах один за другим признавались собратья Каина и Соловьева по воровскому ремеслу¹⁸⁸. Многие пойманные воры, обескураженные предательством, также выдавали своих дружков. Так, схваченный Каином Иван Голый на допросе 29 декабря 1741 года перечислил 19 «мошенников», причем имена семнадцати из них нашлись в реестрах Каина и Соловьева.

Так солидарность в среде московских воров была нарушена, вследствие чего сообщество «мошенников» круга Ваньки Каина и Алексея Соловьева было в значительной мере уничтожено. По нашим подсчетам, всего с декабря 1741 года по конец 1748-го были арестованы, осуждены и сосланы на каторжные работы 69 профессиональных московских воров. Из них более половины (37 осужденных) названы в реестрах Каина и Соловьева (восемь человек мы находим и в том и в другом списке). Таким образом, из восьмидесяти восьми воров, о которых в декабре 1741 года вспомнили Каин и Соловьев при составлении списков московских «мошенников», 37 человек (42 процента) были пойманы и осуждены. Другие 32 вора, оказавшиеся под следствием по делу Ваньки Каина, хотя и не были перечислены в реестрах, но, несомненно, также были связаны с преступниками

круга Каина и Соловьева. Отметим, что из шестидесяти девяти «мошенников» 44 человека были арестованы в течение десяти суток (с 28 декабря 1741 года по 6 января 1742-го), то есть по горячим следам явки Ваньки Каина с повинной.

В Сыскном приказе на допросе каждому преступнику задавались вопросы биографического характера: «Как зовут? Сколько лет? Кто отец? Где родился? Чем занимаешься в Москве? Женат ли и кто твоя жена? Есть ли дети? Где живешь? Как давно знаешься с мошенниками и когда стал воровать?» Их ответы записывались, на основе черновых заметок составлялись беловые «роспросные речи», которые затем подшивались в следственное дело.

Изучив протоколы допросов почти семи десятков человек, попытаемся дать ответ на вопрос, каким образом происходило их вовлечение в преступную деятельность. Ответить на него невозможно без перехода от общего к частному, подробного, при максимальном приближении, рассмотрения отдельных персонажей и всей множественности вариантов их жизненных путей. Мы даем очерки о девяти представителях преступного мира Москвы во времена Ваньки Каина. Каждый такой портрет — это уникальная, неповторимая судьба, но вместе с тем и определенный путь маргинализации и криминализации личности в Москве XVIII века.

Петр Камчатка и Сергей Зотов являлись выходцами из солдатских детей, которые, как мы помним, были главным резервом для пополнения тогдашнего московского преступного мира. Эта социальная группа возникла после создания Петром I регулярной армии, комплектовавшейся на основе рекрутской повинности¹⁸⁹. Как правило, они воспитывались без отцов, а их матери, солдатские жены или вдовы, были вынуждены скитаться в поисках источников пропитания, нередко прибегая к нищенству. Многие солдатские дети, повзрослев, так и продолжали вести бродяжнический образ жизни, зарабатывая на существование воровством. Некоторые из них в подростковом возрасте оказывались на «фабриках» (именно такова судьба Пет-

ра Камчатки), а значительное число солдатских детей, проживавших в Москве в 30—40-х годах XVIII века, отдавалось матерями на воспитание в Гарнизонную школу, которая являлась настоящим рассадником малолетней преступности.

Три других персонажа — Иван Серков, Гаврила Рыжий и Иван Харахорка — являют собой примеры московских воров, происходивших из посадско-слободского мира Москвы. Оставшись в раннем возрасте сиротами, будущие преступники оказывались предоставленными самим себе. Многие с детства нищенствовали, а потом записывались в «фабричные» (таковы судьбы Ивана Серкова и Гаврилы Рыжего). На московских мануфактурах сложился особый контингент: туда приходили люди, в силу разных обстоятельств оказавшиеся выброшенными из своей среды, как Иван Харахорка, сданный от посадской общины в рекруты, а затем дезертировавший и вернувшийся на родные московские улицы.

Иван Метла — представитель группы профессиональных преступников из крестьян. По разным причинам их отцы уходили для прокормления в Москву, а впоследствии и вовсе теряли связь с родной крестьянской общиной.

Матвей Цыган был потомственным мануфактурным работником, выросшим на крупнейшем московском предприятии — Большом суконном дворе.

Наконец, биография Ивана Каина — беглого дворового — нетипична, но от этого не менее интересна. Лишенные личной свободы, крепостные слуги часто находились в более выгодном материальном положении, чем лично свободные солдатские дети, «фабричные» и многие обедневшие посадские. Поэтому дворовых редко можно было встретить «на дне» Москвы, среди профессиональных преступников. Биография дворового Ивана Осипова, предпочетшего судьбу свободного и ни от кого не зависящего московского «мошенника» обеспеченной жизни крепостного слуги, является своего рода исключением.

Галерея преступного мира Москвы во времена Ваньки Каина не может обойтись без женского портрета. Очерк об Анне Герасимовой дает представление о мно-

гочисленной категории солдатских жен и вдов, скитавшихся по Москве в поисках пропитания и нередко занимавшихся торговлей краденым.

Неизвестный Ванька Каин

О Ваньке Каине написано много. Его старший современник Матвей Комаров, создавший в 1775 году первое литературное описание приключений Каина, предварил свое сочинение словами: «...Ныне любезные наши граждане... во чтении всякого рода книг упражняются, с которыми я имею нередкое обхождение, слышал, как некоторые из них молодые люди, читая переведенную с немецкого языка книгу о французском мошеннике Картуше, удивлялись мошенническим его делам, говоря притом, будто у нас в России как подобных ему мошенников, так и других приключений, достойных любопытного примечания, не бывало. Что не справедливо сие мнение, о том разумным и знающим дела своего отечества людям довольно известно, а прочим в доказательство скажу следующее. Когда Россия по географическому исчислению одна обширностью превосходит все европейские государства вместе сокупленные, то нельзя стать, чтоб в такой пространной империи не было таких же и приключений... Ибо натура всех людей равным образом на свет производит, как французов, немцев и прочих, и потому во всяком народе добродетельных и порочных людей сыщется довольно».

Свой роман Матвей Комаров создал на основе литературной переработки «Автобиографии» (жизнеописания Ваньки Каина, составленного от его имени), снабдив его размышлениями, соответствовавшими духу времени. По мнению автора, «натура» одарила Каина «остротою разума, проворством, смелостью, скорою догадкою», а также наградила его «такою фортуною, которая во всех добрых и худых делах много ему способствовала и неоднократно извлекала из самых несчастливейших случаев». Однако «к сим натуральным дарованиям» герою недоставало «доброто воспитания,

через которое б он натуральный свой разум научился употреблять не на злые, а на добрые дела»¹⁹⁰.

Первое научное исследование о Ваньке Каине появилось в 1869 году. Известный историк Г. В. Есипов попытался воссоздать биографию легендарного преступника на основе некоторых архивных документов и «Автобиографии». По его мнению, Каин был крайним проявлением того состояния беззаконности, в котором находилась Москва в первой половине XVIII столетия: многолюдный город давал «безопасный приют всем беглым и беспаспортным», а недееспособная, погрязшая во взятках полиция была не в состоянии противостоять разгулу воровства и мошенничества: «Русский народ и правительство доживали ту эпоху, которую можно назвать эпохой отсутствия сознания законности. Мало кто тогда верил или надеялся на силу закона». Дитя своего времени, Ванька Каин, по словам историка, «соединял в своей личности два типа того времени: сыщика-грабителя и народного мошенника»¹⁹¹. Статья, в которой были впервые использованы и процитированы многие архивные документы, впоследствии стала для многих исследователей основным источником информации о Каине.

По мнению известного историка и писателя XIX века Д. Л. Мордовцева, «народно-историческое значение личности Каина» состоит не только в том, что он, являясь «героем голытьбы» и олицетворением близкого народному духу «беззаветного удалства», вошел в народную память наряду с такими героями, как Ермак Тимофеевич и Стенька Разин, но также в том, что Каин — «герой своего времени», «народный исторический тип», аналогичный типам, созданным выдающимися русскими писателями, — Митрофанушке, Чичикову, Обломову и т. д. В сочинении Мордовцева он предстает «подвижным» и «изобретательным» человеком, который по «уму и находчивости» «на голову выше своих товарищей», но, будучи «сыном своего времени», направляет свою деятельность на зло»¹⁹².

Из современных работ наиболее интересен очерк о Ваньке Каине известного петербургского историка Е. В. Анисимова¹⁹³. Автор, используя не только «Авто-

биографию» и сочинения предшественников, но и некоторые новые архивные документы, восстанавливает основные события жизни Ваньки Каина и облик окружавшего его мира.

Но несмотря на то, что Ваньке Каину посвящено немало исторических очерков, статей и даже книг, он все-таки продолжает оставаться неизвестным героем. Например, данные о периоде его жизни, предшествовавшем явке с повинной в Сыскной приказ, приводятся на основании «Автобиографии» и процитированных Г. В. Есиповым показаний Каина, данных во время его допроса в Сыском приказе 28 декабря 1741 года. Но никто из исследователей никогда не пытался ни проверить, насколько эти сведения достоверны, ни дополнить их другими документами. Между тем начальный период жизни будущего «сыщика из воров» представляет особый интерес для понимания механизмов формирования этой преступной личности. На основании совокупности разрозненных следов мы попытаемся, говоря словами французского исследователя А. Корбэна, «собрать некий пазл, части которого оказались рассеянными», реконструировать то, что оказалось «поглощено и стерто временем»¹⁹⁴.

На допросе в Сыском приказе 28 декабря 1741 года Каин о себе показал, что зовется он Иван Осипов сын, от роду ему 23 года и что его отцом был Осип Павлов, крепостной крестьянин «Ростовского уезду вотчины гостиной сотни купца Петра Дмитриева сына Филатьева села Ивашева». В ходе изучения материалов первой переписи населения (ревизии) о ростовском поместье купцов Филатьевых, в которое входило 12 населенных пунктов с центром в селе Ивашеве, удалось обнаружить только одного крестьянина с таким именем, жившего в деревне Болгачиново. В 1722 году у него родился сын Иван. Очевидно, это и есть будущий Ванька Каин¹⁹⁵. Следовательно, в 1741 году ему исполнилось 19 лет. Такое несоответствие в возрасте часто встречается и свидетельствует о том, что простолюдины в XVIII веке знали год своего рождения лишь приблизительно.

Его родная деревня входила в состав крупной рос-

товской вотчины известного купца, гостя* Алексея Остафьевича Филатьева (ок. 1660—1731). Отец хозяина Остафий Иванович Филатьев был племянником крупнейшего в Москве в середине XVII века торговца сибирской пушниной Богдана Филатьева. После смерти дяди Остафий унаследовал его капиталы, что позволило ему развернуть активную торгово-промышленную деятельность. Зачисленный в 1658 году в корпорацию гостей, Филатьев в 1670-х приобрел в Серегове и Соли Камской соляные промыслы и постепенно превратился в крупнейшего солепромышленника страны. В 1675 году гостем стал его старший сын Василий, а в 1678-м — средний сын Алексей. Размер денежного обложения Василия и Алексея Филатьевых с братьями Федором и Андреем в 1678 году исчислялся в 1250 рублей. В 1680-х годах О. И. Филатьев на свои средства построил известный каменный храм Николая Чудотворца Большой крест на Ильинской улице, в непосредственной близости от своего московского двора в Ипатьевском переулке. Этот храм стал семейной усыпальницей: в мае 1692 года в присутствии патриарха Адриана здесь был торжественно погребен Остафий Иванович¹⁹⁶.

В январе 1687 года в связи с заключением «Вечного мира» с Польшей (1686) по указу царевны Софьи 31 купец-гость был пожалован денежными и поместными окладами «за многие их службы и за денежные подати, которые они в мимошедшие военные времена на жалование ратным людям, не жалея пожитков своих, давали из торговых своих промыслов». Среди награжденных значатся и Филатьевы. В частности, Алексей Остафьевич получил 700 четвертей и 80 рублей¹⁹⁷. Очевидно, именно тогда у него и появилась крупная вотчина в Ростовском уезде.

* Гости и гостиная сотня — корпорации наиболее богатых купцов, члены которых пользовались многими привилегиями (освобождались от различных повинностей, имели право на беспощинную торговлю, владение землей и крепостными и др.), но вместе с тем выполняли важные казенные поручения. Гости, в отличие от купцов гостиной сотни, не могли передавать этот статус по наследству (см.: *Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1).*

В состав вотчины входило 12 населенных пунктов, расположенных на юго-восточной окраине Ростовского уезда, на границе с Переславским, между речками Ухтома и Сухода. С севера эти края были окружены большими лесными массивами. Еще в XIX веке жители Ростовского уезда называли этот край «лесниной», приговаривая: «...там все пильщики да плотники, хоть и богатые, но серые»¹⁹⁸. Главным поселением вотчины было крупное село Ивашево (второе название — Ново-рождественское), расположенное на Ухтоме в 46 верстах к юго-востоку от Ростова. В окрестностях Ивашева располагались сельца и деревни, относящиеся к той же вотчине: на востоке находились Язвинцево, Шандора, Болгачиново, Ратчино и Селище, на севере — Яковлево, Овсянниково и Чайниково, а на северо-востоке — Кузяево, Денисово, Зайково¹⁹⁹. Во всех этих населенных пунктах в 1722 году числилась 1121 душа мужского пола, платившая ежегодный совокупный подушный оклад 784 рубля 70 копеек²⁰⁰. Все эти крестьяне управлялись одним приказчиком. Так, в апреле 1736 года в Ростовской воеводской канцелярии управлявший вотчиной Филатьевых староста Никита Семенов заплатил оброчные деньги с мельниц и рыбных ловель: пять копеек за ветрянную мельницу в селе Ивашеве; три рубля девять копеек за водяную мельницу, расположенную в том же селе на реке Ухтоме; три рубля 18 копеек за другую водяную мельницу под деревней Язвинцево на реке Суходе; шесть рублей 34 копейки за водяную мельницу на реке Суходе под деревней Болгачиново; 52 копейки за рыбные ловли на реках Ухтоме и Суходе²⁰¹.

Основу хозяйства составляло, конечно, земледелие, хотя пашня здесь была не самой плодородной: «земли песчаные» — так охарактеризована она в Экономических примечаниях к планам Генерального межевания Ростовского уезда 1770-х годов²⁰². Там же сообщается, что крестьяне села Ивашева и окрестных деревень находились «на пашне». Это значит, что основной формой повинности крепостных крестьян в пользу помещика была барщина.

В центральном населенном пункте вотчины — Ивашеве — в 1722 году числилось 199 душ мужского пола. Здесь располагался господский двор: в центре сто-

ял деревянный дом на каменном фундаменте; при нем был разбит «регулярный сад», а неподалеку находились конюшня и ветряная мельница²⁰³. На дворе в это время проживало три десятка дворовых — приказчик, конюхи, скотники, повара и прочая прислуга. Крестьяне жили, как правило, большими традиционными семьями. Например, в одном дворе в Ивашеве жили 53-летний крестьянин Митрофан Матвеев сын Смирной с женой и детьми и три его родных брата — Марфентий, Семен и Тимофей — также с семьями. Причем некоторые их сыновья уже успели жениться и народить детей, но все-таки оставались все вместе под одной крышей. В 1722 году в селе были две деревянные церкви: Рождества Пресвятой Богородицы и Усекновения главы Иоанна Предтечи²⁰⁴. В приход входили крестьяне окрестных деревень Чайниково, Яковлево и Язвинцево. Но Иван Осипов и его родственники и односельчане вряд ли посещали ивашевские храмы, поскольку в сельце Шандора, расположенном южнее Ивашева, также имелись две церкви — во имя Святой Троицы с приделом Николая Чудотворца и во имя Святого чудотворца Тихона. В Шандору приходили на службу крестьяне из близлежащих Ратчина, Селища и Болгачинова²⁰⁵ — родной деревни Ваньки Каина.

В Болгачинове в те годы было всего восемь крестьянских дворов с шестьюдесятью двумя душами мужского пола. Материалы переписи 1722 года называют поименно всех мужских обитателей каждого двора. Самым многолюдным был двор Ильи Кузьмина: вместе с ним проживали его сыновья Мартьян, Василий и Григорий со своими женами, детьми и внуками. Всего в 1722 году в этом дворе было 14 крестьян мужского пола четырех поколений, самому старшему из которых, главе семейства, исполнилось 74 года, а самые младшие, его правнуки Иван Данилов и Сергей Семенов, были грудными младенцами.

Двор, где вырос будущий знаменитый вор и сыщик, был не таким населенным. В нем жили три брата — Герасим, Осип (отец нашего героя) и Ефим Павловы дети. У старшего, Герасима, было четыре сына — Клим, Василий, Осип и Гаврила. Его дети уже успели подрасти,

когда отец умер (между 1710 и 1719 годами). Некоторое время они так и жили — Осип и Ефим Павловы вместе со своими четырьмя племянниками. Вскоре, в 1720 году, у Осипа родился первый сын Прокофий, а в 1722-м появился на свет второй, Иван (к моменту переписи 1722 года ему было два месяца). Этот Иван Осипов сын и есть не кто иной, как наш герой Ванька Каин²⁰⁶.

В этой-то глухой деревушке на Суходе родился и провел детство в большой крестьянской семье Иван Осипов рядом со старшим родным братом и соседскими мальчишками (всего в Болгачинове в 1718—1722 годах родились 12 крестьянских детей мужского пола).

Между тем жизнь купца Филатьева клонилась к закату. Его единственный сын Дмитрий умер до 1725 года, оставив молодую жену и двоих детей — Петра и Екатерину. 1 сентября 1731 года в доме Филатьевых был торжественный день: лежащий на смертном одре 71-летний Алексей Остафьевич в присутствии своего духовного отца Тихона Леонтьева — иерея церкви Праведных Богоотец Иоакима и Анны, что в Кадашеве, настоятеля ближайшей от московского двора Филатьевых церкви Вознесения Господня Матвея Петрова, своего родного брата Андрея, четырнадцатилетнего внука Петра Дмитриева и его деда со стороны матери Ивана Иванова сына Мокеева, а также своего «ближнего свойственника» казначея Монетного двора Ивана Дмитриева сына Алмазова диктовал завещание:

«Аз, многогрешный раб гость Алексей Остафьев сын Филатьев, пишу сию изустную духовную в целом своем уме и разуме и в совершенной памяти. И завещаю внуку своему родному Петру Дмитриеву сыну Филатьеву по отлучении моем сего временнаго света в вечную блаженную жизнь строить и поминать душу мою ему, внуку моему, и поминовение по мне в четыредесятницу и по родителях моих, как я при животе своем чинил поминовение, так и завещаю ему, внуку своему Петру», — записывал слова хозяина 23-летний служитель Гаврила Михайлов сын Саблин. Так окружающим стало известно, что этот известный купец определял наследником всего своего имени четырнадцатилетнего внука. При этом старый купец заповедал присутствовавшим при

составлении завещания «милостивым своим свойственникам» не оставлять несовершеннолетнего наследника, а тому приказал «быть у них во всяком послушании и без ведома их ничего не чинить».

Находясь при смерти, Алексей Остафьевич очень переживал за будущее своего с трудом нажитого имени. Поэтому при составлении завещания старик не жалел слов наставлений, увещеваний и даже заклинаний:

«А внуку моему Петру... жить, постоянно смотреть на добрых людей, и дом свой содержать чинно... А оставшим моим людям быть им во всяком послушании, за что от Бога они себе получают всякое милосердие, и показать внуку моему всякую верность и услугу. А в вотчинах смотреть и надзирать всего самому. А на чужие руки и слова не полагаться. Также и дворовых людей держать умеренно, а которые будут излишние, и тебе б по смерти моей оных излишних людей по рассмотрению распустить... А которые из молодых служителей при тебе будут служить, и тебе б от них никакова непотребнаго совету не принимать. А хотя тебе от них какой и благой совет придет, и тебе б о том их совете спрашивается с вышеписанными моими сродниками, а без совета их отнюдь собою до возрасту своего ничего не чинить. А ежели ты пожелаешь законной брак возьиметь, и тебе б невесту отъискывать ис купечества, а из шляхетства (дворянства. — *Е. А.*) не соизволяю тебе и запрещаю. Еще запрещаю с мотами, и безделниками, и с зерщиками (игроками в кости. — *Е. А.*), и с тунейцами отнюдь не знатся, о чем тебе под великую клятвую запрещаю. И от блуда иметь чистоту и воздержание, и от прелесниц бегать, и иметь их от себя отриновенных, и бояться того, яко лютого змия, чтоб тебе от Бога, в Троице славимаго, не прогневать и в напасть не притти, от чего всегда блудники пропадают безвременными казнми от Бога и наказаны бывают... А охот тебе по твоим летам никаких непотребных не держать. И хотя при своей жизни по твоему желанию в том и не воспрещал, не хотя тебя во юности раздражить, а после тебе сие творить весьма с клятвою запрещаю... Тако ж тебе завещаю, которые после меня останутся долги писменные и безписменные, и онаы долги по смерти моей с явным свидетельством оплатить, а душу мою от того свободну учинить... А ежели сие мое завещание ты, внук мой Петр, не исполнишь, и в том

я грехе пред страшным судом Божиим от того очищен буду, а ты примешь за не исполнение мое пред Богом сугубой грех, и Бог взыщет на твоей душе при суде за не исполнение»²⁰⁷.

С вступлением в наследство Петра Дмитриевича совпало важное событие в жизни крестьянского мальчика из ростовской деревни. Около 1731 года десятилетний Иван Осипов сын был взят из родных мест в московский господский дом в Ипатьевском переулке. Скорее всего, в этом можно увидеть стремление нового хозяина омолодить состав своей прислуги. В пользу этого может говорить тот факт, что в 1730-х годах он отпустил на волю нескольких пожилых дедовских дворовых, проживавших в Ивашеве²⁰⁸. Видно, Алексей Остафьевич далеко не случайно, находясь на смертном одре, обратился к внуку со словами: «...которые из молодых служителей при тебе будут служить, и тебе б от них никакова непотребнаго совету не принимать».

Нам остается только гадать, чем именно этот, а не какой-то другой крестьянский сын приглянулся Петру Филатьеву или его приказчику. В ревизских сказках о ростовской вотчине Филатьевых зафиксирован только один случай перевода крепостного из деревни в московский дом: сорокалетний дворовый Кузьма Лазарев сын Волков, ранее проживавший в господском доме в Ивашеве, был «взят в Москву в дом оного Филатьева во услужение» и во время ревизии 1748 года был уже записан как дворовый²⁰⁹. Впрочем, помещик мог переводить своих крепостных из уезда в уезд, никак официально не фиксируя этот факт.

Как бы то ни было, это событие кардинальным образом изменило судьбу Ивана Осипова. Какие чувства испытывал мальчик, когда он расставался с родителями, братом и сестрами, родственниками и односельчанами, по воле помещика навсегда покидая родную деревню? Крестьяне, конечно, не писали мемуары, поэтому их переживания, как правило, остаются за рамками исторического повествования. Лишь судебные дела сохранили несколько их образчиков. Например, в январе 1734 года в Московской конторе тайных

розыскных дел (филиале Тайной канцелярии) расследовалось дело крестьянского сына Сидора Рекунова, отданного в рекруты из сельца Горчакова Калужского уезда. 19 января, находясь в Калуге в кругу земляков и товарищей по несчастью, таких же рекрутов, он изрек следующие слова, переданные в следственном деле от третьего лица: «Дай де Бог государыни нашей Анне Иоанновне умереть за то, что де в народе зделала плач великой! Много в салдаты берут, да и ево де взяли, а он де у отца и у матери один сын, и они де по нем завсегда плачут». Кто-то из слушателей Сидора донес на него. В августе в Петергофе об этом деле доложили императрице Анне Иоанновне, которая лично «изволила указать оного Рекунова казнить»²¹⁰.

Можно предположить, что подобные горестные чувства испытывали и крепостные крестьяне, которых разлучали с близкими, отрывали от родных мест и по воле помещика переводили в другую деревню или в господский городской дом. Для десятилетнего Ивана Осипова это, конечно, была большая психологическая травма. Возможно, с этого момента он затаил злобу на своего молодого господина.

Материалы второй ревизии 1740-х годов позволяют представить, какой могла быть судьба Ивана Осипова, если бы волею помещика его не перевели в московский дом. Семерых его болгачиновских сверстников, в том числе и родного брата Прокофия, в разные годы взяли в рекруты. А всего из ростовской вотчины Филатьевых в 1720—1740-х годах были забриты 113 человек — молодых, здоровых, находившихся в самом расцвете сил крестьян.

Видимо, рекрутская повинность вынуждала многих крестьянских парней бежать из родных мест. Всего из ростовской вотчины Филатьевых за 20 лет сбежали более шестидесяти человек, причем 80 процентов беглецов были в возрасте от десяти до двадцати пяти лет. Одни направлялись в отдаленные места Российской империи или за польский рубеж, где нередко обзаводились семьями и хозяйством. Другие бежали в крупные города, где кормились всякого рода поденной работой. Третьи нищенствовали, постоянно перемещаясь по об-

ширным российским просторам. Наконец, находились и такие, которые присоединялись к разбойным бандам, орудовавшим в их родных местах²¹¹.

У крепостных крестьян в это время было мало шансов получить свободу легальным путем: с 1722 по 1748 год из крупной ростовской вотчины Филатьевых были освобождены с «отпускным письмом на волю вечно» всего лишь пять человек. Из них четверо были дворовыми в господском доме в Ивашеве, которых Петр Филатьев отпустил после смерти деда. Получив волю, эти люди нашли себе новых господ: 53-летний Андрей Иванов сын Шагин с сыном Игнатием пошел в слуги к Александру Андрееву сыну Ржевскому, его родной сорокалетний брат Михаил стал служить в московском доме у канцеляриста Вотчинной коллегии Петра Иванова сына Абрамова, а 54-летний Гаврила Карпов подался в услужение к секретарю Московской губернской канцелярии Михаилу Аронову. Только крестьянин Александр Филиппов из деревни Денисово нашел возможность выкупить у Петра Филатьева свою свободу и записаться в переславское купечество.

Так же мало шансов у крестьян Ивашева и окрестных деревень было на смену господина, поскольку Филатьевы редко продавали крепостных из своей ростовской вотчины: с 1722 по 1748 год ими было продано менее двух десятков душ мужского пола. Так, в 1738 году троих филатьевских крепостных приобрел обер-секретарь Правительствующего сената Матвей Кузмин, в 1744-м пятерых крестьян, в том числе одного из Болгачинова, купил содержатель шелковой мануфактуры Панкрат Колосов. Еще один крестьянин, купленный генерал-фельдмаршалом Иваном Юрьевичем Трубецким, был вынужден отправиться в его вотчину в Симбирском уезде²¹².

Но большая часть крестьян все-таки унаследовала социальный статус предков. Если бы Иван Осипов остался в родной деревне, избежал горькой участи рекрута и воздержался от побега, его ждала бы нелегкая крестьянская жизнь в родной деревне, сопряженная с непрерывным физическим трудом. В 1733—1735 годах серия

крупных неурожаев привела к страшному голоду в центральных уездах России²¹³. Возможно, именно вследствие него 12 болгачиновских крестьян, которым в 1722 году было от года до семнадцати лет, по переписи 1748 года уже числились умершими. В результате рекрутчины, высокой смертности и побегов мужское население Болгачинова между двумя ревизиями уменьшилось на 21 процент (с шестидесяти двух до сорока девяти душ мужского пола). Всего же по ростовской вотчине Филатьевых (12 населенных пунктов) сокращение мужского населения составило почти 26 процентов (с 1121 до 831 души мужского пола).

Но Ивану Осипову не было суждено вкусить ни тягот крестьянской жизни, ни горькой участи рекрута. По большой столбовой дороге из Суздаля в Москву, проходившей близ деревни Язвинцево²¹⁴, его навсегда увезли из родных мест. Вместе с родной деревней позади остался крестьянский образ жизни. Впереди его ждала совсем другая жизнь в Москве в совершенно новой роли дворового.

Несомненно, десятилетний мальчик, выросший в глухой ростовской деревне, будучи привезен в большой город, испытал яркие впечатления. Двор купцов Филатьевых был расположен в Китай-городе, близ Ильинской улицы, в одном из наиболее престижных районов тогдашней Москвы, и занимал обширную территорию. Согласно переписной книге дворов первой команды 1742 года, его поперечник вдоль проезда около Китайгородской стены составлял 47, а по Ипатьевскому переулку — 24 сажени, в длину же протянулся на 83 сажени, на весь квартал, причем выезды имелись на обе стороны²¹⁵. Палаты гостей Филатьевых существовали еще в начале XX века и были снесены в 1912 году при строительстве доходного дома по проекту архитектора В. В. Шервуда (современный адрес — Старая площадь, дом 4)²¹⁶.

С юга двор хозяев будущего вора-перебежчика граничил с усадьбой баронов Строгановых, а с севера — с дворами генерал-майора Афанасия Даниловича Татищева и доктора Антона Филипповича Севастья. Неподалеку находились дворы князя Михаила Владимировича Долгорукова, сенаторов графа Григория Петровича

Чернышева и Семена Григорьевича Нарышкина, князя Николая Александровича Голицына, графини Марьи Ивановны Скавронской, князя Константина Дмитриевича Кантемира, генерала Ивана Михайловича Головина и прочих знатных господ²¹⁷. В каждой такой усадьбе имелось несколько десятков крепостных слуг — приказчиков, поваров, прачек, конюхов и т. д. Поэтому весь район между Варваркой и Никольской был густо заселен дворовыми²¹⁸.

Расположенный в центре усадьбы двухэтажный каменный господский дом, построенный еще в XVII веке, был сориентирован на восток, так что парадный въезд, оформленный тремя каменными строениями конюшни, каретного сарая и мастерской, находился со стороны Китайгородской стены. В 1754 году, когда Петр Филатьев намеревался продать свое московское владение за семь тысяч рублей для размещения в нем Канцелярии конфискации, двор и все строения были осмотрены архитектором князем Д. И. Ухтомским, который составил подробный план двора тушью и акварелью на листе бумаги размером 64,6×97,8 сантиметра с поэтажными чертежами господского дома, который теперь хранится в составе графической коллекции Сената. Господский дом был охарактеризован следующим образом: «...в том ево доме полаты, в коих жилых и кладовых, кроме одной залы с каменными своды, дватцать один покой». Особо было отмечено, что «дом крыт железом и починке ныне никакой не требует», а также то, что он расположен «поблизости от Кремля и от Гостиного двора», поэтому удобен «для продажи отписных (конфискованных. — Е. А.) вещей». Позади дома был разбит небольшой сад, а за ним находилась хозяйственная часть, в которую вел отдельный въезд со стороны Ипатьевского переуллка. С этой стороны двора располагались каретный сарай, деревянные постройки для прислуги, а перед ними вырыты колодец и погреб²¹⁹. Именно здесь, в деревянных людских покоях, и обрел свое новое жилище юный Иван Осипов.

К сожалению, документов о московской дворне Филатьевых 1730-х годов пока обнаружить не удалось. Зато благодаря самой ранней сохранившейся испо-

ведной ведомости церкви Вознесения, что в Ипатьевском переулке, мы можем реконструировать население этого двора в 1748 году. Кроме хозяина, его супруги Евдокии Матвеевой и сына Алексея здесь проживали 46 человек. Из них к крепостным слугам Филатьевых относились, по-видимому, 32 человека (остальные были, скорее всего, жильцами)²²⁰. Шесть семейных пар с детьми, девять одиноких дворовых, четыре вдовы и три девицы — вся эта команда крепостных, обслуживавшая потребности господской семьи, имела внутреннюю иерархию и четкое распределение обязанностей. Первым среди них в исповедной ведомости числится Гаврила Михайлов сын Саблин с женой Марфой Ивановой. Именно этот служитель записывал завещание Алексея Остафьевича Филатьева, он же вел все известные на настоящий день судебные процессы его внука²²¹, а также заведовал семейным архивом. Так, во время переписи московских дворов осенью 1742 года именно он от имени Петра Филатьева заявил представителям государства: «о дворе де реченного его господина крепости в прошлом 1737 года мая 29 дня во учинившийся пожар сгорели»²²². Старый служитель дома Филатьевых, посвященный во все внутренние дела семейства, на глазах у которого вырос молодой хозяин, занимал высокое положение. Скорее всего, именно он выполнял функции приказчика, когда появился новичок Иван Осипов.

Важной особой среди дворни была престарелая «девица» Домна Яковлева. В одном судебном деле 1756 года она названа «верховой девкой», которая была «к варению кофе определена». Иначе говоря, она была особо приближенной к господам, прислуживала непосредственно в господских покоях. Из этого же дела мы узнаем, что Домна Яковлева имела власть над прочими дворовыми «женками» и «девками», по отношению к которым она нередко применяла физическую силу²²³. Прочие слуги трудились на кухне, стирали платье, работали на конюшне и т. д.

Несложно представить, какое место занял в этом доме десятилетний Иван Осипов, привезенный из ростовской деревни. Наверняка первое время он выполнял са-

мую грязную работу, непрестанно получая оплеухи не только от помещика, но и от вышестоящих дворовых. Подтверждением этому служит начало «Автобиографии» Ваньки Каина. О службе в доме Филатьева в ней всего несколько предложений, как бы предваряющих историю Каина, которая началась с побега. В них содержится намек на некий конфликт между молодым крепостным слугой и его господином: «Я... служил в Москве у гостя Петра Дмитриевича Филатьева, и что до услуг моих принадлежало, то со усердием должность мою отправлял, токмо вместо награждения и милостей несносные от него бои получал. Чего ради вздумал: встать поране и шагнуть от двора подале. В одно время, видя его спящего, отважился тронуть в той же спальне стоявшего ларца ево, из котораго взял денег столь довольно, чтоб нести по силе моей было полно. А хотя прежде оного на одну только соль и промышлял, а где увижу мед, пальчиком лизал, а оное делал для предков, чтоб не забывал. Висящее же на стене платье ево на себя надел, и из дому тот же час, не мешкав, пошел. А более за шум поторопился, чтоб от сна он не пробудился и не учинил бы за то мне зла. В то время товарищ мой Камчатка дожидался меня у двора. Вышед со двора подписал на воротах: “Пей воду как гусь, ешь хлеб как свинья, а работай черт, а не я”»²²⁴.

Если верить автобиографическим показаниям, которые Иван Осипов дал в Сыскном приказе 28 декабря 1741 года, он прослужил в московском доме Филатьевых около четырех лет и бежал приблизительно в 1735 году в возрасте примерно четырнадцати лет²²⁵. Как видно из автобиографии, за это время Иван успел выслужиться перед господами и был допущен в господские покои, но при этом ему очень часто приходилось испытывать побои и унижения. О том, каким образом Петр Филатьев обращался со своими крепостными, нам известно из двух судебных процессов.

Четвертого июля 1743 года Филатьев отослал в Московскую губернскую канцелярию своего дворового человека и в доношении заявил: «...сего июля 2 дня 1743 года в четвертом часу по полудни наказывал я крепостного своего человека Ивана Власова сына Снешкова за

ослушание ево и за противности, которой при том наказании сказал “слово и дело”...» На допросе 27-летний крепостной признался: «...сего июля 2 дня он, Снешков, за собою “слово и дело” сказывал, не стерпя от помещика своего побой, а за ним... “слово и дело” нет и за другими ни за кем не знает». За ложное объявление Ивана Снешкова в Московской губернской канцелярии выпороли плетью и вернули в господский дом²²⁶. Видимо, Петр Филатьев оплатил своему дворовому за доставленные хлопоты и эмоциональный стресс сдачей в рекруты: согласно исповедной ведомости, в 1748 году Ивана Снешкова в его доме уже не было²²⁷.

Четырнадцатого марта 1756 года Филатьев жаловался на своих крепостных уже в Сыскной приказ: «Дворовая моя крепостная девка Марина Еремеева дочь, которая находилась при доме моем во услужении, ...в молотую кофь, которая была в жестянке, не знаю с какого умыслу, положила соли. Чего ради я... помянутую девку без всякаго пристрастия спрашивал, на что она девка принесла извинение, что в ту кофь соль наговоренную [положила] для одной верховой девки, которая к варению кофи определена, чтоб она была к ней добра. Из чего видно ее неправда, потому что означенная девка толко кофь варит, а в питье участия с нами не имеет. И так, следовательно, что ту соль для меня именованного и жены моей положила, а не для девки. Которую наговоренную соль получила от дяди своего салдата... От чего я... з домашними своими в помянутой девке имею немалое опасение». Филатьев просил следователей Марину Еремееву «с пристрастием (под плетью. — Е. А.) роспросить», «а ежели... следует до розыску, то ее розыскивать» (то есть в случае необходимости подвергнуть ее пытке), чтобы узнать, «не имела ль она и прежде сего надо мною и над домашними моими ко испровержению умыслу». На допросе Еремеева показала, что вышеупомянутая престарелая «девица» Домна Яковлева (ей в то

* Слово и дело государево — формула, произносившаяся человеком, намеревавшимся донести властям о государственном преступлении (по закону 1713 года — по «первым двум пунктам»), после чего объявителя следовало немедленно доставить в государственное учреждение. Ложное сказывание «слова и дела», как правило, каралось телесным наказанием.

время было 60 лет), приближенная к господам и имевшая власть над прочими дворовыми «девками», «многokrатно ее бивала, а по приказу помещика, или собою, ...не знает». Поэтому Марина, «злоствуя» на Домну Яковлеву, решила подсыпать соль в кофе, который подавали господам, чтобы ее «привесть... к какому-нибудь наказанию». При этом обвиняемая отрицала наличие в своих действиях какого бы то ни было колдовства и оправдывалась: свое признание в том, что соль была «наговорная», она «господину своему показывала напрасно, в беспамятстве». Она не призналась в применении колдовского заговора даже в застенке, где ее допрашивали «с пристрастием»²²⁸.

Возможно, Петр Филатьев, увидевший в поступке крепостной попытку воздействовать на себя посредством колдовства, был всё же прав. Исследование Е. Б. Смилянской показало, что дворовые XVIII века имели целый арсенал магических средств, с помощью которых рассчитывали умилоствить своих господ²²⁹. Но для нас особый интерес представляет тот факт, что несчастная крепостная боялась своего господина, допрашивавшего ее без всякого пристрастия, больше, чем служащих Сыскного приказа: пришла «в беспамятство» и сразу повинилась в содеянном, тогда как после не призналась в колдовстве ни на допросе, ни даже в застенке.

Эти судебные дела показывают, что Петр Филатьев обладал крутым нравом и нередко жестоко наказывал своих крепостных «за ослушание» и «противности». Как видно, не случайно его дед, зная характер внука Петра и предвидя его сложные взаимоотношения с крепостными, заповедал наследнику: «...людем домовым, також и крестьяном... по винам смотря, чинить наказание не жестокое, дабы от жестокого напрасного наказания как люди, так и крестьяне не разбрелись врознь, дабы от Бога не принять тебе в том греха». Но, видимо, предсмертные слова деда не стали жизненным кредо внука.

Побег был едва ли не единственным средством противодействия власти жестоких господ. К сожалению, побег дворовых практически не изучены²³⁰, поэтому мы не знаем, насколько часто крепостные слуги отваживались на них. Беглые крепостные крестьяне могли

целыми семьями отправляться в малоосвоенные регионы, где непосильным трудом поднимали новое хозяйство; могли уходить в города, где занимались поденной работой; могли даже наниматься на предприятия (хотя прием беспаспортных людей на мануфактуры был запрещен законом, однако резкий дефицит свободных рабочих рук в крепостной России вынуждал промышленников брать беглых). Дворовые же, с детства выросшие при господах, привыкшие к домашней работе и ношению «немецкого» платья, редко рассматривали все эти варианты как возможную альтернативу своему положению. Дворовый, как правило, мечтал иметь вместо своенравного и жестокого помещика другого хозяина, незлобивого, мягкого и невзыскательного. Поэтому даже отпущенные на волю крепостные слуги в основном старательно подыскивали для себя новое место в благородном доме. По справедливому замечанию О. Е. Кошелевой, для подавляющего большинства отпущенных дворовых с волей связывался целый комплекс отрицательных представлений²³¹. Но если даже для отпущенного на волю крепостного человека поиск нового хозяина был делом непростым, для беглого дворового пристроиться у господина, который на свой страх и риск, вопреки законам, согласился бы принять его на службу, было намного сложнее. Поэтому большинство дворовых предпочитали терпеть даже злых и жестоких помещиков, апробируя на них разного рода магические приемы, нежели совершить побег, грозящий кардинальным образом перевернуть весь привычный образ жизни.

Но были и такие дворовые, которые видели особый смысл в своем служении. Например, 29 сентября 1740 года, когда заканчивались приготовления к отправке из Москвы в Сибирь водным путем очередной партии колодников, в Сыскной приказ обратился Дмитрий Евстафьев, дворовый человек дворянина Ивана Дмитриева сына Торбеева, приговоренного за какие-то вины к ссылке. В доношении крепостной человек жаловался: «...ныне показанного помещика моего велено послать в Сибирь, который ныне уже на судне, а меня, именованного, на оное судно с ним не пускают. И дабы указом Ея

Императорского Величества повелено было мне... при нем, помещике моем, на оном судне быть с ним, ехать на коште помещика моего»²³². И этот случай далеко не единственный.

Верность некоторых крепостных слуг своим господам не раз удивляла иностранцев. Так, английский путешественник Уильям Кокс, в 1778 году посетивший тюремный острог возле Калужского житного двора, был весьма поражен привязанностью одной крепостной к своему помещику, находившемуся под следствием: «В этом остроге сидит помещик, который один не пользуется правом прогулки; это наказание едва ли соответствует его преступлению, заключающемуся в том, что он засек нескольких крепостных до смерти. Это показывает, какой властью пользуются помещики над своими крестьянами... У самых ворот тюрьмы, в которой заключен этот несчастный, семидесятилетняя старуха соорудила жалкий навес, едва защищающий ее от непогоды; она живет тут из сострадания к заключенному, которого она нянчила, и не покидает его, чтобы оказывать ему все услуги, какие только возможно. Подобную преданность трудно где-либо встретить; она делает это совершенно бескорыстно, так как преступление, совершённое помещиком, так велико, что нет ни малейшей надежды на то, что он будет освобожден, и она не может ожидать никакой награды за то, что делается ею только из привязанности к нему: когда я дал этой бедной женщине какую-то мелкую монету, она тотчас отдала ее заключенному»²³³.

Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что терпеливое служение своему помещику и его семье, упование на Бога и господскую милость было ведущей жизненной установкой многих дворовых людей. При этом дворовые люди находились не в самом тяжелом материальном положении, в особенности крепостные слуги знатных и состоятельных хозяев. Они были избавлены от мыслей о добыче денег для уплаты подушной подати, не ломали себе голову над тем, где найти жильё, не голодали. Проживавшие в московских богатых усадьбах, носившие нарядное европейское платье, многие дворовые люди прекрасно осознавали выгоды

своего положения и, наверное, не могли без содрогания смотреть на ходивших в изодранной одежде «фабричных», на огромное количество нищенствующих, умирающих от голода крестьян, на ютившихся по «углам» и кормящихся мелкой торговлей солдатских вдов.

Не случайно среди профессиональных преступников Москвы крайне редко встречались выходцы из дворовых. Так, из 125 преступников, с помощью доносителя Ивана Каина пойманных в конце 1741-го — 1748 годах и осужденных в Сыском приказе на различные наказания, всего восемь (менее семи процентов) были дворовыми²³⁴. Среди московских воров круга Ваньки Каина (69 человек) выходцами из дворовых оказались только четыре человека (семь процентов), причем лишь об одном из них, 23-летнем Алексее Сухорукове, мы знаем, что он был потомственным дворовым. Таким образом, можно смело утверждать, что питательной средой преступного мира Москвы были не дворовые, а другие социальные слои, то есть в этом смысле Ванька Каин представляет собой не правило, а исключение.

Итак, прослужив в московской усадьбе Филатьевых около четырех лет, четырнадцатилетний подросток Иван Осипов в 1735 году совершил побег, обокрав при этом своего господина. Как мы помним из «Автобиографии», сбежать ему помог Петр Камчатка, который с этого момента стал его неразлучным другом. Он к тому времени был дважды судим за кражи и находился в бегах. Именно Петр Камчатка руководил действиями Осипова, а следовательно, тот уже успел познакомиться и сблизиться с профессиональными ворами Москвы. Находясь под властью жестокого помещика, Иван, наверное, с восхищением смотрел на двадцатилетнего друга, вольного, как ветер, предоставленного самому себе, постоянно менявшего места жительства и зарабатывавшего на жизнь «воровским промыслом». Видно, романтика воровской жизни прельстила подростка, и он задумал побег.

В свои планы он поспешил посвятить Камчатку, и тот согласился помочь приятелю. Матвей Комаров, младший современник Ваньки Каина и автор первого романа о нем, представил эту сцену следующим образом:

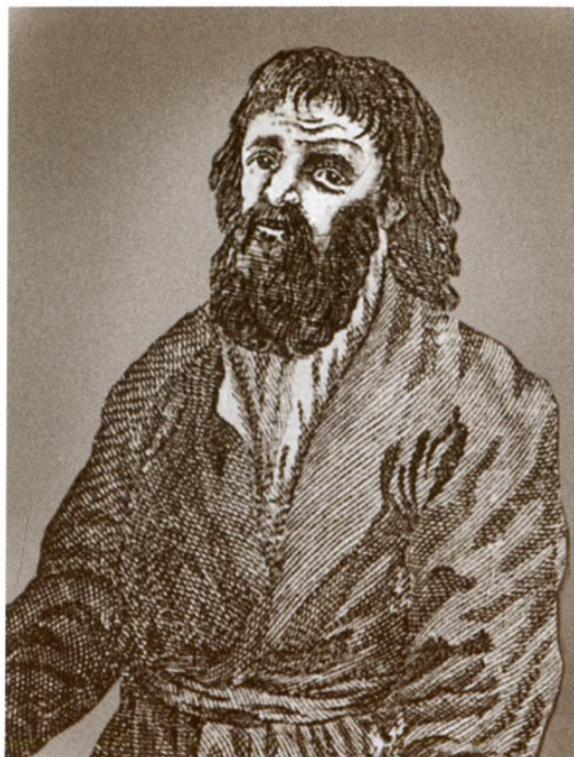
«...будучи они в одно время в кабаке, между прочими разговорами Каин открыл Камчатке свое намерение, который, похваля его вымысел, советовал ему, чтоб он, не продолжая времени, исполнил свое намерение, и так, выпив по хорошей мерке вина, повторили свою дружбу и утвердили друг друга клятвами в том, что если один из них попадет в какое несчастье, то другому к освобождению своего товарища изыскивать всевозможные способы. Таким образом уговорясь, разошлись по своим местам, и Каин обещался непременно в будущую ночь исполнить то, что он задумал, чего ради и велел Камчатке придти ночью ко двору Филатьева и дожидаться у ворот»²³⁵.

Совершив побег, Иван Осипов отправился не куда-нибудь, а под Большой Каменный мост — в известное место сбора всякого рода преступного люда. Здесь беглый дворовый выпил вместе с «воришками», после чего произошел своеобразный обряда инициации — подросток был принят в компанию «мошенников». Вот как этот момент описан в «Автобиографии»: «И мы пришли под Каменный мост, где воришкам был погост, кои требовали от меня денег, но я отговаривался, однако дал им двадцать копеек, на которые принесли вина, притом напоили и меня. Выпивши, говорили: “Пол да серед — сами съели, печь да палаты — в наем отдаем, а идущим по сему мосту тихую милостыню подаем (то есть мошенники). И ты будешь брат нашего сукна епанча (то есть такой же вор)”»²³⁶. Из жизнеописания следует, что именно эти воры, которые выпивали с будущим Каином под Каменным мостом, и стали вместе с Петром Камчаткой его первыми сообщниками.

Как мы видим, в «Автобиографии» побег Ивана Осипова рисуется как обдуманый и решительный шаг, определивший всю его дальнейшую судьбу. Четырнадцатилетний дворовый не просто сбежал в порыве обиды после очередной порки на конюшне; он знал, для чего совершает побег, чем будет заниматься в дальнейшем. К этому моменту он сблизился с профессиональными ворами, а возможно, уже попробовал себя в их ремесле. Теперь же они с радостью приняли юношу в свой круг. После переезда из деревни в московский господский

Указ императрицы Елизаветы Петровны от 15 декабря 1741 года
«О Всемилостивейшем прощении преступников»
инициировал доносительскую деятельность Ваньки Каина.
Гравюра Й. Вагнера. 1740-е гг.

Портрет Каина, впервые опубликованный в книге «История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина... писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году» (М., 1782), и титульный лист издания 1785 года

Село Ивашево — родина Каина. *Фото А. Манина. 2009 г.*

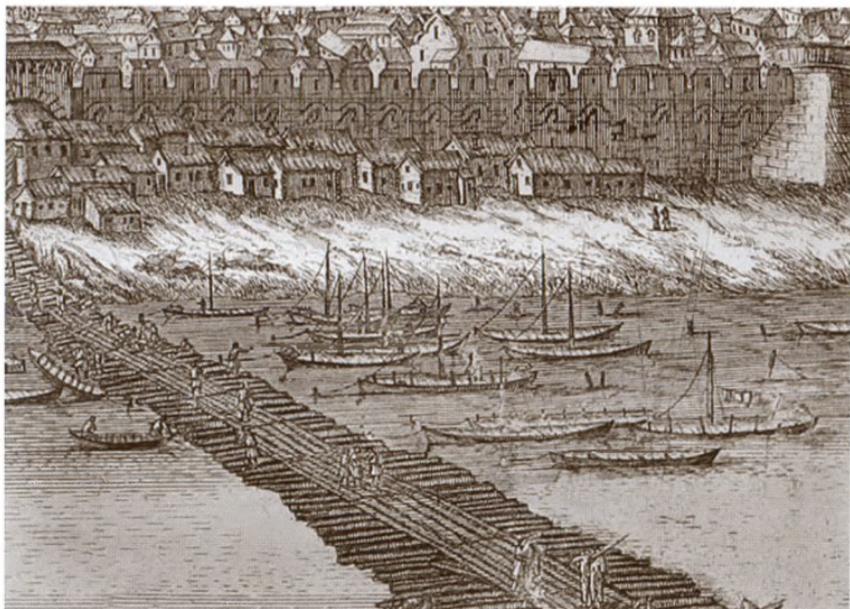
Под Большим Каменным мостом
произошло посвящение Ваньки Каина в воры.
Фрагмент гравюры Ж. Делабарта. Конец XVIII в.

Каин и его приятели частенько промышляли карманными кражами на Красной площади. *Ф. Алексеев. 1801 г.*

Наплавной Москворецкий мост — излюбленное место совершения краж с повозок. *Фрагмент гравюры Б. Пикара. Начало XVIII в.*

В московских общественных банях можно было и согреться, и заняться воровским ремеслом.

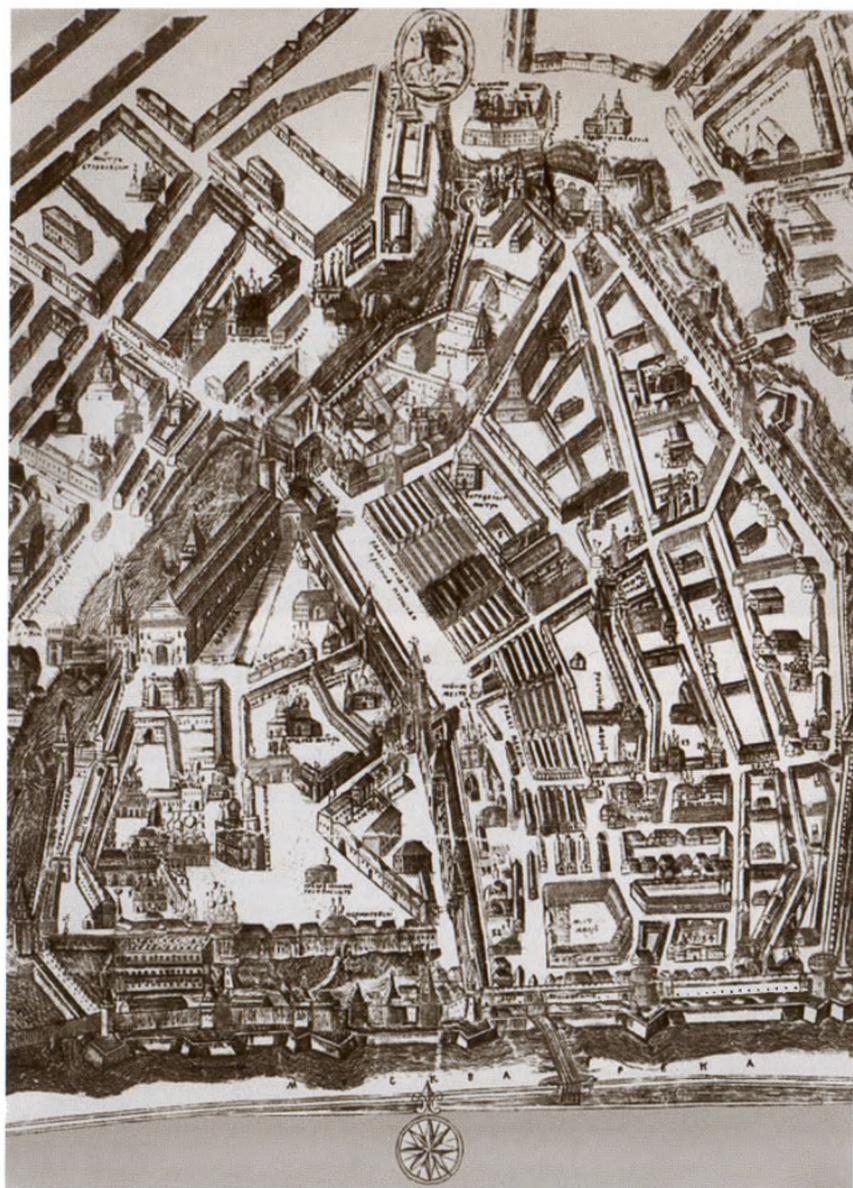
Рисунок А. Васнецова.

1922 г.

Миниатюра XVIII в.

ГИМ

План центра Москвы с Кремлем, Китай-городом и частью Белого города.
1730-е гг.

Китайгородская стена. Фрагмент гравюры Ж. Делабарта. Конец XVIII в.

В печах Китайгородской стены
московские нищие и преступники находили приют.
Фото 1930-х гг.

Красная площадь во все времена была местом большого скопления народа. *Фрагмент гравюры Ж. Делабарта. Конец XVIII в.*

Московские нищие не только занимались попрошайничеством, но и содержали воровские притоны. *Акварель А. Ерменева. 1770-е гг.*

Уличный торг
у стен Кремля.
Фрагмент гравюры
А. Колпашникова.
Конец XVIII в.

Мелочные торговки
занимались скупкой
и перепродажей
краденого.
Фрагмент гравюры
Ж. Делабарта.
Конец XVIII в.

В кабаках московские воруы отдыхали от «трудов неправедных» и сговаривались о новых преступлениях.

Рисунок Х. Гейслера. Начало XIX в.

В воровских притонах и в собственном доме Каина преступники развлекались игрой в карты. *Лубок середины XVIII в.*

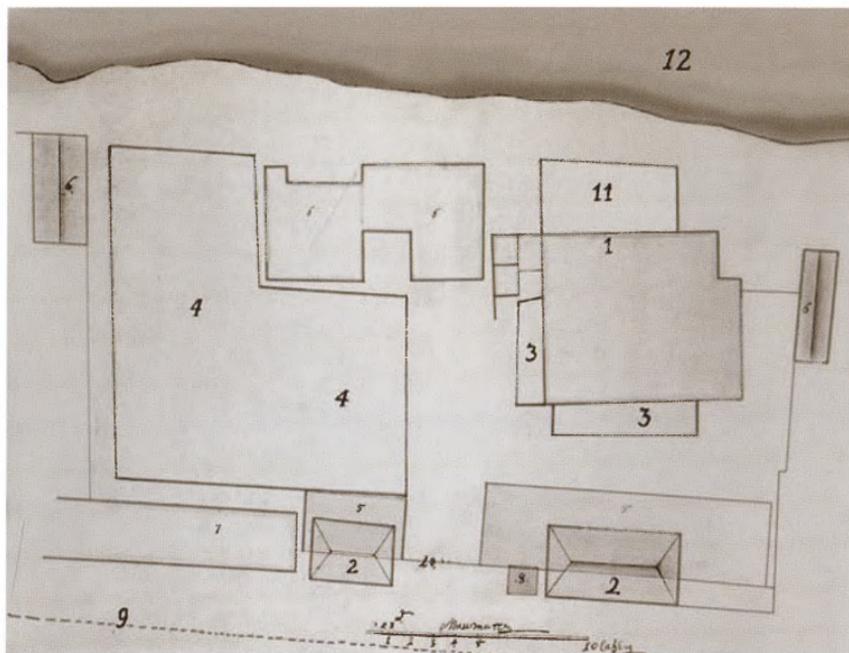

АХ МАТКИ МОИ ВОРЪ: ПРИШЕЛЪ
КО МНЕ ВО ДВОРЪ: ЕКИ ВЕСТИ УКРА
ПЕТУХА... ДЕТИ... ШАДИ БЛАДИ
СЫНЪ ВОРЪЗМОВО ПЕТУХА ВІТЬ ТЕ
НЕБУДЕ ИТАЛВОА ПРИБУХА:..

МОИМ БАБАТОЛНО А ЗАШЕЛЪ
НЕСТОИ УЛИЦЫ НЕЗАБЫЛЫ В
ВЯТЬ ВЕСТИ ВОИ КУРИЦЫ ДА ТЕ
БА НЕ СЛУШАЮ ОДИНЪЗ СЕБЕЕ ВО
СКУШАЮ:

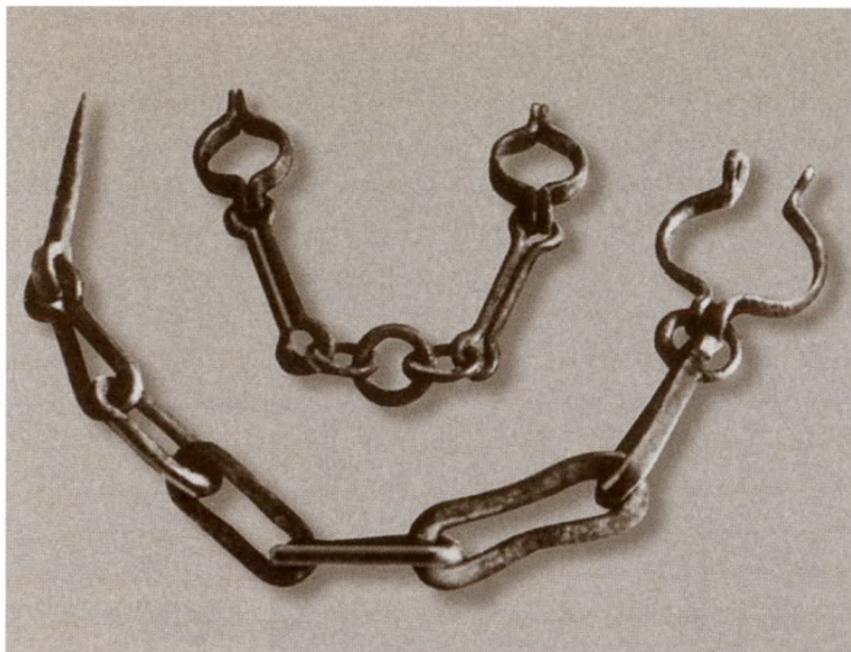

«Ах, матки мои! Вор пришел ко мне во двор...».
Лубок середины XVIII в.

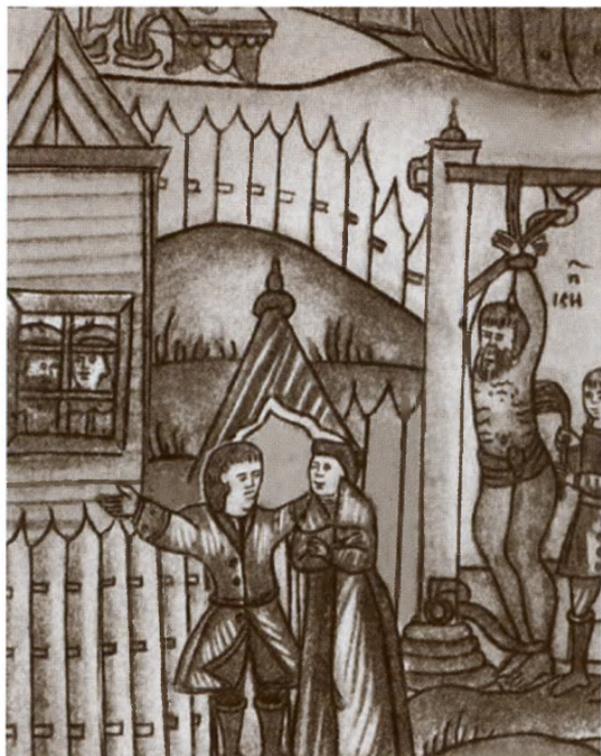

План Сысского приказа
 на современном
 Васильевском спуске.
 Цифрами обозначены:
 1 — каменное здание
 присутствия;
 2 — деревянные
 казармы
 для караульных;
 3 — малые острожки;
 4 — Большой острог;
 9 — Москворецкая
 улица;
 11 — пристроенный
 к зданию присутствия
 деревянный застенок;
 12 — кремлевский ров.
*Составил архитектор
 Д. Ухтомский.
 1752 г. РГАДА*

Реконструкция
 стены острога

Колодники
Сысского приказа
заковывались
в ручные
и ножные кандалы

Тюремный острог.
В правой части
миниатюры
изображена пытка
на дыбе.
Конец XVIII в.

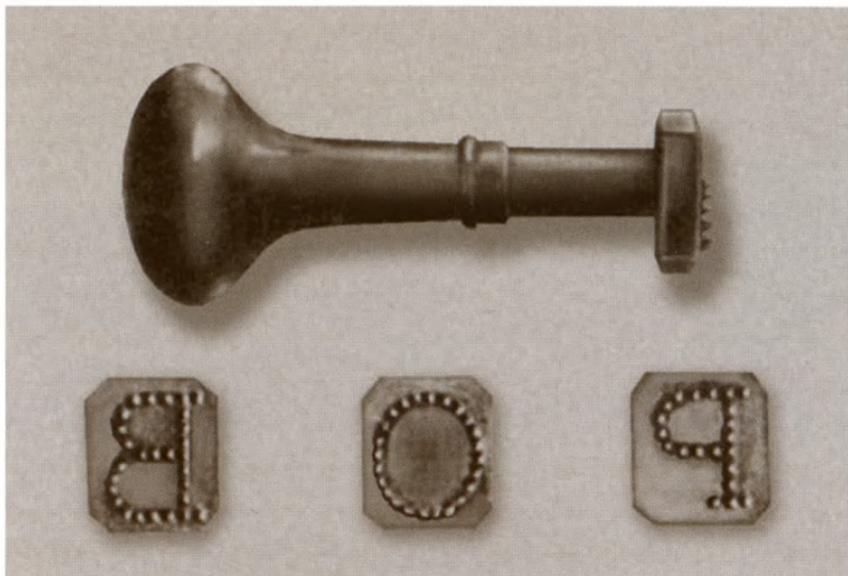

Колодники
получают
милостыню через
окно тюрьмы.
*Народная картинка
XVIII в.*

Заклученных
под охраной
выводили для сбора
подаяния.

*Рисунок
Х. Гейслера.
Начало XIX в.*

В 1756 году Ванька Каин был заклеямен словом «ВОР»

Публичное вырезание ноздрей и клеймение.

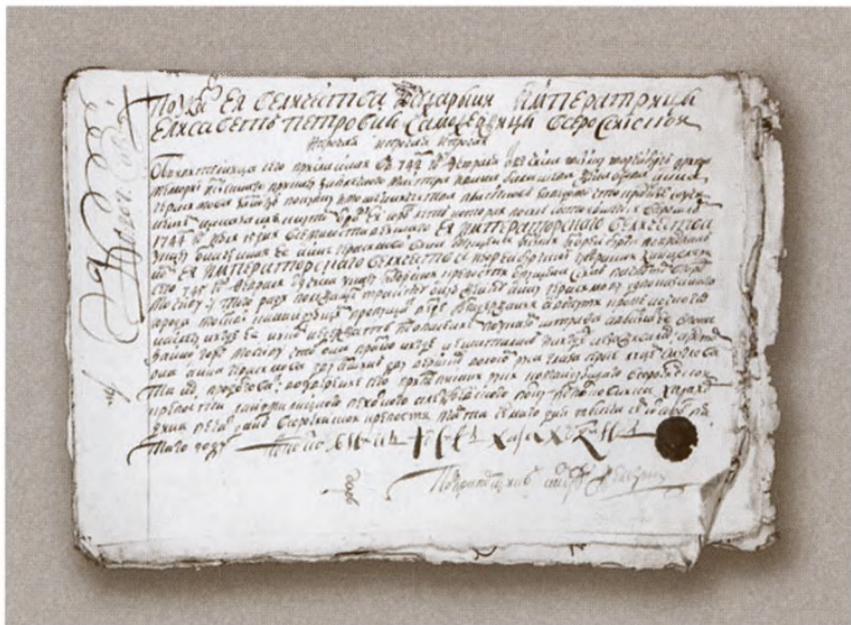
Рисунок Х. Гейслера. Начало XIX в.

Каменоломни в Рогервике — место каторги Каина

Паспорт, выданный скупщице краденого Анне Герасимовой при освобождении из ссылки. 7 марта 1745 г. РГАДА

дом это был второй поворотный момент в его жизни, но теперь это был сознательный выбор: Иван Осипов бежал для того, чтобы стать воров Ванькой Каином.

Ранний возраст новоиспеченного вора нас не должен смущать: следственные дела Сыскаго приказа не оставляют сомнений в том, что в Москве в 30—40-х годах XVIII века среди профессиональных воров было немало подростков. Например, 28 декабря 1741 года в притоне Марфы Дмитриевой на Москворецкой улице был схвачен четырнадцатилетний солдатский сын Леонтий Юдин, который на допросе признался в совершении многочисленных карманных краж в компании с другими ворами, а также в том, что в притоне Марфы Дмитриевой «жил блудно» с солдатской женой Ириной Ивановой. Знал воровской мир Москвы и другие молодые таланты, в числе которых — Ванька Каин.

Что же происходило с Иваном Осиповым дальше? Во всех жизнеописаниях Ваньки Каина фигурирует следующий немаловажный эпизод, который содержится в «Автобиографии». На следующий день после побега подросток был пойман людьми Филатьева и приведен на хозяйский двор. Суровый помещик приказал оставить беглеца без пищи и приковать цепью возле медведя, сидевшего на привязи во дворе. Между тем дворовая девка, которая приходила кормить медведя, поведала Ивану о том, что по вине Филатьева или кого-то из дворни был убит солдат и что хозяин, чтобы скрыть следы преступления, приказал бросить труп в вырытый во дворе колодец. Осипов не преминул воспользоваться удачным случаем и, когда господин приказал сечь беглеца, закричал «слово и дело», от чего тот «в немалую ужесть пришел». Когда же Иван был доставлен в Московскую контору тайных розыскных дел в селе Преображенском, он рассказал об убийстве солдата графу Семену Андреевичу Салтыкову. Информация Осипова подтвердилась, после чего он получил «для житья вольное письмо» — был освобожден от крепостной зависимости.

Эта история вполне правдоподобна. Действительно, в случае раскрытия важного государственного преступления доносчик, если это был крепостной, мог получить свободу. В результате изучения документов Тайной канце-

лярии Е. В. Анисимов выявил значительное число процессов, возникших в результате доносов крепостных на своих господ²³⁷. Тем не менее среди документов Московской конторы тайных розыскных дел за 1734—1737 годы нет ни одного, в котором упоминался бы П. Д. Филатьев или кто-то из его двора. Вместе с тем 26-летний Иван Осипов, сын крестьянина деревни Болгачиново Осипа Павлова, включен в ревизскую сказку, поданную в 1748 году из ростовской вотчины П. Д. Филатьева²³⁸. Иными словами, Иван Каин во время второй ревизии душ еще оставался крепостным Петра Филатьева. Таким образом, эпизод «Автобиографии» об освобождении Каина от крепостной зависимости в результате справедливого доноса на господина пока не находит документального подтверждения.

Необходимо также отметить, что, уже став грозным сыщиком и доносителем Сысского приказа, Каин общался, имел деловые, а возможно, и дружеские отношения с Петром Филатьевым и его дворовыми. Так, однажды Каин купил у уже знакомого нам филатьевского служителя Гаврилы Саблина «мерина серого» за 30 рублей. В другой раз доноситель приобрел уже у самого Петра Дмитриевича «мерина бурого» за 18 рублей²³⁹. Ни в одном процессе, инициированном доносителем и сыщиком Иваном Каином, не фигурирует ни его хозяин, ни кто-либо из его крепостных слуг. Можно предположить, что между господином и его беглым дворовым существовала некая договоренность, по которой Петр Филатьев не предъявлял претензий к своему крепостному, ставшему официальным доносителем Сысского приказа, а тот, в свою очередь, оставлял в покое (а может быть, и оберегал) хозяина, его двор и всех слуг.

Далее в «Автобиографии» живо повествуется оключениях «славного вора» Ваньки Каина и его друзей — удалых кражах, ловких побегах, путешествиях на Макарьевскую ярмарку, участии в деятельности разбойной шайки под предводительством атамана Михаила Зари. Все эти эпизоды неоднократно приводились в исторической литературе, поэтому нет смысла их повторять.

Между тем большой интерес представляют судебно-следственные материалы, в которых мы находим детали, характеризующие период жизни Ивана Осипова

между 1735 и 1741 годами. Так, пойманный Каином в августе 1746-го известный московский «мошенник» Иван Яковлев рассказал о том, как большая воровская компания, в том числе и Каин, десятью годами ранее ходила на Макарьевскую ярмарку:

«...летним временем, согласясь он, Серков, с... Савельем Плохим, з Григорьем Смазным, с Петром Камчаткою да незнаемо какова чину человеком, токмо прозванием Сахоровым, да с отставным салдатом Прокофьем Крымовым, с суконщиками Козьмой Легасом, Иваном Куваем, Афонасьем Столяровым, Михалою Денисовым, да по сему делу с приводцом явшим доносителем Иваном Каином ходили на Макарьевскую ярмонку для кражи в торговых банях у парельщиков (то есть у посетителей бань. — *Е. А.*) денег и платья, и не дошед до той ярмонки, пришли в Нижний Новгород, и в том городе жили пять дней, и во время того их житья как в вечерних, так и в утренних банях по вся дни крали у бурлаков и разных чинов у людей деньги, платья, а что чего в то время и во сколько поймов кражею взяли денег и платья, того де он, Серков, за многопрошедшим временем и за множеством тех татей сказать не упомнит. А потом ис того Нижнего Новгорода пришли все обще на Макарьевскую ярмонку, на которую пришед, жили десять дней, и в то время на той ярмонке в торговых банях по вся дни он, Серков, со означенным Плохим и с вышеписанными товарищи, кроме объявленного доносителя Каина, как в вечеру, так и по утру в торговой бане на дворе крали у купцов и у бурлаков деньги и платья, а во сколько поймов тех краж учинили, того за множеством никак не упомнит. А доноситель де Иван Каин ходил для кражи один собою, которой как в Нижнем, так и на той Макарьевской ярмонке мошенничал, крал разных чинов у людей ис карманов деньги и платки, точию де он, Каин, той своей кражи с ними ни с кем не делил, а по торговым баням с ними нигде для той кражи не хаживал, и оной Серков с товарищи ис покражи своей ничего ему, Каину, паю своего не давали. И как де они с той ярмонки пошли в Москву, и в то время по розделу досталось ему, Серкову, и всем товарищам денег по десяти рублей и более, а платье, которое было покрадено с деньгами, бросали в той же ярмонке на дороге, дабы де на них не было по тому платью какой прилики»²⁴⁰.

Из этого заявления следует, что уже в 1736 году Каин, придя на ярмарку с товарищами, предпочитал работать в одиночку, специализируясь на карманных кражах, и при этом ни с кем не делился добычей. Как мы увидим в дальнейшем, карманные кражи, требующие большой ловкости, представляли собой один из наиболее сложных видов воровства и потому обычно совершались группой из двух-трех человек. Следовательно, Каин, действовавший в одиночку, к тому времени уже превратился в настоящего карманника-аса. О том, каким образом «работал» Каин, рассказал на допросе двадцатилетний «фабричный» Петр Губан: «И сего 741 году летом спознался он по сему делу с доносителем Иваном Каином и, как была полая вода, и в то время он, Губан, в лодках перевозил разных чинов людей чрез Москву-реку, и в то время он, Губан, видел, как он, Каин, вынимал на пароме и в лодках у разных людей из карманов платки и деньги, а сам он, Губан, ничего не вынимал, только брал у него, Каина, пай по пяти копеек и по три и по две копейки»²⁴¹.

По всей видимости, ловкость молодого вора позволила ему быстро завоевать авторитет у коллег и, возможно, занять одну из лидирующих позиций в преступном мире Москвы. Об этом свидетельствуют показания лавочного торговца Тимофея Никитина, арестованного по «указыванию» Каина 30 декабря 1741 года. На допросе он признался в том, что «тому года с три» купил у Ивана Осипова цветной платок, прекрасно зная, «что он, Каин, мошенник». На вопрос, почему же он в таком случае вора не задержал и не привел в Сыскной приказ, Тимофей Никитин ответил: «А в приводе ево не поймал для того, что оной Каин ходил *с великим собранием* (здесь и далее в цитируемых документах курсив мой. — Е. А.) и опасался он, Тимофей, чтоб ево не убили»²⁴².

Что касается его тогдашней жизни в свободное от воровской профессии время, из различных отрывочных упоминаний в следственных делах известно, что в Москве он проживал в различных местах, но всегда в компании с «товарищами». Так, около 1737 года Андреян Соколов видел Каина играющим с другими «мошенниками» в карты и зернь «на Царицыном лугу под

мостом»²⁴³. Скорее всего, по летнему времени воры не только собирались здесь для развлечений, но и жили. Зимой Каин ночевал в различных съемных хибарах и углах. Например, известно, что одно время он снимал «избу» «за Москвой-рекой в Нижних Садовниках» вместе с другими преступниками, в частности с Петром Ачкой. Потом он жил в Зарядье у заплечного мастера Алексея Иванова сына Крючка в компании с вором Михаилом Киской, а возможно, и с другими «коллегами». Нередко Каин посещал воровские притоны слепого нищего Андрея Федулова в Зарядье и солдатской жены Марфы Дмитриевой на Москворецкой улице²⁴⁴. В общем, как многие другие московские воры, Каин вел кочевой образ жизни, постоянно меняя места обитания.

Что произошло с ним дальше, мы уже знаем. 28 декабря 1741 года Каин совершил поступок, который явился третьим поворотным пунктом в его жизни: сразу после объявления в московских храмах милостивого манифеста Елизаветы Петровны о прощении преступников он явился в Сыскной приказ с повинной и изъявил желание помочь арестовать всех его «товарищей». Проявив на этом поприще особую ревность и энергию, двадцатилетний Каин в 1742 году получил прощение вин и стал штатным доносителем Сысского приказа. Эту должность он занимал до 1749 года, когда вновь попал за решетку — на этот раз, видимо, навсегда.

Обо всех этих событиях подробно повествуется в других главах нашей книги. Теперь же обратимся к сюжету, на который раньше почти не обращалось внимания. Дело в том, что к «доносительскому» периоду жизни Ивана Осипова относится много документов, содержащих массу интересных сведений о его повседневной жизни.

Уже находясь под следствием, сидя под караулом в московской полиции, бывший доноситель Сысского приказа на одном из допросов рассказал: «Как де прошлого 1748 году присланы были с парусной фабрики подьячей с салдаты для взятъя ево, Каина (в связи с тем, что в его доме укрывались беглые «фабричные». — Е. А.), и, взяв ево, повели было, токмо де он, Каин, убоясь с ними итьги, дабы ево не убили, вышел из двора своего и

вырвался у них из рук и, *зброся с себя суртук и шляпу*, бежал и закричал: «Дай дубья!», — чтоб они его не поймали, на которой крик прибежали прилучившиеся в доме его фабричной Степан Коробов, да салдат, да еще посторонние, а кто имяно не упомнит, и одного ис тех фабричных ударили раза два, и, видя то, вышписанные присланные от него все разбежались, а *суртук и шляпу да платок с перчатками, кои были в кармане*, унесли с собою, и больше той драки никакой не было. А на другой день он, Каин, подал доношение в Сыскной приказ, в котором написал к своему оправданию, якобы те присланные с фабрики, не объявля ему никакого письменного указа, били и *сняли суртук, в коем будто был данной ему ис Правительствующаго Сената с прочетом указ*, написал напрасно, понеже де тот присланной подъячей указ о взятъе его ему объявлял и ничем его, Каина, не били, и *указу подлинного с прочетом в суртуке его не было, а была только копия с того указа*, а подлинной де объявлен им, Каином, в Главной полиции». Далее в документе значится помета: «...оной суртук, шляпа, перчатки и платок требован к следствию от той канторы, но токмо не прислано без указа Адмиралтейской коллегии»²⁴⁵.

Благодаря этим показаниям мы располагаем уникальными сведениями о внешнем виде доносителя Ивана Каина: по городу он щеголял в сюртуке, шляпе и перчатках, носил в кармане платок и, самое главное, копию сенатского указа о том, что ему следовало оказывать «вспоможение». По другим источникам известно, что руку доносителя украшал «перстень серебряной вызолоченой с одним большим алмазом», который он выиграл у бежецкого помещика, отставного аудитора московского флота Василия Афанасьевича Милюкова²⁴⁶.

Эти детали, которые для современного человека могли бы показаться мелочами, в XVIII веке, когда одежда являлась существенной социальной характеристикой, представлялись очень важными. Действительно, есть все основания полагать, что Каин стремился походить на важного чиновника: именно перчатками, платками и «шляпами немецкими пуховыми» доноситель «одаривал» служащих Сыскного приказа, стремясь заручить-

ся их дружбой²⁴⁷. Вероятно, таковы были предпочтения московских чиновников, стремившихся отличаться от простого люда. Как мы видим, к этому стремился и сам Каин.

О высокой самооценке доносителя говорят и документы, свидетельствующие о его отношении к некоторым категориям горожан — рядовым солдатам, купцам, оброчным крестьянам. Так, 10 марта 1747 года в контору Главного комиссариата обратился подпоручик Смоленского пехотного полка Иван Трусов с доношением: «...команды де ево салдаты Яким Милюков, Петр Алеев шли с квартир своих для принятия... вещей, и наехал на них у Варварских ворот московской сыщик Иван Каин с салдатом и закричал команды ево, подпорутчика, на салдат, что б шли з дороги. И они ему напротиву того, шет возле одной стороны, сказали ш только: “Господин, дорога велика!” И он, Каин, осердясь, что противно ему бутто бы показалось, поехал по дороге и стал грозить, что приметны будут. И, несколько отъехав, против церкви Варвары Христовой мученицы, выбежав ис-под горы с многолюдством, и били оных салдат смертным боем, и при том же говорил оной сыщик Каин, что б били до смерти. И, выхватя на дороге у мужика лопату, которою огребал снег, и бил оного салдата из своих рук, и отбил у оного салдата Милюкова рукавицы и платок гарнитуровой*, да у салдата ж Алеева шапку зеленого кармазану** круглая»²⁴⁸.

В апреле 1747 года на Каина бил челом в Московской сенатской конторе купец 2-й гильдии Емельян Григорьев сын Юхотов в том, что 23 марта в его отсутствие Каин с солдатами и товарищами «без всякого приказного вида» ворвался в его дом якобы для сыска беглого человека, избил его наемных работников и «чинил разорение»: «...растасчили у меня десять [шкур] оленей деланных, цена тридцать рублей; десять замшей, цена

* Гарнитур (искаж. гродетур) — тяжелая шелковая одноцветная ткань, как правило, темных оттенков, в которой каждая нить основы закрыта двумя нитями утка. Получила название по первоначальному месту производства — городу Тур во Франции.

** Кармазан (искаж. кармазин от араб. кырмизи — ярко-красный) — тонкое сукно высокого качества из лучших сортов шерсти, как правило, алого цвета, из которого шили верхнюю одежду.

двадцать рублей; два гнезда рубах пестрединных* синие с порты, цена два рубли... два окорока, которые повешены были в чердаке». Двоих работников Юхотова Каин связал и повел с собой для сыска хозяина. Они привели доносителя ко двору протоколиста Судного приказа Ивана Плавильщикова, где сидел в гостях купец. Но туда доноситель уже ворваться не посмел, а, «не доехав двора вышеписанного Плавил[ь]щикова, остановясь, послал от себя... спросить про вышеписанного Юхотова, у него ль, Плавильщикова, он имеется, которой де, постучась у ворот двора ево, Плавильщикова, о том спрашивал, на что де ему сказали, что оного Юхотова в том доме не имеется»²⁴⁹.

Заметим, что мы уже не впервые встречаемся с тем фактом, что Каин без всякого страха бесцеремонно обращался с купцами и, напротив, не смел себе этого позволить по отношению к чиновникам и офицерам. На наш взгляд, это еще раз подтверждает мысль, что в России XVIII века существовало разделение на «слуг государевых» и прочих, не принадлежавших к их числу. «Люди, не получавшие государева жалованья, а напротив, платившие в казну “государево тягло”, — замечает О. Е. Кошелева, — оказывались группой “второго сорта” и первой группой презирались. Они были уже не слуги, а рабы... Поэтому дворяне и чиновники на высших должностях вели себя по отношению к купцам, как помещики к крепостным, невзирая на их часто превосходящее финансовое положение»²⁵⁰. Не мыслил ли себя доноситель Сыскного приказа уже не «подлым человеком», а важным чиновником, имеющим право свысока относиться к любому купцу?

На протяжении многих лет Иван Осипов жил в Зарядье. Еще до его явления с повинной в Сыскной приказ он снимал угол у заплечного мастера Алексея Иванова сына Крючка. После того как Каин стал доносителем Сыскного приказа, он начал жить в съемной избе на подворье воронежского архиерея на Варварке в приходе церкви Максима Исповедника²⁵¹. Позже сыщик уже взял в аренду у дьякона церкви Великомученицы

* Пестрядь — ткань из остатков льняной, шерстяной, шелковой пряжи разного цвета.

Варвары целый двор, расположенный на церковной земле в Зарядье, на Варварке. В архиве сохранилась копия этой сделки, совершённой в Юстиц-конторе: «Лета тысяща семьсот четыредьсят шестого, июня в третий на десят день, известной доноситель Иван Осипов сын Каин дал я сию запись церкви Великомученицы Варвары, что в Китае-городе, в том, что нанял я, Иван, тоя церкви у дьякона Ивана Осипова дворовой ево земли под свое хоромное строение в приходе вышеписанной церкви с вышеписанного числа впредь на пять лет, рядил на год по десяти рублей, деньги платить погодно. И живучи мне, Ивану, у него, дьякона, на той его земли в своем строении никаким дурным воровством не промыслять, заповедным питьем и товаром не торговать, с ворами не знаться, стану и приезду ворами к себе не держать, и беглых всякого звания чинов людей у себя не укрывать, и жильцов без поручных записей жить к себе не пускать, и на срок тою землю очистить и наемные деньги заплатить все сполна, и в том ему, дьякону, убытков никаких не доставлять. А ежели я, Иван, против сей записи явлюсь в чем виновен, и на мне, Иване, и на поругчиках моих взять штраф по указу». За Каина поручились копиист Канцелярии генеральной ревизии Алексей Петров сын Тюменев, купец 3-й гильдии Илья Ларионов, купец 2-й гильдии Сергей Васильев, копиист Московской герольдмейстерской конторы Сергей Иванов, копиисты Крепостной конторы Александр Григорьев сын Данилов и Гавриил Самаринов²⁵².

На этом дворе Каин построил две светлицы, выходящие на Варварку. Первая имела четыре окна, отапливалась «печью с уступом», украшенной зелеными изразцами, потолок был «помазан алебастром штукатурною работою», стены также «подмазаны алебастром», пол выстлан «каменною лещадью*». Вторая светлица, которая была устроена «наподобие людской», имела три окна и кирпичную печь, дощатые потолок и пол. Помещения соединялись между собой бревенчатыми сенями с двумя чуланами. Всё дворовое строение было покрыто

* Лещадь — каменные плитки, бруски для покрытия или облицовки.

тесом. Во дворе находились «блинная» изба и конюшня, а на улицу выходила торговая лавка.

К сожалению, на момент конфискации этого двора Каина в январе 1750 года там почти не осталось вещей. Служащие Канцелярии конфискации нашли в доме только «три сарафана крашенинных наподобие шутовских, самые ветхие и сгнили», «шляпу большую, самая ветхая», «план города Ярославля бумажный ветхий», «рог олений», «два ушата самые ветхие» и прочий хлам²⁵³. В 1749 году, уже находясь под стражей в московской полиции, Каин «стоящему при следствии на карауле подпорутчику Поликарпу Синьугину велел жену свою Ирину задержать под караулом, якобы она оставшие ево пожитки вывезла». В следующем году на следствии он подробно рассказал о том, кому и какие из своих вещей оставлял под залог при взятии денег в долг. Эти показания были проверены следствием и в целом подтвердились. Благодаря этому мы можем хотя бы приблизительно представить, какие вещи окружали Каина в его доме на Варварке. Так, у «фабричного» Коврова имелись в закладе «собственной ево, Каиновой, серебряной посуды... стопа большая с крышкой и поднос в 25 рублях», а также «епанча лисья, покрыта сукном диким* с искрой в 6 рублях». Сидельцу Масляного ряда Григорию Семенову Каин заложил «чайник серебряной в 20 рублях», а служителю дома князя Ф. И. Голицына — «епанчу холодную суконную да балахон жены ево штофной пукетовой** с травами серебряными... в 20 рублях». У купца Ивана Афанасьева сына Саикина имелись в закладе на 54 рубля драгоценная посуда — «стаканы, чарки, а сколько щетом не упомнит», украшения — «перстень золотой с печаткой да два кольца золотые», а также одежда жены Каина — «платье, епанча штофная пукетовая на лисьем меху, юпка штофная пукетовая ж»²⁵⁴.

Несмотря на неоднократные запреты, доноситель Каин приводил пойманных преступников сначала в

* Д и к и й — здесь: необработанный (камень, волокно и др.). В данном случае имеется в виду дикий (серый) цвет, поскольку его имеет необработанный лен, являвшийся в то время основным сырьем для ткачества.

** Ш т о ф (*нем.* ткань) — здесь: шелковая плотная гладкокрашенная ткань с крупным тканым рисунком, в данном случае — с букетами.

свой дом на Варварке, где самочинно производил предварительное дознание и обыск, а затем уже доставлял в Сыскной приказ. В этом же доме регулярно «для картежной игры» собирались «разных чинов люди», причем хозяин «отдавал от себя игрокам деньги взаймы и с проценту», а получал от выигравших «по рублю и по полтине». Здесь можно было встретить чиновников, трактирщиков, купцов, а также много «подозрительных» людей — «фабричных», беглых крестьян, солдат-дезертиров и др. Заходили к нему и профессиональные воры, предпочитавшие сохранять с доносителем дружеские отношения. Например, «мошенник» Данила Артемьев сын Беляцкой, судимый в декабре 1743 года в Сыском приказе по обвинению в ограблении посадского человека, на допросе признался, что накануне совершения преступления «был... по сему делу у доносителя Ивана Каина в гостях», а добытые грабежом деньги «в доме Каинове пропил на вине и харчил на разные харчи». Некоторых беглых людей Каин укрывал у себя в доме и использовал в своих целях. Так, «фабричный» Осип Соколов на допросе в конторе Адмиралтейской парусной фабрики показал: «...он, Соколов, в бегах с той фабрики жительство имел у Каина заведомо беглого. У него ж, Каина, имеется беглой матроз Василей Яблочков да жил де беглой матроз Петр Свешников». 24 февраля 1749 года на допросе в полиции в ответ на это обвинение доноситель признался: «Парусной фабрики, что в Преображенском, беглой матрос Петр Свешников у него, Каина, жил во укрывателстве, а сколько времени, не упомнит, для домовой работы»²⁵⁵. Видимо, именно для таких скрывавшихся от закона преступников и была предназначена «людская» во дворе Каина. Скорее всего, там же постоянно находились прикрепленные к дому «сыщика» солдаты.

Статус официального доносителя Сыского приказа предполагал специфический образ жизни. Его особенность заключалась в том, что грань между службой (сыской деятельностью) и частной жизнью оказывалась сильно размытой. Каин не только собирал у себя в доме людей «разных чинов» для игры в карты и кости на деньги, но и был частым посетителем трактиров

и прочих увеселительных заведений, а между тем его доносительская деятельность не останавливалась: он везде обзаводился новыми знакомыми, про каждого разузнавал, кто «какой человек», «проведывал» о преступниках, получал известия о новых преступлениях. При этом далеко не всегда «сыщик из воров» посещал притоны по «долгу службы» — таков был круг его вне-служебных интересов. Так, на одном из допросов Каин показал, что в декабре 1748 года он «ездил в село [В] сесвятское для гуляния» с подьяческой женой вдовой Марьей Ивановой и с женой «фабричного» Авдотьей Степановой, с которыми он «жил блудно». Там в доме крестьянина по прозвищу Козел доноситель спросил вина у пришедшего «грузинца» Егора. Ему несколько раз приносили вино и пиво, но, получив «рублевик», сдачу не дали, сославшись на то, «что у них мелких денег нет». В различных показаниях Каин признавался, что «жил блудно» с несколькими женщинами — упомянутыми Марьей Ивановой и Авдотьей Степановой, дочерью «фабричного» Егора Серебрякова, «портной мастерицей» женкой Ефимовой дочерью и др. Вдова Марья Иванова на допросе призналась, что из-за «угрызительных слов», которые ей передала от Каина жена копииста Вотчинной коллегии Наталья Сарыкова, она «...у Сарыковой... начевала и с Каином блудное дело учинила»²⁵⁶.

Возможно, разгульная и развратная жизнь создавала Каину плохую репутацию в глазах многих горожан. Но источники ничего не говорят об отношении к доносителю московских жителей. В нашем распоряжении есть только несколько челобитных пострадавших от его произвола. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что среди москвичей был круг лиц, которые не чуждались общения с Каином. Подтверждением служит тот факт, что его часто приглашали крестить детей. Так, на следствии Каин показал, что каптенармус Афанасий Яковлев ему известен, поскольку «с матерью его, вдовой Анной Ивановой дочерью, был восприемником»; торговку женку Павлову дочь «он знает потому, что он восприемником был ее детям от святыя купели»; «фабричный» Антон Ковров «з женой ево, Ка-

иновой, воспримал от святых купели детей, а у кого, не знает» и т. д. Так же часто Каин ходил в гости к людям «разных чинов». Из следственных материалов мы знаем, что доноситель бывал и у состоятельных людей (например, приходил пить чай на струг (корабль) к приказчику орловского купца Осипу Тимофееву и посещал «компанейщика» Ивана Андреева сына Турченинова), и у власть имущих (был вхож в дома высокопоставленных чиновников, в частности членов присутствия Московской полицмейстерской канцелярии и Сысского приказа)²⁵⁷.

Каин, как и все православные, посещал храмы и монастыри, а в его опочивальне висела икона Иоанна Милостивого (видимо, его святого покровителя). На одном из допросов он признался: будучи с товарищами «на Троицкой дороге у креста, что в Мещанской», поймал и отпустил за взятку беглого рекрута. Один из свидетелей на допросе рассказал, что это произошло, когда «Каин поехал в Троицкую лавру для моления». Сам же доноситель по другому поводу показал: «Года два или три был он с товарищами в праздник Происхождения Честных древ в Симонове монастыре...» На Вербное воскресенье Каин подарил судьям и секретарям Сысского приказа «по вербе крашеной, которые покупал по полтине и больше, коими и прежде их даривал»²⁵⁸.

Итак, будучи сыщиком Сысского приказа, в одежде и в быту Каин подражал власти имущим. Возможно, именно от чиновников ему передалась страсть к роскошным вещам. Следствием его продолжительного вращения в воровском мире явилось постоянное нарушение им традиционных норм общественного поведения. Вместе с тем он оставался верующим, ходил в храмы и посещал монастыри, в его доме висели иконы. Видимо, соблюдение православной традиции для российского человека первой половины XVIII века было из разряда тех вещей, нарушение которых было просто невыносимо, раз ее приверженцами оставались даже люди, чей образ жизни явно не соответствовал общепринятым нормам морали.

Петр Камчатка, друг и учитель Каина

На дворе стояло лето 1748 года. До ареста грозного доносителя и начала расследования его преступлений оставалось полгода. Пока Иван Осипов Каин продолжал расхаживать по московским улицам в шляпе, сюртуке и перчатках, с сенатским указом в кармане, во главе команды солдат в поиске «подозрительных» людей. 8 августа, когда сыщик с солдатами шел в очередном дозоре, среди прохожих ему встретилось знакомое лицо. По мосту, прямо навстречу ему, шел его старый друг Петр Камчатка. Каин схватил и доставил преступника в Сыскной приказ, где «словесно объявил»: «...оного де числа ходил он, Каин, для сыску и поимки воров и разбойников и машенников и, как он, Каин, шел за Москву-реку, на Балчуге, ...попался ему мошенник Петр Камчатка, который, как прежде сего, так и в ныне, ворует, мошенничает, понеже де на него, Петра Камчатку, во оном Сыскном приказе по разным повиытъям в том мошенничестве от колодников имеется оговор, которого взяв, он, Каин, для следствия в том воровстве привел в Сыскной приказ»²⁵⁹.

Тринадцать лет прошло с той летней ночи, когда старший товарищ Камчатка помог подростку Ивану Осипову сбежать с господского двора и привел его к своим дружкам под Каменный мост. И вот теперь этот самый Иван Осипов, превратившийся в грозного сыщика, схватил своего бывшего учителя.

Теперь настало время познакомиться и с этой колоритной фигурой мира московских «мошенников». О Петре Камчатке, сыгравшем особую роль в жизни Ваньки Каина, мы имеем не так много документальных свидетельств, но всё же знаем о нем несколько больше, чем о сотнях других обитателей городского «дна» Москвы XVIII века. Он был главным фигурантом двух обнаруженных в архиве судебно-следственных дел 1740 и 1748 годов. Оба раза на допросе он дал подробные автобиографические сведения, которые проверялись и подтверждались соответствующими справками. Кроме этого, имя Камчатки довольно часто фигурирует в показаниях профессиональных преступников, задер-

жанных в 1741—1748 годах с помощью Ваньки Каина. Наконец, Петр Камчатка — один из главных героев «Автобиографии» Каина.

Петр Романов сын по кличке Камчатка родился около 1713 года в семье солдата Бутырского пехотного полка Романа Герасимова сына Смирного. Его отец умер или погиб около 1715 года, оставив сына «в малых летах». Его мать Анастасия около 1720 года второй раз вышла замуж за «матроса» Хамовного двора («Московской парусной фабрики») Степана Лукьянова сына Закутина. Несмотря на то, что «прозвали ево, Петра, по оном ево вотчине Закутиным», Камчатка всегда сохранял память о родном отце и сам называл себя двойной фамилией — Смирнов-Закутин²⁶⁰.

Как известно, Хамовный двор — первая возникшая по воле Петра I мануфактура — был создан в 1697 году в селе Преображенском на высоком берегу Яузы. Это было предприятие стратегического значения, призванное удовлетворить нужду зарождавшегося российского флота в парусном полотне и канатах. К 1719 году, когда на Хамовном дворе появился мальчик Петр, предприятие уже сильно разрослось, раскинулось по обеим сторонам Яузы и насчитывало 1268 работников обоого пола. Основную рабочую силу «Московской парусной фабрики» составляли «матросы» — подневольные работники из числа рекрутов, для которых служба на флоте заменялась работой на Хамовном дворе. Наряду с ними на мануфактуре работали пленные шведы и их жены, а также незначительное число вольнонаемных.

Камчатка вырос в Преображенском и с подросткового возраста «работал при оном своем вотчине на оной фабрике». В архивах сохранилось несколько описаний Хамовного двора первой четверти XVIII века. На одном берегу Яузы, в Преображенском, располагался большой двор, обнесенный забором и заполненный многочисленными каменными и деревянными постройками. Комплекс помещений для выработки парусного полотна состоял из «толчейного» и «самопрядошного» сарая, «ткальных светлиц», «мылярней», «амбаров», кузницы, столярной избы, кладовых амбаров и пр. Здесь же находились жилые помещения для мастеров, подмас-

терьев, а также избы для семей подневольных работников — пленных шведов и «матросов». На другом берегу Яузы разместились «толчейный амбар» и ряд «ткальных светлиц», в которых ткали не парусину, а более тонкое льняное полотно — «фламан[д]ское», «любское» (любечское), «голландское»²⁶¹.

Но, возможно, Петр жил не на самом Хамовном дворе, а неподалеку, в Преображенском, где в приходе церкви Воскресения Христова «Словущаго» существовала целая «матросская» слобода. Среди документов Канцелярии конфискации сохранилось уникальное описание расположенного в этой слободе двора «матроса» Антона Коврова, вора и друга Ваньки Каина, за многочисленные преступления в 1755 году сосланного на вечную каторгу с наказанием кнутом и вырезанием ноздрей²⁶².

«На улицу светлица с каморкою, в ней печь израцатая живописная синяя. Во оных светлице с каморкою пять окон с окончины стеклянными ветхими. При той же светлице сени с чердаком с подволокою. В сенях — топлюшка, ис которой топится печь, с окошком волоковым, да два чулана, в том числе из одного ход по лестнице в чердак, а в другом окончина стеклянная ветхая.

Во дворе светелка летняя с погребом и с сушилом, в ней две окончины стеклянные ветхие. Позади оной светелки конюшня об одном стойле, сарай с поднавесом, в том сарае бочек и боченков одиннатцать, кадок пять пустые. Позади того строения сарайчик небольшой.

Оное строение крыто дранью.

На улицу ворота створчатые с калиткою об одном щите»²⁶³.

Может быть, в подобном дворе в «матросской» слободе и вырос Петр Камчатка.

Хамовный двор был государственной мануфактурой и находился в непосредственном подчинении Адмиралтейской коллегии. Главный администратор предприятия — комиссар (с 1712 года эту должность занимал Петр Янков) — занимался наблюдением за поведением

рабочих людей, «чтобы против имянной росписи все были на работе и делали не ленносно, не гуляли». Помощником Янкова был подьячий Панкрат Есаулов, работавший с самого основания предприятия. Он принимал у «матросов» работу и делал записи, «что когда от ткачей и от самопрядчиков и утошников пряжи принято», на основе которых затем составлялись ведомости «к выдаче жалованья», а также следил, чтобы рабочие «не были праздны и всякий свое дело исправлял». Техническими руководителями являлись мастер и три подмастерья. У подмастерьев была «специализация»: один следил за работой в «толчейных амбарах» и чесальнях для приготовления пеньки, второй принимал очески для «утошной пряжи» и раздавал ее для обработки «утошникам», третий «надсматривал за ткачами».

Для предприятия настали не лучшие времена. Оказалось, что из трех тысяч кусков парусины, посланных в 1717 году в Петербург, «на карабельное дело ни единое не годно». Петр I требовал немедленно провести расследование в таком деле, из-за которого «лежко голову потерять, понеже дело самое главное, и ныне за тем здесь отправление флоту удерживаетца». Администрация Хамовного двора свалила вину на рядовых работников (девять «матросов» были выпороты кнутом, а другие оштрафованы). Те, в свою очередь, обвинили начальство во всевозможных злоупотреблениях — взятках, хищениях, заготовке «промоклой и негодной пряжи», задержке выплаты жалованья до шести—восьми месяцев, выдаче вместо денег муки, «и то самой плохой», в результате чего многие опытные наемные работники ушли с предприятия. В 1720 году старое руководство было уволено и на предприятии появился новый управляющий Иван Тиммерман, которому предоставлялась большая самостоятельность в управлении. В это время там было 330 станок и работали 967 человек.

Но уже спустя два года 426 «матросов» Хамовного двора подали коллективную челобитную с обвинением нового директора во всяких «обидах» и злоупотреблениях. Император приказал учредить особую комиссию для расследования этого дела. Выяснилось, что работники и раньше пытались жаловаться на Тиммермана, но

тот предупредил их выступление. В назидание остальным, «дабы ни о чем никто не доносил», директор семь недель держал челобитчиков в кандалах под караулом во дворе предприятия, а на восьмую неделю послал скованными на работу, предварительно выпоров кошками (ременной плетью с несколькими хвостами).

Главным пунктом жалобы «матросов» было постоянное применение физической расправы. Причем побои бывали такие зверские, что двое работников умерли. В материалах расследования содержится история погубленного таким образом «матроса» Меркулова. За «непристойные речи» его по указанию переводчика выпороли в приказной светлице. Несколько часов спустя ему досталось уже по приказу Тиммермана за якобы украденную пряжу. Меркулов с горя выпил и, на свою беду, опять попался на глаза директору, который его за пьянство «зашиб рукою по щеке и бил тростью». Придя к приказчику, возможно с жалобой, он был бит «кошками или батоги». Потом Меркулова вновь «бил на фабрике у дровяного двора Тиммерман за дрова, которые он принимал плохие». Несколько часов спустя после такой серии избиений несчастный скончался. Но даже после расследования всех подобных инцидентов Тиммерман продолжал оставаться директором «Московской парусной фабрики».

При этом заработная плата рабочих Хамовного двора была крайне низкой. По подсчетам Е. И. Заозерской, в 1720-х годах заработок наиболее квалифицированных работников составлял 20 рублей в год, а рядовых рабочих — всего 12 рублей. Для прокормления одного человека требовалось, по подсчетам самих же мануфактуристов, минимум семь-восемь рублей в год, тогда как семьи «матросов» могли состоять из трех, четырех и больше человек. Поэтому неудивительно, что в 1722 году на Хамовном дворе было обнаружено 108 «праздных» станов — среди вольных людей было «мало охотников» работать на предприятии²⁶⁴.

Не приходится удивляться и тому, что «матросы» Хамовного двора нередко оказывались замешанными в делах о кражах, грабежах и разбоях. Например, в 1746 году несколько тамошних работников оказались

в Сыскном приказе за участие в разбойных нападениях на подмосковных дорогах. Среди «товарищей» Каина, которые в конце 1741 года были арестованы по его «указыванию», было несколько «матросов» «Московской парусной фабрики». Так, ночью 28 декабря на дворе дьякона церкви Всемилоственного Спаса Алексея Акимова на Москворецкой улице был пойман тридцатилетний «мошенник» Денис Иванов сын Криворот, включенный Каином в его реестр. На допросе он показал о себе: «Хамового де он двора матрос, и на том дворе прядет пенку. И наперед сего, сколько тому лет не упомнит, был он, Денис, в приводе в Сыскном приказе в мошенничестве». В последний день 1741 года Иван Каин поймал и привел в Сыскной приказ 23-летнего работника Хамовного двора Осипа Соколова, который на допросе признался в совершении грабежей, а о себе рассказал: «...отец де ево, Сила Ларионов сын, и он, Осип, Парусной фабрики матросы, жительство де имеет на оной же фабрике с матросом Федором Барзовым»²⁶⁵. Его коллегой был уже упомянутый вор и друг Ваньки Каина Антон Ковров.

С раннего возраста встал на преступный путь и Петр Камчатка. Около 1732 года, в возрасте девятнадцати лет, он впервые оказался в Сыскном приказе по обвинению в краже. К сожалению, значительная часть дел приказа сгорела в пожаре 29 мая 1737-го, поэтому подлинное дело обнаружить не удалось. Но на допросе в Московской конторе тайных розыскных дел 29 февраля 1740 года сам Камчатка изложил его содержание следующим образом: «И тому лет с восем, как стал быть он, Петр, в возрасте, и в праздник верховных апостол Петра и Павла ходил он, Петр, в Лафертовские (Лефортовские. — Е. А.) салдацкие слободы для гулянья, и в тех слободах того ж полку салдат, а имяни и прозвища не упомнит, поклепав ево, Петра, деньгами, якобы он вынул у него ис кармана, и бил ево, Петра, смертно, и он де, Петр, не стерпя тех побой, кричал за собой и за тем салдатом караул, и в том взяты они в Лафертовскую съезжую избу, и ис той избы отосланы в Сыскной приказ, и в том приказе в краже оных денег он, Петр, распрашиван, и в тех деньгах не винился, понеже он, Петр, тех денег не крадывал»²⁶⁶.

Не признавшись в карманной краже, Камчатка на следствии совершил поступок, на несколько лет кардинально изменивший обычное течение его жизни. На допросе в Сыскном приказе он назвался солдатским сыном (что было правдой), но при этом умолчал о своем отчине, а также о том, что с малолетства работал на Хамовном дворе. Поэтому его отправили в Московскую военную контору, где определили в солдаты. Так около 1732 года девятнадцатилетнему «матросу» парусной мануфактуры удалось примерить на себя солдатский мундир.

Зачем он это сделал? Может ли быть, чтобы этот молодой человек, уже ставший на преступный путь и, видимо, не первый раз опустивший руку в чужой карман, решил начать жизнь с чистого листа? По всей видимости, Петр Камчатка был далек от такого стремления. Скорее всего, это был хорошо рассчитанный шаг, направленный на избавление от всякого рода государственной службы и достижения полной свободы для занятия воровским ремеслом. Когда Ярославский пехотный полк, куда определили Петра, находился в Казани, он с легкостью совершил побег и вернулся в Первопрестольную.

В 1733—1734 годах Петр Камчатка был предоставлен самому себе. На допросе 1748 года об этом периоде своей жизни он рассказал, что «работал в Лафертовской слободе — рыли Государевы каналы, а жительство он, Петр, имел в той же Лафертовской слободе близ того канала в землянках»²⁶⁷. Однако мы можем предположить, что в это время Камчатка продолжал заниматься карманными кражами. Скорее всего, именно к этому периоду относится его знакомство с Иваном Осиповым, дворовым мальчиком купца Филатьева.

В ноябре 1734 года Камчатку опять стали избивать среди бела дня прямо на Красной площади так, что он, «не стерпя побой», закричал «Караул!». Хотя в полиции он и утверждал, что били его «безвинно», можно предположить, что он вновь попался на карманной краже. На этот раз он показал о себе, что был «матросом» «Московской парусной фабрики», умолчав при этом о побеге из полка, «боясь себе за то истязания». Так 29 ноября

1734 года после более чем двухлетнего отсутствия Петр Камчатка вновь оказался на Хамовном дворе.

Не проработав на мануфактуре и года, Петр опять сбежал и вернулся к привычному бродячему образу жизни. Именно в это время он помог Ивану Осипову совершить побег от его господина, и с тех пор они стали неразлучными друзьями: вместе «мошенничали» в Москве, ходили для совершения краж на ярмарки, участвовали в разбойной шайке под предводительством атамана Михаила Зари и т. д. На допросе в Сыскном приказе 8 августа 1748 года Камчатка так описал свою тогдашнюю жизнь: «...не похотя на той фабрики при работе быть, с той фабрики бежал, и пошел он, Петр, для кражи в торговых банях платья, тако ж и вынятия разных чинов у людей ис карманов денег, в Нижний Новгород, и по приходе в тот город сошелся он, Петр... с крестьянином Савельем Плохим, да... с крестьянином Григорьем Степановым сыном Мазиным, ...Большого суконного двора с учениками Иваном Куваевым да Михайлой Денисовым, да по сему делу с приводцем явшим доносителем Иваном Каином, ис которых означенной Каин знаком ему, Петру, по тому, что мошенничал с ним вместе. И потом все пять человек ходили в том городе Нижнем для кражи разных чинов у людей ис карманов денег и платков и для кражи в торговых банях у парелщиков денег и платья и в том городе жили пять дней. И во время де того их житья как в вечеренних, так и в утренних банях, по вся дни крали у бурлаков и разных чинов у людей денги и платье... А потом ис того Нижняго Новгорода пришли все обще на Макарьевскую ж ярмонку...»²⁶⁸

В «Автобиографии» Ваньки Каина описание этого периода жизни его приятеля снабжено примечательными подробностями и забавными историями. Например, когда «товарищи»-воры «работали» на ярмарке, Ванька Каин был схвачен, приведен в присутственное место, закован в кандалы и посажен под караул. Тогда Камчатка, набрав калачей, пришел в тюрьму якобы для подачи милостыни колодникам. Когда же очередь дошла до его друга, Камчатка подал ему два калача и произнес странную фразу: «Триока калача ела, стромык сверлюк страктирила». Эти непонятные для часового и

для других заключенных слова в переводе с воровского языка того времени означали: «Ключи для отпираания цепи в калаче». Вечером Каин попросился в нужник, открыл замок, снял кандалы и сбежал.

А вот другой случай. Как-то Ванька Каин и Камчатка, будучи в Москве в Нижних Садовниках, в одной из пустых изб (а таких после майского пожара 1737 года в городе было немало) сделали из бумаги оконницу, а как настало утро, стали тереть камнем о камень. Проходившие мимо и слышавшие производимые ими звуки могли подумать, будто в этой избе мелют зерно. Камчатка, осыпав свою голову мукой, окликнул в окно мужика, продававшего вразнос харч, и сторговал у него кусок говядины. Забрав мясо, он скрылся в глубине помещения, якобы отправившись за деньгами, после чего друзья тихо ушли из дома с другой стороны. Тем временем торговец «стоял под тем окном долгое время, ожидав за проданное мясо денег, и, усмотрев, что никого в той избе нет, рассуждал с прохожими людьми, люди ль были, или дьяволы с ним говорили и говядины лишили»²⁶⁹.

В декабре 1739 года беглого работного поймали свои же «матросы» Хамовного двора и привели в Адмиралтейскую коллегию, откуда его отправили обратно на предприятие, где он был предусмотрительно посажен в тюрьму «на большую цепь».

Теперь совершить побег было чрезвычайно сложно. Просидев два месяца, отчаявшийся Камчатка 29 февраля 1740 года объявил «слово и дело». Его привели в мануфактурную контору, где он под страхом смертной казни подтвердил, что действительно знает за собой «государево слово и дело» и «доказать может в Тайной канторе». Немедленно препровожденный в располагавшуюся в том же селе Преображенском Московскую контору тайных розыскных дел, Камчатка на допросе рассказал о своей горемычной жизни, поведал обо всех своих побегах, умолчав только о том, что являлся профессиональным вором. Он признался, что, «будучи на оной фабрике под караулом, он, Петр, Ея Императорского Величества слово и дело за собою сказывал для того, что де он, Петр, на оной фабрике работать не желает, а желает служить в салдатстве, а Ея Императорско-

го Величества слова и дела за ним, Петром, нет и ни за кем он, Петр, не знает»²⁷⁰.

Итак, оказавшись в критической ситуации, прикованный цепью на неопределенный срок, Петр Камчатка решил пойти ва-банк. Ему грозило тяжелейшее наказание кнутом, от которого можно было умереть или остаться инвалидом. Но вдруг повезет? Если бы его определили в воинскую службу, он смог бы опять без труда сбежать и продолжать вести привычный вольный образ жизни.

Шансы у него были: из Тайной конторы был отправлен запрос, «беглый матрос Петр Закутин на оной фабрике в работе с которого году, месяца и числа имеетца, и откуда на ту фабрику прислан, и на той фабрике оной Закутин записан ли... и ныне на тою фабрику оной Закутин в работу надобен ли». Если бы руководство предприятия отказалось от проблемного «матроса», доставлявшего ему столько хлопот и постоянно находившегося в бегах, Камчатку действительно определили бы в солдаты: по указу Анны Иоанновны от 10 апреля 1730 года тех ложно объявивших «слово и дело», которых помещики отказывались принимать обратно, следовало определять в воинскую службу²⁷¹. Беглец был близок к желаемому результату: в присланном 12 марта 1740 года из мануфактурной конторы ответе сообщалось, что «вышеписанной матрозы Петр Закутин на оной фабрике из малолетства в работе, и в ымянных списках с прочими имеется, тако ж и заработные деньги, когда в бегах не был, с протчими матрозы получал», а далее констатировалось, что из-за постоянных побегов он «на парусной фабрике в работе быть не годен». Но при этом руководство просило вернуть беглеца «для учинения ему достойного по указам наказания».

Спустя три дня контора тайных розыскных дел определила: «...вышеупомянутому матрозу Петру Закутину за то, что он на означенной парусной фабрике сказал за собою Ея Императорского Величества слово и дело, а в Тайной конторе по роспросу ево такова слова и дела за ним не явилось и ни за кем не показал, надлежало было по силе имянного Ея Императорского Величества указу... учинить ему наказание бить кнутом, токмо нака-

зания не чинить, понеже он молод и годен быть в службе, и для того ево, Закутина, отослать ко отправлению адмиралтейских дел»²⁷². Московский главнокомандующий граф С. А. Салтыков, принявший это решение, прекрасно понимал, что Российской империи на воинской ли службе или на «Московской парусной фабрике» были нужны здоровые люди, а не калеки.

Но вряд ли Петр Камчатка испытывал радостные чувства, когда 18 марта его привезли обратно на ненавистный Хамовный двор. Конечно, здесь его ждали порка, длительное заключение, а затем тяжелый физический труд.

В реестре, который Ванька Каин, явившийся с повинной в Сыскной приказ, приложил к своему «доношению», конечно, был назван и Камчатка. Вскоре в Москве начались аресты его приятелей, многие из них после наказания кнутом и вырезания ноздрей были сосланы в Сибирь. Видимо, в это время Петр решил «лечь на дно»: ненавистная работа на Хамовном дворе всё же лучше, чем сибирская каторга. Так он и проработал на мануфактуре несколько лет.

В 1748 году, на третьей неделе Великого поста, Камчатка оттуда все-таки сбежал. Но гулять на свободе ему было суждено недолго. Как мы помним, 8 августа того же года Каин его поймал на Балчуге и привел в Сыскной приказ. В своем «извете» доноситель заявил, что Петр Камчатка продолжает заниматься кражами, как и раньше. На допросе тот подробно рассказал о своей жизни, повинился в многочисленных побегах и многократных кражах, но при этом попытался уверить следствие, что после возвращения на мануфактуру в 1740 году он перестал воровать, «а что де доноситель Иван Каин изветом объявляет, якобы он, Петр, как прежде сего, так и ныне ворует, всё мошенничает, и то де он, Каин, на него, Петра, показал напрасно». Касательно того, где он обретался и чем занимался несколько месяцев с момента своего последнего побега с Хамовного двора, Камчатка показал, что сначала пару недель работал в Калужском уезде на «железном заводе содержателя Акинфия Демидова», а после возвращения в Москву сперва «работал на берешках — таскал на берег

из Москвы-реки лес недели з две», а потом «покупывал в городе в лавках кресты медные и иглы и хаживал для продажи тех крестов и игол по разным деревням в Московском уезде». Кстати говоря, в это время он жил «незаведомо» (то есть не рассказывая), что беглый, «в Пушкарях» у своего приятеля, солдата Коломенского полка Семена Семенова сына Ворнопегова, с которым познакомился и подружился, когда в 1740 году находился под следствием в Московской конторе тайных розыскных дел, где Ворнопегов стоял на карауле. В злополучный день 8 августа 1748 года Камчатка якобы «пошел к празнику в Новоспас[с]кой монастырь», и встретившийся ему на мосту «в то время явшей доноситель Иван Каин, взяв ево, Петра, для следствия в мошеничестве... привел в Сыскной приказ».

Где в этих показаниях правда, а где ложь, понять трудно. Может быть, на самом деле, после того как Каин переметнулся, Петр Камчатка решил от греха подальше оставить свое «ремесло». Ведь не попался же он раньше в лапы доносителя Каина, который контролировал многих карманников, промышлявших в пределах Китай-города. Но не исключено, что наставник Каина в воровских делах продолжал, оставаясь на Хамовном дворе, время от времени совершать кражи в Преображенском и где-то на московских окраинах.

Пятнадцатого декабря 1748 года был вынесен суровый приговор: «...вышеписанному беглому парусной фабрики ученику Петру Камчатке за вышеписанные ево воровства, учиня ему наказание кнутом, и по учинении того наказания сослать ево, Камчатку, в ссылку в Оренбурх в работу вечно»²⁷³.

Больше о его судьбе ничего не известно.

Крестьянский сын Иван Метла

Иван Авдеев сын Шавыкин по прозвищу Метла был связан с Ванькой Каином так же тесно, как Петр Камчатка.

Летней ночью 1735 года, когда Каин совершил побег от своего господина, Камчатка привел своего юного

друга под Каменный мост, «где воришкам был погост». Там их поджидала компания московских «мошенников», в числе которых был восемнадцатилетний тезка беглеца. Из «Автобиографии» Каина мы знаем, что Иван Метла стал ему и Камчатке другом. Видимо, не случайно решивший повиниться вор включил Метлу в список тридцати трех своих ближайших товарищей-«мошенников».

Благодаря материалам нескольких судебных процессов, обнаруженным в архиве, мы имеем возможность поближе познакомиться и с этой фигурой.

Первого ноября 1738 года в Московскую губернскую канцелярию было подано доношение ее собственного служащего, канцеляриста Ивана Шабловского. Направляясь «на рассвете дня» со своего двора на работу через Косьмодемьяновский мост, где, как всегда по утрам, было многолюдно, он почувствовал, что какой-то человек пытается вытащить из его кармана шелковый платок. Чиновник схватил было вора, но тот оказал сопротивление и скинул его с моста, а затем попытался скрыться, но был пойман прохожими. Шабловский просил: «...дабы указом Ея Императорского Величества повелено было одного мошенника в Московской губернской канцелярии принять и... указ учинить... понеже я, именованной, от таких мошенников опасен и хожу в канцелярию рано и поздно, дабы мне от таких мошенников не быть убиту до смерти».

Как, наверное, уже догадались читатели, незадачливым «мошенником» оказался Иван Метла. Конечно, на допросе в губернской канцелярии он представил происшествие в совсем другом свете: он, как обычно, шел на работу на суконную мануфактуру Андрея Еремеева. Когда он проходил по Косьмодемьяновскому мосту, «в то время ехал неизвестной чей крестьянин з дровами, и у одного крестьянин из возу взял он тряпицу для завязывания у себя руки, понеже у него... был порезан у левой руки палец». Проходивший мимо канцелярист Иван Шабловский «закричал тому крестьянину, и оной крестьянин тою тряпицу у него, Метлы, взял по-прежнему». Рассердившись, Метла «оного канцеляриста... за то выбранил по-матерне». По этой-то причине Шаблов-

ский и приказал солдатам его схватить, он же «в приводах нигде ни в чем не бывал» и «с воровскими людьми не знается»²⁷⁴.

Насколько убедительны показания Ивана Метлы, оставляем на суд читателей. В этом деле интересно другое. На допросе Метла поведал, что его отец Авдей Борисов сын Шавыкин был крестьянином из дмитровской деревни, принадлежавшей Троице-Сергиевой лавре, но сам он родился в Москве и, в отличие от родителя, не был записан в подушный оклад за этой деревней, а работал на суконной «фабрике». Служащие Московской губернской канцелярии решили разобраться в его истории. В ноябре—декабре 1739 года были собраны справки из Коммерц-конторы, с мануфактуры Еремеева, от стряпчего лавры и даже найден и допрошен отец Ивана Метлы. Таким образом, в деле сложилась уникальная подборка документов о личности этого московского «мошенника»: его собственный рассказ о своей жизни, автобиографические показания его отца, справки из государственных учреждений и с места работы. Если суммировать данные всех этих документов, вырисовывается следующая картина.

Предки Ивана Метлы были «старинные крепостные крестьяне» села Рождественского Дмитровского уезда, принадлежавшего Троице-Сергиевой лавре. Однако по какой-то причине еще в начале XVIII века, задолго до рождения Ивана, семья утратила трудоспособность. Его дед, Борис Иванов сын Шавыкин, «живучи в той деревни, ходил по миру по разным селам и деревням и кормился Христовым именем», отец «ис той деревни сошел к Москве», где несколько лет также «ходил по миру». Нищенствуя в Первопрестольной, он и «прижил» сына, который родился около 1718 года. В 1720-м Авдей Борисов ютился за Серпуховскими воротами у сторожа церкви Вознесения Господня Андрея Фиклистова «для домашней ево работы», а спустя какое-то время переехал с женой и сыновьями в приход церкви Николая Чудотворца в Кузнецах, где стал жить «в надворничестве» в доме поручика Петра Еремеева сына Артемьева. Как раз именно в это время в России осуществлялась налоговая реформа — вводилась подушная подать. Отец Ива-

на Метлы в 1721 году на некоторое время вернулся в деревню, где был записан в ревизской сказке в категории «прибылых из бегов»²⁷⁵. Однако его дети (у Ивана Метлы был старший брат, также названный Иваном) в ревизскую сказку не попали. Очевидно, их не объявили сознательно, чтобы деревенская община платила меньше податей. Так наш Иван Метла вместе с братом и оказался в числе «прописных» душ, которые не числились ни в одной ревизской книге и за которых никто не платил подушных денег. Таких, как Метла, в Москве было немало. Так, из выявленных и проанализированных Е. И. Заозерской данных о 1800 работниках, поступивших на московские мануфактуры в петровское время, следует, что 1450 человек не были записаны в подушные оклады чаще всего именно ввиду ухода с места жительства и бродячего состояния на момент переписи²⁷⁶.

Объявившись в деревне на время первой ревизии, Авдей Борисов снова уехал в Москву, где продолжились его мытарства — нищенское существование, тяжелая работа, постоянная смена мест жительства. Вот как сам он на допросе описал этот период своей биографии: «...и жил в Москве у купецкого человека Федора Кондратьева года с четыре, а потом жил у купецкого человека Григорья Климентова, кормился [тем, что] нанимался таскал землю. А [как] от него сошел, жил в разных постоялых дворах, кормился работою своею. А ныне он живет за Москвою рекою в приходе церкви Николая Чудотворца»²⁷⁷.

С десятилетнего возраста Иван Метла начал трудовую жизнь, а к двадцати годам уже имел внушительный «послужной список». Сперва он около года работал и жил на маленькой каразейной* мануфактуре купца Ивана Кузнецова, где в 1726 году числилось всего 39 рабочих²⁷⁸, а затем на более крупных суконных предприятиях Федора Серикова (около трех лет) и Ивана Полуярославцева (около двух лет). Потом он некоторое время трудился у кустарей: сперва в Новой слободе у оброчного крестьянина Василия Григорьева по прозвищу Орешек «прял пряжу шерстяную», затем в Немецкой слобо-

* Каразея — шерстяная ткань грубой выделки с разреженной фактурой.

де у иноземки Софьи Мартыновой также «работал прял пряжу шерстяную», а потом он занимался тем же в Ямской Коломенской слободе у ямщика Ивана Федорова сына Колотушки. В 1736 году Иван записался на только что открытое предприятие Андрея Еремеева, расположенное «на бывшем Денежном монетном дворе» в Кадашевской слободе — крупную суконную частновладельческую мануфактуру, насчитывавшую более тысячи работников²⁷⁹. В ноябре 1738-го Иван Метла свою профессиональную деятельность охарактеризовал так: «...и при той фабрике имеется он и по ныне действительно работает, чешет шерсть, а найму берет по копейке с полушкой денег с фунта». Кстати говоря, его родной брат Иван Авдеев сын Шавыкин также работал на суконных «фабриках»²⁸⁰.

Когда следствие затребовало справку с места работы Ивана Метлы, оказалось, что на мануфактуре Андрея Еремеева его ценили. В декабре 1738 года в Московской губернской канцелярии «товарищ» владельца предприятия Андрей Васильев сын Товаров заявил: «...предъявленной де в сем деле Дмитровского уезду Троицы-Сергиева монастыря села Рож[д]ественского крестьянской сын Иван Авдеев сын Метла на оной фабрике обретается действительно, и впредь при той фабрике оной Метла для работы быть надобен». В деле была выписка из императорского указа от 27 мая 1736 года, гласившего, что обучившимся на предприятиях какому-либо мастерству надлежит «быть вечно при фабриках». На основании этого указа в Московской губернской канцелярии 22 декабря 1738-го было решено «отдать ево, Ивана, на оную фабрику с роспискою*», предварительно выпоров за «мошенничество» плетьюми²⁸¹.

Таких, как Иван Метла, выходцев из крестьян в Москве было немало. По подсчетам Е. И. Заозерской, среди работников московских мануфактур в петровское время крестьяне составляли не менее 26 процентов, при-

* Заключенных в XVII—XIX веках выпускали из-под стражи не иначе как под расписку поручителя, обязавшегося в случае необходимости представить освобождаемого для следствия. Крепостных «на расписку» брали помещичьи приказчики или монастырские стряпчие, а за свободных городских жителей поручались родственники или хорошие знакомые.

чем в основном монастырские и дворцовые²⁸². Это не удивительно: для этих крепостных отход на заработки в город был более легок, чем для помещичьих. Кроме этого, многие дворцовые и монастырские владения располагались вблизи от Москвы.

Насколько часто эти крестьяне, осевшие в Москве, занимались преступной деятельностью? Как уже было сказано, из пятидесяти девяти московских воров, о которых мы имеем биографическую информацию, семь человек родились в крестьянских семьях, находившихся на оброке в Москве. Например, известный московский вор Савелий Плохой, имя которого мы находим и в реестре Каина, и в списке Соловьева, и в числе сообщников многих других профессиональных преступников, был крестьянином села Молокова Бежецкого уезда — вотчины Троице-Сергиевой лавры. Оставшись в девятилетнем возрасте без отца, Савелий семь лет в родной деревне «пас скотину, а пропитание имел поденно у крестьян», а потом вместе с женой Василисой Федоровой ушел без паспорта в Москву, где и остался²⁸³.

Другой «мошенник» крестьянского происхождения, Кондратий Федоров сын Безрукий, взятый «по указыванию» Каина ночью 28 декабря 1741 года в притоне А. Федулова, родился, как следует из его расспроса, около 1716 года в дворцовой деревне Щитнево. Его отец, крестьянин Федор Савинов сын, умер, когда Кондратию было всего три года. Осиротевший Безрукий «кормился Христовым именем, а начевал по разным командам в караульных». В 1735 году он записался на новозаведенную суконную мануфактуру Андрея Еремеева, там же и жил. На допросе в Сыском приказе Кондратий признался в преступной деятельности: «...и тому ныне с полгода ж он, Кандратей, умыслил, чтоб в Москве мошенничать, и Журавлевой фабрики с суконщиками Иваном Диким на Москве-реке у проезжих мужиков в разные дни крали с возов в мешках овес и муку, и крупы, и шубы, и кавтаны, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит, и продавали оное в разных местах разным деревенским мужикам, а где оных сыскать, не знает»²⁸⁴. Однако вряд ли нужно всерьез воспринимать показания о том, что воровать Кондратий стал недавно.

Безрукий был профессиональным вором, достаточно хорошо известным в преступном мире, и наверняка не являлся новичком. Его имя мы находим в реестрах Каина и Соловьева 1741 года, а также в показаниях многих московских «мошенников»²⁸⁵.

Еще один профессиональный вор, пойманный той же ночью 28 декабря, восемнадцатилетний Петр Иванов сын Рябинин по прозвищу Ачка, которого Иван Каин также записал в свой реестр, родился в Москве в семье крепостного крестьянина-отходника. Петр работал «у разных мастеровых людей — шил рукавицы», но после смерти отца познакомился с «мошенниками». В реестр попал и Иван Ермолаев сын Семенников по прозвищу Голый, которому в то время было 40 лет. Сын монастырского крестьянина, рано оставшийся сиротой, Иван на улицах Москвы «спознался» с преступниками. Максим Лукьянов сын Боровков также был оброчным крестьянином, торговал в замочном ряду, а проживал со своим отцом в Коломенской слободе. Около 1735 года он уже попадал в Сыскной приказ по обвинению в домово́й краже вместе с сообщниками, в которой признался, был трижды пытан и наказан кнутом. На допросе в декабре 1741 года он вновь повинился в домово́й краже²⁸⁶. Осужденный в 1743 году в Сыском приказе за грабежи 25-летний Александр Алексеев сын Такулин был сыном монастырского крестьянина Алексея Прокофьева, который жил «от оно́го монастыря на оброке» в Москве «на наемной поповой земле своим хоронным строением» за Москвой-рекой у церкви Пресвятой Богородицы в Кожевниках. Так же, как Иван Метла, Такулин родился в Москве и в подростковом возрасте записался в ученики «на фабрику» Андрея Еремеева²⁸⁷.

В судебно-следственных материалах, сложившихся в результате доносительской деятельности Ивана Каина, описан один эпизод, который показывает, как эти выходцы из крестьян вовлекались в преступную деятельность. В числе задержанных памятной ночью в притоне Андрея Федулова в Зарядье оказался семнадцатилетний крестьянин Максим Тимофеев сын Лылов, который не повинился ни в каких преступлениях и которого не оговорил ни один из задержанных преступ-

ников. На допросе в Сыскном приказе он показал, что его отец Тимофей Тимофеев сын Лылов был монастырским крестьянином, а жили они в Москве, кормились «сапожным мастерством». Максим работал в Кожевниках у купецкого человека Григория Федорова сына Волкова «с пашпортом», делал с прочими работными людьми «подрядные сапоги». Каким же образом он оказался в притоне «мошенников»? Сперва Лылов познакомился с женой хозяина, портнихой Пелагеей Никитиной, которая «строчила на него подрядные сапожные голяницы», а та свела его с самим содержателем притона. Видимо, к моменту ареста Лылов был уже хорошим знакомым Андрея Федулова и нередким его посетителем. Когда 28 декабря 1741 года они повстречались в Зарядье, «Андрей Федулов звал его, Лылова, к себе в гости и он, Лылов, к нему, слепому, в гости и пошел и, напився пьян, у него, слепова, лег спать»²⁸⁸. Можно предположить, что таким образом происходило знакомство многих молодых отхожих крестьян с «мошенниками» и их постепенное вовлечение в преступную деятельность.

После того как Иван Метла в декабре 1739 года был в Московской губернской канцелярии наказан за «мошенничество» и отдан обратно на мануфактуру Андрея Еремеева, его имя встречается только в судебно-следственных материалах 1741—1742 годов. Каин, явившись в Сыскной приказ с повинной, записал Метлу в число тридцати трех своих товарищей-«мошенников». Беглый солдат Алексей Соловьев, составляя в декабре 1741 года свой список московских воров, также не забыл включить в него Ивана Метлу. В марте 1742 года тот предстал перед судьями Сыскного приказа. К сожалению, самого дела обнаружить не удалось, зато есть решительный протокол от 13 апреля 1742 года, в котором Иван Метла назван «вотчины Троицы-Сергиева монастыря Дмитровского уезду села Рожествина крестьянином, которой имеется на фабрике Андрея Еремеева». Значит, к моменту ареста он продолжал работать на суконной мануфактуре. В отличие от многих других московских воров, сысканных по показанию Каина, Метла на допросе в «мошенничестве» не признался. В протокол был занесен следующий фрагмент его показаний: «...в про-

шлом де 741-м году на третьей день Рожества Христова Большого суконного двора ученик Алексей Емелин на Каменном мосту украл у мужика овса четверик*, и тот овес оной Емелин продал извощику, взял пять копеек, и те деньги он, Емелин, с ним, Иваном, пропили вместе. А сам в мошенничестве и в других воровствах не винылся. А окроме онаго Каина других доказательств никого не имеется». В Сыскном приказе было определено: крестьянина Ивана Метлу «бить плетьюми нещадно и по учинении того наказания, взяв с него приводные деньги, из Сыскного приказа свободить, отдать того монастыря стряпчему с роспискою»²⁸⁹.

Метла по сравнению с многими своими дружками легко отделался. Но вскоре он совершил поступок, благодаря которому его имя вновь попало в документы Сыскного приказа. В июне 1742 года он самостоятельно пришел в приказ в нетрезвом виде и учинил там «шумство». При этом дебошир «о себе, какова он чину, и зачем и х кому пришел, не показал». Его под караулом привели к заседавшему в тот день судье Афанасию Сытину. Представ перед судьей, Иван, видимо, быстро протрезвел и вспомнил, зачем же он все-таки явился: «...а в Сыскном приказ он, Иван, пришел к подьячему Степану Климонтову для отдачи ему денег дву гривен за трудо, понеже он, Иван, держался в повытье протоколиста Петра Донского... по показанию явшагося мошенника Ивана Каина, ибо де он... взят в мошенничестве сего 742 году в Великой пост, ...а в роспросе он, Иван, не винылся, а потом сего ж 742 году до праздника святых Пасхи из Сыскного приказа за три дни свобожен».

Возмутителя спокойствия в присутствии судьи обыскали, «а по осмотру явилось у него за пазухою кошелек шит по желтому серебром по горнитуру местами, да платок разных шелков новой же, да рублевик манета, да девять пятикопеешников медных». Иван, явно не ожидавший такого развития событий, сильно растерялся и начал врать: кошелек и платок якобы вручил ему его зять, «польской нации» лавочный седелец Еремей Федоров, «для относу к жене своей, а к ево сестре родной

* Четверик — русская мера объема сыпучих тел, $\frac{1}{8}$ четверти, 26,239 литра.

Матрене Ермолаевой», а деньги дал займы «фабричный» Сергей Ефимов сын Сафринской «для игrania ему, Ивану, в карты». Судья Сытин всерьез решил разобратъся с Иваном Метлой. Из Сыскаго приказа в торговые ряды был послан канцелярист Иван Григоров, который «близ шапошного женскаго ряду в лавке» нашел торговавшего «конским убором» Еремея Федорова. Тот сказал канцеляристу, что Ивана Метлу «не знает, и ему он не родственник, и кошелька, и платка, и ничего он ему не давал».

Ивана Метлу посадили в острог и стали наводить о нем справки. Выяснили, что он был внесен в списки «мошенников» Ивана Каина и Алексея Соловьева, но при этом оговоров от других воров на него не было. Также вспомнили, что из проходивших по этому делу «мошенников», еще не отправленных в ссылку, в Сыскаом приказе содержался 23-летний Иван Лукьянов сын по прозвищу Гусь, который к тому же раньше был «фабричным» мануфактуры Андрея Еремеева. Он был пойман 28 декабря 1741 года по «указыванию» Ивана Каина, на допросе повинился в многочисленных карманых кражах и 2 февраля 1742-го приговорен к наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в Оренбург. Битый кнутом, с вынутыми ноздрями Гусь ожидал отправки в сибирскую ссылку. В Сыскаом приказе верно рассудили, что он не мог не знать Метлу, раз они работали на одном предприятии и оба были внесены в список «мошенников» Алексея Соловьева.

Девятого июня старые знакомые были приведены в судейскую и поставлены друг перед другом. Иван Гусь должен был дать показания: «Метлу знает ли, и воровства какова за ним не ведает ли?» Протоколист зафиксировал результаты очной ставки: «...показанной суконщик Гусев, на оного Метлу смотря, сказал, что де он ево, Метлу, знает потому, что он, Гусев, с ним, Метлою, имелись на одной фабрики и работали вместе, да он же, Метла, в прошлом 741-м году с товарищи с Тихоном Степановым и з другими... мошенничали — вынимали разных чинов у людей ис карманов платки з деньгами и кошельки, а он де, Гусев, с ним, Метлою, не мошенни-

чал, а помянутой Тихон с товарищи ис повытья протоколиста Петра Донского за вины посланы в ссылку».

В Сыском приказе 2 июля постановили: Ивана Метлу «о воровствах и мошенничестве распросить в застенке на дыбе с пристрастием, что покажет». Подозреваемый проявил выносливость и ни в чем не повинился. Ввиду отсутствия признания и недостатка свидетельских показаний судьи решили его освободить²⁹⁰.

Около 1742—1743 годов Иван Метла женился на дочери оброчного крестьянина дворцового села Коломенского Ивана Васильева вдове Прасковье Ивановой, которая раньше была замужем за купцом Петром Васильевым²⁹¹. О мотивах этого брака судить сложно из-за отсутствия прямых источников, но хорошо известно, что женитьба на вдове в XVIII веке нередко была выгодным предприятием, так как родственники давали за такой невестой хорошее приданое. Например, в июле 1734 года проживавший в Москве оброчный крестьянин Гаврила Филатьев, выдавая замуж «москвитина, второй гильдии за купца Артамона Алферьева» дочь Авдотью (ранее она была женой ростовского посадского человека), собрал в качестве приданого «платья и низанья (украшений из бус, вероятнее всего жемчужных. — *Е. А.*) по цене на триста рублей да денег тысячу рублей»²⁹².

Нам неизвестно, удалось ли Ивану Метле женитьбой улучшить свое материальное положение. Зато мы знаем, что вскоре после свадьбы Иван Метла с отцом и братом переехал из прихода Николая Чудотворца в Кузнецях на Ордынку, где также поселился на церковной земле. В одном из следственных дел хранится копия договора найма:

«Лета тысяща семьсот четыредесят четвертого генваря в осмый надесят день московской новозаведенной фабрики суконщик Иван Авдеев сын Шавыкин дал я сию запись церкви Николая Чудотворца, что за Москвою-рекою, в Пыжеве, дьякону Василью Никитину в том, что нанял я, Иван, у него, диакона Василья, дворовой ево земли под свое хоромное строение поперешнику четыре сажени с полусаженью, длиннику по одну сторону шесть сажень без ар-

шина*, а по другую сторону пять сажень, в приходе той же церкви с вышеписанного числа впредь пять лет до такова ж числа. Найма рядил по пятидесят копеек на год. Деньги платить погодно. Да мне ж, Ивану, на оную землю в телегах или на роспусках въезжать и съезжать в ево, дьяконовы, ворота беззапретительно. И живучи мне, Ивану, на той ево земле в своем хоромном строении никаким дурным и воровством не промышлять, заповедным питьем и товаром не торговать, с ворами не знатца, стану и приезду ворам к себе не держать, и беглых всяких чинов людей у себя не укрывать, и жильцов бес поручных записей жить к себе не пускать, и ту землю на срок очистить, и наемные деньги заплатить все сполна, и в том ему, дьякону Василью, убытков никаких не доставить. А ежели я, Иван, против сей записи явлюсь виновен, и на мне, Иване, и на поручниках моих ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА штраф, а ему, дьякону Василью, взять на нас же, кто из нас в лицах будет, те свои наемные деньги и с убытки все сполна, и той земле очиску. А порукою по мне, Иване, нижеподписавшиеся.

К сей записи государственной Юстиц-коллегии подканцелярист Осип Парфенов сын Протопопов вместо вышеписанного суконщика Ивана Авдеева сына Шавыкина... по ево прошению руку приложил. К сей записи третьей гильдии купец Родион Иванов по вышеписанном Иване Авдееве ручал и руку приложил. К сей записи дворцового конюшенного ведомства крестьянин Михайла Ефимов вместо поручика Малых Лужников третьей гильдии купца Ивана Емельянова, что он по вышеписанном Авдееве ручал, по ево прошению руку приложил. У сей записи Московской крепостной конторы подьячей Василей Гаврилов сын Прянишников свидетелем был и руку приложил.

Запись писал Московской крепостной конторы подьячей Иван Моисеев.

1744 генваря в 18-м сия запись в Московской крепостной конторе в книгу записана, пошлин десять, от письма десять, от записки десять, на расход четверть взято.

Надсмотрщик Тихон Бастрыгин»²⁹³.

Известно, что в этом хоромном строении на церковной земле, кроме Ивана Метлы, его жены Прасковьи

* Аршин — русская мера длины, равная 0,7112 метра.

Ивановой, его отца Авдея Борисова и брата Ивана Авдеева с женой Прасковьей Федоровой, проживало немало постояльцев. Так, зимой 1744/45 года среди жильцов были капрал 3-й роты Московского полка Иван Ефимов сын Елесов, солдатская вдова Матрена Иванова, отставной солдат Ермолай Григорьев с женой Ефимией Титовой и извозчик Степан Матвеев с женой Ульяной Васильевой²⁹⁴.

Но женитьба, а потом и обустройство на новом месте несколько не повлияли на склонность Ивана Метлы к воровству. Известно, что весной 1744 года доноситель Каин вновь привел его в Сыскной приказ «с поличной кисой* в грабеже у солдат». Дело пока обнаружить не удалось, но известно, что Метла на допросе с трех пыток признался «в воровствах — в таскании с возов хлеба и прочего, а во сколько поймов, за множеством не упомнит». По этому делу преступник подлежал битью кнутом, вырезанию ноздрей и вечной ссылке, но по амнистии, которую объявила Елизавета Петровна 15 июня 1744 года «по случаю благополучно оконченной войны со шведами»²⁹⁵, везунчик вновь был освобожден без наказания²⁹⁶. Но на этот раз он не прожил на свободе и полугода.

Утром 28 января 1745 года в Московскую полицмейстерскую канцелярию со съезжего двора привезли тело женщины и привели Ивана Авдеева сына Метлу. В рапорте поручика Шушерина и прапорщика Баженова сказано: «...сего генваря 27 дня по полуночи в 1-м часу 11 команды 8 сотни соцкой Осип Михайлов с товарищи привели в съезжий двор незнаемо какого чину человека с мертвым телом, а у приводу объявили: ходили де они по сотне своей для осмотру рогаточных** караулов и всяких непотребств, и как будут близ церкви Николая Чудотворца, что в Пыжеве, и в то время вышел из дому своего Журавлевой фабрики ученик Иван Авдеев, и говорил оному соцкому, что в доме у нас брат ево родной той же фабрики Иван Авдеев зарезал жену свою. Кото-

* Кис — здесь: кошель или мешок, затягиваемый шнурком.

** Рогатки — здесь: шлагбаумы, которые согласно инструкции московскому обер-полицмейстеру от 9 июля 1722 года устанавливались на концах улиц и опускались по ночам (в 11 часов «по полудни») к «пресечению воровства, и воровских проходов, и прочих непотребных людей» (см.: ПСЗ. Т. 6. № 4027. С. 729—730).

рой соцкой, пришед во оной дом, и взял оногo Авдеева и мертвое тело, и привел в съезжий двор».

В тот же день подозреваемого и тело жертвы отправили в Сыскной приказ, где в первую очередь было произведено освидетельствование трупа, результаты которого зафиксированы в протоколе: «А по осмотру на том мертвом теле Прасковьи Ивановой явилась на груди рана близ вершка, значит проколото, на ней платье — душегрейка китайчатая, юпка желтая и рубаха в крови, значит от показанной раны». После этого тело женщины отдали священнику церкви Воздвижения Честного Креста Господня для погребения «в доме убогих», а обвиняемого допросили. Иван сразу признался в содеянном, поведав следующую историю:

«Сего генваря 27 дня в воскресенье был он, Метла, на... фабрике и ростребливал шерсть, заготавливал на дело на неделю для прядения той шерсти, и пришел в... жительство свое к жене своей означенной Прасковье Ивановой дочери.

И часу в другом ночи стали они ужинать: он, Метла, жена ево оная Парасковья, да первого Московского полку третьей роты капрал Иван Ефимов сын Елесов, да жилица их вдова Матрена Никитина дочь. И сперва ели кашицы свиной, которая кашлица была означенной жилицы... Матрены Никитиной, а не ево, Метлы. И он де, Метла, прошал у жены своей, Прасковьи, чтоб она принесла штей (щей. — *Е. А.*) своих, и она де стала отговариватца и в скорости штей не принесла. И он де, Метла, взяв со стола нож, которым рушат хлеб, и тем ножом, осердясь за то, что ево она, жена ево, не слушает и скоро штей не приносит, тем ножом в ту жену свою бросил, которым ножом вострием попало в грудь, и прошиб грудь. Которой нож оная жена ево из груди выдернула и бросила на стол, а сама села на постелю. И сидела на постели з час, и сидя, охала, а из груди шла кровь. И, посидя, упала на лавку и умре без ысповеди и бес причастия, понеже того в скоропостижной смерти не успели. А то де по колоние ножом учинил без умыслу в сердцах за показанное непослушание жены своей, и что де видели и при том были означенные капрал Елесов и жилица Матрена Никитина, да отставной салдат Ермолай Григорьев, да жена ево Афимья Титова, да извощик хилец Степан Матвеев и жена ево Ульяна Васильева,

да брата ево родного Ивана Авдеева жена Парасковья Федорова. А отца де ево, Метлы, родного и брата Ивана в том доме не было.

И брат де ево, Иван, уведал, что то смертное убийство учинилось, пошед первой надесят каманды к сотскому Осипу Михайлову, и о том убийстве на него, Метлу, объявил. И пришел тот сотской от рогаток с караульными, и ево, Метлу, и мертвое жены ево тело взяли, и привезли в съезжий двор в первую надесть команду».

Тогда же в Сыскном приказе преступник был осмотрен и в деле появилось описание его внешних данных: «...он, Метла, явился подозрителен — пытан, росту среднего, глаза карие, волосы на голове темно-русы, борода и ус небольшие изрыжка». После наведения справок выяснилось, что за последние три года он трижды содержался в Сыскном приказе, неоднократно подвергался пытке, а около полугода назад как вор-рецидивист подлежал суровому наказанию, но был освобожден по «милостивому» императрицыну указу. 3, 29 апреля и 14 мая 1745 года Ивана Метлу пытали (поднимали на дыбу и били кнутом соответственно 25, 20 и 25 раз). Под пыткой он показал то же, что на допросе: «...жене своей Парасковье Ивановой поколоние ножом учинил подлинно без умыслу, а в других убийствах и воровствах ни в чем не винулся»²⁹⁷.

В пятницу 17 мая 1745 года в Сыскном приказе решалась его судьба. Члены присутствия, коллежский советник Петр Богданов и коллежский асессор Егор Непеин, в этот день приехали на работу в седьмом часу утра и заслушали пять докладов, в том числе о «суконной фабрики компанейщика Романа Журавлева ученике Иване Метле». Судьи приказали «означенному Метле за убийство жены своей без умыслу учинить наказание бить кнутом и сослать ево в ссылку в Оренбурх на поселение»²⁹⁸.

Сын иконописца Иван Серков

Одним из самых опытных воров Москвы был Иван Яковлев сын Серков по прозвищу Жегала. В реестре «мошенников», составленном Иваном Каином, его имя

стоит на первом месте, что не могло быть случайностью. Когда днем 29 декабря 1741 года Каин с солдатами вышли на Красную площадь, Серков был схвачен, но по дороге в Сыскной приказ ему удалось вырваться и скрыться. На следствии по доносу Каина служащие Сысского приказа хорошо запомнили имя Ивана Серкова: многие выданные и пойманные Каином воры, давая признательные показания, не забывали упомянуть о Яковлеве. Например, сорокалетний «мошенник» Иван Голый на допросе показал: «...тому ныне 3 год он, Голой, спознался Большого суконного двора с учеником... Иваном Яковлевым, которой живет в Хлебной улице своим двором... И оные товарищи ево с ним, Голым, ходили мошенничать в разных местах»²⁹⁹.

Но впервые арестовать Серкова удалось только летом 1746 года. Тогда Ванька Каин по показанию вора Гаврилы Рыжего поймал целую группу профессиональных преступников, своих бывших приятелей. Все они признались в систематическом совершении краж на протяжении многих лет, а также дали подробные автобиографические сведения. Но показания Ивана Серкова наиболее откровенны. На тот момент ему было около пятидесяти восьми лет, и значительная часть его долгой по тогдашним временам жизни, как следует из его же рассказа, была связана с преступным миром и воровской деятельностью. На допросе в Сысском приказе в августе 1746 года, после длинного перечисления совершённых в недавнее время краж, Иван признался, что с момента побега с Большого суконного двора более десяти лет назад (то есть около 1736 года) он «чинил воровства в торговых банях кражу деньгам и платью... повседневно, кроме тех дней, в которые бань не топят... А имянно де ему, Серкову, сколько он со означенными товарищи и один собою в объявленные десять лет в торговых банях чинил кражу деньгам и платью за множеством того воровства своево... показать ему никак невозможно»³⁰⁰.

Служащим Сысского приказа нечасто приходилось слышать такие откровенные признания. Наверное, поэтому они занесли в протокол допроса описание внешности Ивана Яковлева, которое предоставляет нам

уникальную возможность мысленно нарисовать портрет этого вора: «...а приметами ростом средней, лицем беловат, продолговат, нос прям, глаза серые, на правом глазу бельмо, на голове волосы светло-русые с сединой, борода и ус седые, окладистая, небольшая»³⁰¹.

Возможно, во времена Ваньки Каина Иван Яковлев сын Серков был самым пожилым, опытным и, наверное, авторитетным вором Москвы. К счастью, обнаружались документы, подтверждающие и значительно дополняющие автобиографические показания: подробные сведения о его отце (десяток документов); две «сказки» 1732 и 1739 годов самого Ивана Яковлева, поданные им во время опроса «фабричных» Большого суконного двора; информация о его дворе и соседях из переписной книги московских дворов 1737 года и др. На основе всех этих материалов выстраивается картина жизни этого колоритного персонажа преступного мира Москвы XVIII века.

Иван Яковлев сын Серков родился в семье иконописца Оружейной палаты Московского Кремля Якова Прохорова между 1685 и 1687 годами: в «сказке» 1732 года он назвался 47-летним, в «сказке» 1739-го указал, что ему 52 года, а в протоколе допроса в 1746-м записано, что ему 58-й год³⁰². О его отце известно, что в 1679 году он участвовал в росписи церкви Спаса Нерукотворного образа. Иконописцы в XVII веке делились на две категории — жалованные (находились в штате Оружейной палаты и получали годовое жалованье) и кормовые (получали поденный корм в период выполнения заданий Оружейной палаты). Последние, в зависимости от квалификации, подразделялись на три статьи. Яков Прохоров был отнесен к третьей статье³⁰³.

Он был в числе нескольких десятков иконописцев, в 1670—1680-х годах поселенных в Земляном городе возле Серпуховских ворот. Судебные документы Оружейной палаты показывают, что Яков Прохоров постоянно ссорился с соседями. Так, в октябре 1690 года кормовой иконописец Ивашко Медведев обвинил его в «жены своей в срывном ис хором ево в окошко какошнике жемчужном по цене в десять рублей». Правда, 22 ноября Медведев и Прохоров подали в Оружейную палату сов-

местное челобитье, в котором заявили, что «ныне они в тех исках, не дожидаясь вершения судного дела, помирились и впредь друг на друга ни в чем не челобитчики».

Соседом Якова Прохорова был также ученик Симона Ушакова Ларион Сергеев, который был выставлен кандидатом на вакантное место жалованного иконописца еще в 1678 году, когда сам Ушаков «с товарищи сказали по евангельской Христовой заповеди», что Ларион «иконописное письмо пишет самое доброе мастерство», но определен в эту категорию только в 1690-м. Сергеев постоянно конфликтовал с отцом Ивана Серкова. В тот же день, когда Прохоров помирился с Ивашкой Медведевым, он «подал приставную память... на Лариона Сергеева в насмешной огорожке заборов и в разорении сада ево в четырех яблонях садовых, да в семи сломленных прививках, да в пятидесят почках по цене во ш[ес]ти рублех с полтиною». А 29 апреля следующего года уже Ларион Сергеев бил челом на Якова Прохорова: «...живет де он, Янка, с ним в ближнем соседстве и чинит де ему многие обиды, и впредь де он хвалитца на него боем и всякими лихими словами и подметом. И великие государи пожаловали б его, велели челобитье его и явку записать, чтоб ему от него, Янки, всякого его лихого умысла и напрасно в разореньи не быть». Спустя всего 16 дней, 15 мая 1691 года, на Прохорова жаловался уже другой сосед, переводчик Посольского приказа Семен Лаврецкой — «в приходе... на ево, Семенов, двор и в бесчестье ево и в скаредной брани и в ножевом замахиванье на людишек на Ивашку Ленивого да на Фомку Крылова».

Как мы видим, отец Ивана Серкова был человек конфликтный и, скорее всего, «нетрезвой жизни». Может быть, поэтому в конце 1680-х годов он оставался без работы и в одном из документов был назван «гулящим человеком»*. 27 июля 1687 года в Оружейную палату из Земского приказа был прислан запрос: «...гулящей человек Якушко Прохоров в Оружейной палате в кормовые иконописцы записан ли, и под двор место за Москвою-

* В XVII—XVIII веках так могли называть и вольного человека, не приписанного к посадским, крестьянам или служилым людям, и беглого, и, как в нашем случае, не занятого работой, праздного.

рекою у Серпуховских ворот с ево братьею иконописцы дано ль, и будет он, Якушко, в кормовые иконописцы записан, и под двор место ему дано, в котором году, и месяце, и числе, и по какому их, великих государей (Ивана и Петра Алексеевичей. — Е. А.), указу, и сколько мерою сажень под двор дано?» Можно предположить, что этот запрос был связан с подачей кем-то челобитной в Земский приказ с просьбой пожаловать двор, где жил Яков Прохоров. Подобные же справки Земский приказ наводил в 1693 году с целью выяснить законность владения двором у Серпуховских ворот «гулящим человеком» Николаем Чулковым, братом умершего живописца Лариона Чулкова.

О том, что кто-то пытался заполучить двор, в котором проживал Яков Прохоров, свидетельствует челобитная, которую он подал 20 января 1692 года вместе с живописцем Оружейной палаты Елисеем Ивановым и жалованным иконописцем Ларионом Сергеевым. В ней содержится прямая жалоба на неких истцов, позарившихся на их дворы в «иконописной» слободе у Серпуховских ворот: «...в прошлых годех по указу... даны им дворовые места из Оружейные полаты в Земляном городе у Серпуховских ворот... и на той земле поселились они и построили всякое дворовое и хоромное строенье, а данных им на те земли не дано для того, что челобитья их о том не было за многими их, великих государей, делами бить челом им на те данные земли и ходить за тем делом некогда, и великие государи пожаловали б их, велел о тех их дворовых местах своих великих государей милостивый указ учинить и челобитье их записать, а в Земской приказ послать память для того, что из Земского приказу от челобитчиков, которые бьют челом им, великим государям, о тех же их данных дворовых землях чинятца многие убытки». Однако в январе 1693 года никаких документов, подтверждающих право владения Якова Прохорова этой землей, в Оружейной палате найдено не было. Поэтому не исключено, что с ним поступили так же, как с одним из его соседей Николаем Чулковым, — попросту выселили как «гулящего человека», не имевшего никаких прав на владение означенным двором³⁰⁴.

Возможно, все эти несчастья, обрушившиеся на голову Прохорова, сократили дни его жизни. Между 1693 и 1706 годами он умер, оставив жену с малолетним сыном. В 1739-м, во время опроса «фабричных» Большого суконного двора, Иван Яковлев рассказал, что «после отца своего он остался в малых летех при матерее своей Марье Артамоновой дочери и воспитан от нее, матери своей».

Рано оставшись без отца, Иван Серков не имел возможности перенять от него ремесло. Более того, он еще при жизни отца был выселен из «иконописной» слободы у Серпуховских ворот и вынужден с матерью скитаться по разным углам. Чем занимался он в подростковом возрасте? Помогал ли матери зарабатывать на хлеб? Был ли отдан, как многие другие подростки, в подмастерья для обучения какому-нибудь ремеслу? Или же они с матерью «кормились Христовым именем»? К сожалению, вряд ли когда-то удастся получить ответы на эти вопросы. Но зато нам точно известно, что в 1718 году с ним произошло два важных события, повлиявших на его последующую жизнь: он женился на дочери наборщика Печатного двора Кузьмы Афанасьева восемнадцатилетней Федосье и «пришел на Суконную фабрику по желанию своему для обучения и прокормления, и принят по прошению ево в бытность командиров Ильи Исаева да Артемья Навороцкого с товарищи, и определен был в ткачи сукон».

Наперед скажем, что оба выбора — спутницы жизни и профессии — имели действительно судьбоносное значение. Его брак был долгим и принес как минимум троих детей (в 1732 году у Ивана Серкова был «сын Григорей восьми, дочери Анна четырех и Дарья дву лет»). А на Большом суконном дворе он проработал много лет, вплоть до его побега около 1736 года (кстати говоря, впоследствии там же работал и его сын Григорий).

Наверное, эти два события имели прямую взаимосвязь. Может быть, женившись, Иван Яковлев сын Серков задумался о будущем. Не исключено также, что взыскательный отец отказался выдавать дочь замуж за «гулящего человека», каким, скорее всего, был Иван. Нельзя забывать также и о том, что нередко при по-

ступлении на мануфактуру выдавались по тем временам крупные (в несколько рублей) авансы в счет будущей заработной платы³⁰⁵. Не исключено, что именно это обстоятельство, предоставившее Ивану Яковлеву возможность справить свадьбу, сыграло главную роль в принятии решения стать суконщиком.

А были ли у него какие-то другие варианты? Записаться в посадские можно было, только имея торги или промыслы³⁰⁶. Военная служба была легкодоступна для людей типа Ивана Серкова — молодых и ничем не занятых. Но несладкая солдатская жизнь мало кого привлекала, особенно людей семейных. Серков мог постараться устроиться подмастерьем к какому-нибудь ремесленнику для обучения профессии. Именно так поступил посадский человек Большой Садовой слободы Иван Гаврилов сын Побротятин — 23 января 1718 года устроился к «верховному истопнику» Алексею Иванову сыну Милютину, заключив с ним договор — «жилую запись»: «...жить мне, Ивану, в доме у него, Алексея, с сего числа впредь пять лет до такова ж числа из учения литному и позументному дела мастерству без найму, а в те годы мне, Ивану, ясть и пить, одежду и обувь носить всё хозяйское, и живучи мне, Ивану, в доме у него, Алексея, мастера и прикащика ево слушать и почитать и вышеписанное мастерство работать неленносно...» Была также возможность податься в услужение к какому-либо московскому обывателю — купцу, ремесленнику или чиновнику. К примеру, 3 марта 1718 года посадский человек Больших Лужников Родион Иванов начал проживать и служить в доме тяглеца Садовой набережной слободы Михаила Федорова сына Рыбникова, заключив с ним договор: «...жить мне... в доме ево с сего числа впредь пять лет до того ж числа, а найм рядил на год пять рублей, ясть и пить ево, хозяйское, одежду и обувь носить свое, и живучи в доме во всем ево, хозяйна, и жены ево и детей слушать и почитать и всякую домашнюю работу работать...»³⁰⁷

Еще одна возможность могла оказаться наиболее выгодной с точки зрения долгосрочной перспективы. Иван Яковлев мог стать подьячим, поскольку был грамотным. Неизвестно, успел ли отец научить его читать

и писать или мать постаралась отдать сына в обучение к какому-то подьячему или священнослужителю, но «сказку» 1732 года и допрос 1746-го Иван подписал своей рукой. Отметим, что среди «фабричных» Московского суконного двора было не так много грамотных людей: во время переписи 1732 года подписаться смогли лишь 100 (7,3 процента) из 1371 рабочего³⁰⁸. В 1717—1720 годах государственная структура России претерпевала серьезные реформы: старый приказной аппарат уходил в прошлое, а на его месте возникала новая система учреждений. В эти годы крупных государственных преобразований страна испытывала острую нужду в грамотных кадрах, и чтобы удовлетворить ее, приходилось использовать выходцев из посадско-слободского мира. Например, в 1729 году в Московской крепостной конторе среди «шляхетских», «подьяческих» и «поповых» детей служили, между прочим, «иконописцев сын» (!) Федор Рименский, который «до определения в Крепостную контору был у дел в Духовном приказе»; «купецкого человека сын» Федор Певцов, который ранее «был в Московской ратуше для обучения письма»; «сторожев сын» Василий Колмаков, «посадского человека сын» Григорий Степанов и др.³⁰⁹

Но для того чтобы дорасти до уровня подканцеляриста, приносившего какой-то доход, нужно было много лет терпеливо трудиться рядовым писчиком, а затем копиистом, снося унижения со стороны вышестоящих чиновников — секретаря и канцеляриста-повытчика и живя впроголодь. А запись на мануфактуру сулила сразу большой аванс и бесплатную крышу над головой (во время переписи «фабричных» 1732 года непосредственно на Суконном дворе проживали 642 рабочих — почти половина от общего числа³¹⁰). Однако было, видимо, и более серьезное обстоятельство, мешавшее Ивану Серкову пойти по пути чиновника. Обычно в государственных учреждениях начинали служить с подросткового возраста, а Иван к моменту записи на фабрику был уже достаточно зрелым человеком.

Видимо, все эти обстоятельства в совокупности и определили выбор Ивана Серкова: в 1718 году он «пришел на Суконную фабрику по желанию своему для обу-

чения и прокормления». В этом же году для работы на Московском суконном дворе был принят, кроме Ивана Яковлева, 31 человек: 11 солдатских детей, семь выходцев из посадско-слободского мира Москвы, шесть выходцев из крестьян, четверо детей дворцовых служителей, два выходца из «фабричных» и сын подьячего³¹¹.

Московский суконный двор был, по существу, первой большой суконной мануфактурой в России. Он был основан в 1705 году «для дела немецких сукон», шедших на камзолы и кафтаны для создававшейся Петром I регулярной армии. К 1719 году на двадцати суконных и шестидесяти каразейных станах трудились 598 работников, производя 1480 аршин сукна и 14 700 аршин каразеи в год. За шесть лет руководству мануфактуры удалось существенно расширить производство: в 1725-м 98 суконных и 60 каразейных станов обслуживали 1129 человек, выпуская 22 600 аршин сукна и 59 700 аршин каразеи. Однако добиться того, чтобы отечественное производство сукна полностью удовлетворяло запросы армии, всё равно не удавалось. Так, в 1718 году для пехоты и кавалерии требовалось 125 500 аршин сукна на мундиры и соответствующее количество материала на подкладку, между тем на Суконном дворе за пять лет, с 1714 по 1719-й, был выработан всего лишь 31 161 аршин сукна. Поэтому ткани для армии продолжали закупать за границей.

Предприятие располагалось на правом берегу Москвы-реки, напротив Кремля, близ Всехсвятского (Большого Каменного) моста, между современной Софийской набережной и Болотной площадью. У моста находилась сукновальная мельница, заменившая ручную валку механической при помощи энергии воды. Ядро мануфактуры составлял комплекс каменных двухэтажных строений, смыкавшихся в прямоугольник. Значительная его часть была отведена под рабочие помещения. В «шерстоснимательной палате» сидели мастера, вручную, при помощи особых ворсильных шишек поднимавшие ворс, который подстригали «дрогшейдера» особыми ножницами, закупаемыми за границей. «В верхних покоях» располагались мастерские, где находились ткацкие (суконные и каразейные) станы.

В «жомной палате» происходило тиснение сукна с помощью прессов. В «красильной палате», с шестью медными котлами и тремя деревянными кубами, окрашивали ткани в зеленый и синий цвета. Кроме этого, на Большом суконном дворе находились сушильни, кладовые, жилые помещения для мастеров, контора для делопроизводства, харчевня и различные деревянные строения хозяйственного назначения³¹².

Суконный двор никогда не отличался чистотой. Так, летом 1721 года специальным указом Берг-коллегия велела его хозяевам-«компанейщикам» (годом ранее мануфактура была передана в частные руки компании купцов во главе с Владимиром Щеголиным)³¹³ содержать помещения таким образом, «чтобы никакого навозу на тех дворах и в полатах не было». В указе было отмечено, что «весь двор и нижние полаты и светлицы более годны употребить х конюшням и сараям, ибо в них такавая вонь, что нельзя в них быть»³¹⁴. Но ситуация, по всей видимости, после этого коренным образом не изменилась. Спустя 20 лет, в 1741-м, составители Суконного регламента, обследовав московские мануфактуры, были вынуждены констатировать, что помещения «в такой плохой почине содержатся, что теча от снега и дождя, и валящийся сквозь щели неплотных потолков песок и сор людям работу в руках марают и портит»; полы везде «гнилы и в досках множество скважин, и кирпичи или камни в разных местах выломаны»; пространство между зданиями сплошь застроено «разными малыми из досок строениями» и заставлено «всякою деревянною посудою и многими другими вещами»; помещения настолько темные, что «ткачи насилу и столько денного света имели, дабы ткание свое точно высмотреть... а скребальшики и кардовщики обще с прядильщиками принуждены были работу свою в темноте за станами исправлять» и т. д.³¹⁵ В 1756 году работники Большого суконного двора, протестуя против привлечения к работе их жен и дочерей, отмечали, что при тесноте в производственных помещениях («человек от человека не более аршина») мужчины часто работают без рубах, а иногда «приходят пьяны и являются беспо-

койны, и в том происходят от таковых всякие скверные слова и прочие азартные дела».

В таких условиях «фабричные» трудились иногда по 14 часов в сутки: весной и летом суконщик должен был «в показанное ему на фабрике место для работы являться» в четыре часа утра, а «с работы сходить» в девятом часу вечера при двухчасовом перерыве на обед³¹⁶. Ворота во двор, которые находились со стороны Софийской набережной, на время работы запирались. В 1722 году работники жаловались, что главный «компанейщик» Владимир Щеголин «двор суконной запирает, и велют нам есть у себя на дворе в харчевне, которую имеют от себя прибытку, а харч держит он от себя свой и продает против гороцкова против дорогою ценою, и от той нам харчевни есть великая нужда и убыток, что проелись и одолжались». «Компанейщики» на это обвинение ответили, что двор запирается «для их (работников. — Е. А.) пьянственного дела и озорничества, а во время обеда и полудня и вечера дана воля всем сходить». Из этого объяснения видно, что хозяева не особенно церемонились со своими работниками. Летом 1721 года Берг-коллегия специальным указом велела обращаться с «мастерами-иноземцами» «по их достоинству», «а ковать и батошьем бить оных отнюдь не велеть»³¹⁷. Если даже высококвалифицированные и хорошо оплачиваемые иностранные мастера могли подвергаться физическим наказаниям, что уж говорить о простых российских учениках и подмастерьях!

Но, несмотря ни на что, обездоленные люди, особенно молодежь, приходили на Большой суконный двор. Из 685 рабочих, поступивших на мануфактуру в петровское время и учтенных в переписи 1737 года, только четыре человека были привлечены принудительно. Остальные, в том числе Иван Яковлев сын Серков, пришли «своею волею» в поисках заработка.

Большинство «фабричных» Суконного двора при поступлении приравнивались к «ученикам». Это значит, что с момента найма они были обязаны проработать семь «ученических» лет, а затем три года в качестве подмастерьев. Таким образом, обязательный срок пребывания на предприятии равнялся десяти годам. В случае

несанкционированного ухода с предприятия беглецов следовало возвращать, подвергать телесному наказанию и продолжать их обучение.

Вместе с российскими подмастерьями и учениками на фабрике работали высококвалифицированные зарубежные специалисты. Иностранцы мастера получали огромные по тому времени оклады — от 120 до 480 рублей в год, подмастерья — от 60 до 120 рублей, тогда как русские работники — от восьми до 30 рублей. Исследование Е. И. Заозерской показало, что московский мануфактурный рабочий высшей квалификации, будучи на разных производствах, мог заработать на пропитание для двух-трех человек, а низшие разряды работников могли с трудом прокормить только себя. Поэтому, видимо, жалобы работников Большого суконного двора в коллективной челобитной 1722 года («...жены и дети ходят и питаются миром, а мы сами с великою нуждою и долгами питаемся», «кормиться стало нечем для того, что одолжали и онаготились», «стали наги и босы» и т. п.³¹⁸) нужно понимать в буквальном смысле. Летом 1737 года они сетовали, что «пришли в великую скудость и неоплатные долги и помираем з женами и з детьми голодную смертью»³¹⁹. Составители Суконного регламента 1741 года отмечали: «...понеже поныне очень срамно было видеть, что большое число мастеровых и работных людей так ободрано и плохо одеты находятся, что некоторые из них насилиу и целую рубаху на плечах имеют, того ради фабрикантам накрепко повелевается той некрасоте народа упредить и вышепомянутым людям всех суконных фабрик всем сплошь равную одежду на известное число годов... вскоре сделать»³²⁰.

Вероятно, именно нищенские условия жизни «фабричных» способствовали тому, что на Большом суконном дворе сложилось целое сообщество профессиональных преступников. Там работали 13 из шестидесяти девяти профессиональных воров круга Каина и Соловьева.

Так, известный московский вор Михайла Денисов сын Жужла, чье имя мы находим в «повинных доношениях» Каина и Соловьева, был «взят» 30 декабря 1741 го-

да на Красной площади «по указыванию» Каина. Из его допроса следует, что он родился около 1700 года в семье купца «Панкратьевской слободы» Дениса Абрамова, который «в давних годах умре», оставив сына «в малых летех». «По возрасту» Михайла записался на Большой суконный двор. Про свою преступную деятельность Жужла показал, что «тому ныне лет с пять он, Михайла, стал мошенничать с товарищи...». 9 февраля 1742 года в Сыскном приказе было определено учинить Михайле Жужле наказание кнутом и, вырвав ноздри, сослать в вечную ссылку в Оренбург³²¹.

Тихон Степанов сын Бобров по прозвищу Белый начал заниматься «мошенничеством» с юношеского возраста. Он был пойман в ночь с 28 на 29 декабря 1741 года у крестьянина Суздальского монастыря Федора Игнатьева, который снимал «полату» в доме священника церкви Николая Чудотворца у Москворецких ворот. Здесь Тихон ночевал вместе с другим вором, тридцатилетним Матвеем Дмитриевым сыном Тарыгиным. Из автобиографических показаний следует, что Бобров родился около 1716 года. Он был подростком, когда умер его отец, ярославский посадский человек. После его смерти Тихон записался на Большой суконный двор, где познакомился с «фабричными» преступниками. Вскоре он сам стал известным московским вором: его имя мы находим в реестрах Каина и Соловьева, а также в показаниях многих пойманных «мошенников». На допросе Бобров не стал скрывать своей преступной деятельности, а также признался, что уже был судим и наказан за воровство пять лет назад (около 1736 года). Тогда он провел в остроге Сыскного приказа более двух лет (приблизительно до 1738 года)³²².

Следственные дела Сыскного приказа подтверждают, что именно нужда в самом необходимом толкала многих мануфактурных работников на преступный путь. Достаточно выяснить, на что «фабричные» преступники тратили вырученные в результате краж деньги. Об этом, например, поведал на допросе «фабричный» Матвей Дмитриев сын Тарыгин: «И в нынешнем 741-м году до сего приводу недель за пять он, Матвей, вышел из заводу к Москворецким воротам, и в вечерений благо-

вест у прохожего пьяного человека снял грабежом шапку... и в тот же вечер оную шапку продал прохожему человеку за пять алтын*... *и те деньги истратил на харч*. Да после того на третей день на Москве-реке в Судовом ряду... украл со скамьи рукавицы, и те рукавицы продал прохожему деревенскому мужику, взял восемь копеек, *и те деньги исхарчил*». Другой «фабричный»-преступник, Данила Артемьев сын Беляцкой, на сворованные деньги купил себе «шубу баранью новую», «два кафтана сермяжных поношенные», шапку и кушак. Михайла Жужла украденную в «Трехсвятских банях» рубашку «износил сам»³²³ и т. д.

Нельзя забывать и о том, что на мануфактуры приходили в основном люди обездоленные, в раннем возрасте осиротевшие и в силу различных обстоятельств потерявшие связь с традиционной посадской или сельской общиной. Там они сталкивались и попадали под влияние сложившегося сообщества профессиональных преступников. Можно предположить, что для оставшихся сиротами молодых людей воровское сообщество занимало место семьи и общины, поддержки которых они лишились. На это указывает и тот факт, что среди воров мы почти не находим потомственных «фабричных».

К сожалению, у нас нет данных о том, при каких обстоятельствах стал регулярно совершать кражи Иван Яковлев сын Серков. Летом 1746 года на допросе в Сыском приказе он связал начало своей преступной деятельности с побегом с Большого суконного двора в 1736-м. Но вряд ли мы можем доверять этому заявлению: в 1736 году Ивану было около сорока лет, а сама возможность того, что человек в таком возрасте мог невзначай превратиться в профессионального преступника, невелика. Можно предположить, что, подобно многим «коллегам», он стал заниматься кражами в юности и что на формирование его противозаконных наклонностей также повлияло сообщество «фабричных»-преступников.

Кражи помогали Ивану Яковлеву кормить семью — жену и троих детей. Вероятно, во многом благодаря

* Алтын — здесь: серебряная или медная трехкопеечная монета.

преступным доходам он в 1734 году приобрел за семь рублей у «дворцового квасовара» Якова Микулина собственный дом в Плотниках, в районе современного Старого Арбата.

Московские мануфактурные работники нередко проживали в Москве в собственных дворах. Кому-то они доставались по наследству, а кто-то их приобретал, может быть, благодаря денежным авансам в счет будущей работы. Так, в районе современного Нового Арбата, в приходе церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кречетниках, проживал ученик Большого суконного двора Андрей Семенов, которому двор достался от отца, а неподалеку находился двор «суконной фабрики ученика» Афанасия Никитина, купленный им в 1733 году. В том же районе, в приходе церкви Преображения Господня на Песках, находился двор «суконной фабрики подмастерья» Ивана Алексеева сына Соколова, которым он владел по купчей с 1738 года³²⁴.

Недвижимость «фабричного» Большого суконного двора Ивана Яковлева, согласно переписной книге московских дворов третьей команды 1738—1742 годов, располагалась за Арбатскими воротами в приходе церкви Николая Чудотворца в Плотниках, между переулком Сивцев Вражек и улицей Арбат, в Чаадаеве (ныне Калошине) переулке. Форма двора представляла собой вытянутый четырехугольник: от ворот он тянулся в глубину на 23 сажени, а его ширина составляла всего пять саженей³²⁵.

К сожалению, других сведений об этом дворе у нас нет. Но зато в нашем распоряжении имеется подробное описание московского двора другого работника Большого суконного двора Алексея Шинкарки, также профессионального вора и близкого друга Ивана Каина³²⁶. Его владение в приходе церкви Преображения Господня в Наливках (церковь, давшая название современному Спасоналивковскому переулку близ Большой Якиманки, не сохранилась) было в декабре 1749 года описано и выставлено на продажу. Благодаря этому описанию, сохранившемуся в архиве Канцелярии конфискации, мы имеем уникальную возможность получить представление о дворе и всех его строениях (светлице, сенях, нуж-

нике), о жилых покоях, иконах в красном углу и даже содержимом стоявшего под кроватью сундука. Это описание настолько живо и колоритно, что заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью, без переработки и сокращений:

«На том дворе строения: светлица с комнаткою, в ней пять окон красных, окончины стеклянные в деревянных рамах; в комнатке красное окно, окончина стеклянная ж; пол дощатой; потолок дощатой о дву брусах; печь изращатая, ветхая; полати дощатые.

Один образ, на нем написанных Благовещение Пресвятые Богородицы, Воскресение Христово, Богоявление Господне, Ильи Пророка восхождение, на том образе 15 венчиков серебряных золоченых.

Стол небольшой, ветхой, простой, без ящиков.

Поставец небольшой об одном затворе, пустой, на петлях и з закладкою железными.

Сени рубленые, в них каморка, ис которой в печи топят.

В сенях чулан забран досками. В нем кровать простая, наслана досками, на ней перина переная, наволока крашенинная пестрая с чернью; зголове переное, наволочка выбойчатая; две подушки небольшие, на одной наволока белая холстинная, на другой пестрядинная крашенинная синяя.

Под кроватью сундук небольшой, липовой, неоканованой, с внутренним замком. В нем досконь (*искаж.* доскань — табакерка. — *Е. А.*) ветхая небольшая железная; платок белой шапочной холстинной; в узлу три клубка ниток белых; кушак желтой шерстяной новой; штаны васильковые суконные на подкладке пестрой поношенные; рубашка женская белая холстинная новая; скатерть небольшая браная поношенная; рубашка пестрядинная мужская александрийская красная, около ворота кружево з золотом серебро, пуговица серебряная; чепец женской тафтяной* трафчетой (то есть травчатый — с рисунком в виде листьев и цветов. — *Е. А.*) с сеткою серебряною ветхою; запан (передник. — *Е. А.*) женской холстинной белой новой; рубашка с порты холстинные белые; зановес белой холстинной с колыцы железными; фата александрийская красная вполнось; ста-

* Тафта (от *перс.* ткань) — тонкая глянцевиная и плотная шелковая ткань полотняного переплетения с очень туго скрученными нитями, благодаря чему обладает жесткостью, топорщится.

лешник* ветхой холстинной; порты пестрые по-
лосатые синие поношенные нитяные; два спорка**
крашенины, каришневой ис под юбок; запан белой
холстинной; два мешечка, в нем ветоши холстинные
и пестрядинные, лоскутки для заплат; фата выбоича-
тая, ветхая; порты белые холстинные; сверток дет-
ским рубашкам и пеленкам, новым и ветхим, шесть
мест; рубашка белая женская холстинная, на подоле
кружево белое городочками; рубашка мужская пест-
рая синяя ветхая; ставчик*** небольшой точеной с
крышкой пустой; шуба нагольная**** овчинная неболь-
шая поношенная; душегрейка китайчатая***** синяя
мужская ветхая, другая женская ветхая; чашечка де-
ревянная новая желтая; двои чулки шерстяные белые
поношенные, в том числе у одних нашиты носки но-
вые; наволока белая с постели толстая рядная; вареги
(варежки. — Е. А.) серые овечьи поношенные; чулки
худые шерстяные; подушка круглая, набита сеном, на
чем плетут кружево нитяное; сковорода железная. И
оное собрано и запечатано во оном сундуке.

Да на полке в чулане: бурак (туес, коробок. —
Е. А.), в нем семнадцать ложек новых керженских*****;
две шляпы черные валенные вполнось шерстяные;
обушок железный ветхий небольшой; долото желез-
ное; стакан деревянной, в нем гвозди железные ржа-
вые ломаные; зеркало небольшое разбитое в рамках
черных; чашечка винная желтая деревянная, другая
глиняная, третья роговая; лейка жестяная небольшая
ветхая; зеркало маленькое карманное с крышкою в
дереве; белильница деревянная писаная пустая; фо-
нарь новый слюдяной деревянной красной; два блю-
да, три тарелки да стакан деревянные; две бутылки да
скляница порозжие стеклянные; молоток да бурав
небольшие ветхие железные.

Над сенми подволока дощатая, на нее всход лес-
ница с накрытною дверью.

Нужник рубленой на двор.

* Сталешник (*искаж.* столешник) — скатерть.

** Спорок — споротый верх с верхнего платья.

*** Ставчик — здесь: глубокое блюдо или общая миска, из кото-
рой зачерпывали еду все сидевшие за столом.

**** Шуба нагольная — с мехом внутрь, не покрытая тканью.

***** Китайчатая — сделанная из китайки, простой хлопчатобу-
мажной ткани, привозимой из Китая.

***** Считалось, что лучшие деревянные ложки делались в Заволжье
жителями сел по берегам Керженца и Узолы, где из-за бедности почв
этот промысел был основной статьей дохода населения.

Оное строение крыто под одну кровлю гонтом*.
На дворе погреб без напоребицы ветхой.
Огород, в нем яблонных престарелых семь дерев,
городьбы нет.

Три звена забору, на двор с улицы калитка.

На дворе 3 бачонка квасных средних, да катка пиретирка, кочерга, ухват, сковородник железные.

Во оном строении двери на петлях и на крючьях железных да у светлицы с улицы у трех окон ставни на крючьях же и петлях железных»³²⁷.

Можно предположить, что двор Ивана Яковлева сына Серкова в Плотниках был похож на этот двор его коллеги по работе на Большом суконном дворе и «воровскому ремеслу».

Соседом Ивана Серкова по правую сторону был «дворцовый столяр» Иван Степанов, по левую — копиист Правительствующего сената Александр Иванов сын Поярков, а сзади с его владениями граничил двор «монетчика» Ивана Семенова. На той же улице в непосредственной близости от места жительства Ивана Яковлева обитали секретарь Главного комиссариата Иван Григорьев сын Терский, «монетчик» Монетного двора Архип Давыдов, «дворцовый плотник» Карп Родионов, советник Ревизион-коллегии Иван Александр сын Таптыков, отставной солдат Киевского пехотного полка Василий Леонтьев сын Соколов, канцелярист Монетной канцелярии Михаил Григорьев сын Ветошников и др.

Знали ли все эти люди о том, что рядом с ними проживает профессиональный вор? Поддерживали ли они с ним соседские отношения? Случались ли между ними конфликты? К сожалению, пока все эти вопросы остаются без ответа. Но 11 августа 1746 года, спустя девять дней после ареста и дачи Иваном Яковлевым сыном Серковым признательных показаний, один из его соседей, вышеупомянутый канцелярист Михаил Ветошников, подал в Сыскной приказ челобитную, в которой заявил:

* Гонт — кровельный материал, небольшие дощечки, имеющие клинообразное сечение; при укладке тонкий край входит в паз толстой кромки соседней дощечки.

«Прошлого 745 году октября против 7 числа в но-
чи в доме моем, которой имеется за Арбатскими во-
роты, в Земляном городе, в приходе церкви Нико-
лая Чудотворца, что в Плотниках, проломав на избе
кровлю, и с чердака воровскими людьми покрадено,
а именно... (далее следует перечисление украденно-
го. — *Е. А.*).

А ныне я, именованный, уведомился, что в Сыск-
ной приказ доносителем Иваном Каином приведен
Суконной фабрики суконщик Иван Яковлев, кото-
рой жительство имеет от означенного моего дому
в близости, а именно чрез три двора, и винился во
многих воровствах и содержится под караулом...

И дабы... повелено было... ево, Яковлева, и товары-
щев ево про вышепоказанную меня, именованного,
покражу не знают ли они кого еще таковых хищни-
ков, при роспросах и розысках спрашивать»³²⁸.

Заметим, что новость об аресте Ивана Серкова и о
содержании его показаний довольно быстро, всего за
несколько дней, распространилась среди его соседей.
Значит, все-таки определенный интерес к его личности
существовал и более чем за десятилетний период про-
живания Ивана в Плотниках наблюдательные соседи не
могли не узнать о характере его занятий. Однако ника-
кого недовольства опасным соседом, кажется, никто не
высказывал, хотя тот, сбежав зимой 1734 года с Большо-
го суконного двора, по его собственному признанию на
допросе, занимался кражами «повседневно» вплоть до
ареста летом 1746 года.

Летом 1736 года Иван Яковлев Серков вместе с груп-
пой московских «мошенников» — Иваном Каином, Пет-
ром Камчаткой, Савелием Плохим, Кузьмой Легасом,
Михаилом Жужлой, Афанасием Столяром и другими —
отправился на «гастроли» на Макарьевскую ярмарку.
Они сначала остановились в Нижнем Новгороде и пять
дней воровали деньги и одежду в тамошних торговых
банных, а потом несколько недель проделывали то же на
самой ярмарке. Добычи было так много, что преступни-
ки оставили себе только деньги, а краденое платье по-
бросали, чтобы его не могли опознать обворованные.
Десять рублей, доставшиеся каждому члену воровской
компании, даже самый опытный и высококвалифици-

рованный работник Большого суконного двора мог заработать за несколько месяцев изнурительного труда. Вырученные деньги Яковлев пустил на самое необходимое — «истратил в доме своем на съестной харч да на покупку дров и протчаго». Отдохнув немного, Иван снова принялся за «работу»: в конце 1737-го — начале 1738 года он вместе с группой «товарищей» регулярно совершал кражи в различных московских банях, а летом компания вновь отправилась на Макарьевскую ярмарку³²⁹. Такой образ жизни Иван Серков вел вплоть до зимы 1741/42 года.

Как мы помним, имя Ивана Яковлева в реестре Каина стояло на первом месте, но ему чудом удалось избежать участи многих своих друзей. Поскольку схваченный 29 декабря 1741 года на Красной площади преступник на недлинном пути в Сыскной приказ скрылся, туда доставили его жену, которая на допросе показала: «...муж де ее... имеетца Большаго суконного двора суконщик, жительство де с мужем имеет за Арбацкими вороты в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Плотниках, в своем дворе. И сего дня по показанию доносителя Ивана Каина оной муж ее взят салдатами, а куды повели и где девали, того она, Федосья, не знает, токмо те посланные в то ж время возвратились и взяли ее, Федосью, и привели в Сыскной приказ»³³⁰.

В то время преступный мир Москвы переживал не лучшие дни. В результате ряда следственно-розыскных мероприятий, удачно проведенных с помощью «явшегося доносителя», многие московские воры были схвачены и оказались под караулом в Сыском приказе. Активная деятельность Ивана Каина и аресты профессиональных преступников продолжались и весной 1742 года. Что делали в это время Иван Яковлев и его «товарищи», которым удалось избежать ареста? Скорее всего, они затаились. Сколько времени они опасались браться за «работу» и выжидали, не показываясь из своих «нор», сказать трудно. Зато точно известно, что в 1743 году группа воров во главе с Иваном Яковлевым уже снова чистила карманы не покладая рук. Об одной из наиболее удачных краж того сезона позже рассказал на допросе Савелий Плохой: «...да тому назад года

с три он, Плохой, с вышереченным Гаврилой Рыжим, з беглым рекрутом Алексеем Матасом да с суконщиком Алексеем Емелею, Андреяном Болваном, Иваном Яковлевым осенним временем в Тверской Ямской слободе в торговой бане у парильщика приезжаго человека ис платья ис кафтанного кармана украли денег семнатцать рублей, и те деньги розделили по себе»³³¹.

Второго августа 1746 года преступник-ветеран всё же был схвачен Каином и приведен в Сыскной приказ. В те дни расследовалось дело, инициированное признательными показаниями арестованного в феврале вора Гаврилы Рыжего, члена преступной группы Серкова. Благодаря его показаниям в Сыском приказе оказался десяток лиц, виновных в многочисленных кражах, грабежах и даже разбоях на подмосковных дорогах. В частности, в августе 1746 года были арестованы, кроме Ивана Серкова, его ближайшие друзья и сообщники — Савелий Плохой, Андреян Болван и Михайла Таракан. 14 августа всех четверых приговорили к пытке и тогда же привели в застенок. Когда подошла очередь Ивана, его раздели, подняли на дыбу и стали бить кнутом. Пожилой вор дрогнул и, выражаясь юридическим языком того времени, стал «с себя сговаривать», то есть отрицать признательные показания, данные им на допросе: «...а что де он, Серков, в роспросе своем показывал, якобы он чинил воровства в торговых банях в Нижнем Новгороде и на Макарьевской ярмонке, тако ж и в Москве десять лет, и то он показывал на себя напрасно, убоясь себе розысков, а он де, Серков, подлинно воровал только два года». Такое поведение в застенке может быть объяснено тем, что Иван Яковлев, впервые оказавшийся под следствием, не разбирался во всех тонкостях уголовного делопроизводства того времени: он почему-то полагал, что чистосердечные признания уберегут его от «розыска», то есть пытки, тогда как по действовавшему законодательству признавшихся в кражах лиц следовало пытать с целью выявления других преступлений и сообщников. Оказавшись на дыбе, он стал утверждать, что часть обвинений взял на себя напрасно, но этим только ухудшил свое положение: «воров, татей и разбойников», кото-

рые «с пыток с себя... сговаривают», предписывалось «пытать трижды и огнем жечь».

Второй раз подследственных пытали 19 ноября, а последний, третий раз их привели в застенки 8 декабря, где все получили по 25 ударов кнутом, а Серков в связи с переменной речью после допроса был еще и «жжен огнем».

В мае 1747 года был вынесен приговор: Ивана Серкова, Савелия Плохого и Андреяна Болвана приговорили к смертной казни (Михайла Таракан, видимо по молодости лет, еще 16 февраля был приговорен к наказанию кнутом и ссылке в Оренбург).

Дело из Сысского приказа отправили для рассмотрения и утверждения в Сенат. Сколько смертники ожидали решения своей участи, нам неизвестно. Андреян Болван его так и не дождался, умерев в остроге Сысского приказа в апреле 1751 года³³². Возможно, Иван Яковлев сын Серков также закончил свои дни колодником Сысского приказа либо всё же на старости лет, битый кнутом, с вырезанными ноздрями, отправился в Сибирь.

Он оставил после себя троих детей — дочерей Анну (1728), Дарью (1730) и старшего сына Григория (1724). Известно, что Григорий с малых лет трудился на Большом суконном дворе, а уже в 1739 году, в тринадцатилетнем возрасте, числился среди беглых «фабричных»³³³. К сожалению, другой информации о том, как сложилась его судьба, у нас нет; но ясно одно: с подросткового возраста он не был покорным работником. Возможно, Григорий последовал примеру отца и его судьба была похожа на судьбу нашего следующего персонажа — Матвея Гаврилова сына.

Потомственный «фабричный» Матвей Цыган

Матвей Гаврилов по кличке Цыган (Цыганов) родился около 1719 года в семье «фабричного» Большого суконного двора Гаврилы Самойлова. Приблизительно в это же время на Большой суконный двор пришел Иван Яковлев сын Серков. Если Серков записался в «фабричные» после размышлений, имея ряд других возможнос-

тей, то место Гаврилова в обществе было определено с рождения: он принадлежал к только зарождавшемуся новому «чину» в социальной структуре Российской империи — детям «фабричных» — точнее, мануфактурных работников.

Известно, что в 30-х годах XVIII века в текстильной промышленности (полотняной, шелковой и суконной отраслях) доля потомственных «фабричных» составляла 5—10 процентов от числа всех мануфактурных работников. Почти половина их трудилась на Большом суконном дворе — крупнейшей московской мануфактуре. 126 из 1371 труженика Большого суконного двора (10 процентов) были наследственными «фабричными».

Это было второе поколение российского пролетариата, с детства занятое промышленным трудом. Из «сказок» их отцов можно узнать, что их сыновья часто начинали трудовую деятельность на мануфактуре в семь—девять лет. Естественно, проработав многие годы на одном предприятии, они не мыслили себя в другой роли³³⁴.

Понятно, что при четырнадцатичасовом рабочем дне у Гаврилы Самойлова вряд ли было достаточно времени, чтобы уделять внимание сыну. Суконщики работали и жили в тяжелейших условиях, в результате чего мануфактура стала одним из наиболее криминогенных мест Москвы, где существовало целое сообщество профессиональных преступников. Не приходится удивляться тому, что родившийся и выросший в трущобном «фабричном» мире Матвей Цыган с юных лет попал в среду московских карманников. У нас есть и другие примеры того, как выросшие на Большом суконном дворе дети подвергались влиянию взрослых преступников. Так, пятнадцатилетний «фабричный» И. Софонов занимался кражами вместе с опытным вором, 35-летним работником Большого суконного двора Н. Глухим, который, надо полагать, обучал его профессии карманника³³⁵. Может быть, таким же образом и Матвей Гаврилов с ранних лет освоил воровское ремесло благодаря старшим коллегам по Большому суконному двору. А учиться там, как мы уже знаем, было у кого.

Впервые имя Матвея Цыгана нам встречается в реестре тридцати трех «мошенников», поданном Иваном Каином 28 декабря 1741 года в Сыскной приказ. Спустя два дня подканцелярист Иван Фомин в сопровождении солдат пытался поймать Матвея, квартировавшего «за Москвой-рекой, близ Овчинников, в Татарской улице». Но в тот день здесь его взять не удалось, а хозяин жилья Осип Федоров показал, что «сего числа он, Цыганов, в доме ево, в верху, у жильца ево, Михаила Коровина, спал на печи и, встав, пошел незнаемо куды».

Возможно, Матвея предупредили об опасности, и в этот день ему удалось скрыться от следствия. Зато историкам стали известны любопытные сведения о тех убогих бытовых условиях, в которых он жил. Не имея собственного жилья, он спал на печи у «фабричного» М. Коровина, который сам снимал угол «на верху» у «фабричного» же Осипа Федорова, в свою очередь арендовавшего часть двора у сержанта Преображенского полка Ф. Ф. Павлова.

В следующем январе Гаврилов все-таки оказался в Сыском приказе. Хотя подлинника его допроса обнаружить не удалось, в приговоре есть «экстракт» из его показаний: «Матвей Цыганов в роспросе и с одной пытки винился в ведомстве мошенничества за доносителем Иваном Каином: как он, Каин, в талую воду в лодках на перевозе вынимал разных чинов у людей платки и деньги, он, Цыганов, видел, и за то с него, Каина, он, Цыган, брал пай...»³³⁶

Это показание нуждается в небольшом комментарии. В Сыском приказе многие «мошенники» на допросах старались обратить внимание следствия на то, что сами они краж не совершали, а лишь получали «пай» от других карманников. Что кроется за подобными словами, помогает понять заявление пятнадцатилетнего Алексея Елахова: «И тому ныне с полгода спознался де он, Алексей, по сему делу з доносителем Иваном Каином, с школьником Ларионом Ноговициным да с салдатским сыном Василием Терновским... и с ними мошенничал: в Успенском и в Архангельском соборах, и на площади, и под горой (то есть на Васильевском спуске. — Е. А.), и в крестныя хожденки, и в празники вынимали у раз-

ных людей платки и деньги, а он, Алексей, не вынимывал, только стеснял народ, чтоб товарищем ево вынимать было способно, а что товарищи ево вынут, за то он, Алексей, брал у них пай»³³⁷. Нет сомнения в том, что Матвей Гаврилов, как и Алексей Елахов, недаром получал свой «пай». Скорее всего, он также выполнял некие вспомогательные функции.

Приговор последовал суровый: Матвей был назван в числе преступников, которым следовало «за многое их мошенничество учинить наказание бить кнутом, дать по тридцать ударов... и сослать в Оренбург в работу вечно»³³⁸. Казалось бы, после этого он должен был навсегда сгинуть в сибирских лесах. Каково же было наше удивление, когда при изучении дел Сысского приказа за 1744 год снова встретилось его запоминающееся имя!

Пятого декабря 1744 года из Московской полицмейстерской канцелярии в Сысской приказ был прислан Матвей Цыганов, назвавшийся беглым «фабричным» Большого суконного двора. Каким образом он, в начале 1742-го сосланный на вечную каторгу, вновь оказался в Москве и при каких обстоятельствах очутился в полиции? Из доношения Московской полицмейстерской канцелярии мы знаем, что 1 декабря 1744 года Цыганов был пойман дозорными десятскими седьмой команды на одной из московских улиц «в хождении в неуказных часех». На допросе в полиции задержанный поведал, что в 1742 году он попал в Сысской приказ, был бит кнутом и с прочими «мошенниками» сослан в Оренбург. При этом Матвей утверждал, что «в нынешнем 744 году в июне месяце по Всемилостивейшему Ея Императорского Величества указу ис той ссылки свобожен, дан ему из Аренбурху пашпорт, с которым он дошел до Нижняго Новгорода и в том городе оной пашпорт в пьянстве утратил».

Стратегию поведения укрывавшегося в Москве беглого каторжника, которого угораздило ночью наткнуться на полицейский дозор, понять несложно. На допросе «ссылный утеклец» решил назваться беглым «фабричным», рассчитывая отделаться отсылкой на Большой суконный двор, откуда несложно было бежать снова. Однако одно обстоятельство выдавало в нем бывалого

преступника — следы кнута на его спине. Этого в XVIII веке хватало, чтобы считать человека «подозрительным». Носителю зловещих знаков на спине нужно было дать какое-то объяснение их происхождению. Тогда он и решил признаться в своем ссыльном прошлом, придумав при этом историю о всемилостивейшем прощении и утерянном «в пьянстве» паспорте.

Но не тут-то было! Полицейские чиновники «определили» отослать «подозрительного» человека в Сыскной приказ. Там быстро выяснили, что «вышеписанной Матвей Цыганов держался по делу доносителя Ивана Каина, прошлого 1742 году генваря 10 дня в роспросе и с розыску винился в мошенничестве... и с наказанием кнутом послан в ссылку в Оренбург в работу вечно». Теперь, когда Цыгану нечего было скрывать, на допросе в Сыском приказе 14 января 1745 года он поведал историю своего побега и горемычной жизни в московских трущобах.

Проработав три года в Оренбурге, он в апреле 1744-го бежал вместе с одиннадцатью другими каторжниками. По дороге беглецы «кормились Христовым именем», а ночевали у сердобольных крестьян. Шли осторожно, минуя заставы «ночным временем», а дойдя до Симбирска, разошлись. Матвей в одиночестве отправился в Москву, куда добрался только в ноябре. Полгода понадобилось ему, чтобы вернуться из сибирской ссылки в родные московские трущобы! На вопрос следователя, где же он жил в Москве, Матвей Цыган ответил: в Москве он «ни у кого житьем не жывал, потому что бес письменного виду никто ево, Матвея, жить не пускал, а начевывал он всё в разных ямских слободах в овинах». Наконец, беглец рассказал и о том, как он попался в руки охранявших покой ночной Москвы дозорных: «И сего декабря 1 дня, как он, Матвей, шел на Покровскую большую улицу для смотрения иллюменации, которую он, Матвей, и смотрел. И после того смотрю пошел было он для начевания в Переславскую Ямскую слободу, и как де будет промеж Покровских и Яуских ворот, и в то время, нашед на него, Матвея, дозорные десяцкие и, взяв ево... отвели в съезжий двор». После допроса задержанный был «осматриван», благодаря чему в деле сохрани-

лось описание его внешности: «...росту среднего, лицом смугл, щедровит (то есть рябоват. — *Е. А.*), глаза карие, нос небольшой, бороды и уса нет, волосы на голове черные (то есть рыжие. — *Е. А.*)».

Как часто бывало в Сыскном приказе, решение дела о Матвее Гаврилове затянулось. Лишь 18 марта 1745 года, спустя два месяца после допроса, арестант «был взят в застенки и в побеге ис Оренбурха и других воровствах пытан впервые». Во время пытки «было ему пятнатцать ударов» кнутом, и при этом после каждого удара его допрашивали «в утечке из ссылки, и не был ли где на воровствах». Но новых показаний следователи от колодника не добились — он «сказал то ж, что в роспросе говорил». Приговор последовал 14 мая 1745 года: «...определили показанному суконщику Матвею Цыганову за побег из ссылки из Оренбурха учинить наказание — бить кнутом, дать дватцать ударов — и, по учинению наказания, ево, Цыганова, сослать по-прежнему в Оренбурх в работу вечно»³³⁹.

Наша третья встреча с Цыганом также связана с именем Ивана Каина. Пока Матвей трудился на сибирской каторге, его бывший товарищ по «мошенничествам» стал официальным «доносителем» и «сыщиком» Сыскного приказа, с 1742 по 1748 год ловил и приводил в приказ воров, беглых, скупщиков краденного и т. п. Однако в 1749 году началось громкое расследование дела о преступлениях самого «сыщика из воров». На одном из допросов Каин показал: в декабре 1747 года его осведомитель сообщил, что в кирпичных сараях близ Донского монастыря ночевал сбежавший с каторги Цыган. Поймав его, Каин обнаружил, что «взять с него за бедностью нечего». Беглец умолял его не арестовывать, уверяя, что сам намеревается явиться в Сыскной приказ. Каин, якобы пожалев бывшего приятеля, отпустил его³⁴⁰.

Видимо, в эти декабрьские дни Матвей Гаврилов действительно находился в безвыходном положении, раз и впрямь пришел с повинной. На допросе Матвей поведал, что в Оренбурге он проработал до июля 1747 года, когда, «согласясь... с протчими ссылочными колодники тремя человеки, а имянно Яковом Неклюдовым,

Семеном Поляковым, Митрофаном Шапошниковым, все четверо бежали». Такая компания подобралась, видимо, не случайно. Несомненно, всех участников побега Гаврилов знал еще со времени своей свободной московской жизни.

Семен Поляков был беглый солдат, который в 1741—1742 годах укрывался в Москве, совершая преступления. 14 февраля 1742 года Каин схватил его в кабаке на Балчуге, куда тот пришел «для обогривания», а 17 марта его из Сысского приказа отослали в Военную коллегию для военного суда³⁴¹. Яков Неклюдов — не менее известная фигура: московский вор, который также в 1742 году был приведен в Сысской приказ доносителем Каином по обвинению в побеге из рекрутов, нескольких разбоях и кражах, за что он был наказан кнутом «и с вырезанием ноздрей вместо смертной казни послан был в шахты в работу вечно». Спустя четыре года он сбежал из ссылки, вновь пришел в Москву, но опять был пойман Каином и после следствия в Сысском приказе снова отправлен в Оренбург. И вот теперь Неклюдов совершил уже третий побег из Сибири. В делах Сысского приказа 1749 года сохранилось описание его внешности: «...лицом смугл, глаза карие, волосом темно-рус, борода небольшая черная, ноздри вырезаны»³⁴².

В Сызрани Поляков и Шапошников от них «отстали», а близ Арзамаса Цыган распрощался и с последним «товарищем» Неклюдовым.

По всему видно, что этот не раз битый кнутом беглый каторжник остался в Москве в одиночестве и не знал, где укрыться от мороза. А зима 1747/48 года была особенно суровой. Великая княгиня Екатерина Алексеевна, которая в декабре 1747 года вместе с двором находилась в Москве, не забыла эту зиму даже спустя годы, когда, став императрицей Екатериной II, писала свои «Записки»: «Чтобы отправиться в главную придворную церковь, надо было объехать в карете вокруг всего дома; в самый день Рождества, в час обедни, мы собирались сесть в карету и уже были для этого на крыльце, при 28—29-градусном морозе, когда нам пришлось сказать от имени императрицы, что она освобождала нас от поездки к обедне в этот день, по случаю чрезвычай-

ного холода, какой стоял; действительно, мороз щипал за нос».

Может быть, именно сильный холод принудил беглеца в том декабре явиться в Сыскной приказ. О своей московской жизни Матвей на допросе рассказал следующее: «А он, Цыганов, пошел в Москву, в которую в том же 747-м году в августе месяце пришел, и близ Андреевского монастыря в поле начевав с неделю, пошел для прииску себе работы на заставу, что за Донским монастырем». Вместе с другими искавшими работу он был нанят «от компанейщика Михайлы Петрова сына Гусятникова подрядчика... для таскания с Москвы-реки на берег лес, из платы которой они недели з две и таскали... И потом он, Цыганов, таскал глину недель с пять по приему подрядчика Ивана Борисова сына, которой подряжался от вышеписанного компанейщика Михайлы Гусятникова заведомо, что он, Цыганов, из ссылки бежал. А начевал он, Цыганов, у показанного подрядчика Ивана Борисова в ызбе ево, близ тех кирпичных сараев. И потом он, Цыганов, от него, Борисова, отстал и жил всё в кирпичных сараях разных чинов у людей, тако ж и на государевых заводах, а окроме того он, Цыганов, житьем нигде ни у кого не живал». Скорее всего, когда беглеца встретил доноситель Иван Каин, тот находился в крайней нищете и у него уже и впрямь созрела мысль явиться с повинной.

По определению Сысчного приказа «ссылочному утеклцу» следовало за побег «учинить наказание: бить кнутом, дать пятнатцать ударов и, по учинении того наказания, сослать ево в сылку в Оренбурх в работу вечно». А уже 16 января 1748 года Матвей Гаврилов по прозвищу Цыган «послан (на каторгу. — *Е. А.*) с протчими колодники... суздальского баталиона с каптенармусом Тимофеем Киреевским»³⁴³.

Итак, с 1742 по 1747 год Цыган в поисках лучшей участи дважды убегал с сибирской каторги, чтобы вернуться в родные московские трущобы. В чем же причина того, что в конечном итоге каторжная работа в Оренбурге оказалась для него сноснее, нежели положение беглого в Москве? Ведь документы показывают, что некоторые беглые могли укрываться в Первопрестольной

по несколько лет. Так, беглый солдат Алексей Соловьев, пойманный в конце 1741 года благодаря стараниям Каина, до того четыре года укрывался в различных местах Москвы, включившись при этом в сообщество профессиональных московских карманников.

На этот вопрос мы можем дать, за недостатком сведений, лишь гипотетический ответ. Бывший член московского воровского сообщества Матвей Гаврилов Цыганов, вернувшись с каторги, по непонятным для нас причинам оказался в Москве «чужим среди своих». Он, по своему желанию или помимо его, лишился связей с преступным миром, в котором за время его отсутствия произошли изменения, в том числе и благодаря сыщицкой деятельности Ивана Каина, в результате которой эта среда сильно обновилась. Цыган решил зарабатывать на жизнь честным трудом. Но в ту эпоху человек мог существовать только в качестве члена какого-то сообщества — будь то крестьянская община, посадский мир или шайка преступников. Оказавшись в изоляции как от законопослушных подданных, так и от преступного мира, «ссылочный утеклец» Матвей Гаврилов сын Цыган в одиночку не справился с тяжелыми обстоятельствами нелегальной жизни в большом городе и, наконец, сдался властям. Больше его имя в документах Сыскного приказа, кажется, не упоминается.

Выходец из посадских Гаврила Рыжий

Днем 19 февраля 1746 года в дом к доносителю Ивану Каину в Зарядье явилась «женка» Марфа Артемьева, работница мануфактуры Андрея Еремеева, и рассказала: «...муж ее, Гаврила Рыжей, которого ищут в Сыском приказе по оговору вора Якова Зуева, давал ей, Марфе, продавать ефес серебряной... а где тот ефес взял, того она не знает. А ныне оной муж ее Гаврила имеетца за Покровскими вороты близ Ехолова (Елохова. — Е. А.) в торговых банях».

Сыщик медлить не стал. Гаврила Рыжий был известным московским вором, которого еще в декабре 1741 года включил в свой список «мошенников» Алексей Со-

ловьев. Но особенно его стали искать с лета 1745 года, когда были пойманы и дали признательные показания члены группы преступников во главе с Яковом Зуевым, промышлявшие ночными кражами в домах мирно спящих московских обывателей. С этого времени Гаврила стал скрываться, и Каин не мог его нигде отыскать. И вот теперь такая удача! Взяв с собой команду солдат, Каин вместе с Марфой Артемьевой отправился за Покровские ворота. Здесь в торговой бане он «взял» и отвел в Сыскной приказ всю компанию — Гаврилу Рыжего и еще четырех человек, которые позже признались в разбоях.

Известный вор, видимо, был шокирован таким поворотом судьбы. Накануне на свой страх и риск он отправился для свидания с женой в Кадашевскую слободу на бывший Монетный двор, где с 1736 года располагалась суконная мануфактура Еремеева. Вот уже более полугода он находился в бегах, укрываясь в различных местах Москвы: сначала под Каменным мостом, потом в кирпичных сараях близ Донского монастыря, а с наступлением холодов — в разных торговых банях. Надо думать, вид у него был пугающий. На мануфактурном дворе он спросил свою жену, которой принес ей для продажи серебряный шпажный эфес (не надо долго думать, чтобы понять, что он был краденый).

Было ли это проявлением заботы вора о супруге, вот уже несколько месяцев жившей в одиночестве? Между делом заметим, что серебряный эфес стоил немало — никак не меньше двух рублей (именно за эту сумму продал его Гаврила Рыжий ветошникам за Покровскими воротами), каковую сумму простой «фабричный» не мог заработать даже за несколько месяцев тяжелого труда. Или же преступник просто побоялся идти в центр Москвы, на Красную площадь или в серебряный ряд, где эфес можно было продать по максимальной цене? Этого мы, к сожалению, не знаем.

Однако Гаврилу ждал очень холодный прием: жена эфес не взяла, а его самого выгнала вон. А потом Марфа Артемьева сделала шаг, который помог ей навсегда избавиться от супруга, — донесла на него «московскому сыщику» Ивану Каину. Вероятно, ей хотелось, чтобы муж не знал о ее предательстве. Но Иван Каин принудил

ее отправиться вместе с ним и солдатами для указания преступника и места его укрывательства. В этот момент Гаврила Рыжий, только что продавший тот самый эфес, «грелся» в бане со своими приятелями. Вдруг нагрнулся доноситель Иван Каин с солдатами и... Марфой. Здесь, в бане близ Елохова моста, между супругами состоялась еще одна, может быть, последняя встреча...

Гаврила Рыжий был настолько растерян и деморализован, что на допросе в Сыскном приказе стал давать редкие по откровенности признательные показания, поведав всю свою преступную биографию.

Много лет занимался он кражами вместе с уже известными нам Иваном Яковлевым, Савелием Плохим, Михайлой Тараканом, Алексеем Емелиным и прочими (перечисление случаев краж занимает несколько листов), пока летом 1745 года в Сыскной приказ не поступил оговор на него со стороны пойманных преступников во главе с Яковом Зуевым. С этого времени он был вынужден скрываться. Как видно, к зиме 1745/46 года Гаврила уже потерял связь с московскими ворами. Он прятался на окраине Москвы, в Немецкой слободе, где присоединился к группе разбойников, состоящей из беглых солдат и «матросов», вместе с которыми совершил несколько разбоев на «Троицкой дороге» (из Москвы в Троице-Сергиеву лавру). Там он и добыл упомянутый серебряный эфес³⁴⁴.

Мы имеем возможность сравнить подробные автобиографические показания, данные Гаврилой Рыжим на допросе 19 февраля 1746 года, с его «сказками» о самом себе во время опросов «фабричных» в 1732 и 1739 годах³⁴⁵. Сопоставление всех этих документов позволяет обрисовать жизнь этого преступника.

Гаврила Никифоров сын по прозвищу Рыжий родился около 1717 года в семье посадского человека Малых Лужников Никифора Гаврилова сына. Отец умер, оставив молодую вдову с сыном, которому не исполнилось и трех лет. Может быть, при других обстоятельствах судьба Гаврилы сложилась бы иным образом. Как и многие посадские, он унаследовал бы торговое дело или ремесло своего отца, а может быть, и накопленный им капитал, стал бы достойным полноправным членом

посадской общины, оставил бы после себя детей... После смерти кормильца сын с матерью оказались в тяжелом материальном положении и были вынуждены ходить по миру, чтобы как-то прокормиться. Так прошло детство Гаврилы, а в 1730 году, когда ему исполнилось 13 лет, «за неимуществом» (то есть по причине крайней нужды) мать привела его на Большой суконный двор и записала в ученики.

Смерть главы семьи при отсутствии поддержки со стороны родственников нередко становилась причиной падения социального статуса семьи даже состоятельных купцов³⁴⁶. В судебно-следственных материалах находится немало подтверждений того, что посадская община всячески стремилась избавиться от маломощных и обременительных членов, оставляя их без поддержки, сдавая в рекруты и т. п. Например, четырнадцатилетний Иван Михайлов сын Батыгин, пойманный ночью 28 декабря 1741 года в притоне слепого нищего Андрея Федулова в компании профессиональных воров, на допросе рассказал свою историю: «Отец ево, Садовой Большой слободы купец Михайло Ильин, и оной де отец ево в давних годех умре. И после смерти отца своего он, Иван, остался в малых летех и жил з братом своим Осипом Михайловым в разных местех, а пропитание имели [с того, что] делали женские серьги медные и железные на продажу. И оной ево брат тому назад года с три умре, и после смерти того брата ево он, Иван, содержался в Ратуше в подушных денгах года з два, и ходил он, Иван, по миру, кормился Христовым именем. И из Ратуши свобожен, и после свободы он, Иван, жил по сему делу у приводного Андрея Федулова недель з десять, а пропитание ныне имеет наимывается... и онаго Андрея Федулова важивал по миру»³⁴⁷. Сам Федулов, содержатель воровского притона в Зарядье, как мы помним, когда-то был купцом Алексеевской слободы, но после того как потерял зрение, продал двор и стал нищенствовать³⁴⁸.

В притоне Федулова ночью с 28 на 29 декабря 1741 года было схвачено шесть «мошенников», из которых пятеро были выходцы из посадских, осиротевшие в раннем детстве и оказавшиеся вне посадской общины. Так,

двадцатилетний Михайла Васильев сын по кличке Голован был сыном купца Казенной слободы Василия Родионова. Рано оставшись без родителей, Михайла вырос у тетки, солдатской жены Марьи Никифоровой дочери, которая жила за Арбатскими воротами в приходе церкви Смоленской иконы Божьей Матери. Потом он «спознался» с мошенниками и стал жить в воровском притоне Андрея Федулова в Зарядье. Степан Гаврилов сын Жижин был посадским Алексеевской слободы, в десятилетнем возрасте стал безотцовщиной, жил у брата, торговал в Гостином дворе рыбой, но потом переехал на Таганку к «фабричному» Якову Степанову и сошелся с «мошенниками». Точно так же Максим Клест был посадским Гончарной слободы, но рано остался сиротой на попечении сестры, жившей «в надворничестве». В 13 лет он стал жить в Гончарах у табачника Ивана Андреева, который торговал краденым и укрывал «мошенников». Видимо, у него Клест и познакомился с преступниками³⁴⁹.

Оставшись без поддержки семьи и общины, вынужденные с малолетства вести бродячий образ жизни, выходцы из посадско-слободского мира нередко приходили на промышленные предприятия. Всего в 1733 году на Большом суконном дворе 271 «фабричный» из 1371 происходил из детей посадских людей, купцов, тяглецов различных слобод. По численности эта социальная группа занимает второе место после солдатских детей (611 человек). Судьбы большинства этих работных людей, выходцев из посадско-слободского мира Москвы, во многом сходны с судьбой Гаврилы Рыжего. Например, «мошенник» Данила Артемьев сын Беляцкой, которого Иван Каин включил в список тридцати трех своих «товарищей», значится в данных о «фабричных» Большого суконного двора 1732 года. В своей «сказке» он сообщил, что родился около 1715 года в семье тяглеца Екатерининской слободы Артемия Андреева, но был воспитан матерью, поскольку отец умер, когда Даниле было всего три года. Мать отдала его в услужение к пушкарю Артемию Федорову. От него Данила «сошел» в 1727 году, в двенадцатилетнем возрасте, и записался на Большой суконный двор. Другой представитель пре-

ступного мира, Алексей Иванов по прозвищу Крючок, родился около 1708 года в семье тяглеца Садовой Большой слободы Ивана Гаврилова и остался без отца около 1720 года. Алексей несколько лет вел бродячий образ жизни и «кормился работою своею», пока в 1724-м не поступил на Большой суконный двор³⁵⁰.

Гаврила Рыжий, оказавшись в тринадцатилетнем возрасте на мануфактуре, попал в компанию взрослых «фабричных»-воров, у которых, по всей видимости, и научился «промышлять» чужим имуществом.

К сожалению, вынесенный ему приговор обнаружить не удалось. Но, скорее всего, он разделил участь многих своих собратьев по преступному ремеслу — претерпев тяжелое наказание кнутом, с вырезанием ноздрей был послан на вечную каторгу. Но окончательного решения своего дела он ждал долго: известно, что еще в мае 1748-го, четыре года спустя после ареста, он содержался во второй казарме Большого острога Сысского приказа³⁵¹.

Беглый рекрут Иван Харахорка

В числе шести профессиональных «мошенников», схваченных ночью 28 декабря 1741 года в хижине нищего Андрея Федулова, был и пятнадцатилетний беглый рекрут Иван Елисеев сын Буханов, «Харахорка он же».

На допросе Харахорка показал, что родился он около 1726 года в семье купца Александровской слободы Елисея Давыдова сына Буханова и вырос при отце. Но весной 1741 года его сдали в рекруты и определили в Коломенский полк, в котором он прослужил несколько месяцев. Когда его из полка отправили в Тулу «для оружейного приему», он дезертировал и осенью вернулся в Москву. Сперва Харахорка ночевал под Москворецким мостом, а когда наступили холода, перебрался в Зарядье к Федулову. Сразу по возвращении в Москву Иван принялся «мошенничать» со своими приятелями, известными профессиональными ворами Кондратием Безруким, Иваном Диким, Михайлой Голованом, Максимом Поповым и другими: «...по Москве-реке крали у про-

езжих деревенских мужиков овес и муку, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит. А продавали оное извощиком, а кому имянно, не знает не заведомо, что крадено»³⁵².

Вряд ли пятнадцатилетний беглый рекрут сразу смог бы включиться в преступную деятельность да еще и в компании с известными профессиональными «мошенниками», не имея за спиной преступного прошлого. Скорее всего, он еще до армии знался с московскими преступниками. Как известно, кандидатов для сдачи в рекруты выбирали на мирских сходах, и община стремилась послать в армию людей «маломочных», для посадского общества бесполезных, обременительных или даже опасных³⁵³. Видимо, к таковым относился и Хараторка.

Беглые и беспаспортные люди составляли неотъемлемую часть московского социального пейзажа XVIII века. Историк Г. В. Есипов, впервые проследивший по документам Сыскного приказа обострение криминогенной обстановки в Москве в первой половине столетия, считал существование огромного числа беглых людей, главным образом солдат, основной причиной роста преступности в городе: «...бегство было единственным средством избавиться от тягостей крепостного состояния, существовавшего в полном его развитии и поддержанного законами. Бегали много и от рекрутства, которое было ненавистно русскому народу. Днем бродили гулящие люди по Красной площади, в Охотном ряду, на Крестцах, в рядах, по торговым баням. Ночью они грабили шайками; темные, неосвещенные улицы и переулки, с деревянными полусгнившими мостовыми, а большая часть и совсем без мостовых, грязные пустыри, дворы, разрушенные и покинутые после пожаров, облегчали дерзкие разбои ночные, давая легкое средство скрываться, а полное неустройство полицейского надзора ободряло грабителей. Вора́м и мошенникам нужны тесные местности и толпа, а эти условия в некоторых пунктах Москвы исторически сложились со всеми удобствами для промышляющих чужой собственностью»³⁵⁴.

Это наблюдение вполне согласуется с тем, что в «повинном доношении» изложил известный нам беглый

солдат Алексей Соловьев. Именно беглецы, по мнению Соловьева, составляли основу воровского мира Первопрестольной: «...жив праз[д]но в Москве, усмотрел беглых салдат, драгун, матрос и праз[д]ноживущих, которые от службы и подушного окладу укрываются»³⁵⁵.

Действительно, в Москве и ее окрестностях скрывалось большое количество «утеклецов» из армии. Например, пойманный Каином в августе 1743 года беглый солдат Михайла Тимофеев сын Соболев на допросе показал: «...беговчи, жил в лесах, брал грибы и ягоды и, приходя в Москву, оные грибы и ягоды продавал разным людям, от чего себе и пропитание имел. А в доме ни у кого не жил, и... мать ево, Василиса Герасимова, по побеге ево никогда не видывала. И сего июня 17 дня он, Михайла, пришел в город Китай к собору Василия Блаженного к обедни Богу молитца, и в то время увидел ево доноситель Иван Каин и, взяв ево, привел в Сыскной приказ».

В том же августе Каин поймал другого беглого солдата, Гаврилу Степанова сына Богданова. В Сыском приказе тот признался, что после побега из «Ингерманского» полка он из Санкт-Петербурга пришел пешком в Москву, а «шел он дорогой недель с пять, кормился мирским подаванием и пришел в Москву сего августа после праздника Успениева дни, а в котором числе, подлинно сказать не упомнит, и жил в Москве за Сухаревой башней, начевывал в пустых сараях с неделю, кормился мирским же подаванием».

Что заставляло этих солдат оставлять службу и возвращаться в бродяг? В следственных материалах нам приходилось встречать две мотивировки побега. Во-первых, некоторыми отважившимися на бегство двигало нежелание служить. Например, тот же Гаврила Богданов показал, что бежал, «не хотя быть в службе». Во-вторых, среди беглецов оказывались многие провинившиеся солдаты, которые не выдерживали ожидания физического воздействия. Так, Михайла Тимофеев дал показания: «...в прошедшей Петров пост, то есть июня месяца, а в котором числе не упомнит, он, Михайла, стоя на той квартире, подрался того ж полку с салдатом Иваном Якимовым, и оной Якимов просил на него,

Михайла, означенной первой роты у капитана Евдокима Матова, и оной капитан Матов хотел ево, Михайлу, за тою драку наказать. И он, Михайла, убоясь того наказания, оставя в той квартире данной ему строевой мундир, с той квартиры [в] показанной Петров пост бежал». Иван Давыдов сын Гладышев в Сыскном приказе поведал, что после смерти отца записался в солдаты и четыре года служил в первой роте Ладожского пехотного полка. «И как оной полк был в армии под Хотинном, — рассказывал задержанный, — и в то время он, Иван, был означенной роты у порутчика Максима Качалова в деньщиках. И была у него под смотрением того порутчика лошадь, которую он, не давая за пьянством корму, уморил до смерти. И оной порутчик за то ево, Ивана, отдал под караул и хотел ево наказать, от чего он ис под караула бежал...»

Как видно из приведенных выше показаний, далеко не все беглые солдаты приходили в Москву для «мошенничества». Из известных нам тридцати восьми беглых солдат, доставленных в 1741—1748 годах в Сыскной приказ доносителем Каином, лишь 13 оказались вовлечены в преступную деятельность, остальные 22 человека пополнили рынок нелегальной рабочей силы. Так, Гаврила Степанов сын Богданов в августе 1743 года «пришел... на Каменной мост для искания работы, и в то время увидел ево доноситель Иван Каин и, взяв, привел в Сыскной приказ». Иван Давыдов сын Гладышев тем же летом, находясь в бегах и укрываясь в Москве, «работал при Аннингофе на земляной работе... и жил при той же работе — начевывал в шелашах»³⁵⁶.

Интересно отметить, что те «утеклецы», которые, скрываясь после побега в Москве, систематически совершали преступления, по большей части были москвичами. Причем многих из них, как и Ивана Харахорку, можно подозревать в связях с преступным миром старой столицы еще до отдачи в рекруты. Так, схваченный ночью 28 декабря 1741 года в притоне Андрея Федулова Максим Родионов сын Попов родился в семье купца Кадашевской слободы Родиона Семенова, около 1736 года был «с показанной слободы» отдан в рекруты и определен в Тобольский пехотный полк, а сбежал, если верить

его показаниям, в сентябре 1741-го, когда его полк был в Москве. После побега Попов стал бродяжничать, проводя ночи «по разным гумнам и по огородам», занимаясь кражами с другими московскими профессиональными ворами. 25-летний Дмитрий Дорофеев сын Козырев по прозвищу Востряк, пойманный 30 декабря 1741 года «по указыванию» Каина в притоне слепого нищего Никиты Иванова, еще до отправки в армию был вовлечен в преступную среду Москвы. После смерти отца, «Большой казны ходока», шестнадцатилетний Козырев продал его двор, а сам стал жить в притоне у солдатской жены Дарьи Семеновы дочери, «которая кормит детей зазорных» на «Сивцове вражке». На тот момент он уже занимался кражами в компании таких известных московских воров, как Ванька Каин, Иван Кувай, Петр Ачка и др. В армии он оказался после того, как из-за драки угодил под арест и был отослан в Военную контору для определения в службу. Естественно, примерного солдата из Козырева не получилось: спустя несколько месяцев он дезертировал, а в бегах жил по-прежнему в притоне Дарьи Семеновы «заведомо, что беглой рекрут», и конечно, продолжал воровать. Видимо, также задолго до отдачи в рекруты был втянут в преступную деятельность и Савелий Ушаков, пойманный ночью 8 октября 1744 года под мостом, «которой слывет Кузмодемьянской». Воспитанный матерью (отец, солдат Воронежского пехотного полка Климентий Павлов сын Ушаков, умер, когда сыну было около пяти лет), Савелий с ранних лет стал вести бродячий образ жизни. Около 1741 года он был записан в рекруты вместо крепостного крестьянина помещика Ржевского уезда В. И. Гельчанинова, за что получил 30 рублей. После этого в течение трех лет Ушаков совершил несколько побегов из армии, каждый раз возвращаясь в Москву, где занимался кражами³⁵⁷.

Что же ждало этих «утеклецов» после следствия в Сыскном приказе? Большинство отправлялось для суда в Военную коллегия, где их подвергали телесным наказаниям и вновь определяли в службу. Точно так же поступили и с Иваном Харахоркой. 27 января 1742 года в Сыскном приказе было определено беглого рекрута

Ивана Харахорку вместе с другими пойманными Каином беглыми рекрутами «отослать при промемории на военный суд, прописав все вины их [по]именно»³⁵⁸.

Прошло два года. 30 декабря 1744-го Иван Каин подал в Сыскной приказ свой очередной «извет»: «...сего де декабря 30 дня ходил он, Каин, с салдаты для сыску воров и уведомился он, что за Яу[з]скими вороты живет в доме Коломенского полку капрала Любовского у десяцкого Журавлевой фабрики ученика Леонтья Михайлова беглой матроз Иван Харахорка, которой напред сего содержался в Сыскном приказе в мошенничестве. И в том доме оногo Харахорку взял. Да при нем же взял подголовок* разломаной, про которой оной Харахорка сказал, что украл с возу за Яу[з]скими вороты у монаха, а в том подголовке имеетя два платка выбойчетья, пять гребней, ножик складной, да в дву бумагах иголки, да две рубахи, да два галстука, два письма, да изрезаная пестредь. Да с ним же, Харахоркой, взял показанного десяцкого жену Степаниду Федорову, да женку Маланью Васильеву, да салдатскую дочь девку Авдотью Иванову, и оная десяцкого жена сказывала ему, Каину, что из оногo подголовка в печи сожгла письма, а какия не сказала, и с вышеписанным поличным их предъявляю при сем извете».

Вместе с «изветом» Каин представил в Сыскной приказ самого Харахорку. Благодаря показаниям арестованного мы знаем о том, что с ним произошло за эти два года. В 1742-м его определили в матросы и отправили на службу в Кронштадт. Прослужив несколько месяцев, Иван снова бежал в Москву. Укрывался он в Пушкарской слободе «в разных банях». Здесь он восстановил связи с друзьями-«мошенниками», в частности «сошелся» со своим старым «товарищем» Максимом Родионовым сыном Поповым. (Как мы помним, беглого солдата Попова ночью 28 декабря 1741 года вместе с Харахоркой и другими ворами схватили в притоне Андрея Федулова, а 27 января 1742-го его, опять же вместе с Иваном, отправили для суда в Военную контору. И вот спустя два года Иван Харахорка и Максим Попов вновь встретились в Москве!)

* Подголовок — здесь: небольшой низкий сундучок, помещаемый в изголовье под подушку.

Попов привел приятеля за Яузские ворота в приход церкви Симеона Столпника на двор капрала Семена Михайловича Любавского. Здесь ютился его знакомый «фабричный» Леонтий Михайлов, ходивший в караул на съезжий двор вместо дворовых людей Любавского. Михайлов пускал к себе жить разных людей, в том числе и Попова, взял на постой и Харахорку.

Иван регулярно ходил в разные места Москвы, в одиночку или с товарищами, для совершения краж, предпочитая «работать» на расположенном недалеко от его жилища многолюдном Яузском мосту и близлежащих московских улицах. Здесь он приноровился отрезать и снимать с проезжавших по мосту повозок различные вещи. Об одной из таких краж сам преступник рассказывал на допросе в начале 1745 года:

«...в прошлом 744-м году после праздника Рождества Христова в святые вечера, а именно с пятницы на субботу поутру часа за три ходил за Яузские ворота, не доходя Вшивой горки, на Большую улицу для кражи с возов у проезжих людей, что попадетсЯ. И по той улице от Яузских ворот в Таганку ехал незнаемо которого монастыря архимандрит да за ним ехал в санях мужик и сидел на облучке, а те сани были перевязаны веревкою. И он, Иван... сзади у саней веревки обрезал и из-под роговой из тех саней вытащил кражей подголовок с небольшим замком и, украв, принес на двор показанного десятского и утайкою тот подголовок спрятал под крыльцо и потом вошел в избу. И, погода малое время, вышел из избы, и тот подголовок из-под крыльца в том же доме отнес под сени, и у того подголовка замок сломил, и из него взял денег тридцать пять копеек, два аршина пестряди, три платка выбойчатых, ножницы новые, снурку шелкового черного, сколько аршин, не знает, игол полторы бумашки, три прута, сургучу, да восемь гребней, книшку печатную, три калпака медные и всякую разную мелочь, а что чего порознь, не упомнит. И с того ж подголовка взял разные письма, которых связано было большой сверток, а какие оные письма порознь, он, Иван, не знает, и показанной подголовок он, Иван, принесши в избу, отдал десятского жене Степаниде Федоровой незаведомо, что краденой. Ей же, Степаниде, он, Иван, отдал вышеписанные в свертке письма не заведомо ж, что

краденые, и велел ей, Степаниде, оные письма, как станет топить печь, бросить в печь в огонь, а бросила ль их в печь, того он, Иван, не видал, только после того она, Степанида, сказала ему, Ивану, что она вышписанные письма бросила в огонь, которые и сгорели, только де он, Иван, после того усмотрел у оной Степаниды у постели два письма, которые принесены с ним, Иваном, в Сыскной приказ, и он, Иван, взяв те два письма, отнес на Язуз-реку и бросил в прорубь, которые не утонули, и он, Иван, от проруби у берегу зарыл в снег».

Но не успел Харахорка толком спрятать краденое, как в дом нагрянул его старый знакомый Иван Каин с солдатами и десятскими. Бывший вор и опытный сыщик Каин сразу догадался, что подголовок и прочие вещи — не иначе как краденые. Иван Харахорка, возможно, не видя смысла скрывать правду, а может быть, испугавшись доносителя, сразу признался в совершении кражи и даже показал Каину место, где закопал в сугроб хранившиеся в подголовке бумаги. Поличное, преступник, а также все его соседи были доставлены в Сыскной приказ. На следствии выяснилось, что жертвой кражи оказался монастыря «Донецкого Азовского пророка и крестителя Иоанна» архимандрит Петр, ехавший из Москвы в Зарайск «для монастырских вотчинных нужд» и везший в подголовке самое ценное — различные монастырские документы.

На допросе Иван рассказал о своих побегах, а также повинился в кражах, которые совершил, укрываясь от службы. 10 июня, 4 и 19 июля 1745 года Харахорку пытали в застенке Сысского приказа, чтобы вынудить его рассказать о других преступлениях и сообщниках, но, несмотря на мучения, он не изменил своих показаний.

Последовавший суровый приговор был основан на указе от 12 ноября 1721 года, по которому было велено «татем за первую и за вторую татьбу чинить наказание и свобожать на поруки, как указы повелевают, а за три, вырезав ноздри, ссылать на галеру в вечную работу». 8 августа 1745 года в Сыском приказе определили: «...означенному беглому матрозу Ивану Буханову, Харахорка он же, за показанные ево воровства, за три побе-

га, за мошенничество две недели, за две татьбы учинить ему, Харахорке, наказание: бить кнутом, дать дватцать пять ударов, и по наказании сослать Харахорку в [с]сылку в Оренбурх на житье вечно»³⁵⁹. В это время преступнику еще не исполнилось двадцати лет.

Школьник Сергей Зотов

Пятнадцатого сентября 1743 года в Сыскном приказе доноситель Иван Каин «извещал словесно»: «...сего де числа ходил он для сыска воров и мошенников, и в [Китай-]городе на [Красной] площади поймал он школьника Сергея Зотова, [который] в разных местах мошенничает, и оного Зотова взяв, привел в Сыскной приказ и объявил при сем извете»³⁶⁰.

В Сыскном приказе должны были помнить этого четырнадцатилетнего подростка, солдатского сироту и воспитанника Московской гарнизонной школы. Совсем недавно, в марте 1742 года, он уже находился под следствием по обвинению в ночном грабеже вместе с беглым солдатом Иваном Нифонтовым. Тогда на допросе он признался в совершении преступления, а также дал подробные показания о себе. В Сыскном приказе было составлено описание его внешности: «А по осмотру явился подозрителен, значит бит плетьюми, про что сказал, что он бит в школе в два пойма за побег ис той школы. А ростом он собою мал, лицом круглолик, глаза серые, нос широковат, волос рус, голова... под волосами окоростована». 24 марта 1742 года в Сыскном приказе Зотова опять наказали плетьюми, добавив к его еще не зажившим ранам на спине новые, и отправили в канцелярию московского гарнизона для возвращения в гарнизонную школу³⁶¹.

И вот теперь, полтора года спустя, Сергей Зотов был пойман Каином на Красной площади и снова доставлен в Сыскной приказ. На допросе подросток признался: «...он, Сергей, той же школы со школьниками с салдацкими детьми Василием Крепким, Федором Зоворум, Алексеем Адалимовым, Алексеем Михайловым, Никитой Филипповым, Ильей Соболющиковым,

ходя ис той школы, мошенничал и по сей привод: в Успенском соборе, и в Чудове монастыре, и на Красной площади, и в рядах, и в крестных хождении вынимали разного чина у людей ис карманов платки, и кошелки з денгами, и ножи, а во сколько поймов, за множеством сказать не упомнит, и оное краденое продавали на Красной площади прохожим людям, а кому имянно не знает. Они ж поймов з десять продавали краденная ж платки драгунской жене Анне Осиповой по прозванию Жирнихе заведомо»³⁶². Дав эти признательные показания, юный преступник подробно рассказал о своем происхождении.

Родился Сергей около 1730 года в Москве в семье солдата Астраханского полка Федора Иванова сына Зотова. Он рано остался круглым сиротой: сначала отец, а потом мать, Федора Яковлева дочь, «в разные времена померли». Малолетнего сироту взяли на воспитание ближайшие родственницы по матери — родная бабка Аксинья Ильина и тетка, солдатская жена Наталья Яковлева. Сначала они все вместе ютились у гренадера Максима Семенова сына Чиркова в Мещанской слободе, выполняя различную домашнюю работу, а затем перебрались за Яузские ворота в приход церкви Воскресения Христова в Гончарах, где сняли угол у солдата Ивана Мартынова сына. Жили они впроголодь, не было средств даже для покупки мальчику теплой зимней одежды. Около 1738 года бабка записала мальчика в Московскую гарнизонную школу.

Школы для солдатских детей при гарнизонных полках начал создавать еще Петр I, а по указу Анны Иоанновны 1732 года гарнизонные школы должны были открываться повсеместно. В них следовало обучать солдатских детей в возрасте от семи до пятнадцати лет, «дабы впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло». На их содержание предполагалось выделять жалованье — по 30 копеек и четверику муки в месяц на человека³⁶³.

Из всех гарнизонных школ Российской империи московская была самой большой. В 1734 году в ней обучался 241 человек: 160 «штатных», 19 «сверхкомплектных», 60 «ззорных» (то есть брошенных) и два «гулящих»

подростка, а в первой половине следующего года — 182 солдатских сына, в том числе 22 «закомплектных»³⁶⁴.

Но число желающих записаться в Московскую гарнизонную школу превышало количество мест. Например, в апреле 1734 года в Московскую сенатскую контору явился солдатский сын Михайла Аникиев сын Соловьев с просьбой определить его в гарнизонную школу. В поданном доношении он заявил: «...отец мой Аника Федулов сын Соловьев служит Ея Императорскому Величеству в Ладожском пехотном полку салдатом, а я, низайший, остался при матери своей в Москве, от роду мне десятой год, а ни в какую службу не написан, и пропитания никакова себе не имею, и скитаюсь про-меж двор, и помираю голодную смертью»³⁶⁵.

В июне 1735 года количество мест в Московской гарнизонной школе было увеличено до трехсот, а 9 июля вышел специальный именной указ Анны Иоанновны, по которому в гарнизонные школы следовало определять всех явившихся солдатских детей, даже если в школе не было ученических вакансий. Содержать же этих «закомплектных» школьников предполагалось «из неположенных в штат доходов»³⁶⁶. После этого указа количество воспитанников Московской гарнизонной школы стало увеличиваться с огромной скоростью. Уже в июле следующего года в ней насчитывались 1184 человека, в том числе 300 «комплектных», 60 «засорных» и 824 «закомплектных», причем многие из них жили непосредственно при школе. Что же это было за заведение, вмещавшее такое количество учащихся, и каков был его персонал?

Еще с петровского времени Московская гарнизонная школа располагалась возле Варварских ворот Китай-города с правой стороны, если идти к Кремлю, в непосредственной близости от тянувшегося вдоль Китайгородской стены рва. Чтобы было понятно современному читателю, скажем, что приблизительное ее местонахождение — современная Славянская площадь. По расположению около Варварских ворот современники называли школу Варварской. До 1737 года весь комплекс Варварской школы состоял из двух каменных «палат», одна из которых была «весьма не пространна», и в

ее помещениях «оного числа школьников никак уместить невозможно».

Управляя делами гарнизонной школы определенный к этой должности офицер Коломенского полка. Например, в 30—40-х годах XVIII века эту обязанность выполнял поручик (а затем капитан) Иван Семенович Кудров. Что касается педагогов, до 1737 года в школе служили не более двух учителей: один обучал солдатских детей «словесной и письменной науке», а второй — «цифирной науке». Еще в 1719 году по указу Петра Великого на эти должности были назначены Федор Рыбников и Сергей Русинов³⁶⁷. Но вряд ли раньше им приходилось видеть такое количество учеников, которое не прекращало увеличиваться! Школьников было так много, что все не умещались в классах и в теплое время года часть воспитанников приходилось рассаживать на болверках — треугольных укреплениях, построенных Петром I вдоль внешнего фасада Китайгородской стены на случай шведской угрозы. «...Которые [школьники] ныне летним временем обучаюцца при городской стене на болверках, а осенью и зимним временем их обучать будет негде», — читаем в доношении губернской канцелярии в Московскую сенатскую контору от 23 июля 1736 года³⁶⁸.

В 1736 году «надзиравший» за Московской гарнизонной школой Иван Кудров подал доношение: «...для обучения оных малолетних солдатских детей разным наукам словесно и письменно цифирной имеетца у него в приеме многое число, а для обучения оных наук имеетца учитель Коломенского полку из салдат два человека...» Поручик просил, во-первых, решить проблему с помещениями; во-вторых, пополнить штат преподавателей — «еще учителей двух или одного определить»; в-третьих, прислать учебные материалы и канцелярские принадлежности, которых катастрофически не хватало: «...ко имеющимся во оной школе книгам надлежит в добавке азбук пятьсот, букварей шестьдесят один, часословов пятьдесят, псалтырей шестьдесят пять, бумаги пищей в год к положенному по штату к десяти стопам десять стоп». При обсуждении вопроса был предложен проект переноса Московской гарнизонной школы в

другое, более свободное место, где можно было бы отстроить новые помещения. Но, видимо, для экономии средств было решено ограничиться возведением возле старых каменных «палат» школы двух обширных деревянных «светлиц» с сенями³⁶⁹.

Весной 1737 года, когда эти дополнительные помещения были отстроены, новый управляющий школой поручик Коломенского полка Шетнев вновь заявил в доношении о нехватке площади, между прочим, рассказав, что к этому времени число школьников увеличилось до 1986 человек, из которых лишь 780 учились, а остальные находились «без обучения за неимением ко умещению покоев». Кроме этого, Шетнев требовал пополнить, наконец, педагогический штат, резонно отметив, что «такого множественного числа учеников» силами двух учителей «обучать никак не возможно». 16 марта в Московской сенатской конторе было решено при гарнизонной школе построить еще две светлицы с сенями, а на помощь двум трудившимся не покладая рук учителям прислать «грамоте и писать умеющих добрых и к науке искусных людей... из отставных солдат» и, кроме того, определить десять солдат «для караула школы и смотра над малолетними»³⁷⁰.

При знакомстве с документами по Московской гарнизонной школе в 1730—1740-х годах складывается мрачная картина. На сравнительно небольшой территории, в двух каменных и четырех деревянных помещениях, одновременно обучалось более тысячи воспитанников в возрасте от семи до пятнадцати лет, причем часть из них проживала в этих же помещениях. Большинство из них — солдатские и «ззорные» (незаконнорожденные) дети, иными словами, сироты, беспризорники, выросшие без отца-кормильца или вообще без родителей и без всякого попечения. Можно представить, что творилось в помещениях Варварской школы! Не случайно поручик Шатнев весной 1737 года попросил, «...чтоб для охранения тех светлиц и палат, и для содержания в добром порядке и в страхе школьников, определить солдат десять человек, дабы оные ученики в бесстрашии повреждения во оных светлицах окончи-

нам и книгам и инструментом не учинили, а наипаче от пожарного разоренья не без страха»³⁷¹.

Пока штат преподавателей не был увеличен, двое учителей, не покладая рук в две или три смены, пытались чему-то научить подростков, которые подразделялись на несколько классов: одни изучали букварь, вторые читали часослов и псалтырь, третьи учились писать, а те, кто постарше, грызли гранит «цифирной науки». Пойманный Каином в августе 1743 года при совершении карманных краж у Москворецких ворот тринадцатилетний воспитанник Московской гарнизонной школы солдатский сирота Алексей Адолимов на допросе показал, что в школе он «учил часослов», а «мошенничал... ходя из школы по утру до обеден, понеже у них до обеден учения не бывает, а после обеден он, Алексей, учился с протчими в школе»³⁷². Таким образом, значительную часть дня эти подростки оказывались свободны и волей-неволей проводили время на улицах Москвы, поскольку помещения гарнизонной школы, в которых многие из них проживали, были заняты обучающимися.

Как мы помним, на основании аннинских указов 1732 и 1735 годов на содержание учеников предполагалось выделять деньги и муку. Сохранившийся фрагмент расходной книги 1738 года свидетельствует о том, что мука для раздачи воспитанникам Варварской школы поступала более или менее регулярно. К примеру, в 1738 году 1508 учеников, в том числе 1360 «закомплектных», получили 353 четверти ржаной муки. Денежное же жалованье выдавалось нерегулярно. Как отмечалось в ноябре 1742 года в доношении из канцелярии московского гарнизона в Московскую губернскую канцелярию, воспитанники Московской гарнизонной школы из-за задержки выплаты денег «претерпевали нужду». Может быть, именно поэтому смертность среди них была высокой. Так, в 1745 году умерли 29 человек³⁷³.

Поэтому не приходится удивляться тому, что многие из претерпевавших нужду подростков-беспризорников, проживавших и обучавшихся в самом центре главного торгово-промышленного города страны, оказывались вовлечены в преступную деятельность. Среди

шестидесяти девяти профессиональных преступников круга Ивана Каина и Алексея Соловьева названы десять солдатских детей, воспитанников гарнизонной школы у Варварских ворот (отметим, что, несмотря на возраст, эти школьники были настоящими высококвалифицированными ворами, совершавшими сложнейшие по технике карманные кражи, иногда с использованием специальных инструментов).

В ночь с 28 на 29 декабря 1741 года в воровском притоне Марфы Дмитриевой был схвачен шестнадцатилетний Иван Данилов сын Зубарев. На допросе он показал следующее: «Отец, Данила Никифоров, был салдат, а которого полку, не знает. И тому назад лет с четырнадцать (Ивану в то время было около двух лет. — *Е. А.*) отец ево умре». Как следует из того же допроса, именно в гарнизонной школе Зубарев научился воровать: «...и тому ныне два года он, Иван, от той школы отходя, той же школы со школьники с Логином Наговицыным, Алексем Елаховым, Васильем Терновским мошенничал в Успенском и в Архангельском соборах, и в Чудове, и на площади, и под горой, и в разных рядах, и в крестных ходенки вынимали у разных господ и у протчих разных же людей платки и денги, а во сколько поймов, того он за множеством сказать не упомнит, и вынятые платки он, Иван, с товарищи продавали на площади торговкам, а как их зовут, не знает, заведомо, что краденые»³⁷⁴. Впрочем, в ночь ареста он находился вовсе не в школе, а в компании профессиональных преступников и падших женщин.

В притоне Марфы Дмитриевой вместе с Зубаревым был арестован еще один воспитанник гарнизонной школы четырнадцатилетний Леонтий Васильев сын Юдин. На допросе он признался, что «в том доме жил блудно з жenkой, по сему делу с приводной, Ириной Ивановой». Его подруга, 22-летняя солдатка, на допросе не стала скрывать, что «жила блудно с школьником Леонтьем Юдиным и про то, что он мошенник, она ведала». На допросе Юдин рассказал, что его отец, «морского флоту салдат», умер «тому ныне сколько лет, не упомнит». Сирота восьмилетним был записан в гарнизонную школу, а в 14 лет уже стал «товарищем» многих

взрослых воров³⁷⁵. Очевидно, гарнизонная школа и знакомство с учениками-«мошенниками» сыграли решающую роль в судьбе этого юного преступника, тем более что кроме воровства он там ничему не научился — не смог даже подписать протокол допроса. Впрочем, к моменту ареста Леонтий уже давно не жил в школе, местами его обитания стали воровские притоны³⁷⁶. 15 февраля 1742 года в Сыскном приказе было определено: школьников Леонтия Юдина и Ивана Зубарева «за малолетством бить плетью нещадно и послать в Оренбург для определения в службу»³⁷⁷.

Друг Юдина семнадцатилетний Логин Васильев сын Наговицын, сын солдата Семеновского полка, также обучавшийся в Московской гарнизонной школе, был пойман Каином в момент совершения кражи зимой 1742 года. Очевидно, он был уже известен в преступной среде — многие воры на допросах называли его как сообщника³⁷⁸. На допросе он признался «в мошенничестве с полгода: в Успенском, в Архангельском и в Благовещенском соборах и в Чудове монастыре, и на площади, и по праздникам в крестное хождение вынимал всякого чина у людей ис карманов платки и кошельки з деньгами, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит»³⁷⁹. В Сыскном приказе Наговицына выпороли плетью и отправили обратно в Московскую гарнизонную школу. Но вскоре его отец попросил определить сына в службу. В июне 1742 года Логина записали в Семеновский полк, где служил его отец. Но уже 20 июля Иван Каин задержал Логина у Москворецкого моста в бильярдной вместе с мошенником Василием Терновским³⁸⁰.

Таким образом, гарнизонная школа у Варварских ворот скорее являлась для ее воспитанников школой преступного поведения. Часто они, совершавшие сложные по технике карманные кражи, не могли подписаться под протоколами собственных допросов. Многие из них прямо признавались в неспособности к «наукам». Так, промышлявший на улицах Москвы карманными кражами четырнадцатилетний беглый школьник Дмитрий Злобин показал, что он из гарнизонной школы «за не понятем наук отослан с прочими... для науки

слесарного мастерства в Тулу»³⁸¹. Низкое и нерегулярно выплачиваемое жалованье, нужда, отсутствие должного присмотра, близость соблазнов (Красной площади и торговых рядов) — всё это привело к тому, что в Московской гарнизонной школе сложилось свое преступное сообщество, в которое попал и герой этого очерка Сергей Зотов.

Записанный в гарнизонную школу, Сергей, по всей видимости, продолжал жить вместе с родственницами в Гончарах в «наемном углу». На допросе в Сыскном приказе в марте 1742 года он рассказал о своем пребывании в школе: «...словесной грамоте изучил он азбуку и начал часовник, токмо она словесная грамота ему не дается, и он, Сергей, стал ис той школы бегать...» О том, что за несколько лет обучения Сергей так и не научился писать, свидетельствует протокол его допроса, который он не смог подписать самостоятельно (по его просьбе вместо него подписался писчик Сыскного приказа Егор Медведков); на допросе Зотов прямо признался, что «писать он и грамоте не умеет».

Убегал он из школы трижды и всякий раз возвращался к бабке и тетке, поэтому его всякий раз без труда ловили и возвращали, за побег наказывая плетью, следы от которой в марте 1742 года служащие Сыскного приказа сразу заметили на его спине. Но Зотов всё равно продолжал систематически прогуливать занятия. Его спина еще не успела зажить после очередной порки, когда в феврале 1742 года он снова перестал ходить в школу. Впрочем, дома он тоже не сидел, пропадая дни напролет на улицах Москвы, а часто даже не возвращался домой ночевать. Так было и 11 февраля 1742 года, когда Сергей, видимо, впервые оказался замешан в серьезном уголовном деле и около месяца провел в Московской полицмейстерской канцелярии и Сыскном приказе.

На допросе в Сыскном приказе 4 марта 1742 года Зотов рассказал, что вечером 11 февраля он, «от помянутой бабки своей отлучась», пришел в баню «близ Яузских ворот», которую в народе называли «на Островках». На вопрос следователя о цели посещения бани он ответил: «...для огрения, понеже на нем шубы не имелось». Эта деталь представляется очень важной, по-

сколько она демонстрирует ту крайнюю нищету, в которой находились солдатские сироты. В бане ученик гарнизонной школы познакомился с беглым солдатом Иваном Нифонтовым, который «в разговоре наедине» позвал его пойти вместе с ним «для гуляния». Вышли они из бани «в вечеру близ часа ночи» и направились по темной улице за Яузой в поисках запоздалых прохожих. Им навстречу шел подгулявший посадский человек из Тулы Ефрем Кобылин, по каким-то своим делам приехавший в Москву. Совместными усилиями сообщники на какое-то время лишили его возможности сопротивляться, после чего Нифонтов снял с него шапку, которую надел на Сергея Зотова, его головной убор, в свою очередь, надел на себя, а свою шапку нахлобучил на находившегося без сознания пострадавшего. Затем беглый солдат стал шарить по карманам жертвы и в одном из них обнаружил кошелек с мелкими медными деньгами, которые высыпал к себе в чулок. Между тем Кобылин начал приходить в себя, и сообщники поспешили удалиться. Ограбленный неожиданно погнался за ними, призывая на помощь десятских. Возле рогатки в конце улицы преступники были задержаны и отведены на съезжий двор десятой команды, откуда наутро переданы в Московскую полицмейстерскую канцелярию.

Незадачливые грабители на допросах во всем признались, поэтому для произведения «розыска» с применением пытки их 17 февраля повели было в Сыскной приказ, но когда проводили через Воскресенские ворота мимо гауптвахты, Нифонтов объявил «слово и дело». Арестантов доставили обратно в Московскую полицмейстерскую канцелярию, где возмутитель спокойствия заявил, что он «слово и дело сказывал для того, чтоб взяли ево на Красное крыльцо и отослали в Военную кантору, понеже он салдат беглой, а в Сыском де приказе боялся за вины свои истязания». 3 марта в полицмейстерской канцелярии было решено беглого Нифонтова за ложное объявление «слова и дела» отослать для наказания в канцелярию московского гарнизона, а его молодого сообщника Зотова отправить в Сыскной приказ.

На следующий день Сергей Зотов уже давал показания в Сыском приказе. На допросе он признался в

участии в ограблении, утверждая, что именно Нифонтов был организатором грабежа, тогда как он сам выступал лишь наблюдателем. Поскольку он повинился в серьезном преступлении, дознаватели сначала хотели его пытать (к делу даже были сделаны выписки из соответствующих законодательных статей), но потом все-таки поступили с подростком более мягко: наказали плетью и 24 марта отправили в Московскую гарнизонную школу³⁸².

Как мы уже знаем, полтора года спустя сыщик Каин поймал Сергея Зотова на Красной площади, а тот на допросе в Сыском приказе признался в регулярном совершении карманных краж вместе с компанией других воспитанников гарнизонной школы. 17 ноября 1743 года преступник был «взят в застенок», где его «розыскивали» плетью. «С битья плетью» он подтвердил все свои ответы на допросе, но более ни в чем не повинился. Вскоре его отправили в губернскую канцелярию «для отсылки в школу по-прежнему»³⁸³.

Очередное наказание плетью, конечно, и в этот раз никакого действия не возымело. Вернувшись в гарнизонную школу, Зотов продолжил привычный образ жизни, постоянно упражняясь не в «словесных», «письменных» и «цифирных» науках на школьной скамье, а в карманных кражах на Красной площади, в торговых рядах и кремлевских соборах. В марте 1744 года одиннадцатилетний Иван Васильев сын Стрелков, уличенный в кражах, на допросе признался, что «мошенничал» вместе с Зотовым. В августе 1745 года Каин поймал воспитанника Московской гарнизонной школы Николая Матвеева сына Котенева, четырнадцати лет, который вместе с беглым солдатом Василием Шапошниковым пытался совершить кражу с повозки. На допросе в Сыском приказе Котенев упомянул однокашника и собрата по воровскому ремеслу: «И, живучи в той школе, той школы с учеником Сергеем Зотовым мошенничал: вынимали разных чинов у людей ис карманов платки, ножики, а во сколько поймов, того не упомнит»³⁸⁴.

Дальнейшая его судьба, к сожалению, нам неизвестна. Но мы можем предположить, какой она могла быть. Большинству учеников гарнизонных школ была пря-

мая дорога в армию. Во время каждого рекрутского набора происходил «разбор» воспитанников, в ходе которого годных к военной службе определяли в солдаты, а наиболее толковых записывали в полковые писари³⁸⁵.

Сделался ли примерным солдатом Сергей Зотов, мы не знаем. Отметим только, что среди беглых солдат, занимавшихся кражами и грабежами на улицах Москвы, иногда встречаются и «выпускники» Московской гарнизонной школы. Так, двадцатилетний Тимофей Михайлов сын Шорников, пойманный Каином 8 октября 1744 года с «ломаным эфесом» от краденой шпаги, был солдатским сиротой, воспитанником гарнизонной школы у Варварских ворот. Отосланный летом 1741 года в Тулу «для науки слесарного дела», он оттуда сбежал и вернулся в Москву, ночевал под Каменным мостом и, по всей видимости, занимался кражами. Несколько недель спустя он был пойман Каином и после следствия определен в солдаты. Прослужив некоторое время, Тимофей дезертировал и вернулся в Москву, где вновь стал воровать. Бывшим учеником гарнизонной школы был также пойманный Каином зимой 1742 года беглый солдат Гаврила Белозеров. На допросе он показал, что учился в Варварской школе, но «за непонятием в школе наук» был определен в Ростовский драгунский полк. Прослужив в армии всего несколько дней, Белозеров дезертировал, но полгода спустя был пойман и «за тот побег гонен сквозь шпицрутен трижды». После наказания его определили солдатом в воронежский гарнизон, откуда он опять сбежал и вернулся в Москву, где «ночевывал в Лесном ряду в стопах и в Тверских слободах по гумнам, и в овинах, и в сараях, а в день в разных местах играл в карты», систематически занимающаяся кражами³⁸⁶.

Скорее всего, и для Сергея Зотова, привыкшего к постоянным побегам, к московским улицам, к вольной воровской жизни, армейский устав оказался слишком строгим, а солдатский мундир слишком тесным. В таком случае провел он свою жизнь в постоянных бегах или — как знать — сгинул где-то в сибирской ссылке...

Торговка краденым Анна Герасимова

В повинном «доношении», которое беглый солдат и «мошенник» Алексей Соловьев написал декабрьским вечером 1741 года, сидя в своей жалкой печуре Китайгородской стены возле Москворецких ворот, между прочим, сказано: «Много купечество праз[д]ноживущих, а другия и в подушном окладе, много женска полу имеют купечество, однако ш, не боясь Божия страха, покупают краденое заведомо, в лакамство и в погибель приходят, а нас, шетающихся праздно, х каторжно работе, но и местной казне приводят к убыткам».

Итак, речь шла о том, что многие лица, официально занимающиеся торговлей («имеющие купечество»), а также не записанные в подушный оклад («праздноживущие»), в основном представительницы прекрасного пола, продавали краденое и тем самым, по мнению Соловьева, провоцировали «шатающихся праздно» на кражи.

Когда в разные места Москвы стали посылаться команды солдат вместе с Иваном Каином, в Сыскной приказ было доставлено немало торговок краденым. В основном это были солдатские жены или вдовы, зарабатывавшие себе на кусок хлеба мелочной торговлей на Красной площади, «на крестцах» (перекрестках), «под горой» (на современном Васильевском спуске) и в прочих оживленных местах Москвы. Они покупали у «мошенников» краденые вещи (главным образом платки) и перепродавали их «из барыша» «прохожим людям».

Этих торговок можно было встретить повсюду, поэтому проблема реализации краденого перед «мошенниками» не стояла. Многие вору отдавали предпочтительное определенным сбытчицам краденого, для которых они становились постоянными клиентами. Например, Михайла Голован на допросе в Сыском приказе признался, что платки, украденные им в компании с Иваном Диким, Кондратием Безруким, Иваном Харахоркой, Леонтием Юдиным и прочими «товарищами», продавал «под горою» «торговке женке Настасье, а как ей отечество, не знает, которая торгует и поныне в том месте». Одиннадцатилетний Иван Стрелков, занимав-

шийся карманными кражами вместе с воспитанниками Московской гарнизонной школы, рассказал на следствии, что краденые платки, «шелковые и выбойчатые», отдавали на Красной площади «торговке солдатской жене Григорьевой дочери... брали за всякой платок по гривне и по пяти копеек, а продавали ей заведомо, что краденые». Школьник Сергей Зотов на допросе рассказал, что он со своими «товарищами» продавал ворованные вещи «драгунской жене Анне Осиповой по прозвищу Жирнихе заведомо»³⁸⁷.

Одной из таких сбытчиц краденого была Анна Герасимова. Почему из десятков, а может быть, и сотен московских торговков именно она попала в центр нашего внимания? Дело в том, что о ней нам известно немного больше, чем о множестве других ее «коллег» по мелочной торговле, большинство которых безвозвратно кануло во тьму забвения. Но Анна, дважды (в 1741—1742 и в 1746 годах) побывавшая в Сыскном приказе, оба раза дала подробные показания о своей жизни.

Она родилась в начале XVIII века в Переславле-Залесском в семье посадского человека Герасима Никитина. Может быть, ее судьба сложилась бы более благополучно, если бы отец скопил небольшой капитал и выдал дочь замуж с хорошим приданым за какого-нибудь купца или местного чиновника, но родитель рано умер. Как мы знаем, смерть кормильца нередко приводила к упадку или разорению даже состоятельные купеческие семьи, не говоря уже о «маломочных» посадских тяглецах. Это нередко прослеживается и по документам Сыскного приказа. Например, пойманная по «указыванию» Каина сорокалетняя торговка краденым Марфа Семенова, вдова купца Хамовной слободы Ивана Васильева сына Крылова, выдала дочь замуж за «фабричного», а сама сначала кормилась тем, что «мывала разного чина на людей платье», а потом стала торговать на Красной площади яблоками, время от времени не гнушаясь покупки у «мошенников» и перепродажи краденого³⁸⁸.

Неудивительно, что молодая вдова Василиса Яковлева и ее малолетняя дочь Анна оказались в бедственном положении. Когда дочь повзрослела, Василиса выдала ее замуж за гренадера Орловского пехотного полка Са-

веля Иванова. Так Анна Герасимова пополнила с каждым годом увеличивавшуюся социальную категорию солдатских жен — пожалуй, самых несчастных женщин в Российской империи.

Как известно, с петровского времени российская армия комплектовалась на основе рекрутской повинности. Ежегодно (а иногда и дважды в год) все крестьянские и посадские общины должны были выбирать из своих членов рекрутов, которых отправляли на пожизненную службу. С разрешения полкового начальства служивые могли обзаводиться семьями. Их женами часто становились солдатские дочери, а также девушки из обедневших семей посадских, мелких чиновников, ямщиков.

Судьбе солдатских жен не позавидуешь: их жизнь была хуже, чем у вдов, поскольку те могли выйти замуж вторично³⁸⁹. Некоторые солдатки жили при полках, разделяя с мужьями все тяготы армейского быта. Однако это не всегда было возможно, поэтому часто супруги многие годы пребывали вдалеке друг от друга, встречаясь только во время редких и коротких побывок. Но если служивые находились на государственном содержании (впрочем, довольно скудном), то их вторые половины оказывались, по сути дела, предоставленными самим себе. После замужества эти женщины освобождались от всяческих обязательств перед крестьянской или городской общиной, но при этом лишались какой бы то ни было поддержки земляков³⁹⁰.

Многие такие «соломенные вдовы» в поисках возможности прокормить себя отправлялись в Москву. Здесь они нанимались в услужение, записывались на мануфактуры, занимались рукоделием, пекли на продажу пироги и калачи, по найму стирали белье, вели мелочную торговлю, в том числе ворованными вещами.

Иван Каин изловил и доставил в Сыскной приказ немало торговок краденым. Например, 29 декабря 1741 года на Красной площади им была схвачена 27-летняя Матрена Иванова дочь. Про своего мужа Матрена рассказала, что он являлся солдатом Лефортовского полка, но вот уже восемь лет назад его отправили в службу, а куда именно, Матрена не знала, как не знала и того, жив ли еще ее муж. После отъезда супруга Матрена про-

живала в Лефортовской слободе у своей тетки, солдатской вдовы Авдотьи Ивановой, зарабатывая на хлеб тем, что «мотала шелк» на разных мануфактурах, а затем стала «торговать ветошьем» на Красной площади, время от времени покупая у «мошенников» и сбывая краденые платки. Вместе с ней на Красной площади была поймана семидесятилетняя Алена Степанова. Ее муж был «тому назад лет з двадцать... в службе убит», а она «жила по разным местам». В момент задержания ее пристанищем был угол в одном из строений возле церкви Николая Чудотворца у Москворецких ворот (как мы помним, там жило немало «мошенников»). Кормилась солдатская вдова за счет мелочной торговли, в том числе крадеными платками. По соседству, на той же церковной земле, проживала 36-летняя Варвара Нестерова, жена солдата Черниговского полка Агея Петрова, которую арестовали ночью 28 декабря 1741 года. Муж Варвары находился в службе в Санкт-Петербурге, и она зарабатывала на жизнь торговлей «разными платками» на Красной площади. На допросе солдатка призналась, что «в разные времена покупывала платки бумажные и шелковые у машинников... заведомо, что краденые»³⁹¹.

Перечень солдатских жен и вдов, занимавшихся мелочной торговлей на Красной площади и в прочих местах, а параллельно покупавших у воров и перепродававших краденые вещи, можно продолжить. Многие из этих несчастных женщин не видели мужей по многу лет и часто даже не знали, живы ли они (только с 60-х годов XVIII века полковые командиры были обязаны направлять уведомления о смерти солдат их семьям). Они не могли повторно законно выйти замуж, ведь для этого нужно было иметь на руках документ от военного ведомства, подтверждающий смерть мужа³⁹². В этом смысле судьба Анны Герасимовой представляет собой интересный казус: будучи солдатской вдовой, она еще дважды сходила под венец.

На допросе в 1746 году Анна рассказала, что после смерти первого мужа, гренадера Орловского пехотного полка Савелия Иванова, она вступила в брак с заплочным мастером Сыскного приказа Иваном Ивановым сыном Балашевым. Видимо, такое замужество ставило

ее в глазах окружающих в очень невыгодное положение; возможно, этот брак свидетельствует о маргинальном положении самой героини этого очерка.

Как известно, заплечный мастер в XVIII веке не только осуществлял публичные казни и телесные наказания, но также производил пытки в застенке. На эту крайне непочетную должность по закону можно было определять посадских и прочих вольных людей. Но охотников становиться заплечным мастером всегда было мало, так как исполнение этих обязанностей накладывало неизгладимый отпечаток на всю жизнь. Поэтому шли на эту работу чаще всего люди, которым уже нечего было терять в глазах окружающих³⁹³. Нередко заплечные мастера находились в положении отверженных и оказывались связаны с профессиональными преступниками (так, Иван Каин до своего явления с повинной жил у заплечного мастера Алексея Иванова сына Крючка, там же укрывались и другие воры³⁹⁴).

Но каким образом солдатке удалось вторично выйти замуж? К сожалению, следователей Сыскного приказа этот вопрос не заинтересовал. Может быть, она имела на руках свидетельство о смерти мужа-солдата. Но не исключены и другие варианты. Солдатские жены нередко вступали в нелегальное или полунелегальное сожительство и незаконные браки. Даже в деревнях, где жизнь каждого человека была на виду у всех окружающих, им удавалось заново пойти под венец, найдя в соседних приходах сговорчивых священников и уверив их в том, что муж погиб на войне или о нем ничего не слышно более десяти лет. Что уж тогда говорить о больших городах, где отдельный человек растворялся в безликой толпе и внимание соседей было не таким навязчивым. Конечно, среди солдаток-горожанок подобные случаи были еще более распространенными. Прибывшему на побывку или отставному служивому найти в большом городе жену, с которой не виделись много лет, было очень сложно, а значит, рисковала она значительно меньше. Сами солдатки считали такие повторные браки вполне законными, да и общественное мнение было к ним снисходительно³⁹⁵. Поэтому не исключено, что Анна Герасимова поступила точно так же, как дела-

ли в те времена многие другие ее товарки по несчастью.

Но с заплечным мастером она прожила недолго — он умер около 1733 года. Бойкая вдова спустя всего год вышла замуж в третий раз, теперь за купца Напрудной слободы Ивана Артемьева сына Бельского.

Таких случаев, когда солдатская жена после смерти мужа дважды устраивала свою личную жизнь, известно немного. Сразу возникает предположение, что Анна Герасимова была красавицей и никогда не страдала от недостатка мужского внимания. Но, к сожалению, единственное сохранившееся описание ее внешности, сделанное в 1745 году, звучит сухо и бесчувственно: «...волосом руса, глаза серые, лицом смугловата, нос продолговат»³⁹⁶. Поэтому остается только гадать, было ли трехкратное замужество Анны связано с ее яркой внешностью, обаянием, покладистым характером или с какими-то другими обстоятельствами ее жизни.

Так или иначе, но в конце 1741 года, когда Герасимова попала в поле зрения Сысского приказа, она уже похоронила третьего мужа. Не имея постоянного приюта, постоянно переходя из одного «угла» в другой, вдова зарабатывала на кусок хлеба торговлей на Красной площади «всякими платками». С ноября 1741 года она стала жить «без поручной записи и без объявления съезжего двора» (то есть нелегально) в одном из строений хорошо нам известного церковного двора близ церкви Николая Чудотворца возле Москворецких ворот. Его не зря облюбовали для ночлега «мошенники» и торговки краденым: самые людные места Москвы — Красная площадь, торговые ряды, кремлевские соборы — находились в двух шагах. Видимо, в момент облавы ночью 28 декабря Анна Герасимова, как и некоторые другие обитатели этого двора, успела скрыться. Но когда на следующий день она по обыкновению пришла торговать на Красную площадь, туда неожиданно прислали из Сысского приказа команду солдат, и они стали хватать торговок, на которых указывал Иван Каин. В числе арестованных оказалась Анна.

На допросе в Сысском приказе она призналась в том, что время от времени покупала у «мошенников», в

том числе и у самого Ивана Каина, краденые платки для перепродажи. Вдова настойчиво называла себя женой заплечного мастера Сысского приказа Ивана Балашева, ничего не упомянув про третьего мужа³⁹⁷. Возможно, она рассчитывала на снисходительное отношение со стороны коллег ее второго супруга. Но этот расчет оказался неверным, а эффект получился обратный: за ней на несколько лет закрепилось малочетное звание «жены заплечного мастера».

Семнадцатого января 1742 года судьи решили: Анну Герасимову, как и других торговок краденым, «по повинкам их в покупке у мошенников краденых платков в разные времена... пытатъ и при пытке спрашивать и в других воровствах». Но следствие длилось недолго, и уже 9 февраля вдове вместе с прочими взятыми Каином преступниками был вынесен приговор: «...на страх другим таким же вора́м, водя по [Красной] площади и по рядам и по перекресткам, учинить всем наказание: бить кнутом, дать по пятьдесят ударов, и по учинении того наказания... послать их, как мужеск, так и женской пол, всех в Оренбург вечно»³⁹⁸. В том же месяце публичная порка была осуществлена, после чего Анна Герасимова отправилась в ссылку. Поселили ее в Борской крепости в 115 верстах к востоку от Самары³⁹⁹.

Прошло чуть более пяти лет. 27 июля 1746 года доноситель Иван Каин привел в Сысской приказ торговку, которую обвинил в покупке серебряных пряжек⁴⁰⁰ (по аннинскому указу от 28 марта 1733 года торговля драгоценностями в других местах, кроме «серебряного ряда», строго запрещалась). Это была его старая знакомая Анна Герасимова. Но как же она, отправленная в вечную ссылку, вновь оказалась в Москве?

С июля 1741 года Россия воевала со Швецией, стремившейся вернуть территории, утраченные в ходе Северной войны (1700—1721). Война закончилась в июне 1743 года, а 15 июня 1744-го императрица Елизавета Петровна по случаю победы издала «всемилодивейший манифест», в котором, между прочим, заявлялось: «...которые сосланы на каторгу с публичным наказанием, а ноздрей не вынуто и других знаков не положено,

таких (кроме касающихся до явного богохуления и до первых двух пунктов и до неоднократных разбоев и смертных убийств) отпустить в дома»⁴⁰¹.

В силу этой амнистии освободили и Анну Герасимову, выдав ей паспорт, который сохранился до наших дней:

«ПО УКАЗУ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНЫ САМОДЕРЖИЦЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявительница сего, присланная в 1742 году февраля от 22 числа в ссылку в Оренбург при промемории из Сыскного приказу заплечного мастера Ивана Балашева жена вдова Анна Герасимова, за многую покупку из мошенничества платков заведомо что краденые, со учинением наказания кнутом, от роду ей сорок лет, которая по силе состоявшегося в прошлом 1744-м году июля 15 дня Всемилоостивейшаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу означенная ее, Анне Герасимовой, вина отпущена. Из ссылки из Оренбурга по присланному ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА из Оренбургской губернской канцелярии сего 745 году февраля от 9 числа указу из Борской крепости отпущена с сим пачпортом в город Москву. Того ради по лежащему тракту оную женку Анну Герасимову до показанного города Москвы командующим пропускать везде без задержания, а в пути, кроме ночного начлегу, нигде ее никому не держать под опасением по указам штрафа. А выслать ее в показанной город Москву, чтоб она праз[д]но нигде не шаталась и нигде не заживалась. А ростом она, Анна Герасимова, дву аршин дву вершков, волосом руса, глаза серые, лицом смугловата, нос продолговат. Во уверение сего при подписании руки командующего в Сорочинской крепости ландмилицкого пехотного Алексеевского полку подполковника Харахордина печать.

Дан в Сорочинской крепости марта седьмаго дня тысяча семьсот сорок пятого году.

Подполковник Иосиф Харахордин.
Подпрапорщик Андрей Железин»⁴⁰².

Бережно храня этот документ, Анна Герасимова весной или летом 1745 года добралась до Москвы. Как могла устроиться в большом шумном городе несчастная женщина с паспортом, в котором было прописано, что она была женой заплечного мастера, за торговлю краденым была бита кнутом и сослана, но по «всемиловейшему» манифесту прощена и отпущена в Москву? Конечно, мало кто захотел бы сдать угол незнакомой женщине с таким «волчьим билетом» и уж тем более взять ее в прислуги. Может быть, даже не на всякой мануфактуре приняли бы на работу такую неблагонадежную особу.

На счастье Анны, в Москве у нее были родственники. Сначала она жила у родной сестры Афимьи Герасимовой в Пушкарях в приходе церкви Сергия Чудотворца, а потом за Пречистенскими воротами в приходе церкви Пятницы Божедомской у двоюродного брата, дворового человека Алексея Ларионова, которому отдала на хранение выданный ей при освобождении паспорт. Этот документ, подшитый в следственное дело, дошел до наших дней в очень хорошем состоянии, что свидетельствует о крайне бережном с ним обращении.

Устроившись в Москве, троекратная вдова вернулась к прежней профессии — торговле подержанными вещами. Эта работа, которую она хорошо знала, приносила ей доход, достаточный для прокормления. У нас есть подробное описание одного эпизода профессиональной деятельности Анны Герасимовой, которое она сделала на допросе в Сыскном приказе в июле 1746 года. Апрельским днем (то есть через год со времени освобождения из ссылки) она, как обычно, пришла «для торгового своего промыслу» на Красную площадь и на «жемчужном перекрестке» увидела знакомых торговков — солдатских жен Наталью Прокофьеву, Прасковью Васильеву и Татьяну Иванову, окруживших некоего сержанта, принесшего для продажи какие-то вещи. Оказалось, сержант продавал серебряные пряжки, которые четыре женщины вместе сторговали за 30 алтын. Но когда договоренность относительно цены была достигнута, оказалось, что денег ни у одной покупательницы с собой «не случилось». Тогда Наталья привела какого-то знакомого ветошника, который отсчитал сержанту требуемую сумму, а пряжки забрал себе.

Но спустя некоторое время сержант был арестован по обвинению в краже и на допросе в Сыскном приказе назвал всех четырех торговков. Сначала была арестована Прасковья Васильева, а потом на Красную площадь неоднократно посылались солдаты для сыска ее товаров. 27 июля 1746 года наступил черед Анны Герасимовой. Каин, который с командой солдат делал свой обычный обход в поисках подозрительных людей, на Красной площади наткнувшись на торговку, сразу ее узнал и схватил. Несчастливая женщина настолько перепугалась, что сразу рассказала ему о случае с серебряными пряжками. Каин немедленно отвел Анну в Сыскной приказ, где она повторила признание, на этот раз, правда, назвавшись женой посадского человека (видимо, клеймо супруги заплеченного мастера ей опостылело).

Ее дело слушалось спустя три дня. К нему был выписан указ Анны Иоанновны 1733 года, строго повелевавший: «...на жемчужном перекрестке, и под столбами, и по перекресткам же, на больших улицах и нигде походя никому никаким золотом, серебром, выжегою, жемчугом, камнем, кроме серебряного ряду, не торговать». Ослушников следовало в первый раз карать конфискацией продаваемых вещей и битьем плетьюми, а во второй — «жестоким наказанием и ссылкой в сибирские дальние города вечно».

Сначала судьи решили наказать Анну Герасимову плетьюми и отпустить. Но в окончательном «решительном» протоколе от 8 августа 1746 года фигурирует уже другой приговор: «...вышеозначенной женке Анне Герасимовой за покупку и за продажу в неуказных местах и на [Красной] площади всякую выжигу по силу 1733 году марта 28 дня указу учинить ей на [Красной] площади на публичном месте наказание — бить кнутом, дать пятнадцать ударов, — и по учинении наказания сослать ее в ссылку в Оренбург для того, что за торгование выжиги она же Анна со учинением наказания кнутом сослана была в Оренбург и по всемилостивейшему указу с той ссылки освобождена, но токмо, не взирая она на оной всемилостивейший Ея Императорского Величества указ, по свободе из ссылки в противность указом паки чинила, выжегою торговала»⁴⁰³.

Днем 16 августа 1746 года 49-летнюю Анну Герасимову вывели на Красную площадь и при стечении народа жестоко высекли кнутом, а в октябре она вместе с еще восемьюдесятью приговоренными к ссылке колодниками на ямских подводах покинула Москву, видимо, навсегда⁴⁰⁴.

Коллективный портрет московских воров

После рассмотрения «галереи» из девяти «портретов», иллюстрирующих различные пути, которые вели на преступную стезю, попробуем разобраться, что же объединяло всех этих персонажей.

Подавляющее большинство московских мошенников круга Ваньки Каина (64 из 69 человек) составляли представители сильного пола. В шестидесяти пяти случаях мы имеем данные о возрасте арестованных. Большинству московских профессиональных преступников (31 человек, 48 процентов) на момент ареста было от восемнадцати до тридцати лет. Другую большую группу (18 человек, 28 процентов) составляли совсем молодые люди — от десяти до восемнадцати лет. Наконец, 11 человек (17 процентов) находились в возрасте от тридцати до пятидесяти лет и четверо (6 процентов) были людьми пожилыми — от пятидесяти до семидесяти лет. Таким образом, 76 процентов преступников на момент следствия относились к двум первым возрастным категориям, то есть были людьми молодыми или юными.

Обобщение биографических сведений о московских «мошенниках» дает ответ на вопрос, к каким слоям общества они принадлежали на момент следствия. Самую большую группу воров (32 человека из 69, или 47 процентов) составляли всякого рода люмпенизированные элементы (беглые солдаты, каторжники, крепостные, утратившие связь с общиной посадские и крестьяне и т. п.). Вторая значительная группа (19 человек, 28 процентов) — «фабричные», то есть работники московских мануфактур, в основном Большого суконного двора. Граница между этими двумя группами подвижная: некоторые воры могли на протяжении короткого времени не раз записываться на «фабрику», затем с нее убежать,

а спустя время возвращаться обратно. Наконец, третья группа — солдатские сироты, воспитанники Московской гарнизонной школы у Варварских ворот (десять человек, 15 процентов). И лишь семь человек (10 процентов) относились к традиционным социальным группам, в реальности составлявшим большинство населения Москвы XVIII века (среди них были два дворовых, два солдата, посадский человек и два малолетки — сын приказного служителя и унтер-офицерский отпрыск).

В сорока случаях из шестидесяти девяти мы знаем, откуда родом московские «мошенники». Оказывается, подавляющее их большинство родилось и выросло в Москве и только четверо были провинциалами. Так, сам Иван Каин являлся выходцем из крепостной семьи, жившей в ростовском имении купцов Филатьевых. Его близкий друг Савелий Плохой родился и вырос в Бежецком уезде в монастырском селе Молокове. Другой известный вор, «фабричный» Иван Дикой, происходил из посадских людей Александровской слободы, Тихон Белый был из семьи ярославского купца. Остальные воры, о которых мы располагаем данными о географическом происхождении (36 человек из сорока), происходили из различных социальных групп, проживавших в Москве. Это наблюдение заслуживает особого внимания, так как в литературе закрепилось мнение, согласно которому обострение криминогенной обстановки в Москве в первой половине XVIII века обусловлено тем, что массы бродячего беглого люда искали там пристанище и пропитание⁴⁰⁵. Однако следственные материалы, связанные с донесительской деятельностью Ивана Каина, позволяют думать, что в преступную деятельность на улицах Москвы были вовлечены в основном местные уроженцы. Напротив, беглые крестьяне, дворовые и рекруты, а также выходцы из других регионов, приходя в Москву, значительно пополняли нелегальный рынок рабочей силы, но при этом редко оказывались уличенными в систематическом совершении краж. Зато, по-видимому, именно беглые крепостные и солдаты из крепостных составляли значительную часть лесных разбойников, которые орудовали в сельской местности в своих родных местах. Например, в 1746 году в Сыскном приказе расследовалось

дело о разбоях на дороге из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, главными фигурантами которого были беглые рекруты, происходившие из крестьян окрестных дворцовых и монастырских сел. Сходные примеры приводит П. К. Алефиренко в своей книге о крестьянском движении в России в 30—50-х годах XVIII века⁴⁰⁶.

Мы располагаем информацией о родителях пятидесяти девяти «мошенников» из шестидесяти девяти. 23 человека (40 процентов) поведали, что их отцами были солдаты, 18 преступников (31 процент) происходили из московского посадского люда (дети тяглецов Алексеевской, Большой Садовой, Панкратьевской, Кадашевской и других слобод), а семь воров (10 процентов) родились в крестьянских (монастырских или дворцовых) семьях, находящихся на оброке в Москве. Кроме этого, четыре человека (7 процентов) являлись потомственными «фабричными», а еще четверо — дворовыми людьми. Сыновьями мелких московских чиновников были два подростка (3 процента) — тринадцатилетний Алексей Адолимов и Иван Стрелков, которому исполнилось лишь 11 лет. Наконец, как уже говорилось, только один московский «мошенник» происходил из семьи унтер-офицера (отцом четырнадцатилетнего Василия Терновского был вахмистр).

Интересно отметить, что на основе изучения нескольких тысяч «сказок»* московских «фабричных» 1730-х годов Е. И. Заозерская пришла к выводу, что именно из солдатских детей, посадских людей и пришедших в Москву в поисках заработка крестьян в Москве формировалась прослойка «обездоленных людей» («пауперизировавшийся элемент»), из которых и сложился костяк рабочей силы московских мануфактур XVIII века: «Тысячи крестьян, монастырских и дворцовых, и посадских людей, в подавляющей массе обездоленных и неимущих, часто с детских лет прочно включались в промышленный труд... В результате на мануфактурах собралась по социальному составу весьма пестрая масса людей, за счет которой увеличивалось количество тех, кто “отбывал” от рекрутчины и подуш-

* В данном случае имеются в виду краткие автобиографические рассказы во время переписи.

ного обложения»⁴⁰⁷. Есть все основания утверждать, что примерно те же слои стали источником пополнения рядов преступного мира Москвы XVIII столетия. Не случайно большинство профессиональных преступников являлись действующими или беглыми «фабричными».

Сопоставление сведений о положении московских воров на момент следствия с данными о их социальном происхождении позволяет убедиться в том, что для большинства из них включение в преступный мир было следствием утраты общественного статуса, унаследованного при рождении. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку в целом уровень мобильности тогдашнего общества был низок, каждый человек существовал в нем не сам по себе, а в качестве члена городской либо крестьянской общины и, как правило, наследовал социальный статус отца. Сбои в традиционных общинных механизмах общественного признания в значительной мере способствовали формированию городской преступной среды. Многие «мошенники» являлись маргиналами, в силу различных обстоятельств «выбившимися» из традиционной системы общественного устройства.

Формирование личности московского вора XVIII столетия, как правило, происходило в раннем возрасте. Чаще всего на скользкий путь ступал подросток, лишившийся родителей. 41 из сорока восьми преступников, в отношении которых мы располагаем подробными данными о родителях (85 процентов), в раннем детстве остался сиротой. Выходцы из посадских, рано потеряв отцов, записывались на мануфактуры, их сдавали в рекруты (впоследствии они дезертировали и возвращались в Москву), некоторые просили милостыню, нанимались на поденную работу и т. п. Крестьянские сыновья приходили в Москву, где также нищенствовали, работали поденщиками или на промышленных предприятиях. Но особую роль в формировании преступного мира играли солдатские дети, которые, как правило, воспитывались без отцов. Их матери, солдатские жены и вдовы, вынуждены были скитаться в поисках источников пропитания, нередко прибегая к нищенству. Оставшись без отцов, вынужденные бродяжничать по улицам Москвы, малолетние бес-

призорники вступали в контакт со взрослыми и законными преступниками. В XVIII веке воровство стало настоящим «ремеслом», которому нужно было учиться, поэтому профессиональные навыки передавались из поколения в поколение. Например, тринадцатилетний воспитанник гарнизонной школы у Варварских ворот Алексей Адолимов, пойманной Каином 17 августа 1743 года у Москворецких ворот с бритвой, с помощью которой он «мошенничал» (срезал привязанные на поясе ножи), признался, что этой воровской технике обучил его старший «товарищ» Иван Карташев⁴⁰⁸.

Интересно, что количество дворовых среди профессиональных преступников незначительно. Очевидно, это связано с более выгодным материальным положением крепостных слуг по сравнению с лично свободными посадскими, «фабричными» и солдатскими детьми, не говоря уже о крепостных или государственных крестьянах. В подтверждение этих слов приведем лишь один из множества примеров. Правящий секретарскую должность Сысского приказа Дмитрий Шарапов в 1741 году имел возможность очень хорошо одеть своего крепостного слугу — тот носил «кафтан серой новой... с воротником красным суконным, ценою в два рубли», «шубу баранью ценою в один рубль двадцать копеек», «шапку немецкую суконную коричневого цвету ценою в пятьдесят копеек», «штаны козлиные ценою в тридцать копеек», «рукавицы бараньи... ценою в пятнадцать копеек», «чулки валенные немецкие ценою в тридцать копеек», рубашку немецкую... ценою в пятьдесят копеек», «портки в десять копеек», «кушак красной парусной, ценою в шестьдесят копеек», «двой сапоги смазных, ценою по шестьдесят копеек»⁴⁰⁹. Если слуга далеко не самого крупного московского чиновника одевался много лучше, чем «фабричные», оброчные крестьяне и обедневшие посадские, что уж говорить о дворовых людях знатных господских домов Москвы!

Люди обездоленные, маргинализованные, в силу различных обстоятельств потерявшие связь с традиционной общиной, оставшись наедине с несправедливым и жестоким миром, объединялись в преступное сообщество со своими законами, особыми знаками, собственной системой ценностей и бытом.

ОБЫДЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО ДНА

Поживи здесь, в нашем доме, в котором всего довольно: наготы и босоты — изнавешены шесты, а голоду и холоду — амбары стоят, пыл[ь] да копот[ь] — притом нечего лопать.

Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина... СПб., 1785 год

Московские воры о самих себе

Для понимания того, каким образом люди прошлого выстраивали свою повседневную жизнь, вопрос их самосознания имеет не последнее значение. Осознавали ли московские преступники XVIII века свою общность? Имели ли они какое-либо нравственное оправдание своего образа жизни? Выражаясь научным языком, сложилась ли особая самоидентичность профессиональных преступников в XVIII веке?

К сожалению, вора́м не было свойственно записывать свои размышления о преступном мире, чтобы донести их до потомков. Однако в некоторых документах нет-нет да и мелькнет взгляд профессионального преступника на сообщество друзей и соратников.

В этом смысле уникальными источниками являются два доношения, написанные в конце декабря 1741 года московскими карманниками одного круга — беглым дворовым Ванькой Каином и беглым солдатом Алексеем Соловьевым. Как мы помним, оба документа были созданы независимо друг от друга под влиянием именно-

го указа от 15 декабря 1741 года «О Всемиловивейшем прощении преступников...», прочитанного в публичных местах Москвы 27 декабря. Доношение Каина было подано в Сыскной приказ вечером того же дня, а доношение Соловьева было вынута у него из кармана при задержании на следующую ночь, когда Каин повел солдат Сыского приказа по воровским притонам. Подлинники «повинных доношений» Каина и Соловьева были подшиты в дело и сохранились до наших дней.

Каин и Соловьев при их составлении преследовали сходные цели: воспользовавшись выгодной общественно-политической ситуацией (смена правления, публикация «всемиловивейшего» указа о прощении преступников), выдать коллег, чтобы самим получить помилование. Чтобы достичь этой цели, авторы должны были описать преступный мир, который представлял опасность для монархии и ее подданных. Таким образом, эти два документа предоставляют нам уникальную возможность взглянуть на преступный мир Москвы XVIII века глазами самих его представителей.

Благодаря тому, что доношение Каина было написано с помощью чиновника Сыского приказа и находилось в делопроизводстве, оно составлено по форме, принятой для данного вида документов (содержит официальное обращение к монарху — «титло», пункты, датировку, подпись автора), и имеет делопроизводственные пометы. В первом пункте Иван Каин «приносит... повинную» в том, что он «в Москве и в прочих городах, во многих прошедших годах мошенничествовал денно и ночью». Далее следует расшифровка того, что понимается под «мошенничеством»: «...будучи в церквах и в разных местах, у господ, и у приказных людей, и у купцов, и всякого звания у людей из карманов деньги, платки всякие, кошельки, часы, ножи и прочее вынимывал». Иными словами, преступник признавался, что в течение многих лет занимался карманными кражами и именно их подразумевал под словом «мошенничество».

Это очень важное уточнение, поскольку в дореволюционной правоведческой литературе существовала дискуссия о содержании этого понятия⁴¹⁰. В рассмат-

риваемых нами документах термин «мошенничество» употребляется в основном для обозначения карманного воровства. Однако всё же «мошенниками» называли не только карманников, но и преступников, совершавших кражи вещей в банях, а также воровавших имущество с повозок. Во втором пункте доношения Каин заявляет: «...ныне я от оных непорядочных своих поступков, напаятовав страх Божий и смертный час, все уничтожил». Но раскаянием автор не ограничивается, главное выражено в строках: «...и желаю запретить ныне и впредь, как мне, так и товарищем моим, которые со мною в тех погрешениях обще были».

Последняя, третья часть документа очень важна для понимания того, что должно было, по мнению раскаявшегося преступника, заинтересовать представителей власти. Нужно было показать степень опасности, которую представляли «товарищи» Каина. Доноситель старается сгустить краски: мошенники не только занимаются карманными кражами, но «вяще воруют» — «грабят людей», «снимают с них платье», а также могут пойти и на убийства. При этом доноситель подчеркивает, что его бывшие коллеги не боятся даже «господ офицеров» и «приказных служителей» (в списке жертв именно эти социальные группы стоят на первом месте) и поэтому представляют огромную опасность для государыни и ее подданных. Он же предлагает ни много ни мало как всех этих преступников «искоренить»!

Соловьев, в отличие от Каина, составил свое «повинное доношение» без чьей-либо помощи. В «доезде» протоколиста Петра Донского с описанием ареста Соловьева указывается на то, что в кармане преступника был обнаружен документ, написанный «его рукой». Это подтверждается и сравнением почерка с подписью Соловьева под протоколом его допроса в Сыскном приказе.

То, что беглый солдат Алексей Соловьев, будучи грамотным, самостоятельно написал свое доношение, не могло не отразиться на его форме. Как уже говорилось выше, мы имеем дело с черновым вариантом документа, который автор намеревался переписать на белом. Поэтому неудивительно, что он написан небрежным почерком, не имеет «титла», датировки и подписи, кое-

где наблюдается путаница в именах. Однако несмотря на более простое оформление, доношение Соловьева имеет структуру, аналогичную структуре обращения Каина: вступление, пункты и заключение. Документ адресован московскому главнокомандующему графу Семену Андреевичу Салтыкову, к которому автор однажды уже обращался. В первую очередь беглый солдат Алексей Соловьев пишет о своих собратьях: «Жив праз[д]но в Москве, усмотрел беглых салдат, драгун, матрос и праз[д]ноживущих, которые от службы и подушного окладу укрываются».

В третьем пункте затрагивается не менее актуальная религиозная сфера: «Много разных чинов люди имеют за собой разкол, о которых имен[н]ую роспись подам, а имен[н]о 607 человек». Скорее всего, Соловьев здесь имеет в виду членов секты хлыстов*, имевшей в Москве много последователей. Если в тот момент представители власти не обратили должного внимания на это заявление Соловьева, то в феврале 1745 года после обнаружения Каином общины хлыстов в Ивановском монастыре началось крупное дело о сектантах⁴¹¹.

Наконец, четвертый пункт посвящен тем «имеющим купечество», то есть официально занимающимся торговлей, а также «праздноживущим», то есть не записанным в подушный оклад москвичам, которые промышляли краденым. Именно они, по мнению Соловьева, провоцировали укрывавшихся в Москве беглых на вступление на преступный путь.

Заметим, что если для Каина определяющим понятием является «мошенничество», то ключевое слово в доношении Соловьева — «праздноживущие», которые «от службы и подушного окладу укрываются». Это понятие отсылает нас к Воинскому артикулу (1715) и идее регулярного государства, в котором каждый подданный должен исполнять какую-то определенную общественную функцию. Можно предположить, что грамотный

* Хлыстовство (христовщина, христововеры) — русская религиозная мистическая секта, возникшая на рубеже XVII—XVIII столетий, характерной особенностью которой является почитание ее приверженцами своих руководителей «христами», «богородицами» и «святыми».

солдат Алексей Соловьев знал Воинский артикул и усвоил основные элементы официальной идеологии.

Итак, два профессиональных вора одного круга, каждый по-своему, пытаются нарисовать картину общественного неурядиства в Москве, которое они предлагают устранить. Общим местом двух доношений является признание существования в Москве некоего «антимира», сознательно противопоставляющего себя остальному, «правильному» миру. Правда, в доношении Каина мы не находим никаких намеков ни на социальный состав этого сообщества, ни на причины, порождающие его. Зато эти же профессиональные карманники в устах Соловьева предстают «шатающимися праздню», «укрывающимися от службы и подушного оклада» беглыми солдатами, а повинными в их преступной деятельности оказываются торговки, покупающие заведомо краденое, «не боясь страха Божия», отчего не только сами «в погибель приходят», но и в конечном итоге приводят своих поставщиков «к каторжной работе».

Для Каина важно подчеркнуть ту опасность, которую «мошенники» представляют для отдельных подданных. При этом обращается особое внимание на социальный состав потенциальных жертв: в первую очередь от карманников страдали «господа офицеры» и «приказные служители». Напротив, в доношении Соловьева ничего не говорится об отдельных жертвах преступников. В центре его внимания лежит абстрактный государственный интерес: те убытки, которые претерпевала казна вследствие «укрывательства от службы и подушного оклада».

Наконец, обоими авторами предлагается способ ликвидации преступного сообщества: организовать сыск «мошенников» с помощью представителя воровского мира, который всех воров «в лицо знает и укажет». Таким образом, в доношениях Каина и Соловьева, кажется, впервые в истории российского уголовного сыска предлагалось осуществить полномасштабный поиск и захват профессиональных воров и торговцев краденным с помощью готового к сотрудничеству представителя преступной среды.

Преступный мир глазами «честных» горожан

Существование преступников как особой социальной общности, конечно, было очевидно не только для самих воров, но и для остальных москвичей. В то время даже наличествовали специальные термины для обозначения преступного сообщества. Так, в одном из протоколов Сысского приказа января 1742 года читаем: «...признаются, что *воровской партии*»⁴¹².

Нет сомнений в том, что и власти, и простые москвичи легко отличали членов «воровской партии» от торгового, ремесленного и вообще трудового люда, а также в том, что ко всяким отношениям с подозрительными людьми обыватели относились с опаской. «Беспашпортных» (иными словами, беглых) людей, желавших устроиться в Москве на ночлег, ждали большие трудности.

Так, в августе 1742 года в Сысской приказ из Московской полицмейстерской канцелярии была прислана Фекла Степанова для сыска ее мужа, беглого каторжника Семена Медведева. На допросе жена преступника рассказала, как спустя некоторое время после ссылки мужа она случайно повстречала его на Красной площади и как супруги мыкались, безуспешно пытаясь найти угол. Прочитируем фрагмент этого интересного документа, который погружает читателя в повседневную жизнь простого люда Москвы той далекой эпохи:

«В прошлом де 741-м году, накануне праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, муж ее с прочими ссылочными послан в Оренбурх, а она де... жила у брата своего родного в Московском уезде вотчины Троицы-Сергиева монастыря села Стромыня у крестьянина Ивана Степанова. И тому недели з две от показанного брата своего пришла она в Москву в Преображенскую салдатскую слободу парусной фабрики к матрозу Алексею Федорову по знакомству для продажи принесенных с собой льняных петинок (мотков пряжи. — *Е. А.*). И как шла в город для продажи, и как будет в городе Китае на площади (то есть на Красной площади. — *Е. А.*), и в то время оной муж ее, Медведев, сошелся с нею и сказал ей, что он с каторги по милостивому указу освобожден и о пропуске в Москву дан ему свободной пашпорт, кото-

рой ей и объявил за красной сургучевой печатью. И, взяв ее с собою, и говорил, чтоб где ни есть приискать нанять угол или хотя бы одну ночь переначевать, а то де он пойдет в вотчину одного помещика своего... И в тот день пошли они за Калужские ворота, близ Донского монастыря, в приход церкви Риз Положения, и как пришли в незначай ко двору Ярославского уезду вотчины Бутырского полку капитана князь Федора Голицына, к оброчному крестьянину Анофрию Прокофьеву, и просили, чтоб он пустил их на время пожить или начевать. И оной Анофрей ее мужа спросил: что он за человек? И оной муж ее сказал ему, что де свободен по милостивому указу из Оренбурха с Самары, на что дан ему пашпорт. И оной Анофрей сказал, что он без записки съезжаго двора не токмо на время пустит пожить, но и ночи не смеет к себе жить пустить. И оной муж ее тот пашпорт тому Анофрию и показал. И просил, чтоб он с ним сходил в съезжей двор, и записал бы как мужа ее, так и ее, Феклу, по которой прозбе Анофрей, взяв мужа ее и пашпорт, пошли оба вместе, а она, Фекла, осталась у того Анофрия в доме. И после того, погодя малое время, с час, оной ее муж пришел в дом к оному Анофрию, а про него сказал, что де для записки ево и с пашпортом пошел в съезжей двор. И оной ее муж, помешкав с час, и пошел незнаемо куды. И после того оной Анофрей, пришед съезжаго двора з десятицкими, а с кем не знает, и взяв ее, Феклу, привели в съезжей двор... И что оной муж ее с каторги бежал, и пашпорт у него действительной ли или фальшивой, про то она не знает»⁴¹³.

Как видим, «подозрительным» людям устроиться на ночлег в Москве было не так-то просто — порой им не помогали даже родственные связи, о чем красноречиво свидетельствуют данные в марте 1742 года показания «фабричного» Максима Корнеева, родного брата беглого каторжника Матвея Корнеева — профессионального преступника, разыскиваемого Сыскным приказом: «Жительство де они (Максим с женой. — Е. А.) имеют близ Девичья монастыря в Кочках своим двором. И в нынешнем 742 году до приводу их за пять дней приходил к нему, Максиму, и жене ево брат ево, Максимов, родной Матвей, которой бежал из ссылки, ...с приводным Тимофеем Коршуновым, и приносили с собой в кульке не-

знаемо какое платье, и просили, что б их пустили начевать. И они их начевать к себе не пустили, и он, Максим, взяв дубину, согнал их со двора. И оные брат ево, Матвей, с товарищем своим куды пошли и где оной Матвей жительство имеет, того де он, Максим, и жена ево не знают. А в привод их не привели простотою своею».

Кстати говоря, в Сыскном приказе Максиму было определено суровое наказание — 30 ударов кнутом! Мотивировка такого приговора очень любопытна: «...за приход к нему брата ево утеклеца Матвея Корнеева с товарищем Тимофеем Коршуновым с крадеными пожитки, а он, Максим, з женой своею, ведая, что он бежал из Сибири, и ево, Матвея, не поймали и в привод не привели»⁴¹⁴.

Даже душевладельцы часто отказывались от своих крепостных, которые были связаны с преступной средой, особенно если те попадали под следствие. К примеру, 23 мая 1746 года купец 1-й гильдии Михайла Гусятников в Сыскном приказе не принял своего бывшего дворового, бежавшего из ссылки «за подозрительством»⁴¹⁵. Точно так же осенью этого года наместник Чудова монастыря архимандрит Венедикт Коптев отказался от монастырского крестьянина Алексея Авдеева сына Обидина, третий раз попавшего под следствие, со следующей мотивацией: «А понеже оной крестьянин Обидин в том Сыскном приказе по следственному делу господ баронов Строгановых служителя Ивана Миронова для роспросу и розыску в краже у вышеписанного Миронова денег и пожитков приведен был в 743-м году в сентябре месяце, которой и розыскиван, от чего в сыске оного Обидина в поставке монастырю и вотчине чинились великие убытки, да и впредь не безупавательно от него, Обидина, платежа, либо какой в ысках выти, и для того оной Обидин ныне и впредь ко оному монастырю и к вотчине не надобен. И дабы... указом повелено было... показанного крестьянина Алексея Авдеева, кроме детей ево, Ильи да Алексея, для того, что они при нынешней ревизии к написанию в подушный оклад в поданных скасках написаны, куда по указом надлежит сослать в ссылку». В результате в Сыскном приказе было определено Алексея Обидина сослать в

Оренбург «на поселение вечно»⁴¹⁶, разлучив с женой и детьми.

Встречаются и случаи доносов москвичей на соседей, подозревавшихся в содержании воровских притонов. Так, 22 октября 1746 года к сыщику Ивану Каину обратились горожане с жалобой на соседку Акулину Иванову, у которой «пристают неведомо какие люди и непрестанно меняют червонцы и рублевые манеты»⁴¹⁷. Впрочем, эти примеры достаточно редки. Чаще всего можно наблюдать иную картину: москвичи, подчас живя бок о бок с настоящими воровскими притонами, не проявляют при этом никакой инициативы, чтобы избавиться от опасного соседства.

Воровской язык

Первым в России письменным памятником, в котором зафиксирован сленг преступников, является жизнеописание Ваньки Каина («Автобиография») ⁴¹⁸, которое еще при жизни героя распространялось в списках, а затем до конца XVIII века многократно переиздавалось. К сожалению, профессиональный воровской язык никогда не фиксировался в следственных материалах, поэтому «Автобиография» Каина является уникальным источником для реконструкции воровского арго XVIII века.

Лексика, которая содержится в данном произведении, по большей части относится к сфере деятельности преступников, обозначая те слова и понятия, которые напрямую связаны с ремеслом «мошенников». Так, вместо слова «вор» здесь говорится «брат нашего сукна», «отправиться на кражу» обозначается как «пойти на черную работу», украсть — «поработать» (например, «поработал в маленьком бауле денег 340 рублей»), а мошенничать — «подавать милостыню». Вместо «обчистить карманы» говорилось «пошевелить в кармане». Орудие грабителя, кистень, называлось «гостинцем», а вместо «ударить кистенем» говорили просто «угостить». Пьяного человека, содержимое карманов которого часто становилось легкой добычей преступников, имено-

вали «сырым». Вместо слова «тревога» здесь употреблялось выражение «мелкая раструска».

Особенные названия получали и те места, куда вор старался не попадать: тюрьма — «каменный мешок», застенок — «немшоная (то есть не покрытая мхом, холодная. — Е. А.) баня», Тайная канцелярия — «Стукалов монастырь». Использовались целые словосочетания, которые, предположительно, употреблялись в стандартных для «мошенника» ситуациях. Например, вместо «товарищ попался в тюрьму, нужно скорее дать взятку, чтобы его освободили» говорилось «овин горит, а молотильщики обедать просят»⁴¹⁹.

(Заметим, что некоторые из выражений воровского арго, употребляемые в «Автобиографии», ходили и в XIX веке, когда они были записаны собирателями⁴²⁰.)

Почти все «мошенники», проходившие по «делу Ивана Каина», на допросах называли свои клички. В то же время подозреваемые, которые не относились к воровской среде, кличек не имели. Так, семнадцатилетний сапожник крестьянский сын Максим Тимофеев Лылов, как мы помним, схваченный в компании «мошенников» ночью 28 декабря 1741 года в притоне Андрея Федулова, на допросе назвал имя своего отца — Тимофей Тимофеев сын Лылов. Как видим, он, в отличие от профессиональных преступников, носил семейное прозвище. Клички «мошенников» были не родовыми, а индивидуальными. Например, Максим Иванов сын по прозвищу Щегол или Клест показал, «что ему прозвание Клест из робячества мирское»⁴²¹.

Самая часто встречающаяся в рассматриваемых нами следственных документах воровская кличка — Каин. Можно подивиться той настойчивости, с которой Иван Осипов сохранял верность этому, мягко говоря, не слишком почетному прозвищу. Так он называл себя не только на всех допросах, но и во всех доношениях и «изветах».

Неизвестно, кто и каким образом придумывал и давал клички. Однако можно догадаться, что какие-то прозвища являлись отражением особенностей внешности их носителей: Михайла Голован, Иван Рот и Денис Кри-

вороты, Кондратий Безрукий, Петр Губан, Петр Ньюхала, Иван Плешивый, Кирилл Рубец, Тихон Широкий, Тихон Белый, Гаврила Рыжий, Иван Медный. В других случаях кличка подчеркивала черты характера (Дмитрий Востряк, Иван Дикой, Григорий Удалой, Иван Сердитка, Петр Сухой, Савелий Плохой, Иван Буза и т. д.), иногда обозначала профессию (Иван Кувай, Афанасий Столяр, Никита Монах) или имущественное положение (Иван Голый). Иногда в кличке закреплялись какие-то биографические сведения, в частности указания на национальную принадлежность (Алексей Ляхов, Иван Швет, Максим Поляк, Андрей Мурза). Однако теперь уже невозможно установить, почему одних «мошенников» прозвали Иван Гусь, Дмитрий Таракан, Андреян Петух, Герасим Кобыла, Петр Волк, Петр Асетрина, Иван Мотыль, Сергей Чирик, а других — Иван Метла, Данила Петля, Иван Лепешка⁴²².

Часто кличку можно расценить как насмешку над человеком, которым ее награждали. Шуточный характер некоторых прозвищ подтверждается и в показаниях самих «мошенников». Так, про одного из своих сообщников, Дмитрия Кутилина, Каин добавил подробность: товарищи его «за смех называли Худдырой»⁴²³.

Неписанные законы

К сожалению, в нашем распоряжении нет прямой информации о воровских законах XVIII века, поэтому мы вынуждены довольствоваться косвенными сведениями о них.

Ванька Каин в своем доношении от 28 декабря 1741 года выступал как член преступного сообщества, которое он предал. Преступное сообщество Москвы было довольно многочисленно, и все «мошенники» имели воровские клички. В конце доношения Каин просил срочно выделить солдат для сыска его «товарищей», опасаясь, «чтоб от оных моих товарищей не учинилось смертных убивств, и в том бы мне от того паче не пострадать». Следовательно, в среде московских «мошенников» XVIII века могли иметь место случаи самосуда, а

значит, существовали и некие неписанные законы, которые вор-рэнегат нарушил.

О том, что во времена Каина московских преступников объединяли определенные правила, которым все они подчинялись, свидетельствуют случаи проявления удивительной сплоченности, например при совместных «гастролях» в другие города и на ярмарки. Иногда в них участвовало до двух десятков профессиональных московских воров — специалистов по карманным и баннным кражам. На ярмарках они использовали все свои умения, а добычу собирали и делили по возвращении в Москву⁴²⁴.

Есть множество примеров проявления воровской солидарности. Так, пятнадцатилетний «мошенник» Алексей Елахов, пойманный Каином 3 января 1742 года возле острога Сыскного приказа, показал, что пришел туда, несмотря на большой риск быть арестованным (что и произошло), «для свидания с содержащимся в том остроге колодником школьником Леонтьем Юдиным»⁴²⁵.

Солидарность и сплоченность московских преступников, видимо, превращали их во внушительную силу, нагонявшую страх на московских жителей. Как мы помним, торговец Тимофей Никитин рассказывал, что Иван Каин в бытность его воровом всегда «ходил с великим собранием, и опасался он, Тимофей, чтоб его не убили»⁴²⁶.

Восьмого января 1742 года в Сысской приказ обратился «Нашебургского пехотного полку капитан» Афанасий Полозов, заявивший, что 27 декабря предшествующего года «по полудни в первом часу» (накануне первой операции по аресту «товарищей» Каина, укрывавшихся в притонах Зарядья) на солдата его команды Алексея Шемякина, который вез с мельницы на подводе муку, у Москворецких ворот совершили нападение шестеро «воровских людей», которые его «били и увечили смертным боем, и при том показанную муку в мешках отбили и унесли». Солдат закричал «караул», и подоспевшие на помощь люди помогли ему задержать одного из нападавших, который в тот же день предстал перед капитаном. Допросив преступника, Полозов приказал четверым солдатам его команды отвести его в Московскую

полицмейстерскую канцелярию. Их маршрут пролегал через те же Москворецкие ворота. Спустя некоторое время они явились к начальству побитыми, в изодранных мундирах, без боевого оружия и рассказали: ...как де они показанного вора вели в полицию, и будут прошед Москворецкие ворота в Зорядье, близ кружала, и в то время напали ж на них незнаемо какие воровские люди человек с тритцать и того помянутого вора у них отбили, а их, салдат, при том били смертельно и грабили, и строевой мундир на них подрали, да взяли грабежем две шпаги». Эти шпаги (в «доезде» Петра Донского они названы палашами. — Е. А.) ночью 28 декабря 1741 года были обнаружены в притоне Андрея Федулова, а побитые солдаты в Сыском приказе узнали нескольких обидчиков — схваченных 28—30 декабря по «указыванию» Каина уже не раз упоминавшихся нами «мошенников» Ивана Дикого, Максима Попова, Ивана Гусева, Михайлу Голована «с товарищи»⁴²⁷.

Известно, что при совершении преступлений московские «мошенники» объединялись в группы, организованные таким образом, чтобы можно было наиболее эффективно и безопасно осуществлять кражи. Некоторые члены этих групп выполняли вспомогательные функции («стесняли народ», принимали краденое, обеспечивали безопасность), другие же «мошенники занимались организацией преступлений и дележом добычи (об этом подробнее речь пойдет ниже).

Воровские «пристани»

Иван Каин 26 января 1742 года заявил в Сыском приказе: «...знает он воров, и мошенников, и подозрительных людей, и зернщиков, которые в Москве в разных местах живут: в ямах земляных, и в печурах, и в кочках, и под мостами, и на кабаках, и в протчих местах, а собираются ночным временем», — и просил, «чтоб для сыску оных дать ему драгун полную команду»⁴²⁸.

В этой своего рода «заявке» на будущую сыскную деятельность вор-отступник назвал основные места скопления «подозрительных» людей в Москве.

Правда, далеко не все преступники обитали «в ямах земляных, и в печурах, и в кочках, и под мостами, и на кабаках». Многие воры из числа «фабричных» жили при мануфактурах, на которых они работали. Например, сорокалетний солдатский сын Кузьма Григорьев сын Легас 29 декабря 1741 года показал, что «тому ныне лет с тридцать он, Легас, записался на Большую суконную фабрику в ученики» и с тех пор «живет и работает он на той фабрике и по ныне». 29-летний сын посадского Данила Артемьев сын Беляцкий, названный среди московских воров в реестре Каина, в декабре 1743 года также рассказал, что он 20 лет назад записался в ученики на Большой суконный двор, на котором «по сей привод» и обитал — «жил на оной фабрике при работе». Еще один «мошенник» из списка Каина, 21-летний Петр Михайлов сын Губан, родился в семье «фабричного» Большого суконного двора, вырос на этой мануфактуре, а повзрослев, записался на «Журавлеву фабрику», «работал и живет на той фабрике»⁴²⁹. Таким образом, московские мануфактуры, в первую очередь расположенный возле Каменного моста напротив Кремля Большой суконный двор, были местами совместного проживания многих воров.

Еще одним таким местом была Московская гарнизонная школа у Варварских ворот, в которой многие солдатские дети не только обучались, но и жили. Например, пятнадцатилетний «мошенник», солдатский сирота Алексей Иванов сын Елахов в конце 1741 года на допросе показал, что «тому ныне девятой год он, Алексей, записан в гарнизонную школу и жительство он имеет во оной школе и по ныне»⁴³⁰.

Но всё же значительное число профессиональных преступников Москвы во времена Ваньки Каина постоянного места жительства никогда не имело. Для них были характерны частая смена мест ночевки и в целом бродячий образ жизни. Где же укрывались московские «мошенники»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, попытаемся представить себе облик тогдашней Москвы. Выдающийся историк И. Е. Забелин писал о Первопрестольной в первые десятилетия XVIII века: «Это был город по

преимуществу “деревенский”, город, в котором не только самая большая часть домов, но даже и многие мостовые были еще деревянные. Улицы были неправильны, где слишком широкие, так что походили на площадь, где слишком узкие, так что трудно было разехаться. Было много также тупиков, т. е. переулков, которые преграждались строениями. Значительная часть домов состояла из обыкновенных крестьянских изб, больших и малых, которые не только не были ничем окрашены, но нередко были курные, черные, или с деревянными трубами, крытые тесом и дранью, а в ямских слободах и вообще на краю города — даже соломою... Такие домики и избы выходили обыкновенно на улицу, как в деревнях, и стояли в иных местах довольно тесно; напротив того, все более или менее значительные постройки, т. е. дома зажиточных и богатых людей, прятались в глубине дворов, так что по иным улицам тянулись бесконечные заборы, прерываемые изредка воротами, которые сохраняли еще древнюю архитектуру, т. е. были покрыты небольшими двухскатными кровлями... Массу строений разделяли иногда огромные пустые пространства, занятые садами, огородами, пустырями, лугами, прудами и т. п.; всё это огораживалось иногда просто кольями и даже плетнем, а иные места и вовсе оставались без городьбы... Каменных построек в эту эпоху было вообще очень немного. Все они принадлежали или казне, или знатым и богатым лицам и стояли обыкновенно в глубине широких дворов, под которыми бывало нередко от 1 до 5 десятин земли, занятой “службами”, садом и разными другими принадлежностями широкого барского житья»⁴³¹.

К этому описанию выдающегося московеда необходимо добавить, что после «великого» пожара 29 мая 1737 года в городе повсеместно встречались брошенные пустые дворы с обугленными остатками каменных и деревянных строений (они во множестве зафиксированы даже в переписной книге московских дворов 1742 года). Видимо, один из таких запустелых дворов в Зарядье и облюбовал слепой нищий Андрей Федулов, у которого зимой 1741 года укрывались многие воры. Осенью 1745 года известный московский преступник, беглый

«фабричный» Гаврила Рыжий ночевал «близ Донского монастыря в кирпичных сараях». Там же в декабре 1747-го ютился беглый каторжник Матвей Цыган. Пойманный Каином в августе 1743 года беглый солдат Гаврила Степанов сын Богданов «жил в Москве за Сухаревой башней, начевывал в пустых сараях»⁴³².

Кроме этого, московские бродяги приспособили под жилье, по-видимому, все печуры в стенах Китай-города и Белого города, окончательно утративших к этому времени свое фортификационное назначение. Как мы помним, в хижине, приделанной к печуре в Китайгородской стене возле Москворецких ворот, зимой 1741 года проживал беглый солдат и «мошенник» Алексей Соловьев. По-видимому, именно там он составил свое «повинное доношение» с реестром, в котором указал имена семи десятков московских преступников. Воры Гаврила Полетаев, Василий Озеров и Тимофей Шейдяков с января того же года жили вместе «близ Москвы-реки в Васильевском саду в городской стене в печуре». Четырнадцатилетний Дмитрий Злобин, сбежав летом 1743 года из Московской гарнизонной школы, «ночевал близ той гарнизонной школы в городской стене две ночи». Его собратья по воровскому ремеслу беглый солдат Василий Шапошников и воспитанник гарнизонной школы Николай Котенев в августе 1745 года «начевывали близ Покровских ворот в печуре»⁴³³. Справедливости ради необходимо отметить, что печуры в это время использовали для жилья не только бродяги, но также и некоторые разорившиеся после пожара 1737 года законопослушные московские жители. Например, согласно исповедным ведомостям Китайгородского сорока 1748 года в приходе церкви Иоанна Богослова, что под Вязом, «после пожару» в печуре обитал наборщик Московской типографии 56-летний Василий Андреев со своей 44-летней женой Евдокией Михайловной и дочерьми — семнадцатилетней Анной и семилетней Марией⁴³⁴.

Во многих местах Москвы (например, в районе современного Нового Арбата) были разбиты огороды, где обыватели сажали капусту и прочие овощи⁴³⁵. Повсюду, в особенности в ямских слободах, было большое количество всякого рода нежилых построек хозяйствен-

ного назначения (овины, гумна и т. п.), в которых легко можно было схорониться. Так, известный московский «мошенник» беглый солдат Максим Родионов сын Попов прятался в Москве «по разным гумнам и по огородам». Девятнадцатилетний беглый рекрут вор Гаврила Белозеров в ноябре 1741-го — феврале 1742 года «ночевывал в разных местах в лесном ряду в стопах и в Дорогомиловской и в Тверской Ямской слободах по гумнам, в овинах, и в сараях, и в соломе». Осенью 1741 года беглый дворовый Василий Озеров, занимавшийся домовыми кражами, «ночевывал на Москве-реке близ Москворецких ворот на лесу в шалашах, с ним же ночевывал суконного двора ученик Василей Генералшенок». Хорошо известный нам беглый каторжный Матвей Цыган в ноябре 1744 года укладывался на ночлег «в разных ямских слободах в овинах». «Мошенник» и беглый солдат Василий Шапошников после побега «ходил в Москве по разным местам и начевывал в поле подле ржаных стогов». Беглый «фабричный» Григорий Ларионов весной 1745 года проводил ночи «у Спаса Нового монастыря на берегу Москвы-реки в стопах, и с ним, Григорьем, прилучились быть для ночевания ж по сему делу приводных два человека, а именно Федор Журка да Григорий Гаврилов»⁴³⁶.

Второго сентября 1745 года Иван Каин «извещал» в Сыскном приказе: «...оного де числа ходил он, Каин, для сыску воров, мошенников, разбойников и беглых солдат и, как будет за Яузскими вороты в Таганке, и в той Таганке под шалашами усмотрел он, Каин, Коломенского полку беглого солдата Масея Игольникова да при нем шубу нагольную баранью, про которую объявил ему, Каину, что де он ту шубу в той Таганке незнаемо у какого чину у проезжаго человека взял с возу с товарыщи своими...» Пойманный оказался уже хорошо нам знакомым беглым солдатом Максимом Поповым, которого доноситель уже задерживал в притоне Андрея Федулова в первую ночь своей сыщицкой биографии, 28 декабря 1741 года. На допросе в Сыскном приказе беглец, между прочим, показал: «...сего сентября 2 дня пришел он... в той Таганке на берег в шалаш с приводным ныне с ним товарищем Журавлевой фабрики с учеником Григорь-

ем Ларионовым и легли спать, и в то же число поутру близ ранних обеден, пришед в тот шалаш, не вея чего ради, доноситель Каин, взяв их из того шалаша... привел в Сыскной приказ»⁴³⁷.

Но более всего московские воры любили собираться под мостами. По ночам мало кто решался приближаться к мостам, а уж тем более спускаться под них и проникать в эти темные дыры, населенные «подозрительными» людьми. Как мы помним, сам Иван Каин в начале своей преступной карьеры, после побега от помещика, отправился под Большой Каменный мост, где «воришкам был погост», и именно там произошло его посвящение в «мошенники». Действительно, Большой Каменный мост облюбовали многие московские преступники. Так, летом и осенью 1746 года под ним ночевал известный вор Гаврила Рыжий после побега с Большого суконного двора. Но не только Большой Каменный мост пользовался популярностью у преступников. Беглый рекрут и «мошенник» Иван Харахорка осенью 1741 года «начевывал под мостом близ Москворецких ворот». Другой беглый солдат, Савелий Ушаков, отдыхал от несправедливых трудов в клетях под Косьмодемьяновским мостом около Царицына луга. 8 октября 1745 года перед ночной кражей он со своим сообщником, беглым солдатом Тимофеем Шорниковым, «пришли дожидаться ночи под Кузьмодемьянской мост в клетку, в которой он начевывал, и в той клетке были два человека»⁴³⁸.

Ночью 16 декабря 1745 года Каин изловил «у Балчуга под мостом» троих «подозрительных людей». Первый сказался оброчным крестьянином Василием Родионовым. Он пришел в Москву без паспорта и на улицах Москвы сошелся с таким же, как он, бродягой Гаврилой Григорьевым. На ночлег они устраивались «в печуре, которая имеется под мостом у Балчуга», вели разговоры о своей нелегкой доле, и товарищ признался Василию, «что от помещика своего беглой». Как-то раз приятели «пришли для ночевания в показанную печуру» и «усмотрели» в ней еще одного человека. Это был сын дьячка церкви Преображения дворцового села Столпина Юрьевского уезда, который, «не похотя жить при оном отце своем», бежал в Москву, где ночью ютился «на Моск-

ве-реке в стругах, а днем ходил по разным местам и кормился Христовым именем». Бродя «для прииску себе места для начевания», он «под тем мостом усмотрел... печуру, в которой имелась солома и рогожи ветхие, и он, Иван, пришед в ту печуру в вечеру, лег спать». Ночью произошло его знакомство со старожилками, и с тех пор бродяги стали «ходить по разным местам в Москве» втроем⁴³⁹.

Выстроившиеся вдоль берега Москвы-реки суда также служили ночлегом для многих подозрительных людей. В 1749 году Каин, уже находившийся под следствием в Московской полицмейстерской канцелярии, рассказал: пойманные им разбойники однажды посоветовали поискать их товарищей на приплывших в Москву стругах, о чем он доложил начальству Сыскного приказа, а те, в свою очередь, — в Московскую сенатскую контору, откуда для проверки стругов был послан обер-офицер граф Шереметев с командой. Каин вместе с Шереметевым «имеющихся на тех стругах, кои стояли ниже Москвы к Боровскому перевозу, работных людей осматривали и несколько человек подозрительных нашли, в том числе и с воровскими пашпортами, некоторые из которых были отведены в Сыскной приказ». «А во время де того осмотра, — донес подследственный, — означенной афицер брал себе во взятку с каждого струга по два рубля». Правда, после этого уже сам Каин с товарищами «ходили по стругам для осмотра работников, и хотя де нахаживали таких с [фальшивыми] пашпортами, кои уже подозрительны, биты кнутом, но токмо не брали, ибо за то он, Каин, брал тех стругов с хозяев по рублю и по полтине, а иные давали ему и мукой»⁴⁴⁰.

Караульные будки, которые были построены по всей Москве у рогаток для надзиравших за порядком сотских и десятских, нередко служили подозрительным людям пристанищем и местом совершения всяких «непотребств». Например, шестнадцатилетний солдат Коломенского полка Василий Шапошников, который летом 1745 года стоял на карауле возле Петровских ворот, на допросе в Сыскном приказе признался, что «сего августа 17 дня к оным воротам в караульную, где он,

Василей, имелся на карауле, пришла с Посольского двора фабричная девка Авдотья, а чья дочь, не знает, незнаемо которого дому с боярским человеком для блудного дела, которых он, Василей, с товарищами своими, того ж полку с салдатами Николаем Голым, Семеном Мироновым, [в караульную будку] и пустили». Кондратий Безрукий на допросе 30 декабря 1741 года показал, что до записи на мануфактуру он бродяжничал по Москве, «кормился Христовым именем, а ночевал по разным командам в караульных»⁴⁴¹. 20 ноября 1745-го Каин «за Симоновым монастырем в поле... в караульной избе» поймал трех «подозрительных людей», из которых один оказался беглым каторжником Герасимом Кобылой, второй — беглым крестьянином Григорием Шмаченком, а третий «явился безмолвен и ничего не говорил»⁴⁴².

Немало беглых в теплое время года из соображений безопасности предпочитали уходить для ночевки за пределы Земляного города. Например, пойманный Каином в ноябре 1742 года беглый рекрут Дмитрий Ефремов показал: «...начевывал в Аннингофе под мостом, а пропитание имел летом ходил в лес и брал грибы и продавал в Немецкой слободе иноземцам. Да он же, Дмитрий, знал воров, беглых салдат и ссылочных утеклцов Потракозу, Шибая и других, а как зовут, не знает, всего человек з дватцать, которые начуют близ Покровского села в дву местах, да от Москвы три версты в первой роще в шелашах начуют человек з десять, а в день бывают в Мещанского слободе на кабаке, что слово Ладуга». Другой схваченный сыщиком беглый солдат Михайла Тимофеев сын Соболев в августе 1743 года на расспросе показал: «...беговчи, жил в лесах, брал грибы и ягоды и, приходя в Москву, оные грибы и ягоды продавал разным людям, от чего себе и пропитание имел»⁴⁴³.

По холодам многие находившиеся на нелегальном положении «мошенники» укрывались в торговых банях, где нередко устраивались и на ночлег. Как мы помним, беглый школьник Сергей Зотов вечером 12 февраля 1742 года пришел в баню «близ Яузских ворот», которую в народе называли «на Островках», «для огрения, понеже на нем шубы не имелось». Из этой бани он

отправился ночью вместе с беглым солдатом Иваном Нифонтовым грабить на московских улицах. 19 февраля 1746 года Каин изловил в бане за Покровскими воротами близ Елохова моста известного московского вора, беглого «фабричного» Гаврилу Рыжего, а с ним в компании сидели «фабричный» Василий Забалдин, а также оброчные крестьяне Иван Овчинников и Сидор Евдокимов. Все арестованные показали, что пришли в баню лишь «погреться»; но, как впоследствии было установлено, они являлись членами одной разбойной шайки, орудовавшей на подмосковных дорогах⁴⁴⁴.

В суровые зимы московские воры были вынуждены подыскивать себе жилье или приходиться ночевать за определенную плату к тем, кто сам снимал помещение у хозяев. Некоторые «палатки», «клетки» и «углы» собирали немало подозрительных людей и превращались в самые настоящие воровские притоны. Документы Сысского приказа позволяют выделить несколько главных очагов сосредоточения московских притонов. Главным таким местом в 1730—1740-х годах были Москворецкая улица и Зарядье. Не случайно именно сюда в первую очередь привел Ванька Каин протоколиста Петра Донского и солдат в ночь с 28 на 29 декабря 1741 года. Как мы помним, в Зарядье в «палатке» слепого Андрея Федулова одновременно ночевали 18 человек, большинство из них — «мошенники» и торговки краденым. На Москворецкой улице, в непосредственной близости от стен Сысского приказа, в строениях при церквях Николая Чудотворца и Всемилоственного Спаса, а также в печуре у Москворецких ворот, были схвачены 14 воров и торговок краденым. Современному человеку может показаться удивительным, что воры безбоязненно проводили ночи буквально под стенами Сысского приказа, занимавшегося решением дел по уголовным преступлениям. Но до определенного времени Сысский приказ не выступал инициатором новых дел, а полицейский надзор находился в ведении другого учреждения — Московской полицмейстерской канцелярии. Поэтому со стороны Сысского приказа «мошенники» никакой опасности не чувствовали.

Бросается в глаза связь между московскими «мошен-

никами» и нищими. Мы уже хорошо знакомы с содержанием притона Андреем Федуловым. В доме другого слепого побирушки, пятидесятилетнего Никиты Ушакова, жившего «за Тверскими вороты в приходе церкви Ермолая Чудотворца своим двором», ночью 30 декабря 1741 года были схвачены трое профессиональных преступников — «фабричный» Иван Гусь, беглый солдат Дмитрий Востряк и солдатский сын Андрей Щербаков⁴⁴⁵. В этой связи обратим внимание на петровский указ от 30 октября 1719 года «О поимке беглых драгун, солдат, матрозов и рекрут», в котором, между прочим, говорится: «А понеже является, что такие беглые драгуны, солдаты, матрозы и прочие воры пристают по монастырям, пустыням и у церквей приходских, у духовнаго чина и церковных причетников под именем бурлаков, или казаков, и ханжей*, и трудников, и ежели где такие воры ныне есть, а те люди, кои их держат, не объявят, или впредь принимать будут, то все... по извержении, иль чрез церковной суд, отданы будут к гражданскому суду»⁴⁴⁶.

Жизнь московских воров скрашивали представительницы прекрасного пола, чаще всего солдатские жены или вдовы. Как правило, это была «любовь с интересом»: подруги и сожительницы преступников нередко занимались перепродажей краденых вещей. Как уже говорилось, в притоне Андрея Федулова в Зарядье ночью 28 декабря 1741 года были схвачены восемь женщин. Хотя ни одна из них не повинилась в каких-либо преступлениях, их подозревали в «блуде» и покупке краденых вещей. На Москворецкой улице возле церкви Всемиловитового Спаса той же ночью, кроме пяти профессиональных преступников, были обнаружены две солдатские вдовы — 44-летняя Марфа Дмитриева и 22-летняя Ирина Иванова. Как уже упоминалось, последняя призналась в «блуде» с карманником Леонтием Юдиным. Недалеко от этого притона, возле церкви Николая Чудотворца у Москворецких ворот, вместе с про-

* Вероятно, в данном случае слово «ханжа» употребляется не в привычном нам смысле «лицемер», а в использовавшемся, согласно словарю В. И. Даля, в северных губерниях значении «шатун, потаскун и попрошайка».

фессиональными ворами Тихоном Бобровым и Матвеем Тарыгиным ночные часы проводила крестьянская вдова Татьяна Иванова, которая на допросе рассказала, что покупала у «мошенников» краденые вещи, а при осмотре «явилась подозрительна — бита кнутом». Как мы помним, она «лет 13 назад» была подвергнута этому наказанию за «житье блудно с атаманом Егором Михайловым». На том же церковном дворе были схвачены еще две торговки краденым, одна из которых, солдатская вдова Прасковья Васильева дочь, ранее тоже была порота кнутом «за блудное дело»⁴⁴⁷.

Беглый солдат Никита Волков, повинившийся в многочисленных кражах, жил «в Мещанской слободе в доме Семеновского полку солдата Семена Квасникова у жены ево Ульяны Юрьевой». Солдатка не только укрывала вора, но также помогала ему реализовывать добычу и получать радости жизни: «Ис тех краденых пожитков камзол гарнитуровый зеленый с позументом золотым, да денег пятьдесят рублей, отдал оной Ульяне Юрьевой заведомо, что краденые, и жил у оной Ульяны недель с пять, и з дочерью ее Аграфеной Семеновой чинил блудное дело, и оным дочерям ее, Аграфене да Авдотье Семеновым, он, Волков, на краденые деньги покупал платье и ис тех денег харчил на разные харчи, заведомо, что краденые»⁴⁴⁸.

Конечно, воровские притоны — нечто большее, нежели просто места ночевки преступников и их свиданий с постоянными или случайными подругами. Многие «мошенники», излагая на допросах свою преступную биографию, отмечали, что прежде они начали жить в притонах, где «спознались» с ворами, а потом стали сами заниматься кражами. Так, Петр Ачка на допросе признался, что начал воровать именно во время совместного проживания с Иваном Каином. Максим Клест, оставшись сиротой, до тринадцати лет воспитывался сестрой, а уйдя жить к табачнику Ивану Андрееву, торговавшему краденым и дававшего приют «мошенникам», познакомился с преступниками и тоже стал воровать. Степан Жижин на допросе же показал, что он «тому ныне с полгода... жил в Таганке в Пустой улице в приходе церкви Воскресения Христова полотняной

фабрики Подсевалщикова у полотнянщика Якова Степанова бес поручной записи, и от него... знался с мошенниками... и с ними он, Жижин, мошенничел»⁴⁴⁹.

Видимо, во многих таких воровских «пристанях» реализовывалось краденое. Это происходило, например, в доме нищего Андрея Федулова, о котором нам известно лучше всего. Так, Осип Соколов, Матвей Цыган и Антон Ковров снятую грабежом с пьяного «шапку корабликом» и рукавицы там же, у Федулова, «пропили за пять алтын, понеже де он (хозяин. — Е. А.) шинкует вином»⁴⁵⁰. Надо полагать, именно в таких злочных местах воры договаривались о совместных действиях и делили добычу, там же и развлекались.

Отдых от «трудов неправедных»

Как, наверное, уже догадался читатель, досуг профессиональных московских воров был не очень-то разнообразен. Действительно, в источниках упоминаются два основных занятия преступников в свободное от «работы» время — выпивка и азартные игры. Так, в доме пойманного зимой 1742 года отставного «матроса» Ивана Трегубого была не только «пристань воровским людям и беглым салдатом», но и нелегальная «винная продажа»⁴⁵¹.

Согласно показанию преступника Андреяна Соколова, «Ивана Каина он, Соколов, знает потому, что де тому ныне лет с пять играл он в карты и в зернь на Царицыном луту под [Каменным] мостом, и он, Соколов, при том был». Пойманный Каином в декабре 1742 года беглый рекрут Дмитрий Ефремов показал, что в Москве он «знал воров беглых салдат и ссылочных утеклецов Петра Козу, Ивана Шибая и других, как зовут не знает, всего человек з дватцать, которые начуют близ Покровского села в поле в дву местах, да от Москвы три версты в первой роще в шелашах начуют человек з десять, а в день бывають в Мещанской слободе на кабаке, что словоет Ладога, и играют в карты и кость». Девятнадцатилетний беглый рекрут, вор Гаврила Белозеров, в ноябре 1741-го — феврале 1742 года «в день... с товарищи разных чинов

людьми близ Арбацких ворот подле Белого города и в Тверской Ямской в сараях играли в карты»⁴⁵².

Более изощренным был досуг самого доносителя Ивана Каина и его преступного окружения. На одном из допросов, уже будучи под следствием, бывший доноситель показал: «В прошлом 1748-м году летним временем пошел он, Каин, на Живой мост и купался с протчими, которых многолюдство, в том числе и вышеписанной Алексей Шинкарка, и между собою в шутках с того мосту метали товарищей своих нагих в воду, и между тем кинули одного графов Шереметьевых барана, которой и поплыл». Вероятно, именно об этом баране идет речь и в другом показании Каина: когда в помощь сыщику для поиска на стругах подозрительных людей была прислана команда солдат во главе с графом Шереметевым, на одном из стругов «оной граф Шереметьев... взял барана живого большова, который научен был битца»⁴⁵³.

Излюбленным местом времяпрепровождения для многих подозрительных людей в 40-х годах XVIII века был дом самого «сыщика из воров» в Зарядье. Так, из протокола одного из допросов бывшего доносителя мы знаем, что «играть зернью, в кости и в карты на деньги, которую зернь содержал он, Каин, в том своем доме», к нему «прихаживали» «Журавлевой фабрики ученики Петр Ануфриев сын Волк, Дмитрий Михайлов сын по прозванию Маз, Пантелей Емельянов, Василий Базан, Алексей Фунтяй, Василий Налет, Филипп Иванов сын; Большого суконного двора ученики Никита Монах, Афанасий Иванов; Посольского двора ученики Иван Савельев сын Тинников, Михайла Наживин, Василий Коробов, Иван по прозванию Рот; беглые матросы Осип Соколов, Петр Серебряков, Василий Яблочков; боярской человек Сергей Туля да незнаемо чьего двора беглой человек Дементий Васильев, да беглой же незнаемо какой человек Иван Буза и протчие, кто имянно сказать не упомнит»⁴⁵⁴. Отметим, что большинство из названных лиц были замешаны в различных преступлениях и известны по другим документам Сыскного приказа⁴⁵⁵.

В доме Каина устраивались и прочие игры. Среди вещей, обнаруженных там при обыске, имелось некое «ду-

бье». Объясняя его назначение, хозяин поведал о том, что он и его товарищи «палками игравали в горотки»⁴⁵⁶. Однако круг забав, которыми развлекались сыщик и посетители его дома, играми вовсе не ограничивался. Беглый «фабричный» Осип Соколов, укрывавшийся там долгое время, на следствии показал: «Тому ныне третий год, как он, Соколов, во время побега жил у одного Каина, живущих у него боярского человека Сергея Тулью, да суконщика Алексея Шинкарку, да незнаемо чьего беглого боярского человека Дементья Васильева поил в пиве и кормил в каше дурманом*, а для чего и с какого умыслу, не знает... а об оном Соколов нигде не объявлял беспмятством». Сам хозяин при «розыске» также повинился: «Живущих в доме ево боярского человека Дементья Васильева с товарищи дурманом в пиве и в каше кормил», но утверждал, что делал это «в шутке, а не для какого умыслу»⁴⁵⁷.

Матвей Комаров в литературном произведении о похождениях Каина описал, как тот праздновал Масленицу: сделал «позади Мытного двора снеговую гору, украся оную елками, можжевельником, статуями, и в некоторых местах обвешал красными сукнами, на которую во всю ту неделю собиралось для катания премножество народа, и происходили разные веселости...». В примечании автор добавляет: «...место сие, на котором была сделана гора, и поныне называется Каиновою горою». «А в последний день той недели, — продолжает автор, — собрал он человек до тридцати разного звания людей и велел на той горе представлять комедию, называемую «О царе Соломоне»»⁴⁵⁸.

Эти любопытные сведения о масленичных играх находят архивное подтверждение. В одном из показаний против судьи Московской полицмейстерской канцелярии Воейкова доноситель, между прочим, упомянул: «Да после того, а сколько времени спустя не упомнит, просил он вышеписанного советника Воейкова, чтоб

* Дурман — ядовитое травянистое растение семейства пасленовых с крупными белыми цветами, обладающее наркотическими свойствами. Кроме того, в XVIII веке так могли называть любое одурманивающее средство (см.: Словарь русского языка XVIII в. Вып. 7. СПб., 1992. С. 32).

он дозволил ему в Зарядье для Масленицы сделать гору, что он ему сделать и дозволил, за что де он, Каин, подарил полдюжины фарфоровых чашек, да чулки шелковые белые, да сыну ево, Алексею, когда он приезжал на тою гору кататца и заходил к нему, Каину, в гости, дал две шапки круглые бархатные — одну зеленую, а другую голубую — и околоши куньи»⁴⁵⁹.

Хотя показания Каина, в которых упоминалась бы комедия «О царе Соломоне», нам неизвестны, всё же имеются следственные материалы, подтверждающие, что в праздничные дни в 40-х годах XVIII века в московской преступной и околопреступной среде подобные игры устраивались. В святочные дни в конце 1741 года для сыска «мошенника» Матвея Цыгана подканцелярист Сысского приказа Иван Фомин был послан «в Татарскую улицу» на двор «фабричного» Осипа Федорова. В «доезде» чиновник доложил, что «Максима Цыганова в том дворе не получили, и для того в сыску ево, Цыганова, взял (то есть привел в Сысской приказ. — Е. А.) показанного Журавлевой фабрики суконщика Осипа Федорова да того ж двора жильца, у которого оной Цыганов спал в ызбе, Большого суконного двора ученика Михайла Коровина», добавив любопытные сведения: «Да при том же у оного Осипа Федорова взял незнаемо какова мужскова убору, з золотной бумагой и шумихой убраного, два хвоста лошадиных, два порика — один белой, другой русой, семь харь, убраны в волосах лошадиных с усами. И вышеобъявленных колодников и упоминаемое незнаемо какое платье и хари объявляю при сем доезде».

На допросе Осип Федоров сказал о «приносных с ним бумажном золотном платье, калпаках и семи харях», что эти предметы «не ево, а принесли де к нему, Осипу, Журавлевой фабрики Петр Волков, Петр Кобыла, Иван Антонов сын Жижин да показанной Матвей Цыганов и, надев те хари, играли по-дьявольски и приговаривали всякие мерзкие речи». Другой приводной, жилец Федорова «фабричный» Михайла Васильев сын Коровин, более подробно объяснил появление странных вещей: «И в том доме показанной Осип Федоров собрал игрище, и играли по два вечера суконщики и на-

ряжались в хари, а кто имяны не знает. И на том игрище для смотрения были разных чинов люди. На то ж игрище прихаживал по сему делу оговорной суконщик Матвей Цыганов и наряжался с товарищи в хари и играли по-дьявольски и, играючи, приговаривали всякие мерзкие речи»⁴⁶⁰.

Хотя такие развлечения были характерны не только для профессиональных преступников, но и для более широкого слоя простолюдинов, всё же преимущественное участие в описанных выше эпизодах именно «мошенников», позволяет нам использовать эти сведения для характеристики воровского мира Москвы XVIII века.

«МОШЕННИКИ», ГРАБИТЕЛИ, РАЗБОЙНИКИ

Поехали из того лесу в село Работки, в котором... одного села управитель спросил, какие мы люди? Кому мы о себе объявили: мы — донские казаки, а как увидим деньги, так не поддержат их никакие замки! И более не быв, из того села поехали...

Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина...

Преступные группировки и «специализация»

Изучение около сотни показаний московских «мошенников» о совершённых ими кражах позволяет выделить наиболее распространённые виды их преступной деятельности: кражи карманные, в банях, с повозок, «домовые», разбои на подмосковных дорогах. Эти виды преступлений против собственности, имевшие особое распространение в Москве XVIII века, кардинально отличаются друг от друга с точки зрения техники их совершения.

Для профессиональных московских преступников указанного столетия была характерна «устойчивость», то есть предпочтение какого-то одного из вышеназванных видов преступлений, а также владение определёнными познаниями и навыками в той или иной преступной квалификации. Но все-таки имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют утверждать, что в Москве в XVIII веке уже сформировалась специализация профессиональных преступников. Многие «мошенники» круга Каина владели несколькими техниками воровства и проявляли себя в разных воровских

«специальностях». Например, сам Иван Каин достиг совершенства как карманник, однако это ему не мешало время от времени участвовать в домовых кражах и ночных грабежах. Другой «мошенник», Иван Кувай, на допросе в декабре 1741 года признался в систематических карманных кражах и вместе с тем в совершении множества краж в московских банях, а несколькими годами ранее он попал под следствие в Сыскном приказе «за снятие у капитана Ивана Ильина сына Литвинова привязанного позади коляски ево с платьем чемадана»⁴⁶¹.

«Мошенница» Акулина Ларионова на допросе 30 декабря 1741 года так охарактеризовала противозаконную деятельность своей преступной группы, состоявшей из нескольких женщин: «И в нынешнем де 741-м году июня месяца с протчими женками салдатскими женами Дарьей, Авдотьей, Дарьей да с салдацкой дочерью Софьей Семеновыми детьми, со вдовой Матреной Исасевой и с Агрофеной Даниловой мошенничали: по площади и в рядах вынимали у разных людей платки и деньги и поныне, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит. Да в Москворецких банях украли они рубашку да гребень роговой, и оную рубашку продала она, Акулина, на площади прохожей женке, а как ее зовут, и чья дочь, и где жительство имеет, не знает, взяла шесть копеек, а гребень продала на площади прохожей жонке, взяла одну денгу. А она ж, Акулина, с теми ж товарыщи в панском ряду с прилавка украли шесть платков шелковых красных, и те платки и продала товарыщ ее Дарья Семенова Рябая за сорок копеек, а кому, того она, Акулина, не знает, и те деньги разделили по себе...»⁴⁶² Из этого показания видно, что сколоченная из одних женщин воровская шайка совершала различные виды краж.

Возможно, приоритеты «мошенников» менялись в зависимости от сезона. Так, карманное воровство, судя по всему, чаще всего практиковалось летом. Осенью, когда в Москву во множестве приезжали крестьяне на телегах сбывать свою сельскохозяйственную продукцию, многие карманники переключались на кражи с повозок мешков с всякими крупами, кафтанов, тулупов и пр. А в зимний период учащалось воровство в банях,

которое могли совершать преступные группы, ранее занимавшиеся карманными кражами.

Все перечисленные виды преступлений против собственности, как правило, совершались организовано, группами «мошенников». Однако выявление таких групп затруднено тем, что почти все показания их участников предельно неконкретны. Преступники, как правило, признавались не в совершении конкретного воровства (тогда-то с такими-то товарищами украли такую-то вещь у такого-то человека), но в систематическом нарушении закона, при этом отдельные факты опускались. В качестве примера приведем фрагмент допроса тридцатилетнего «фабричного» Большого суконного двора Афанасия Андреева по прозвищу Столяр: «И тому ныне год он, Столярев, спознался той же фабрики с суконщиками Михайлой Жужлой, Иваном Куваевым, Иваном Матылем, Алексеем Васильевым Емелиным и на Каменном мосту, а по праздникам в крестное хождение, мошенничали и по ныне: в разныя времена вынимали у прохожих людей ис карманов платки и деньги, *а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит*, и оные платки продавали обще прохожим людям»⁴⁶³.

Сопоставление подобных заявлений с целью выявить стабильные преступные группы приводит к путанице, поскольку состав групп в различных показаниях практически никогда не повторяется. К примеру, в процитированном выше протоколе допроса «фабричного» Афанасия Столяра названы четыре сообщника: Михайла Жужла, Иван Кувай, Иван Мотыль и Алексей Емелин. Однако в заявлении Михайлы Жужлы фигурирует уже несколько иной состав преступной группы: «И тому ныне лет пять он, Михайла, стал мошенничать и мошенничал с товарищи Иваном Каином, Троицы-Сергиева монастыря крестьянином Савелеем Плохим, Большого суконного двора с Иваном Ивановым сыном Куваевым на Каменном мосту и в крестныя хождении вынимали у разных людей денги и платки...»⁴⁶⁴ В свою очередь, Иван Кувай на допросе в качестве сообщников назвал трех человек: уже известного нам Жужлу, крестьянского сына Ивана Голого и Афанасия Столяра. Самым разговор-

чивым и памятью оказался Иван Голый — он в числе сообщников перечислил уже 19 человек⁴⁶⁵.

При сопоставлении показаний выясняется, что почти все «мошенники» оказывались так или иначе связаны друг с другом, что подтверждает предположение, что практически все пойманные Каином профессиональные воры были членами единого преступного сообщества. Но неверно было бы представлять его как некую статичную конгрегацию преступников, организованных в стабильные группировки. Среди воров Москвы не было единоначалия, и они могли для совершения преступлений сколачивать компании в самых различных вариациях.

Материалы некоторых допросов отчетливо показывают, как отдельные московские «мошенники» объединялись в кратковременные группы. Зимой 1742 года на Красной площади Каин поймал двух школьников Московской гарнизонной школы — одиннадцатилетнего Степана Корчежникова и двенадцатилетнего Алексея Аникиева. Последний на допросе рассказал о событиях прошедшего дня: «И генваря 24 дня шел он, Алексей, ис показанной школы к Арбацким воротам к матери своей, и близ тех ворот ему, Алексею, попался той же школы школьник Степан Раманов, которого он звал в город для мошенничества — вынимать у деревенских мужиков ножи. И по тому зову он, Степан, с ним, Алексеем, и пошел. И, пришед близ Спасских ворот, у деревенских мужиков вынули два ножа, и в те поры увидел их по сему делу явшей доноситель Иван Каинов и, взяв их, привел в Сыскной приказ». Его «товарищ» на допросе подтвердил эти показания⁴⁶⁶. Как видно, ученики гарнизонной школы, несмотря на юный возраст, уже далеко не первый раз совершали подобные кражи, каждый из них был прекрасно осведомлен о деятельности другого на этом противозаконном поприще, а возможно, они и ранее действовали сообща. 24 января, случайно повстречавшись в городе, они решили объединить усилия. По всей видимости, большинство действовавших в Москве во времена Ваньки Каина групп «мошенников» представляли собой подобные случайные кратковременные образования, а не стабильные шайки.

Карманные кражи

Восемнадцатого августа 1743 года Иван Каин в толпе прохожих возле Москворецких ворот поймал воспитанника гарнизонной школы Алексея Адолимова «с поличным ножом да бритвой, которая без черена, которой в разных местах мошенничает». На допросе тринадцатилетний преступник признался: «...приносной с ним бритвой отрезывал у деревенских мужиков ножи в ножнах и прорезал у одного мужика мешок, вынул денег два алтына. А сколько он, Алексей, обрезывал и вынимал из кармана ножей, за множеством не упомнит, понеже мошенничает недель з десять. И оные ножи продавал на площади прохожим незнаемым людям»⁴⁶⁷. Видимо, подобным же инструментом в феврале 1742 года пользовался и двадцатилетний «фабричный» Федор Яблочкин, который «в роспросе и с подъему (на дыбе. — Е. А.) винился, что... в крестные хождении по праздником у разных женок с шубок срезывал серебряные пуговицы»⁴⁶⁸.

Техника кражи, которую использовали эти «мошенники», очень древняя. С незапамятных времен во многих странах, в том числе в России, основным видом преступлений в больших городах было срезание кошелеков, которые городские обыватели носили на поясах. Так, во Франции городских воров очень долго называли *coupeur de bourse* (дословно «срезающий кошелек»), в России же, как мы знаем, их коллег именовали «мошенниками» (от слова «мошна»). В XVIII веке в связи с распространением моды на костюм с карманами и, соответственно, прекращением ношения привязных кошельков эта воровская техника постепенно уходит в прошлое⁴⁶⁹.

В России же этот рудимент древнего воровского «ремесла» продолжал сохраняться, пока «деревенские мужики» продолжали приходить в город. Ведь петровские указы, предписывающие носить европейское платье и обувь, не распространялись на священников, крестьян и извозчиков⁴⁷⁰. Поэтому «мошенники» продолжали использовать эту древнюю технику воровства именно применительно к крестьянам, приходившим

в Москву в традиционном русском костюме и носившим на поясе ножи и кошельки.

Но все-таки наиболее распространенными во времена Ваньки Каина были карманные кражи. Хотя московских воров продолжали по старинке называть «мошенниками», к 30—40-м годам XVIII века они уже хорошо освоили новую технику воровства и даже, можно сказать, довели ее до высокой степени совершенства. Чтобы убедиться в этом, обратимся к следственным делам Сысского приказа.

Первого марта 1744 года, когда Каин в поиске «воров и мошенников» проходил по Ивановской площади, к нему подошел подпоручик Николай Васильевич Ханьков и рассказал о своей беде. По своим делам он пришел в Вотчинную коллегию, располагавшуюся в Кремле, и в толпе таких же просителей «у него, Николая, вынули мошенники» серебряную вызолоченную «доскань» (табакерку), не так давно купленную им «в овощном ряду у купца Ивана Петрова» за 20 рублей. Офицер просил: «ежели он, Каин, увидит на площади, как станут продавать доскань серебряную, чтоб он, Каин, поймав, объявил ему, Николаю».

Не теряя времени, сыщик отправился на располагавшийся между торговыми рядами «жемчужный перекресток» к знакомому торговцу выжигой Михаилу Никитину, и тот ему донес, что «сего числа продавал на площади подъяческой сын Иван Стрелков табакерку серебряную вызолоченную, токмо он, Никитин, не купил».

Подросток Иван Стрелков был хорошо знаком Каину. Он был сыном «подъячего» Московской полицмейстерской канцелярии Василия Петрова сына Стрелкова, который отдал его для обучения «словесному мастерству» пономарю Андрею Максимову. Но чиновничий отпрыск, «не хотя учитца», убежал и «на [Красной] площади, близ питейных погребов с веков у разных людей крал перстни и кресты медные... А потом... спознался на площади с мошенниками Варварской школы школьниками Сергеем Зотовым да с башмачниковым сыном Данилой Ечменевым и с ними мошенничал на площади и в разных рядах да в Вотчинной коллегии».

Сыщик отправился за Яузские ворота в приход церкви Николая Чудотворца «на Болванке», где Иван Стрелков проживал с родителями. Без труда найдя юного «мошенника» на улице возле дома, Каин схватил его «и спрашивал, что он, Стрелков, на площади, какую доскань серебряную продавал». Подросток, видимо, не на шутку перепуганный, признался, «что он, Стрелков, доскань серебряную вызолоченую вынял в Вотчинной коллегии с мошенником Данилой Ечменевым ис кармана незнаемо у какого афицера и продал, а кому, не сказал».

Шестого марта карманник, приведенный в Сыскной приказ, поведал на допросе, как недавно обворовал офицера: «Тому ныне шестой день, а именно в четверток, на Ивановской площади сошелся с товарищем Данилою Ечменевым, и с ним... ходили в Вотчинную коллегию для мошенничества. И в той коллегии оной Данила, усмотрев незнаемо какого афицера... вынул ис кармана кафтанного табакерку серебряную вызолоченную, и из нее нюхал табак, и положил в карман по-прежнему, и того афицера ему, Ивану, он, Данила, указал. И он, Иван, у того афицера ис кармана оную серебряную табакерку вынял и с тою табакеркою он, Иван, из Вотчинной коллегии ушел, а оной Данила остался в Вотчинной коллегии. И пришед он, Иван, на [Красную] площадь, тою табакерку продал... шапошнику Игнатью, взял один рубль дватцать копеек, а продал ему заведомо, что краденая, и оные деньги все исхарчил». Кроме того, на допросе Стрелков рассказал, что далеко не первый раз совершал подобные карманные кражи в Вотчинной коллегии. Так, «тому ныне месяца с три» он «в той Вотчинной коллегии... вынял незнаемо у какого афицера ис кафтанного кармана доскань медную с табаком, и вынув, ис той табакерки табак выкинул, и принес на [Красную] площадь, и тою табакерку... продал шапошнику Игнатью... которой торгует мужскими шапками в овощном ряду на ларях, взял двадцать копеек».

Четырнадцатого числа подканцелярист Сысского приказа Степан Молчанов с солдатами и подследственным Иваном Стрелковым был отправлен на поиски торговца, купившего у «мошенника» краденую табакерку.

На Красной площади в шапочном ряду «по указыванию» Ивана Стрелкова арестовали Игнатия Шапошникова, у которого в лавке нашлась и серебряная «доскань», вынутая из «кафтанного кармана» подпоручика Ханыкова. 33-летний оброчный дворцовый крестьянин Игнатий Сергеев сын Шапошников, который «торгует мужскими шапками на [Красной] площади в ларях от хозяина», на допросе признался: «...тому ныне шестой день оной Иван Стрелков... продал доскань серебряную вызолоченную, за которую дали денег один рубль дватцать копеек, ...заведомо, что вынута ис кармана незнаемо у какова человека, и она табакерка имелась у него, Игнатя, в ларе».

Спустя еще два дня подпоручик Николай Васильевич Ханыков в Сыскном приказе под расписку получил обратно свою украденную табакерку⁴⁷¹.

Это следственное дело подтверждает высокий уровень мастерства московских карманных воров во времена Ваньки Каина. Подпоручик Ханыков, находясь в толпе просителей в Вотчинной коллегии, и не заметил, как оказался объектом своеобразного соревнования в ловкости потерявших всякий страх «мошенников». Данила Ячменев вынул из кармана его кафтана табакерку, понюхал из нее табак и засунул табакерку обратно в карман, указав на нее своему подельнику. Иван Стрелков снова вынул табакерку, продемонстрировав приятелю, что нисколько не уступает ему в мастерстве. Офицер же обнаружил пропажу только в тот момент, когда захотел понюхать табак.

К сожалению, следственных дел, содержащих в себе столь подробные и яркие сведения о повседневной преступной деятельности московских карманников, не так много. Как уже говорилось, профессиональные воры круга Ивана Каина, как правило, делали признания общего характера, не давая описания конкретных краж. В качестве примера приведем показания 25-летнего «фабричного» Тихона Белого: «И тому ныне года с три он, Бобров, спознался по сему делу с приводными с матросом Денисом Ивановым, да с солдатом Тимофеем Васильевым, да со школьником Леонтием Юдиным, да Коломенского полку с солдатом Иваном Болшуновым,

которого не сыскано, да с боярским человеком Петром Ачкой и с ними мошенничал: в разных местах — в соборе и на площади и под горою — вынимал у господ и всякого чина у людей ис карманов платки и кошел[ь]ки, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит. А оные краденые платки продавали салдатской жене вдове Настасье, а чья дочь, не знает и где живет, не знает, которая торгует под горой»⁴⁷².

Редкие сведения о конкретных преступлениях карманников говорят о том, что кражи совершались небольшими группами из двух—пяти человек. Основным принципом деятельности таких преступных групп являлось распределение ролей при совершении преступлений и разделе добычи. Пятнадцатилетний школьник Алексей Елахов на допросе рассказал, что он, являясь членом группы «мошенников» (Иван Каин, Ларион Наговицын, Василий Терновский), занимавшейся карманными кражами в кремлевских соборах, сам из карманов ничего «не внимал», а только «стеснял народ, чтоб товарищем ево вынимать было способно». На допросах многие «мошенники», подобно ему, обращали внимание следствия на то, что при совершении преступлений они выполняли всего лишь побочные функции. Среди них 23-летний «фабричный» Иван Гусев, который показал, что он «тому с полгода... мошенничал и по ныне: ходя на площади и под горой с товарищи, Большаго суконного двора [фабричным] Тихоном Степановым сыном Бобровым, а других как зовут, не знает, токмо из салдат, всего шесть человек, вынимали оные ево товарищи всякого чина у людей ис карманов деньги и платки, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит, а он, Иван, сам не вынимывал, только ходил с ними вместе и брал пай»⁴⁷³.

О том, каким образом объединявшиеся в группы «мошенники» распределяли функции, поведал потерпевший, оброчный крестьянин Иван Котенок: «...ноября 16 дня 1744 году был он, Котенок, в городе для нужд своих, и зашел под гору (Васильевский спуск. — *Е. А.*) в пирожной ряд для еды пирогов, и за те пироги стал было давать из мешочка деньги». Но вдруг какой-то неизвестный, «вырвав тот кошелек з деньгами, и сдал не вем ко-

му, и от него ушел». Крестьянин, видимо, стал кричать, и одного из злоумышленников схватили. Им оказался «артиллерии гантлангер» Антон Филимонов. На допросе он в преступлении не сознался, утверждая, что «у того крестьянина денег не вырывал, а вырвал те деньги бывший тогда в том пирожном ряду матроз Иван Буханов» (хорошо известный нам Иван Харахорка)⁴⁷⁴.

Среди пойманных И. Каином «мошенников» было несколько военнослужащих, в том числе 26-летний драгун «Московского драгунского шквадрона» Тихон Петров по прозвищу Широкий. На допросе он признался: «...в нынешнем 741-м году с осени стал он мошенничать с товарищи, с [беглым] салдатом Тимофеем Чичовым, Коломенского полку с [беглым] салдатом Иваном Жегалой, и ходили в городе на площади и по сей привод, и под горой, оныя Чичов и Жегала вынимали всякого чина у людей ис карманов денги, а он, Тихон, ходил за ними, а сам не вынимывал, и те деньги делили они вместе». Можно предположить, что Петров подстраховывал преступников: в случае опасного для них развития ситуации он, как представитель власти, мог тут же вмешаться в конфликт и способствовать его разрешению в пользу «мошенников». Видимо, точно так же покровительствовал карманникам и солдат Сыскного приказа Иван Блинников, на допросе рассказавший: «...тому ныне года з два он, Блинников, спознался по сему делу с приводными Иваном Голым, Иваном Куваевым, и что они мошенники, ведал, а с ними не мошенничал, только когда они ему попадутца на дороге, брал с них по алтыну и по две копейки на вино, а в приказ их не привел простотою своей, и в той ево вине воля Ея Императорского Величества»⁴⁷⁵.

Если одни члены преступной группы выполняли вспомогательные функции, то другие делали главную работу — очищали карманы жертвы в публичном месте, на глазах у большого количества людей. Для этого требовались большое самообладание и ловкость движений, которые доводились до автоматизма. Очевидно, совершение такого рода краж без предварительного обучения и тренировки было невозможно.

Естественно, заниматься ими можно было не везде,

а в наиболее людных местах города. В показаниях «мошенников» чаще всего фигурируют кремлевские Успенский и Архангельский соборы, а также находившийся в Кремле Чудов монастырь. Об одной из краж, совершённой в воскресный день в Успенском соборе, на допросе рассказал Петр Ачка: «Да в нынешнем 741-м году после десятой пятницы спустя дня з два он, Петр, с товарищем Козмой Григорьевым сыном Легасом в Успенском соборе у приезжева человека вынули ис кармана часы серебряные с цепочкой». Кузьма Легас на допросе подтвердил это заявление⁴⁷⁶.

Шестого января 1742 года, в праздник Крещения Господня, Каин с солдатами «ходил для сыску воров и мошенников» в Чудов монастырь. Там, во время «ранней обедни, в поздний обеденной благовест, в церкви Алексея Митрополита» им были пойманы четыре преступника, которые «во оном монастыре и в протчих местах мошенничают». Это были 65-летний отставной «монетчик Денежного двора» Артемий Рудаков, сорокалетний отставной солдат Василий Вербицкий, семидесятилетний отставной солдат Петр Тулубьев и его ровесник Матвей Сухарев (его социальный статус неизвестен). Все они повинились в систематическом совершении карманных краж. Так, самый молодой из задержанных, Василий Вербицкий, согласно его заявлению, «тому ныне з год... стал мошенничать и ходил в Успенском соборе и в Архангельском и в Чудове монастыре и по празником в крестное хождение вынимал у господ и у приезжих людей и всякого чина у людей ис кармапов платки шелковые и бумажные, а во сколько поймов, того сказать не упомнит, и продавал разным прохожим людям». Петр Тулубьев признался, что в соборах «вынимал на проходе у разных людей платки крашенинные... и оные платки продавал прохожим людем»⁴⁷⁷.

Интересно, что все четверо во время богослужения «стояли вместе». Очевидно, они составляли одну преступную группу и собрались в храме вовсе не для молитвы, а в ожидании удобного момента для совершения очередной карманной кражи. Из показаний самих же карманников следует, что чаще всего таким удобным моментом был крестный ход после литургии. Почему в

этом соборе в тот день оказалось лишь четверо карманников, которые к тому же «стояли вместе»? Можно предположить, что между различными группами московских «мошенников» существовала некая договоренность о распределении «рабочих мест», ведь большая их концентрация в одном замкнутом пространстве была невыгодна и даже опасна для самих преступников.

Излюбленными местами преступного промысла московских карманников XVIII века были Красная площадь, Москворецкая улица (нынешний Васильевский спуск), а также торговые ряды с их перекрестками. Действительно, более удобную площадку для работы «мошенников» найти было трудно: там круглый год в течение всего дня «толкалось» множество народа. Это нашло отражение во многих документах, в том числе и в следственных делах Сыскного приказа. Например, в показаниях 48-летнего ямщика Ивана Кириллова сына Шестопрядова, проходившего свидетелем по одному из уголовных дел, находим следующую любопытную зарисовку:

«...как он извозничал в Москве, и минувшего июля месяца пред праздником Прохорова дня, а за сколько времени, не упомнит, нанялся он везти из города Китая от Воскресенских ворот под Девичей монастырь по сему делу содержащуюся женку Василису Венедихтову. И как он с той Венедихтовой из [Китай-]города поехал, то оная Венедихтова говорила ему, что де она приезжала в [Китай-]город для покупки соли, токмо де купить не могла, понеже *имеетца у саяных лавак великая теснота*».

Многие «мошенники» в своих признаниях называли Красную площадь и торговые ряды главными местами совершения карманных краж. Так, Михайла Голован на допросе признался, что он с «товарищами» «мошенничал, на [Красной] площади, и под горою, и на разных перекрестках вынимали у приезжих, и у посацких людей, и всякого чину у людей ис караманов платки и кошелки з денгами»⁴⁷⁸.

Кроме этого, в качестве мест преступлений карманников в показаниях часто упоминаются мосты (прежде всего Большой Каменный), на которых, по всей види-

мости, нередко наблюдалось столпотворение. Например, Иван Кувай признался, что с «товарищами» «на Каменном мосту... у разных людей вынимали деньги, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомянит». Как мы знаем, 1 ноября 1738 года на Косьюдемьяновском мосту «на рассвете дня» Иван Метла неудачно пытался вытащить платок из кармана спешившего на работу канцеляриста Ивана Шабловского⁴⁷⁹.

«Мошенники» пользовались также сутолокой на перевозах через Москву-реку. Так, 21-летний «фабричный» Петр Михайлов сын, «Губан он же», летом подрабатывал тем, что переправлял людей на лодке через Москву-реку. Вместе с ним ездил Ванька Каин, который «вынимал на пороме и в лотках у разных людей ис карманов платки и деньги»⁴⁸⁰.

«Заработок» карманников напрямую зависел от их квалификации. Городские обыватели носили с собой платки, кошельки, деньги, предметы роскоши (табакерки, часы), распределяя все эти вещи по карманам в зависимости от их ценности и частоты использования. Чем дороже была вещь, тем сложнее было преступнику незаметно ею завладеть. Поэтому наиболее частой добычей московских карманников в XVIII веке были платки, которые использовались обывателями постоянно и хранились в наиболее доступных для воров местах. Некоторые опытные воры сознательно нацеливались на кражу денег, табакерок и часов, не обращая внимания на платки. Так, Денис Криворот на допросе, кажется, даже обиделся, узнав, что «товарищи» оговорили его в краже из карманов платков. Он заявил, что брал из карманов только деньги, «а платков и протчаго он не вынимывал, а товарищи ево у кого платки ис карманов вынимали ль, не знает»⁴⁸¹.

Впрочем, платки были не такой уж малозначительной добычей. Солдатская жена Матрена Данилова, схваченная 30 декабря 1741 года на Красной площади по «указыванию» Каина, показала, что «она, Матрена, по сему делу у приводного Петра Ачки в два пойма купила два платка, за один дала три копейки, за другой пять копеек, заведомо, что краденые, и, купя, продала разного чина людям». Вдова «фабричного» Устинья Ивано-

ва, пойманная вместе с Матреной, поведала на допросе, что «на [Красной] площади купила по сему делу у доносителя Ивана Каинова да у приводного Петра Ачки... два платка, бумажной да крашенный, дала десять копеек, а купила заведомо, что краденая, и, купя, продала мимохожему салдату... взяла четыре алтына». Лавочный сиделец Тимофей Никитин, который в тот день был арестован также по команде «сыщика из воров», признался, что «у доносителя Ивана Каина купил платок, а какой цветом, того сказать не упомнит, ценой за пятнадцать копеек, не заведомо, что краденной... а что он, Каин, мошенник, он, Тимофей, ведал»⁴⁸².

Таким образом, стоимость краденого платка могла составлять от трех до 15 копеек. Если вспомнить, что многие «мошенники», будучи работниками московских мануфактур и воспитанниками Московской гарнизонной школы, получали всего по копейке на день, а другие и вовсе были безработными бродягами, то такая добыча не покажется бедной.

Кража кошельков и денег требовала более «тонкой» работы, была более рискованной, но и сулила значительно больший заработок. Размер добычи карманников, охотившихся за кошельками, исчислялся уже не в копейках, а в рублях. Так, 1 марта 1744 года Данила Ячменев «в Вотчинной коллегии незнаемо у какого человека вынул ис кармана деньги два рубли пятнатцать копеек»⁴⁸³, то есть всего за несколько часов вор «заработал» двухмесячную зарплату московского «фабричного».

Но самой желанной добычей для карманника были табакерки и карманные часы. Мода на их ношение, возникшая в странах Западной Европы, в 30—40-х годах XVIII века получила распространение и в России. Стоимость их была велика, но при их реализации на рынке краденых вещей цена существенно занижалась. Так, весной 1741 года Петр Ачка и Кузьма Легас продали украденные в Успенском соборе часы с серебряной цепочкой всего за пять рублей; Иван Стрелков сбыв на Красной площади серебряную табакерку подпоручика Ханькова за 1 рубль 20 копеек, хотя незадолго до этого она была приобретена владельцем в овощном ряду за 20 рублей⁴⁸⁴.

Кражи в банях

«В понедельник взято в Всехсвятской бане ввечеру 7 гривен. В четверг — 50 копеек и штаны васильковые. В Кузнецкой бане взято в четверг рубаха тафтана, штаны нижегородские, камзол китайчатой, крест серебряной. На Каменном мосту — 16 алтын. В субботу — штаны, кольцо, денег 1 рубль 20 копеек. Воскресенье — 1 рубль. В понедельник в Ямских [банях] взято 12 копеек, в городе 1 рубль 6 копеек... взято в Москворецкой [бане] 2 рубля 15 копеек... 10 рублей, в Ямских — 6 рублей 17 копеек»⁴⁸⁵.

Этот текст — уникальный «дневник» (или, скорее, «бухгалтерский отчет») вора за несколько дней. Его автор — уже хорошо известный нам беглый солдат и «мошенник» Алексей Соловьев. Как мы помним, во время ареста преступника 28 декабря 1741 года в печуре Китайгородской стены из его кармана вытащили написанное его рукой повинное доношение со списком московских воров, которое он собирался предъявить в Сыскном приказе, «токмо подать не успел». Под списком содержалась приведенная выше запись, которая, казалось бы, напрямую не относится к содержанию доношения. Но можно предположить, что Алексей Соловьев, намеревавшийся сдать властям и составивший с этой целью повинное доношение с реестром московских воров, начал готовиться к предстоящему допросу и восстановил в памяти несколько краж своей преступной группы.

Как бы то ни было, текст является уникальным свидетельством преступной деятельности компании московских воров в декабре 1741 года. Кто, кроме Алексея Соловьева, входил в нее, нам неизвестно. Но зато мы знаем, что из схваченных в конце декабря 1741 года «мошенников» в регулярном совершении краж в московских банях повинились семь человек: «фабричные» Иван Кувай, Афанасий Столяр, Кузьма Легас, Михайла Жужла, беглые солдаты Тимофей Чичов, Дмитрий Востряк и «праздноживущий» Иван Голый. Все они были включены Алексеем Соловьевым в его список московских преступников, а значит, могли принимать участие

в кражах, которые перечислены их решившим покаяться собратом.

В записи Соловьева фигурируют четыре торговые (общественные) бани: Всехсвятская (возле Большого Каменного, или Всехсвятского, моста), Москворецкая (возле одноименного моста), Кузнецкая (многие преступники говорили, что она располагалась «за Петровским кружалом») и в Тверской-Ямской слободе. Именно эти четыре бани чаще всего упоминаются в показаниях других московских «мошенников». Кроме того, «специалисты» по банным кражам на допросах называли другие места совершения преступлений: «в селе Покровском в торговых банях», «на Бабьем городке в торговых банях», «на Крымском броду в торговых банях», «за Покровскими вороты за Земляным городом в Хомутовских торговых банях», «на Пометном врашке в торговой бане», «за Мясницкими вороты за Земляным городом у Житного двора, что за Красными вороты», «близ Ямской Коломенской слободы на Проломе»⁴⁸⁶.

Из «дневника» мы видим, что воры «работали» в московских банях почти ежедневно, но при этом постоянно чередовали места краж: в один день они орудовали во Всехсвятской бане, в другой — в Кузнецкой, в третий — в Москворецкой, тогда же в торговых банях Тверской-Ямской слободы их ждала удача — была взята крупная добыча: шесть рублей 17 копеек.

Точно так же действовала другая группа московских воров, специализировавшаяся на кражах в банях, участники которой (Иван Яковлев сын Серков, Савелий Плохой, Гаврила Рыжий, Михайла Таракан, Андреян Болван) были пойманы Каином летом 1746 года. На «дело» они ходили «повседневно, кроме тех дней, в которые бань не топят», но места постоянно меняли. Например, осенью — зимой 1745-го они промышляли поочередно в бане «за Тверскими вороты у Триумфальных ворот в Земляном городе», «в Хомутовских торговых банях за Покровскими вороты за Земляным городом», «у Каменного мосту в Всехсвятских банях», в бане «на Крымском броду», в торговых банях «в Тверской-Ямской слободе» и т. д.⁴⁸⁷

Такие воровские компании, регулярно совершавшие преступления в московских банях, состояли из трех—

шести человек. Каждый из них играл свою роль, причем эти роли были неодинаковы по степени риска, поэтому члены группы исполняли их поочередно.

Нередко воры ходили на банные кражи в одной связке много лет, и за это время они становились настоящими виртуозами своего дела, достигая предельной четкости выполнения отдельных задач и слаженности работы всех звеньев. Один или два человека стояли «от банного двора поодаль», их задача заключалась в том, чтобы незаметно принять из рук «товарищей» краденое и уйти, а потом встретиться с ними в заранее назначенном месте. Например, когда в июне 1746 года в Всехсвятских банях Савелий Плохой в паре с Андреяном Болваном совершили кражу душегрейки, в карманах которой были деньги, серебряный крест и серебряные же запонки, Андреян «с того банного двора отдал» добычу поджидавшему их Михайле Таракану, который, «взяв то краденое, пошел к Алексеевской башне в лесной ряд, и он, Плохой, с показанными Андреяном Болваном с того банного двора пришли ко оному Таракану в лесной ряд, и те деньги розделили по себе». В другой раз кражу в торговой бане «за Мясницкими вороты за Земляным городом у Житного двора, что за Красными вороты», совершил тот же Савелий Плохой, а его сообщники Иван Яковлев сын Серков и Андреян Болван «от того банного двора стояли одаль»⁴⁸⁸.

Главную работу выполняли воры, которые отправлялись в баню непосредственно для кражи. Народу в банях всегда было много, и преступникам надо было правильно выбрать жертву. Они внимательно наблюдали за посетителями, которые раздевались и прятали в свою одежду деньги, кресты и драгоценности. В московские бани нередко приходили попариться приезжие купцы и торговые крестьяне, носившие с собой немалые суммы денег, с которыми боялись расстаться. Они пытались обмануть «мошенников»: зашивали вещи и деньги в шапки, засовывали их в рукавицы, заворачивали в рубахи, оставляли драгоценности в деревянных тазах-шайках с мыльной водой и т. д. Так, в декабре 1745 года перед праздником Рождества Христова один посетитель Всехсвятских бань у Каменного моста аккуратно зашил

крупную сумму денег (семь рублей 50 копеек) в шапку, которая и стала добычей «мошенников» Савелия Плохого, Гаврилы Рыжего, Андреяна Болвана, Ивана Яковлева и Михайлы Таракана. В декабре 1741-го в Тверских банях беглый солдат Дмитрий Востряк извлек крест и серебряный перстень из банной шайки с мыльной водой, в которую их положил осторожный владелец. Летом 1745 года посетитель торговых бань «за Москвой-рекой на Бабьем городке» лишился двух с половиной рублей, спрятанных в рукавицу⁴⁸⁹.

Как ни пытались посетители бань схоронить свои деньги и ценности, наблюдательные «мошенники» всё время были начеку — ведь они намеренно приходили в баню не отдыхать, а «работать». На первый взгляд в их поведении не было ничего необычного. Выбрав жертву, «мошенники» пристально наблюдали за ней. В определенный момент, когда «клиент» уже достаточно расслабился для того, чтобы потерять бдительность, один или два вора отвлекали его внимание: заводили дружескую беседу, приглашали вместе посидеть на улице или даже затевали ссору. В это время их приятель, воспользовавшись минутой, когда вещи оставались без присмотра, незаметно брал их и передавал поджидавшему на улице члену группы, который срочно удалялся и отправлялся в безопасное место ждать остальных.

Зимой 1745 года приехавший по каким-то делам в Москву крестьянин пришел в баню на Крымском броде. Попарившись, он имел неосторожность отлучиться, чтобы посидеть «под сараем». Возможно, с ним затеял душевную беседу один из «мошенников». Вернувшись, крестьянин обнаружил отсутствие серебряного креста и всех своих денег — двадцати алтын. Можно представить, как кручинился бедняга, когда обнаружил пропажу! Но всё же он ушел из бани в своей одежде и, главное, в штанах. Неизвестному посетителю бани у Тверских ворот повезло меньше: немного посидев после парения на улице, он не нашел на месте свои «белые порты», в карманах которых схоронил 20 алтын денег и серебряный складень*. Точно так же, выйдя посидеть «на дворе

* Складень — здесь: складная икона из нескольких (чаще всего двух или трех) створок.

под сараем», любитель попариться в Всехсвятских банях у Каменного моста лишился душегрейки с тремя с половиной рублями и драгоценностями: серебряными крестом и запонками⁴⁹⁰.

Из «дневника» Соловьева и показаний других воров, промышлявших в московских банях, следует, что их добычей являлись деньги, одежда (рубахи, штаны, порты, платья, камзолы, кафтаны), кресты и украшения (кольца, перстни, запонки). Их куш зависел от разных обстоятельств и мог составлять от нескольких копеек до нескольких рублей за каждое посещение. Самая крупная кража на памяти профессионального вора Савелия Плохого произошла осенью 1743 года в Тверских банях: «Да тому назад года с три он, Плохой, с вышереченным Гаврилой Рыжим, з беглым рекрутом Алексеем Матасом да с суконщиком Алексеем Емелею, Андреем Болваном, Иваном Яковлевым осенним временем в Тверской Ямской слободе в торговой бане у парильщика приезжаго человека ис платья ис кафтанного кармана украли денег семнадцать рублей, и те деньги розделили по себе»⁴⁹¹.

Украденные в банях вещи воры продавали, а «выручку» делили. Так, Михайла Жужла признался, что «он... с товарищи ходили по баням, а имянно в Тресвяцких, в Москворецких, в Кузнецких, в Тверских, и крали кафтаны и рубахи, и продавали разным прохожим людям». Иногда реализация краденого проходила организованно. Например, Иван Кувай утверждал, что ворованное платье продавал его «товарищ» Иван Голый, выдавая всем членам преступной группы «пай по гривне и по пяти копеек», то есть своего рода фиксированную зарплату⁴⁹².

Кражи с повозок

Воскресным днем 18 декабря 1748 года по заснеженным улицам Москвы крестьяне графа Бориса Ивановича Толстого на двух санях, покрытых рогожами, везли из деревни на московский двор господина на Калужской улице всякие съестные припасы к предстоящим

рождественским праздникам. Миновав Варварку, сани подъехали к Варварским воротам Китай-города. То ли возницы встретили здесь знакомого и остановились поговорить, то ли движение было настолько затруднено, что пробраться через массу повозок было не так просто, но подводы на какое-то время остановились, а внимание крестьян было чем-то отвлечено. В это время мимо как раз проходил доноситель Иван Каин, внимательно вглядывавшийся в толпу с целью обнаружения подозрительных людей. И тут он усмотрел «Варварской школы школьников четырех человек... у крестьян ножом складным обрезав веревки у возов, и из них таскают пожитки». Каин устремился в погоню за «мошенниками», но преодолеть столпотворение людей и повозок было не так просто. Донositелю удалось поймать только одного из юных похитителей, остальные подростки разбежались.

В руках у схваченного школьника оказались вытасщенные из саней пуховая подушка и завязанные в лубке запечатанный конверт и незапечатанное письмо. Если бы Ванька Каин был грамотным, он смог бы прочесть надпись на конверте: «Государю Борису Ивановичу Его Высокородию Толстому. В Москве спрашивать двор под Донским монастырем на Калужской улице». Письмо же было адресовано служителю московского дома Толстого Ивану Посникову. Его жена Ирина писала из деревни: «Другу моему Ивану Микитичу. Желаю тебе з[д]ра[в]-с[т]вовать на многия лета. А об нас похощешь ведать, и я при отправлении сего письма, слава Богу, и с матушкой, и с Мишой в добром здравье, а впредь уповаю на Бога. Пиши, свет мой, о своем здоровье, чему весьма порадуясь. Да приказал тебе поклонитца Иван Гордеич. Иного писать не имею, и остаюсь жена твоя Ирина Посникова».

Иван Каин привел «мошенника» вместе с украденными подушкой и письмами в Сыскной приказ. Преступником оказался воспитанник Московской гарнизонной школы семнадцатилетний Никифор Селиванов. На допросе он рассказал о своей судьбе, типичной для солдатских детей. Его отец, солдат Сибирского пехотного полка, умер «в давних годах», а он «остался в малых летех и жил в Москве у тетки своей двоюродной у сал-

датки Катерины Васильевой», которая и записала его в Варварскую школу. Своих «товарищей» Никифор выдавать не стал и всю ответственность за совершение кражи взял на себя: «...сего декабря 18 дня, то есть в воскресенье, ис той школы один он, Никифор, пошел после поздних обеден для гуляния за Варварские ворота, и как шел в тех воротах, усмотрел он, Никифор, едущих в тех воротах незнаемо чьего помещика крестьян на дву подводах в санях пошевнях*, которые покрыты рогожами, а веревками были не завязаны, и в задних санях усмотрел он, Никифор, лежат подушки, и с тех саней кражею взял пять подушек, и с тех подушек на трех наволоки полосатые, на двух белые, да промеж оных подушек завязаны в лубке письма, и взяв те подушки и письма, пошел он под Варварской мост... А оные де подушки и письма подлинно украл он один, а с ним во время той кражи товарищей трех человек и никого не было»⁴⁹³.

Такого рода кражи в Москве XVIII века были обычным явлением. Преступники особенно активизировали свою деятельность на этом поприще в дни, когда в город съезжалось множество крестьянских повозок из окрестных сел, в частности перед рождественскими праздниками. Так, 21-летний вор «фабричный» Алексей Майдан в феврале 1742 года «винился в мошенничестве... у Мытного двора, когда приезжают к Рождеству с мясами, и он... с товарищи у тех приезжих крали с возов свиная туши, и гусей, и поросят, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит, и продавали разным людям». Другой «страдной порой» для воров было осеннее время: в Москву из близлежащих сел и деревень крестьяне везли для сбыта сельскохозяйственную продукцию. 27-летний Михайла Сопляк «винился в мошенничестве с прошлого 741 году с праздника Донския Богородицы и по сей привод: на Болоте и в Садовниках крал у проезжих деревенских мужиков с возов мешки с овсом и с рожью, и с хлебами печеными, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит». «Фабричный» Кондратий Безрукий на допросе 29 декабря 1741 года признался: «...тому ныне с полгода... с су-

* Пошевни — широкие сани, обшитые лубом или тесом.

конщиком Иваном Диким на Москве-реке у проезжих мужиков в разные дни крали с возов в мешках овес, и муку, и крупы, и шубы, и кафтаны... и продавали оное в разных местах разным деревенским мужикам». Степан Жижин тогда же показал, что он «тому ныне с полгода... знался с мошенниками с солдацким сыном Максимом Родионовым да Большого суконного двора с суконщиком Федором Антиповым и с ними он, Жижин, мошенничел: по Москве-реке и на Таганке крали у проезжих деревенских мужиков с возов в мешках овес, муку и крупы... и продавали в Москве в разных местех извощиком, а кому имянно, не знает, а про то, что оное крали с возов у проезжих мужиков, про то им не сказывали»⁴⁹⁴.

Кражи с повозок так же, как карманные кражи и воровство в торговых банях, чаще всего совершали группы профессиональных преступников в составе двух—четырёх человек: один отвлекал внимание жертвы, другой залезал на телегу или сани, перерезал ремни и сбрасывал поклажу, третий хватал краденое и убегал. Правда, некоторые «мошенники» достигали такого мастерства, что все эти операции проделывали в одиночку. Так, к примеру, «работал» беглый солдат Иван Харахорка зимой 1744 года в районе Яузских ворот и Яузского моста⁴⁹⁵.

Чаще всего кражи с телег, колясок и саней случались там, где движение было затруднено: в проездах около ворот Китай-города и Белого города. Выше уже шла речь о том, как воспитанники гарнизонной школы таскали вещи с повозок неподалеку от учебного заведения, возле Варварских ворот, а Иван Харахорка промышлял у Яузских ворот. 31 августа 1745 года доноситель Каин «близ Покровских ворот усмотрел... беглых салдата Василья Шапошникова и школьника Николая Котенева, которые в то время у проезжих людей с возу сняли кафтан серой». «Мошенники» были пойманы и на допросах в Сыскном приказе признались в совершении кражи. Шапошников показал, что «за Покровскими вороты у мимоедущаго крестьянина ис телеги украл... кафтан серой крестьянской да мешочек, в котором было хлеб с солью»⁴⁹⁶.

Удобными местами для совершения краж с повозок

были также мосты. В октябре 1741 года в Сысской приказ из полиции привели «фабричного» Авраама Степанова сына Звезду «для следствия с подлинным делом в обрезании проездом на дороге им... на Каменном мосту скрыни* деревянной из-за коляски, при которой имелось три кулька да мешок с пожитками Вятского драгунского полку поручика Матвея Чертова». Как следует из показаний десятских, стоявших «на карауле у рогатки на Кузмодемьяновской улице близ фартины», «после обеда» мимо них проехал в коляске поручик, а мгновение спустя они услышали крики разных людей, «что де позади коляски ево обрезал оной приводной в полицию деревянную скрынку, три кулька да мешек». Одновременно мимо их поста поспешно прошел подозреваемый, таща деревянную скрынку и кульки. Когда караульные попытались его остановить, он «тою скрынью, кульки и мешок бросил было за мост в воду». Вещи из реки достали и вместе со злоумышленником отправили в Московскую полицмейстерскую канцелярию⁴⁹⁷.

Яузский мост облюбовал наш старый знакомый Иван Харахорка. На допросе в Сысском приказе он рассказал об одной из совершённых здесь краж: «...в прошлом 744-м году перед праздником Рождества Христова в сочельник... ходил он, Иван, на Яуской мост, чтоб у проезжих людей из возов красть что ни на есть, и в то время вечеру из-за Яуских ворот по Яускому мосту ехал в Таганку незнаемо какого чину в санях на одной лошади, и он, Иван, у того человека сзади из саней взял кражей войлок белой овечий, подушку полупуховую да три рубашки тонкие с манжеты, два галстука»⁴⁹⁸.

Для преступников, специализировавшихся на кражах с повозок, интерес представляли главным образом перевозимые в них всякого рода крупногабаритные предметы: подголовки, мешки, сундуки и пр. Переноска краденого на большие расстояния была невозможна, поскольку могла вызвать подозрения окружающих. Поэтому довольно часто «мошенники» совершали такие преступления вблизи от своего жилища. Воспитанники Московской гарнизонной школы, стащив вещи с теле-

* Скрыня — здесь: короб, сундук, укладка.

ги, коляски или саней у Варварских ворот, прятали их либо в школе, либо под Варварским мостом. Иван Хархорка неспроста предпочитал «облегчать» повозки на Яузском мосту и близлежащих улицах — он проживал за Яузскими воротами в приходе церкви Симеона Столпника у «фабричного» Леонтия Михайлова, снимавшего угол на дворе капрала Семена Любавского. Степан Жижин и его сообщники, воровавшие на Таганке с телег деревенских мужиков мешки с мукой и крупами, обитали в то время «в Таганке в Пустой улице в приходе церкви Воскресения Христова... у полотнянщика Якова Степанова без поручной записи». Беглый солдат Василий Шапошников и школьник Николай Котенев, совершавшие кражи с повозок у Покровских ворот, жили «близ Покровских ворот в печуре». Другой беглый солдат, Максим Попов, осенью 1745 года с «товарищами» снимавший вещи с повозок «за Яузскими вороты в Таганке», ютился «в той Таганке на берегу в шалаше»⁴⁹⁹.

Добыча «мошенников», совершавших кражи с транспортных средств, могла быть самой различной. Так, посадский человек Максим Клест с «товарищами» осенью 1741 года «в Таганке у проезжих незнаемо какова чина у людей с возу украл два кавтана серых, и один кавтан он, Максим, продал по сему делу приводному слепому Андрею Федулову, взял двадцать пять копеек, а продал ему заведомо, что краденое, а другой кавтан продал... табашнику Ивану Андрееву, взял десять алтын, а продал заведомо, что краденое»⁵⁰⁰. Таким образом, доход Клеста от этой кражи после сбыта вещей составил 55 копеек — сумму немалую, превышавшую размер месячной зарплаты «фабричного».

Но другие «мошенники», охотившиеся за поклажей саней, колясок и карет, в которых проезжали знатные господа, могли рассчитывать на более существенную добычу. Так, в 1741 году служитель вдовы-подполковницы Марии Федоровны Загряжской подал в Московскую полицмейстерскую канцелярию челобитье, в котором заявил: «...октября ж де 3 дня ехал он за госпожой своей на Каменном мосту, и на том де мосту воровские люди обрезали из-за коляски ларец с платьем, в котором имелось того разного платья по цене на тритцать

семь рублей на девяносто копеек». В декабре того же года явочное челобитье подал канцелярист Сыскаго приказа Нефед Попов «о краже у него из саней воровскими людьми шубы суконной лазоревого цвета на волчьем меху ценою в десять рублей»⁵⁰¹. Конечно, при сбыте краденого стоимость вещей падала в несколько раз, но всё же составляла несколько рублей.

Грабежи на улицах Москвы

Десятого декабря 1743 года в дом к доносителю Ивану Каину пришел один московский купец и рассказал, что три дня назад поздним вечером его ограбили — отняли 30 рублей. Жертве удалось каким-то образом установить имена грабителей: это были «фабричные» Большого суконного двора Данила Беляцкий и Александр Хахулин, а также посадский Красносельской слободы Дмитрий Кутилин. Пострадавший просил Каина отыскать обидчиков, пообещав за это отблагодарить. Названные купцом лица были хорошо знакомы доносителю, и он без труда поймал их и привел в Сыскаго приказ. На допросах все трое признались в содеянном. Из их показаний вырисовывается следующая картина происшествия.

Седьмого декабря 1743 года приятели до позднего вечера сидели в кабаке, расположенном в Зарядье (в народе его называли «кружало, что словет в Зарядье»). Беляцкий пропил две копейки, а Кутилин — копейку; Хахулин, вероятно, гулял за счет собутыльников. Когда стаканы опустели, а денег больше не было, компания отправилась в город «для гуляния». Несложно догадаться, каковы были истинные намерения, с которыми вышли эти молодые люди на темные московские улицы, и можно предположить, что делали они это далеко не в первый раз. Кстати, один из них, Данила Беляцкий, был включен Иваном Каином в его реестр тридцати трех московских «мошенников», регулярно совершавших в Москве кражи и грабежи.

На этот раз долго искать жертву им не пришлось. Когда злоумышленники немного прошли по Варварке,

мимо них проехал извозчик и остановился возле кабака. Из саней вылез «весьма пьяный» человек, «по-видимому посадский», за пазухой у которого Беляцкий приметил плотно набитый холстинный мешочек, в каких московские обыватели носили деньги. Трое приятелей поспешили к «клиенту» и без труда вынули у него из-за пазухи мешочек, в котором приятно позвякивали монеты. Преступники поспешили с добычей на Лубянку под мост, где они знали укромное место — старый заброшенный струг, и там «онье деньги сочли, которых явилось рублевых монет тридцать один рубль, и онье деньги они трое разделили»⁵⁰².

Описанный эпизод хорошо отражает характер данного вида преступлений. Злоумышленники собирались маленькими группами, из двух—четырёх человек, ждали наступления позднего вечера в кабаке или бане и отправлялись на поиски добычи. Так, 4 марта 1742 года беглый школьник Сергей Зотов и беглый солдат Иван Нифонтов, просидев в бане «близ Яузских ворот» весь вечер, ночью «пришли за Язуз в улицу, что словоет Тетерина». По ней «шел им на встречу незнаемо которой слободы посацкой человек», который и был ими ограблен⁵⁰³.

Жертвами ночных грабителей, как правило, становились подгулявшие московские обыватели. В такой роли чаще всего оказывались посадские и чиновники. К примеру, архивариус Сыскного приказа Нефед Попов в субботний вечер 4 февраля 1746 года засиделся «часу до пятого ночи» в гостях «в доме соседа своего купецкого человека Ивана Фирсова» близ церкви Николая Чудотворца в Хамовниках. Когда же чиновник навеселе возвращался в свой дом, расположенный на другой стороне улицы, он подвергся нападению «воровских людей»⁵⁰⁴.

Не случайно грабители активизировались в выходные и праздничные дни, а частым местом совершения грабежей были ближайшие окрестности кабаков. Пойманный Каином 31 декабря 1741 года дворовый Семен Кадия на допросе рассказал об одном ночном грабеже с его участием, совершённом за несколько дней до его ареста: «...и в нынешнем 741-м году перед Рождеством

Христовым за неделю он, Семен, от одного помещика своего приходил в город для покупки на Мытном дворе мяса, и с того Мытного двора он, Семен, ходил за Москву-реку, близ церкви Георгия, что в Ендове, на кабак для питья вина, и у того кабака сошлись с ним Журавлевой фабрики Петр Волков, Алексей Майдан, Большого суконного двора Матвей Цыганов, Парусной фабрики матрос Осип Силин... И в то время в вечеру шел мимо их незнаемо какой пьяной, и он, Семен, с показанными товарыщи с того человека взяли грабежом шапку, да варежки, да рукавицы новые»⁵⁰⁵.

Нападение, как правило, сопровождалось физическим насилием, целью которого было лишение жертвы возможности сопротивляться. Так, канцелярист Духовной консистории Иван Яковлев в Сыскном приказе рассказал: «...сего 1746 году марта против 5 числа в час ночи шел я из оной консистории в дом свой, и как буду против кузниц, что на Болоте х Конной плащатке, напали на меня воровские люди три человека, били меня и увечили смертными побою, и глаза снегом мне засыпали». Вышеупомянутого архивариуса Сыскного приказа Нефёда Попова трое преступников «били смертно кулачем, також и топунками», а затем приставили к его горлу нож, оставивший рану «длиною на вершок»⁵⁰⁶.

Добычей грабителей становилось содержимое карманов жертв, а также некоторые предметы их гардероба. 18 декабря 1743 года купец 2-й гильдии Тимофей Михайлов сын Точильщиков, возвращавшийся домой за Покровские ворота, подвергся нападению четырех человек. Вору «взяли грабежом кафтан суконной синий, в котором имелось в кармане в мешечке денег пять рублей, да дворовая купчая крепость, да из Московской губернской канцелярии данной указ по желательной скаске на недействительного церковника пономарского сына Якова Васильева, да записная долговая книшка, кафтану цена пять рублей, да сорвали шапку суконную зеленую с черной бархатной овчиной, в ней платок шелковой — цена шапке и платку три рубли, и оные люди, пограбя, ушли». Канцелярист Духовной консистории Иван Яковлев рассказал, что ночью 5 марта 1746 года грабители с него «сняли епанчу суконную темно-

лимонную на лисьем хрептовом меху, пуговицы на той епанче по обе стороны гарусные — цена осмнатцать рублей с полтиной, да ис кармана выняли плат шелковый — цена рубль дватцать копеек, и ис штанов ис карманов выняли в мешечке холщевом денег серебряных полтора рубли десяти копеек, два рублевика да ключ — цена шесть денег»⁵⁰⁷.

Во времена Ваньки Каина московские грабители настолько обнаглели, что совершали нападения не только по ночам, но также по вечерам и даже среди бела дня. Так, «фабричный» Матвей Тарыгин, пойманный Каином ночью 28 декабря 1741 года в воровском притоне на Москворецкой улице, на допросе признался, что недавно ограбил «в вечерний благовест»* некоего «прохожего пьяного человека» возле Москворецких ворот, в одном из самых людных мест Москвы!⁵⁰⁸ Зимним днем 1749 года возле Арбатских ворот при полном равнодушии прохожих и местных лавочных сидельцев был ограблен личный камердинер великого князя Петра Федоровича, будущего императора Петра III. Этот случай послужил основанием для именного указа Елизаветы Петровны от 13 февраля того же года:

«Ея Императорскому Величеству известно учинилось, что в Москве от людей господских чинятся великие своеволия — не только ночью, но и днем проезжих бьют и грабят, что и недавно случилось комнаты Его Императорского Высочества государя Великого князя камердинера Степана Карповича: в самых Арбатских воротах незнаемо чей лакей, выскоча из-за угла, бил кулаками и дубиной, и рвал с плеч епанчу, которой хотя отнять не удалось, однако сорвав с шеи платок и из кармана с деньгами кошелек, ушел, что тутошние лавочники и проезжие видели, а вспоможения ему никакого не учинили, хотя же он, Карпович, и караул кричал... Того ради Ея Императорское Величество указала... чтоб впредь такие своевольства пресечены были... во всей Москве публиковать, а обывателям с подписками объявить, ежели где таковые наглости от кого произойдут днем и ночью, то находящимся в тех местах обывателям и

* В России вседневная (то есть не праздничная) вечерня начиналась обычно в три-четыре часа пополудни зимой и в пять часов летом.

проезжим людям, при ком то случится, тех озорников ловить и до убийства, и драки, и грабежа не допускать, а имая, под караул отдавать на съезжие дворы и в Главную полицию. Буде же оные такого защищения чинить не будут, самих брать под караул и штрафовать по указам без всякого упущения»⁵⁰⁹.

Возымел ли этот указ какое-либо действие на московских грабителей, а также на свидетелей их преступлений, сказать сложно. Но сам эпизод ограбления днем в оживленном месте личного камердинера великого князя и факт появления именного указа императрицы, часто приезжавшей со своим двором в Москву, красноречиво свидетельствуют о крайне низком уровне защищенности московских обывателей от грабителей.

Домовые кражи

Двадцать второго января 1742 года в Московскую полицмейстерскую канцелярию была подана челобитная жены капитана Ивана Гаврилова сына Оловянного Анна Семеновна дочери: «...двор наш имеетца за Москвою-рекою в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Пыжове. И сего генваря против 21 числа в ночи незнаемо какие воровские люди покрали в том доме из кладовой светлицы всякие пожитки и святые иконы, платья, посуду серебряную, медную и оловянную, а что чего порознь покрадено, о том по усмотрению их подано будет от них прошение впредь, а ныне вскорости того всего именно объявить невозможно»⁵¹⁰.

Вскоре главные участники этой кражи — монастырский крестьянин Афанасий Шаров, беглый солдат Алексей Лебедев и беглый рекрут Тимофей Коршунов — были схвачены доносителем Иваном Каином и на допросах признались в совершении множества аналогичных преступлений. О краже в доме капитана Оловянного они рассказали в деталях.

Всё началось со встречи профессиональных воров Шарова, Лебедева и Коршунова на Полянке в кабаке, который в народе назывался «на Голиках». Они выпили

по чарке вина и стали обсуждать свои преступные планы. Шаров рассказал приятелям, «что де он усмотрел за Москвою-рекою в приходе церкви Николая Чудотворца, что словет в Пыжеве, за Кузнецами в переулке двор... в котором... имеется пожитков многое число».

Пропустив еще по чарке, приятели втроем отправились «к вышеописанным хоромам», где внимательно осмотрели место будущего преступления. Сам двор находился на Большой Ордынке, а помещение кладовой палаты выходило окнами в безлюдный переулок, и его окна, хотя и были закрыты ставнями, располагались низко, на уровне человеческого роста. Идеальные условия для совершения кражи!

Злоумышленники решили не откладывать дело в долгий ящик и в тот же вечер стали готовиться к предстоящей краже. Они пригласили для участия в ней еще троих «мошенников» — бежавшего из ссылки Матвея Корнеева, «фабричного» Тимофея Иванова и Данилу Степанова. Дождаться ночи решили у Лебедева, который нелегально снимал угол совсем близко от места преступления — в приходе церкви Живоначальной Троицы, что в Вешняках.

С наступлением глубокой ночи, выпив еще немного для храбрости, шестеро преступников вооружились двумя ножами и отправились к Большой Ордынке, освещая себе дорогу фонарем, «в котором была с огнем свеча». Двое остались караулить в переулке, а четверо нырнули к окнам «светлицы» с закрытыми ставнями. Афанасий Шаров мастерски «в середине ставня ножом прорезал скважину и в тою скважину рукою... у того окошка отпер запирку, и оной ставень растворили, и... подняли половину окончины». В помещение залезли двое «мошенников» с фонарем, а двое других остались ждать снаружи возле открытого окна. Помешкав некоторое время, злоумышленники стали передавать сообщникам через окно оловянную и медную посуду, всякую одежду, образа с золотыми и серебряными окладами и пр.⁵¹¹

Капитану Оловянникову и его супруге повезло: похитители их имущества вскоре оказались за решеткой, а многие украденные вещи были быстро найдены и возвращены. Десятки же других московских обывателей,

ставшие жертвами московских воров, специализировавшихся на домовых кражах, тщетно ждали возвращения своего похищенного имущества.

Так, 7 января того же года в Сыскной приказ подал челобитную Сидор Иванов сын Лашин, служитель мичмана морского флота Ивана Григорьевича Бутурлина: «...сего генваря 5 числа нынешнего 1742 году в ночи с московского помещика ево двора, которой имеетца за Пречистинскими вороты в Земляном городе в приходе церкви Пресвятые Богородицы, что в Остожье, покрадено воровскими неизвестными людьми помещика ево разных пожитков, а именно часы стенные медные небольшие с гирями цена двенадцать рублей...» и пр. 12 января в Московской полицмейстерской канцелярии бил челом служитель действительного статского советника Ивана Антоновича Черкасова: «...сего генваря против 9 числа в ночи из дому оного господина ево неизвестно какие воровские люди, выломав у сеней окошко, покрали коробку, в которой было денег и прочих пожитков, а именно: денег двадцать рублей, колечко золотое цена три рубля, четыре перстня серебряные, в том числе один с печаткой гладкой, другой с сердоликом гладким, третий вызолочен с камнем лазоревым по сторонам жемчужины, четвертый с камнем малиновым цена три рубли, серьги серебряные и изумрудные по сторонам по две жемчужены цена два рубли...» и пр. 16-го числа в той же Московской полицмейстерской канцелярии жаловался оброчный крестьянин Александр Герасимов: «...жителство я имею за Яузой-рекой в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Ямах, своим двором, возле которого ево двора имеетца лавка ево, в которой производитца всякой мелочной торг. И сего генваря против 8 числа воровские люди с улицы, выломав у той лавки доски, покрали, а что чего покрадено, о том сообщаю реестр»⁵¹² и т. д.

По переписным книгам 1737—1745 годов в Москве числилось 12 525 дворов. Почти все частные владения были обнесены заборами и состояли из нескольких помещений — жилых палат и светлиц, кладовых, выходящих на улицу торговых лавок и пр. Некоторые московские дворы, принадлежавшие «знатным госпо-

дам», представляли собой крупные усадьбы. В Китай-городе в переписной книге 1742 года значился 171 двор, владельцами большинства из них являлись церковнослужители, купцы и мелкие чиновники. Но более половины общей площади китайгородских дворовых мест приходилось на 27 дворов высшей родовой и чиновной знати — начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова, князя М. В. Долгорукова, графа Г. П. Чернышева, князя Н. А. Голицына, графини М. И. Скавронской, князя К. Д. Кантемира и др.⁵¹³ Такие богатые владения, густо населенные дворовыми, включали в себя комплекс строений: каменные господские палаты, деревянные светлицы дворовых, каретные сараи, конюшни, кладовые помещения и пр. В них хранилось множество имущества — наличные деньги, украшения, посуда, дорогое платье, мебель и пр.

Из всех видов краж, совершавшихся профессиональными ворами в Москве, именно домовые кражи приносили им наибольшую выгоду. Например, в августе 1741 года преступная группа в составе «фабричных» Алексея Журки, Сергея Рудакова и беглого рекрута Петра Афанасьева совершила кражу в доме секретаря Московской губернской канцелярии Антипа Григорьева сына Чубарова в приходе церкви Иоанна Предтечи в Кречетниках. Каменные палаты одним окном выходили в темный переулочек. Под покровом ночи, подставив к этому окну бревно, злоумышленники проникли в помещение. В одной из комнат они обнаружили «холмогорскую шкатулку», которую поспешили спустить через окно своим сообщникам, «привязав ее кушаком». Когда воры «разбили белым камнем» эту шкатулку, они ахнули — чего там только не было: большой мешок с рублевыми монетами, несколько ниток жемчуга, серебряные ложки, серебряная чернильница, золотой перстень «с красным камнем», «перстень сердечком с камнем лазоревым», серебряные серьги с алмазами, золотые серьги с яхонтами, золотая цепочка, несколько серебряных табакерок с камнями и т. д. Драгоценностей было так много, что преступники, нетерпеливо перебирая содержимое сундучка, стали выкидывать предметы, которые, как им казалось, представляли наименьшую ценность. Так, перо-

чинный нож с серебряным черенком Петр Афанасьев «бросил незнамо куда». Попавшуюся при разборе вещей «сетку серебряную» воры бросили «незнамо в чей огород», а мгновение спустя в тот же огород полетел «веер флеровой* вишневой».

Для раздела добычи похитители пришли «в Таганку за Новинский монастырь к Москве-реке незнамо на чей огород». Сергей Рудаков расстелил на земле свой кафтан, на который преступники высыпали деньги, хранившиеся в шкатулке разложенными по мешочкам. При пересчете там оказалось 800 рублевых монет и 80 «российских и иностранных червонцев»!¹⁴

Правда, не каждый раз московским вора́м сопутствовала такая удача. Забираясь по ночам в дома обывателей, подвергая себя риску, они часто вынуждены были довольствоваться очень немногим или вовсе уходить ни с чем. В июле 1741 года беглый дворовый Василий Озеров, а также беглые солдаты Василий Шорников и Гаврила Полетаев, решившие забраться во двор сенатора графа Г. П. Чернышева, расположенный в Китай-городе между Ипатьевским переулком и проездом вдоль Китайгородской стены (кстати говоря, недалеко от двора П. Д. Филатьева, где некогда проживал его крепостной Ванька Каин), явно рассчитывали на большую добычу. Вечером злоумышленники влезли на Китайгородскую стену, откуда наблюдали, как постепенно замирала жизнь в густонаселенном дворе сенатора. Глубокой ночью, когда во всех окнах уже давно погасли огни, они спустились со стены и подошли к ограде. Каменные палаты Чернышева с одной стороны окнами выходили непосредственно на проезд вдоль Китайгородской стены. Через эти-то окна воры и планировали проникнуть в дом, тем более что, на их счастье, одно окно этой летней ночью осталось незапертым. Озеров, встав на плечи Шорникову, через это окно без труда забрался в помещение. Но здесь преступника ждало разочарование:

* Флер — тонкая прозрачная ткань из невареного шелка, скрученного в две нитки, причем в основе нити правой и левой крутки чередуются через одну, а в утке через две. Обработка ткани путем пропуска между двумя горячими цилиндрами придает ей характерную жесткость.

он оказался в одном из подсобных строений, где никаких драгоценностей и денежных сбережений не обнаружил. Василий Озеров передал через окно своим общникам всего лишь «двадцать тарелок оловянных, четыре блюда оловянных, епанчу темносеро немецкую, да в штофе незнаемо какое питье, которое они покинули у башни в крапиве»⁵¹⁵.

Удачная домовая кража чаще всего была следствием длительных приготовлений: тщательного выбора объекта, внимательного и терпеливого изучения ритма жизни двора, разработки плана преступления и подготовки необходимых для его совершения инструментов. В «Автобиографии» Ваньки Каина описано несколько случаев домовых краж из его воровской практики тех времен, когда он еще не превратился в сыщика. Вот, например, рассказ о том, как воры обчистили дом генерал-майора А. Д. Татищева в Китай-городе: «Я после оного на четвертой день пришел на двор Татищева, которой был в ряд с помещиковым (бывшего хозяина Каина П. Д. Филатьева. — Е. А.), перекинув в огород курицу, стал у ворот стучаться, вышед тогда Татищева дворник, которого я просил, чтоб он впустил меня в огород ево для поимки залетевшей моей курицы, почему впущен был в тот огород, где будучи, высматривал у... кладовых палатах, в окнах решетку и затворы, которая была стеною в тот огород, чтоб можно было в те кладовые влезть. И, высмотря, пришел к товарищам своим, которые 5 человек дожидались меня у Белого города, близ Ильинских ворот, где, дождався ночи, пришли в тот Татищева огород, отломав ломом железным у кладовой во окне затвор, вложив в решетку небольшое бревно, выломали, и в то разломанное окно влезши, усмотрели несколько сундуков, из которых некоторые тронули обухами; имеющиеся в тех сундуках деньги, серебряную посуду и шкатулку обитую бархатом взяли...»⁵¹⁶

Преступники всякий раз тщательно готовились к предстоящей домовой краже — почти всегда они приходили на место преступления с инструментами, необходимыми для проникновения в дом. Как мы помним, Афанасий Шаров открыл оконную ставню в доме капитана Оловянного, мастерски орудуя ножом. Алексей

Журка, Василий Шорников, Тимофей Шейдяков, Гаврила Полетаев и Василий Озеров, весной 1741 года обчистившие дом купца Василия Расторгуева, предварительно спрятали возле его двора в огороде за Покровскими воротами два больших шеста, а ночью пришли на место преступления с большой веревкой. Достав шесты, преступники их связали, «и по тем шестам в слуховое окошко влез товарищ их Гаврила Полетаев, и тем окошком выбросил к ним белых рубах мужских и женских самых тонких тридцать одну, простыню холщевую с подзором, три косынки тонких, юбку детскую штофную коричневую, шапочку бархатную черную с сеткою серебряною... шубу детскую камчатую на заячьем меху... и тем же окошком оной Полетаев по означенным шестам спустился к ним на улицу»⁵¹⁷.

Летом того же года воры Иван Каин, Сергей Чижик, Алексей Сухоруков и Максим Боровков пришли на Пятницкую улицу, вооружившись буравом. Максим Боровков «влез на калашную избу на кровлю, и тем буравом проломал кровлю, и влез на наиступок, а с наиступка сошел в сени, и с сеней вошел в ызбу, и искал, что украсть, а товарищи Каин и Чижик и Артемьев у той избы стояли в саду на карауле». С таким же инструментом Гаврила Полетаев, Алексей Журка, Иван Жаров и прочие члены их компании в декабре «ходили ночью для кражи пожитков в приходе церкви Николая Чудотворца, что в Кобылке, у посадского человека». Они «у чердачного окошка повертели ставень и хотели было лесть в чердак, и в том доме их слышали, и они все от того двора ушли и ничего не покрали...». Может быть, именно этот бурав был обнаружен под полом в доме Алексея Журки за Покровскими воротами при обыске 12 января 1742 года. Кроме этого, под полом находились «железное долото да крюк железный». На допросе хозяин жилья признался, что эти инструменты были предназначены для домовых краж. В частности, с крючком он «хотел ходить для воровства, где б покрасть у ково ис чулана и в протес или в окошко платья»⁵¹⁸.

Домовые кражи были сопряжены с множеством трудностей и опасностей. Именно поэтому их всегда

совершали не одиночки, а группы из двух—шести человек, из которых лишь один или двое исполняли главную роль — забирались в дом, искали и передавали сообщникам вещи. Остальные должны были наблюдать, не зажжется ли где свет, не выйдет ли кто-то из дворовых, не явятся ли неожиданно караульные десятские, и оперативно сообщать об угрозе забравшимся в дом членам компании.

Нам известно несколько случаев, когда в состав преступной группы входили караульщики — десятские и сотские, призванные охранять покой ночной Москвы. Например, среди преступников, совершивших крупную кражу в доме секретаря Московской губернской канцелярии Антипа Григорьева сына Чубарова, был «фабричный» Сергей Рудаков, «которой в то время был десяцким». Принимая участие в разработке плана преступления, Рудаков предложил товарищам «сделать палки, с какими велено ходить десяцким». Когда же воры с такими палками под видом караульных явились на место преступления и проникли в дом чиновника в приходе церкви Иоанна Предтечи в Кречетниках, сам Рудаков остался в переулке, чтобы при необходимости подать сигнал об опасности. Исполнявший обязанности сотского шестнадцатилетний купец Большой Садовой слободы Сергей Чижик летней ночью 1741 года принял участие в ночной краже на Пятницкой улице вместе с Иваном Каином, Максимом Боровковым и Алексеем Сухоруковым. В то время как Боровков с буравом залез на кровлю, Каин и Сухоруков остались возле избы в саду, а Чижик на Пятницкой улице «у караульни... разговаривал с караульным часовым, чтоб де он, часовой, их, тоvaryщей ево, не видал»⁵¹⁹.

Разбои в Москве и на подмосковных дорогах

Коллежский ассессор Яков Кириллов сын Милюков в челобитье, поданном 11 февраля 1746 года в Московскую полицмейстерскую канцелярию, рассказал о жуткой переделке, в которой он попал несколькими днями ранее:

«Сего 1746 году февраля 5 дня ехал я, нижайший, и при мне два человека моих людей, ис Свято-Троицкого Сергиевского монастыря для моления Богу. И означеннаго числа по захождении солнца, не доезжая от Москвы верстах в семи или осми, и в самом урочищи Красной сосны, близ самого села Ростокина, на дороге воровских людей человек до пятнатцати, напав разбоем, меня и людей моих смертельно били и, приходя с ножами, хотели зарезать, причем меня в правую щоку ранели, и другой боевой знак имеетца. И меня, нижайшего, и людей моих, з дороги взяв, между показанным селом Ростокиным и деревнею Мытищами мимо самого одного господского двора везли, а чей оной, не известен, и, заведши в лес, деньги, платье, лошадей и протчя, что при нем имелось, всё, бив, пограбили... И как меня грабели, то всево в одном брушлоне (так в рукописи. — Е. А.), а людей моих в одних рубахах к деревьям привязали, а сами незнаемо куды ушли. И я, нижайший, с показанными людьми чеса с четыре привязанные бив, и помощью Всевышнего один человек мой по великой трудности развезався и меня, нижайшего, и другаго моего человека развязал же. И потом мы с великою нуждою, едва живы, в ночи много в лесу дороги сыскать не могли, и близ показанного села Ростокина... виден был огонь, и... мы пришли в показанное село Ростокино к старосте... и об означенном разбое объявил. И потом тот староста мне сказывал, что де он объявленных разбойников для поимки послал, токмо найти не могли».

К челобитной прилагался реестр имущества, взятого грабителями, благодаря которому мы имеем редкую возможность узнать, на какой повозке, в какой одежде и с какими вещами в феврале 1746 года ездил коллежский асессор со своими людьми для богомолья в Троице-Сергиеву лавру:

«Сани крытыя обиты кожей, внутри стометом* красным — цена десять рублей.

Три лошади: два мерина вороных — цена сорок рублей, мерин гнедой — цена пятнатцать рублей.

* Стомет (*искаж.* стамет) — плотная гладкая шерстяная ткань саржевого переплетения (с диагональными рубчиками), как правило, красного цвета.

Три хомута ременных, три узды ременные двойные, возжи ременные — цена шесть рублей.

Да платья: кафтан, камзол, штаны суконные зеленые, подбиты стометом зеленым, у кофтана по борту и по швам положен шнур гарусной — цена сорок рублей.

Шуба алова сукна, мех калмыцкой черной — цена сорок рублей.

Шуба китайчатая дорожная на лисьем меху, опушена пухом бобровым — цена дватцать рублей.

Камзол кафельной суконной — цена пять рублей.

Шпага, эфес серебряной — цена дватцать рублей.

Кольцо золотое — цена четыре рубли.

Запонки золотыя двойныя — цена восемь рублей.

Перук (парик. — *Е. А.*) круглой — цена два рубли пятьдесят копеек.

Шапка бархотная красная, апушка соболя — цена пять рублей.

Рукавицы замшевыя теплыя — цена восемьдесят копеек.

Два плотка бумажные — цена восемьдесят копеек.

Чесы серебряныя — цена дватцать пять рублей.

Табакерка серебряная — цена шеснатцать рублей.

Кошелек шитой серебром, в нем мелких серебряных денег семьдесят копеек, да червонных иностранных дватцать пять.

Нош складной — цена тритцать копеек.

Туфли желтые козловые — цена сорок копеек.

Пуховик, наволока крашенинная синяя, да три подушки пуховыя, наволочки белья — цена восимь рублей, адеяло терпушетоя белоя, покрыта байкой цветной — цена пять рублей.

Две простыни белыя холстинныя, да рубашки вандерскова палотна, цена три рубли пятьдесят копеек.

Кастрол медной — цена рубль дватцать копеек.

Тапор — цена петнатцать копеек.

Шкатулка деревянная, в ней чай, сахар, три скляночки стеклянныя с воткой, цена два рубли.

Чайник медной — цена рубль.

Троецкой мелкой деревянной посуды по покупке на два рубли.

Да люцкова платья: две шубы авчинных — цена четыре рубли.

Епонча суконная песошная — цена три рубли.

Двое сапоги — цена рубль.

Кушак желтой — цена сорок копеек.

Нож ахотничей — цена сорок копеек.
Двоя руковицы — цена пятьдесят копеек.
Две шапки — цена рубль дватцать копеек.
Да денег два полтинника, да мелких пятьдесят
копеек»⁵²⁰.

Вернувшись в Москву едва живым, ассессор Милюков, наверное, долго залечивал физические и душевные раны, а страшные лица разбойников, должно быть, преследовали его в кошмарных снах.

Между тем спустя две недели после описанных событий, 19 февраля, в Замоскворечье возле церкви Воскресения Христова, что в Кадашеве, появился человек, которого Милюков при встрече непременно узнал бы. Это был уже известный нам московский вор Гаврила Рыжий, к тому времени более полугода скрывавшийся от преследования со стороны служащих Сыскного приказа, прежде всего Ивана Каина. В тот день он пришел в Кадаши для свидания с женой Марфой Артемьевой, работницей суконной мануфактуры Андрея Еремеева, и принес ей серебряный эфес от той самой шпаги стоимостью 20 рублей, которая еще недавно принадлежала коллежскому ассессору Милюкову. Как мы знаем, Марфа краденый эфес не взяла, беглеца прогнала, а после встречи с ним сразу направилась в Зарядье, в дом к Ивану Каину.

«Сыщик из воров» в тот же день поймал Гаврилу в торговой бане за Покровскими воротами близ Елохова моста. Видимо, ошеломленный предательством жены, тот стал давать в Сыскном приказе поразительные по откровенности признательные показания. Из допроса Гаврилы Рыжего следует, что изначально он был «мошенником» и занимался карманными, банными и домовыми кражами с прочими московскими ворами. Но после того как летом 1745 года в Сыскном приказе его «оговорил» (выдал) вор Яков Зуев, он был вынужден скрываться под Каменным мостом, в кирпичных сараях близ Донского монастыря, а с наступлением холодов — в торговых банях за Покровскими воротами. В Немецкой слободе он познакомился с группой беглых солдат и «матросов», вместе с кото-

рыми и стал разбойничать на «Троицкой дороге». По-
ведал он на допросе и о нападении на чиновника Ми-
люкова с его людьми:

«...И в нынешнем 746-м году на Сырной неделе в понедельник он, Гаврила, ходил в Немецкую слободу на рынок, что словет Ладуга, и на том рынке он, Гаврила, сошелся з беглыми салдатами Иваном прозвище Стромьнским, да с Савельем... и оныя Иван и Савелей звали ево, Гаврилу, на Троицкую дорогу для разбою проезжих людей, и он, Гаврила, с ними пошел. И они, Гаврила и Савелей, привели ево, Гаврилу, в селе Покровском в приходе церкви Николаю Чудотворца х крестьянину Григорью, а чей сын не знает, которой шинкует вином, и у него, Григорья, покупая на деньги вино, пили и начевали у оного Григорья в сарае три ночи заведомо, что воры. И от него, Григорья, он, Гаврила, с оными Иваном Стромьнским и Савельем на Сырной недели в четверток пошли на Троицкую дорогу для разбою проезжих людей. И по той дороге за селом Ростокиным, прошед версты с три, дожидались их, оного Стромьнского товарищи четыре человека, а как им имена не знает. И все они семь человек в лесу ножом вырубил по палке. И в том же месте мимо их от Троицкого монастыря ехал человек, которой сказывался ассессор Яков Кирилов сын Милюков с людьми тремя человека в одних покрытых санях на трех лошедях. И он, Гаврила, с показанными товарищи оного Милюкова разбили... И, разбив, ево, Милюкова, и трех человек, привязали на той Троицкой дороги в лесу к деревьям, и все семь человек на показанных лошадях отъехали от него, Милюкова, версты з две. И оные товарищи ево ему, Гавриле, дали денег два гривенника, да мелких серебряных дватцать три копейки, ефес серебряной, нож складной, и ево, Гаврилу, отпустили в Москву... И он, Гаврила, дорогою у шпаги ефес серебряной збил палкой, а лезвие переломил на двое и бросил на поле в снег».

Днем 21 февраля в село Покровское, где укрывались остальные разбойники, был послан копиист Сысканого приказа Семен Протопопов с солдатами и арестантом Гаврилой Рьжким. Однако в доме крестьянина Григория Барсукова никого, кроме его жены, застать не удалось (позже пойманные преступники признались, что они в

то время «в Немецкой слободе, на Ладуге, на кружале пили вино», а сам хозяин дома «был в селе Покровском у мосту для покупки блинов»). Гаврила Рыжий указал, где была спрятана ободранная с саней Милюкова кожаная обивка, а также взятая разбоем «шуба китайчатая на лисьем меху», которую разбойники еще не успели продать. Кроме этого, в доме крестьянина Григория Барсукова были обнаружены запасы корчемного, то есть незаконного, «вина в трех боченках, на пример ведер по пяти» (спиртным разрешалось торговать только в казенных кабаках).

Спустя пять дней разыскиваемый крестьянин Григорий Барсуков сам явился к Каину и донес, что разбойники «ныне будут к нему ночью ночевать, чтоб он, Каин, пришед в дом ево, Борсукова, с салдаты, и оных оговорных взял». В ночь с 26 на 27 февраля сыщик с солдатами отправился в село Покровское к дому Барсукова, где «взял» троих разбойников — беглых солдат Ивана Стромьинского, Савелия Исаева и беглого «матроса» Никифора Суету. Преступники вместе с хозяином дома были доставлены в Сыскной приказ.

На допросах все трое признались в совершении нескольких разбоев на Троицкой дороге. После их показаний повинную принесли и два разбойника, которые были пойманы Каином вместе с Гаврилой Рыжим в бане, — Василий Забалдин и Сидор Евдокимов, а чуть позже был сыскан еще один член их преступной группы — «матрос» Иван Карзанов. Таким образом, в Сыском приказе оказались восемь участников разбойной шайки, включая содержателя притона Григория Барсукова. На основе их показаний можно восстановить картину деятельности шайки на Троицкой дороге зимой 1745/46 года.

Встречались разбойники в Немецкой слободе в кабаке, прозванном Ладогой, выпивали для смелости и отправлялись в путь. К вечеру ватага добиралась до Троицкой дороги, вооружалась дубинами и с наступлением темноты терпеливо ожидала запоздавших путников. Как только слышались звон колокольчика и топот копыт, преступники выбегали на дорогу и останавливали лошадей. Хотя некоторые проезжие и были вооружены холодным оружием, противостоять толпе нападавших с дубинами они не могли. Те избивали их, раздевали до

нижнего белья, не оставляя даже штанов и обуви, и отводили в лес, где привязывали к деревьям и бросали на произвол судьбы. Добычей разбойников становились лошади, одежда, перевозимые вещи и деньги.

За сведениями об одном из налетов, совершённых этой шайкой, обратимся к показаниям одного из ее участников:

«Он же, Савелей (Исаев. — Е. А.), в нынешнем 746-м году после праздника Рожества Христова, сколько спустя не упомнит, от оного Григорья Барсукова ходил для гулянья в Немецкой слободе на Ладуге на кулашной бой, и на той Ладуге товарыщ ево, Иван Стромынской, звал ево... на Троицкую дорогу для разбою проезжих людей, и он, Савелей, с ним пошел. И собрались на той Ладуге пять человек, а имянно: он, Савелий, Иван Стромынской, да Парусной фабрики матрозы Василей Заболдин, Никифор Суета, да незнаемо чину Сидор Евдокимов, да незнаемо какова чину кулак, которой торгует хлебом, а как ему имя, не знает, и были при них палки. И все они шесть человек ночью пришли на Троицкую дорогу, проехав село Ростокино, не доезжая деревни Мытищ, стояли у лесу и дожидались проезжих людей. И в то время никого не дождались, и пошли было к Москве, и, проехав Ростокино, ехали к ним навстречу из Москвы в одних санях на дву лошадей, которой сказывался Троицы-Сергиевой лавры служителем, и при нем был один подводчик. И он, Савелей, с показанными товарыщи оного служителя разбили и разбоем у него взяли две лошади — мерина карева, да мерина рыжева с хомутами, с уздами ременными, тулуп овчинной нагольной, да штаны лосинные, кафтан, да камзол суконный гвоздишный, два таза медных, шапку бархатную, три гнезда рубах, азия* песочной, камзол песочной, тушу свиного мяса, да с подвотчика сняли шубу нагольную овчинную, денег пятьдесят копеек. И, разбив, того служителя и подвотчика, связав руки назад, привязали близ дороги в лесу к кустам».

В другой раз, когда разбойники, вырубив в лесу по дубине, поджидали на Троицкой дороге очередную жертву, «по той дороге ехал из Москвы незнаемо чей

* Азия м (озям) — верхняя простонародная долгополая одежда.

крестьянин на одной лошади в санях». Преступники и этого несчастного крестьянина «разбили»: забрали кобылу, телегу с мукой и крупами, сняли с него овчинную шубу и «покинули» на дороге. Приехав на телеге в Преображенское, они поделили мешки с мукой и крупами, а «лошадь пустили на Троицкую дорогу для того, что была худа»⁵²¹.

Видимо, на совести членов этой шайки лежало и разбойное нападение, которому подвергся поляк Иван Петрович Буковский. В своем челобитье он рассказал: «...в прошлом 745-м году декабря 8 дня ехал я... от Троицкой Сергиевой лавры в Москву тоя ж лавры с подьячим Михайлою Савиным на дву санях, при которых были четыре лошади... да при тех лошадях имелись извощиков два человека. И как я... со оным подьячим ехали по Троицкой дороге мимо лесу Красной сосны, и у того лесу напали на нас воры шесть человек на одной лошади, и меня... и подьячего разбили, и били нас смертным боем... и, ограбя, оные воры вышеписанных подьячего и извощиков привязали в лесу к деревьям, а я, именованный, в одной рубахе, бес порт, босой от тех воров ушел»⁵²². Как видим, почерк преступников схожий и место нападения во всех случаях повторяется.

Подобные разбойные группы действовали и на других подмосковных дорогах. Так, 3 февраля 1738 года в 30 верстах от Москвы на Касимовской дороге было совершено нападение на крепостных людей комиссара Артемия Андреевича Самсонова, ехавших из Москвы в господское поместье Владимирского уезда. В декабре 1741 года «за Рогожской ямской слободой» жертвой нападения стал крестьянин поручика Тихона Иванова сына Новгородцева. Как сказано в составленной его хозяином челобитной, преступники, «напав на него, ...посланную с ним лошадь и скарб отбили, и ево били смертно, и того человека моего, связав у оною руки и ноги, бросили в свои сани, и завели в лес, и, обрезав имеющуюся на нем рубаху по пояс, и тою рубахою завязали ему глаза и рот... и потом от него поехали, а ево... оставили в том лесу связанного». 10 января 1742 года на Владимирской дороге «в Московском уезде среди Ивановской рощи» нападению подверглись крепостные

крестьяне прапорщика Василия Дмитриевича Камынина⁵²³ и т. д.

Отметим, что важную роль в разбойной шайке, орудовавшей на Троицкой дороге зимой 1745/46 года, играл крестьянин дворцового села Покровского Григорий Барсуков, периодически предоставлявший преступникам надежное укрытие в своем доме. Взятые разбоем повозки, вещи и лошади не могли быть быстро реализованы, и преступники оставляли их Барсукову на хранение. Он же продавал им корчемное вино и покупал у них отобранные у жертв вещи, а то и снятую с несчастных одежду. Так, Иван Стромьинский на допросе показал, что после совершения одного из разбойных нападений он с товарищами «пришли в село Покровское к крестьянину Григорью Барсукову, а про то, что они были на разбое на Троицкой дороге, ему, Григорью, сказали, и показанную лошадь мерина рыжева продали они означенному Григорью Барсукову, взяли два рубли, а продали ему заведома, что взята разбоем. Ему ж, Григорью, он отдал кафтан васильковой суконной, шапку бархатную, да камзол гвоздишной безденежно, только за тот кафтан у него, Григорья, пил он, Иван, с товарищем Никифором Суетою вино»⁵²⁴.

При рассмотрении деятельности этой разбойной группы нельзя не обратить внимания на еще один важный момент. Все ее участники были либо крестьянами окрестных сел, либо беглыми солдатами, отданными в службу из тех же подмосковных сел и деревень, либо «матросами», то есть работниками парусной мануфактуры в селе Преображенском. Никто из участников разбойной группы не известен нам по другим документам о московской преступной среде, кроме Гаврилы Рыжего. Тот являлся московским «мошенником», но с лета 1745 года скрывался в различных местах от преследований со стороны Сыскного приказа. Именно в это время он потерял связи со своими «товарищами» — московскими ворами и примкнул к разбойной шайке.

Итак, разбои на подмосковных дорогах — нехарактерные для московских воров преступления. Зачем ходить на пригородные дороги, губить людей и рисковать собственной жизнью, если рядом шумный многолюд-

ный город, дающий столько возможностей для совершения краж? Наверное, так рассуждали московские «мошенники», останавливая свой выбор на преступлениях, не связанных с душегубством.

Впрочем, иногда и городские преступники устраивали разбойные нападения. Один из самых успешных разбоев, совершённых в Москве в 40-х годах XVIII века, осуществила группа профессиональных воров под предводительством самого «доносителя» и «сыщика» Ивана Каина. Речь идет о нападении в 1748 году на струг московского купца 1-й гильдии Степана Скачкова (в показаниях Каина — Степана Клепина, Клепикова или Клепинова) с целью похищения более тысячи рублей и прочего имущества. В следующем году все участники этого преступления, в том числе Иван Каин, были арестованы и признались в содеянном. Подробный рассказ Каина об этом разбое, зафиксированный в протоколе допроса, заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью:

«В 747-м году под Рождеством Христовым пришел он на струг орленина, а как ево зовут не знает, к прикащику ево села Дединова крестьянину Осипу Тимофееву, которого он знает потому, что он, Каин, как на том, так и на протчих судах преж сего осматривал беспашпортных и подозрительных людей, и пил у него, Осипова, чай. И в то ж де время на тот струг з берегу шел здешней первой гильдии купец Степан Григорьев сын Клепин, о котором он, Осип, ему говорил: “Хотя де он, Клепин, и в худом платье ходит, только де он богат, понеже де у него есть денег пять тысяч рублей или больше, а кроме де пива ничего не пьет”. Почему он, Каин, будто в шутки, у него, Осипа, спросил: “Где ж у него те деньги?” На что де он, Осип, сказал, что держит на стругу, понеже де и у него, Клепина, особый струг с хлебом тогда на Москве-реке был.

А после де того он, Каин, сошелся с суконщиком Алексеем Ивановым сыном Шинкаркой и о том ему сказал. И стали они с ним советовать, каким бы образом у означенного Клепина деньги взять. А после того пришел к нему здешней купец, которой тогда был целовальником, Яков Иванов сын Колобков для игранья в карты, которому он, Каин, о вышеписанном Клепине,

что он имеет у себя много на струте денег, сказал, и обще с ним советовали, как бы те деньги у него взять. При том он, Каин, ему, Якову, сказал, что он, Клепин, кроме пива ничего не пьет, на что он, Яков, ему объявил, что надобно натопить в пиве дурман и того Клепина напоить. И после де того пришли они все трое с вышеписанным Яковом и Алексеем в питейный погреб, и означенной де Яков, купя кувшин и пива с полведра, насыпали дурману с фунт и, замазав тестом, поставили в печь, которая тогда топилась. И, истопя то пиво, прежде сами для пробы выпили по стакану. Ничего им от того не зделалось и были в памяти. А после де того пришли они на кабак и купили четверть пива и оставшее означенное топлненное з дурманом пиво влили, ис которого оныя Яков Иванов и Алексей выпили на том кабаке стакана по три, а он де, Каин, выпил с полстакана. И, сошет с того кабака, пошли по домам. И того ж де дня в вечеру означенного Якова привел к нему, Каину, в дом незнаемо какой суконщик и сказал, что он в безумии, которой у него и начевал и был целые сутки в безумии. А на другой день и означенной Алексей, увидясь с ним, сказывал, что он насилу дошел до двора своего.

А после де того, спустя с месяц или больше, сказать не упомнит, он, Каин, с вышеписанным же Алексеем между разговорами советовали, что им с вышеписанным Клепиным делать, понеже означенной Яков Иванов тогда уже из Москвы уехал, а куды, не знает. И оной де Алексей говорил, что конечно им на тот струг итти и те деньги взять розбоем. А потом увиделись они парусной фабрики с матрозом Антоном Ковровым, которого он знает потому, что он з женой ево, Каиновой, воспримал от святых купели детей, а у кого не знает. И при том де ему говорили, что нет ли еще кого у них из матрозов к тому же умыслу. На что де он объявил, что иного нет. Чего ради он, Каин, пошел в портяной ряд и сказал о том же по знакомству Суконной Большой фабрики мастера Ивана Алексеева сыну ево Сергею Иванову, которой в том ряду торговал, и оной Сергей ему сказал, что он итти с ними не хочет, а только вместо себя приведет к ним того ж Суконного двора суконщика Ивана Крылова. И после того собирались неоднократно все в питейном погребе, в котором торгует сиделец Дмитрей Михайлов, а от кого не знает, о том советовали. Токмо де тот погребщик про то не ведал, ибо они, приходя к нему и покупая ренское, пили.

И ис того погреба, уже на Святках, с вышеписан-

ным Антоном Ковровым, да с сыном ево Иваном, да с означенными суконщиком Иваном Крыловым и Алексеем Ивановым подъезжали на лошади оного Антона в санях к означенному Клепикова стругу, которой стоял против дранишного ряду с тем, чтобы имеющиеся у него, Клепикова, деньги взять разбоем, раза з два и выжидали, чтоб тот Клепин из струга вышел, но только де он, Клепин, в те числа из струга не выходил. А как де в третьей раз, таким же порядком собрався в том погребе, к тому стругу в обедни подъехали, в то время означенной Клепинов ис того струга вышел и пошел вверх по реке, за которым они послали означенного матроского сына Ивана, куда он пойдет, в назирку, которой де, возвратясь к ним, сказал, что пошел к обедне в церковь Святого Великомученика Георгия, что в Ендове, почему он, Каин, в ту церковь пришел и, как отпели обедню, то оной Клепиков пошел к Болоту, за которым он, Каин, послал того ж матроского сына Ивана. А как де оной Иван, возвратясь к ним, сказал, что оной Клепин пошел на Болото, то означенные Крылов, Антон и Алексей, взяв с собой ис саней два топора, ис которых один означенный Алексей взял из дому его, Каинова, а другой топор, да меньшей лом железной, да два мешка больших, привес с собою вышписанной Антон, да у Крылова де была в голицах зола и соль. И, пошед на тот струг, у имеющихся на том стругу чуланых дверей постучались, а он, Каин, стоял против того струга на берегу в дранишном ряду, а матроский сын на льду у саней, однако ж де ему, Каину, все было видно, ибо стоял от того струга блиско. И как де вышписанного Клепикова работник их спросил, кто стучит, то де объявленной Крылов ему сказал, что есть из Орла письма, почему тот работник двери им и отпер. И они, вошед в тот чулан и брося тому работнику золы и соли в глаза, связав ево, положили под лавку, а били ль ево чем, того де он, Каин, не видал. А после де того, помешкав самое малое время, оные Антон, Алексей и Крылов ис того струга вышли и с собою ис того струга вынесли в двух имевшихся с ними больших мешках деньги и, положи в сани, поехали было чрез Васильевский сад, но имеющаяся де у них лошадь на берег к тому Васильевскому саду, что оной крут, не взвела и упала, чего ради они, поворотя ту лошадь, поехали вниз по Москве-реке, а он де, Каин, взяв свою лошадь, которую он тогда поставил на берегу Москвы-реки на время, а на чьем дворе не знает, поехал за ними ж и догнал их за селом

Покровским на поле, и, приехав к означенному матрозу в дом, которой имеетца в Преображенском близ вышеписанной фабрики, те деньги переложили в конюшню и заперли замком. И означенной де Антон с сыном остался в доме, а он, Каин, и Крылов, и Алексей поехали в город для разведования, нет ли какого о тех деньгах сыску. А ему, Антону, сказали, что они для разделу тех денег будут в вечеру. И были в городе, переходя по разным местам до сумерек, и означенной де Крылов и Алексей от него отлучились, а куда не знает. А он де, Каин, один поехал к вышеписанному Антону, а вышеобъявленные Алексей и Крылов с Сергеем Ивановым приехали к нему, Антону, в то ж время по прежде ево, Каина. И, взяв означенныя ис конюшны деньги, внесли в ызбу и делили. А по разделу досталось ему, Каину, рублевиков, гривенников и полуполтинников четыреста пятьдесят рублей. Антону и Крылову рублей по двести или больше, подлинно сказать не упомнит, да Антонову сыну Ивану рублей с пятьдесят, Сергею Иванову рублей со сто, да сверх того оной Сергей скупал у них взятое с теми ж деньгами ломаное серебро на пример с фунт, да мелкие серебряные деньги, сколько щетом было, не упомнит. Да вышеписанной Алексей при том разделе украл у них свяску, низанную жемчугом, да серги с жемчугами, а серебряные ль или золотые, не знает, о чем оной Алексей после того сам ему сказывал. И, розделя оное, поехали он, Каин, с Алексеем на ево, Каиновой, лошади вместе, а Крылов с Сергеем Ивановым на другой лошади, а чья подлинно та лошадь не знает. И ехали до города вместе и, доехав до церкви Казанския Богородицы, что у Воскресенских ворот, он, Каин, с Алексеем поехали в дом ево, Каинов, а Крылов с Сергеем куда поехали он не знает. И как де он, Каин, доехал до того двора, тогда вышеписанной Алексей, взяв доставшиися ему по разделу деньги, пошел от него, а куды не знает. А он, Каин, въехал на свой двор, но означенные деньги, выняв из саней, положил вверху над ызбою, а как де стало разсветать, то он те деньги, чтоб в дому ево кто не присмотрел, взяв, отнес в софьянной ряд и положил в пустую лавку, и ис той лавки брал тайно, и роздал все разных чинов людем и в разных же рядах за всякие забранные у них в долг товары»⁵²⁵.

Нельзя не отметить, что в подготовке и совершении этого разбойного нападения Каин проявил себя как опытный и хладнокровный организатор. Он выискал

жертву побогаче, нашел надежных сообщников, тщательно и неторопливо отработал с ними возможные способы совершения преступления, распределил между ними роли, при этом выбрав себе самую безопасную (мальчик, сын одного из злоумышленников, был послан «в назирку», то есть наблюдать за покинувшим струг купцом, сам Каин «остался на берегу для сторожи, чтоб кто их не переловил», а остальные отправились на разбой). Наконец, именно вор-отступник организовал дележ добычи. Видимо, это было одно из самых серьезных преступлений, совершённых Ванькой Каином. Не случайно именно оно стоит первым пунктом в экстракте следственного дела о винах бывшего доносителя, по рассмотрении которого Каину и его сообщникам были вынесены смертные приговоры.

НАКАЗАНИЕ

*Сколь вору ни воровать,
а кнута не миновать.*

Русская народная пословица

Арест

Все московские воры, ставшие героями этой книги, рано или поздно были схвачены и приведены для следствия и суда в Сыскной приказ. Большинство из них были арестованы Иваном Каином. Приводя преступника, доноситель подавал официальный документ, так называемый извет, в котором обосновывал привод обвиняемого (знает за ним «мошенничество», имеется донос и т. п.) и объяснял обстоятельства его поимки. Например:

«Подан августа 22 дня 1743 года.

1743 августа 21 дня в Сыском приказе явлейся доноситель Иван Каин извещал словесно: сего де числа ходил он для сыску воров и мошенников и в [Китай-]городе на [Красной] площади поймал он мошенников дву человек Большого суконного двора ученика Алексея Емелина, гарнизонной школы ученика Дмитрия Злобина, которые в разных местах мошенничают, и оных объявляю при сем извете.

К сему извету под[ъ]яческой сын Григорей Полозов вместо вышеписанного Ивана Каина руку приложил».

Как правило, в тот же день извет зачитывался перед судьями, которые выносили резолюцию, записываемую секретарем на оборотной стороне документа. Например, на процитированном выше извете начертана следующая резолюция: «...записать в книгу, взять в пови-тье, приводных приняв, отдать под караул и против сего извету роспросить обстоятельно, и на кого будут показывать какой оговор, и тех оговорных, сыскивая, роспрашивать и в спорных словах давать очные ставки»⁵²⁶.

Резолюция, подписанная судьями, давала основание для начала нового «розыскного» процесса. Имя подозреваемого вносилось в книгу «приводных» колодников. Например, из книги за 1743 год мы узнаем, что 22 августа в дневание (дежурство) Ивана Городкова в Сыскной приказ было доставлено десять человек, в том числе «отдан под караул Большого суконного двора ученик Алексей Емелин по показанию доносителя Ивана Каина в мошенничестве»⁵²⁷. На основании таких записей составлялись списки заключенных, которые использовались караульными офицерами во время ежедневных переключек.

Спустя несколько дней после привода заключенного заковывали в ножные и ручные кандалы. Заковка осуществлялась наемными кузнецами, причем не они приходили в Сыскной приказ, а подозреваемых под караулом посылали в различные кузнечные ряды со специальным документом — «памятью», — подписанным секретарем и канцеляристом Сыскного приказа. Вот образец такой «памяти», датированный 16 апреля 1752 года:

«Память Кузнечного ряду, что на Болоте, кузнецу Федору Федорову.

Заковать тебе в большие [кандалы] посланных из Сыскного приказа колодников, а именно:

Ефим Сутулов, Иван Теренин, Фадей Балашев, Игнатей Дружинин, Федор Дружинин, Николай Страхов, Андрей Логинов, Василий Гусев, Иван Антропов, Сергей Писарев, Григорий Сафонов, Василий Александров, Иван Княщев, Николай Пальма, Леонтий Старцов, Михайла Плетенов, Прохор Федоров, Максим Бузгев, Петр Дмитриев, Семен Коржевников, Сергей Рудаков, Матвей Шестаков.

1752 году апреля 15 дня. В должности секретаря протоколист Петр Донской. Подканцелярист Яков Попов»⁵²⁸.

Закованного арестанта помещали в одну из казарм Сысского приказа. С этого времени для него начиналась другая жизнь, наполненная бесчисленными лишениями и страданиями.

«Роспросить обстоятельно»

После того как секретари Сысского приказа докладывали судьям о появлении нового подозреваемого и получали резолюцию о начале процесса, дело передавалось для расследования в одно из шести повытий учреждения.

Как правило, в день привода арестанта осуществлялся его допрос. Сперва канцелярские служащие задавали вопросы биографического характера (как зовут, сколько от роду лет, происхождение, настоящее положение и место жительства). Затем следовали вопросы по сути следственного дела, формулировавшиеся на основании тех сведений, которые содержались в иницилирующем следственный процесс документе, а также в показаниях других подследственных. Так, при расследовании дела Ивана Каина в конце декабря 1741-го — начале января 1742 года на руках у следователей имелись показания двух воров — самого Каина и Алексея Соловьева. Пойманных по «указыванию» Ивана Каина «мошенников» спрашивали: «Давно ли умыслил мошенничать? Совершал ли кражи с тем-то и тем-то? Что и где крали? Во сколько поймов совершал кражи? Кому продавали краденое?» Ответы подследственного записывались копиистом в виде черновых заметок, на основе которых затем составлялись беловые «ропросные речи». Эти «ропросные речи», которые подписывал либо сам обвиняемый, либо, если он не умел писать, по его просьбе какой-то другой грамотный человек, потом зачитывались судьям в его присутствии. Об этом свидетельствует секретарская помета, которая стоит почти

на всех «роспросных речах»: «...пред присутствующими чтен, и он (подследственный. — *Е.А.*) утвердился на сем роспросе».

Большинство московских воров, пойманных по «указыванию» Ивана Каина, на допросе признались в том, что являлись «мошенниками». Видимо, прямое обличение со стороны бывшего сообщника и близкого друга в стенах Сысского приказа делало бессмысленным, с точки зрения самих преступников, отрицание их причастности к преступному миру. Вместе с тем «мошенники» были весьма сдержанны в своих признаниях. Они соглашались с возводимыми на них Каином обвинениями, но при этом ничего сами не прибавляли, очень редко вдаваясь в подробности относительно конкретных краж, и почти никогда не называли имена сообщников, которые к моменту допроса еще не были арестованы. В результате следствие получало скудные показания, в которых фигурировал минимум имен (только те преступники, которые уже были схвачены) и отсутствовало описание конкретных преступлений. В качестве примера приведем фрагмент «роспросных речей» «фабричного» Ивана Кувая, имя которого встречается как в реестре Каина, так и в списке Соловьева:

«И тому ныне год он, Иван, Спаса Ярославского монастыря с крестьянином Иваном Голым да Суконного двора с ученики Афонасьем Столяренком, Михайлой Денисовым в разныя дни в банях, а имянно Всесвяцких, Москворецких, в Кузнецких, что за Петровским кружалом, в Тверских ямских у разных парелщиков крали рубахи, и порты, и штаны, а во сколько поймов, того сказать за множеством не упомнит. И оное платье продавал товарищ Иван Голой, а кому продавал, того де он, Иван, не знает, толко давал им пай по гривне и по пяти копеек. Он же, Иван, с теми товарищи на Каменном мосту и по праздникам в крестныя хождении у разных людей вынимали деньги, а во сколько поймов, того за множеством сказать не упомнит»⁵²⁹.

С одной стороны, в этом заявлении Иван Кувай признал инкриминируемые ему Каином обвинения (при-

частность к преступному миру и регулярное совершение краж); но, с другой стороны, его показания не могли стать основой для последующих мероприятий по сыску других «мошенников», так как все упомянутые лица уже сидели в остроге Сысского приказа.

Лишь немногие московские «мошенники», задержанные по «указыванию» Каина, отклонялись от данной модели поведения на допросе. Кто-то вовсе отрицал свою принадлежность к преступному миру, утверждая, что «нигде ни с кем не мошенничал и мошенников никого не знает», а Каин «на него показал напрасно». Другие, напротив, говорили больше, чем остальные. Так, Иван Голый, «взятый» Каином во время его первой операции по захвату «мошенников», на допросе перечислил 19 «товарищей», из них 17 были включены в реестры Каина и Соловьева. Преданный своей женой Гаврила Рьжий в феврале 1746 года выдал на допросе 14 человек, и его показания дали начало двум крупным следственным процессам — о группе воров, специализировавшихся на кражах в банях, и о разбойной банде, орудовавшей на Троицкой дороге. Иван Яковлев сын Серков на допросе в августе 1746-го разоткровенничался и рассказал о себе всю подноготную (правда, не выдавая коллег)⁵³⁰.

После допроса подследственного осматривали, чтобы выяснить, подвергался ли он ранее пытке или телесному наказанию. Нередко роковые следы, обнаруженные на спине подозреваемого при осмотре, вынуждали его рассказывать о своем преступном прошлом, о котором он намеревался умолчать. Например, пойманный по «указыванию» Ивана Каина солдат Сысского приказа Иван Блинников «по осмотру явился бит кнутом». «Мошенник» был вынужден объяснить, что тому лет с пять содержался он в Сысском приказе по оговору того приказа солдата Степана Завьялова «в краже с ним... в Москворецких банях мужской рубахи, за что пытан однажды и с наказанием кнутом освобожден с роспиской». Кузьма Легас, который «по осмотру оказался подозрительным, бит кнутом», признался, что был «бит в Преображенском приказе за сказывание слова и дела». Задержанная в воровском притоне крестьянская вдова Татьяна Иванова также «по осмотру... явилась подозрительна, би-

та кнутом», и рассказала, что «была дважды в приводе в Сыскном приказе: впервые лет 13 назад по делу купцов Бирюлиных в житье блудно с атаманом Егором Михайловым, за что ей наказание кнутом учинено и освобождена, а дело было в повытье Петра Донского. Второе в покупке у церковного татя серебра, которое дело было у канцляриста Ивана Городкова»⁵³¹.

В некоторых случаях после «роспросных речей» помещалось описание внешности подследственного. Например, вышеупомянутый Алексей Емелин оказался «ростом... среднего, лицом круглолиц, глаза карие, волосы темно-русые, борода небольшая». Другой «мошенник», восемнадцатилетний воспитанник Московской гарнизонной школы Никифор Дмитриев сын Селиванов, оказался «не подозрителен (то есть без следов телесных наказаний. — *Е. А.*), росту среднего, глаза карие, лицом ряб, волосом светлорус». После осмотра известного московского вора Савелия Плохого в июле 1746 года в следственном деле появилась запись: «...а приметами ростом средней, лицом продолговат, волосом рус, борода и ус светлорусая, глаза серая»; особой приметой преступника была расположенная «на правой щеке, близ носа, бородавка»⁵³².

Если подозреваемый на допросе повинился в регулярном совершении краж, по действовавшему процессуальному законодательству его следовало пытаться с целью выявления других преступлений и сообщников. Каждому случаю использования пытки предшествовало коллективное судебское решение, принимавшееся на основании доклада, который делали секретари после допроса всех проходящих по следственному делу лиц. Так, в самом первом деле, инициированном доносом Каина, содержится «экстракт о содержащихся колодниках, которые сысканы по показанию явшагося доносителя Ивана Каина», составленный в форме таблицы. В правом столбце перечислены имена и краткое содержание показаний тридцати семи обвиняемых, на допросах признавших в систематическом совершении краж. Левый столбец оставлен для записей секретаря. В нем рукой Сергея Попова — секретаря, который курировал это дело, — напротив каждого имени стоят

пометы. К примеру, запись «пытать, а у кого жил, взять сказку» сделана напротив имени содержателя притона Андрея Федулова, «к розыску» — против показаний двадцати пяти обвиняемых, в том числе четырех женщин. К «розыску» плетьюми были приговорены также два малолетних преступника*, причем судьи усомнились в возрасте одного из них и приказали: «...доложить о летах, производить розыск плетьюми». Напротив показаний четырех беглых солдат стоит помета: «...к отсылке в военный суд». Напротив трех имен правая графа по неизвестным причинам осталась незаполненной⁵³³.

Затем судебское решение о применении пытки оформлялось в протокол с подписями членов присутствия. Оригинал протокола подшивался в протокольную книгу, а копия вкладывалась в следственное дело. В протоколе сперва вкратце приводились обстоятельства дела, потом выписывались статьи действующего законодательства, а затем уже на основании перечисленных указов выносилось определение. Например, 14 пойманных по «указыванию» Каина 28—31 декабря 1741 года московских воров были приведены в застенок на основании протокола от 7 января 1742 года. В нем после изложения содержания расспросов обвиняемых цитировались законодательные статьи (5, 8, 9, 11, 15, 64-й пункты XXI главы Соборного уложения, а также 4-й пункт указа от 24 декабря 1719 года о пытке и наказании разбойников). После перечисления законов следовало судебское решение:

«ОПРЕДЕЛИЛИ по силе оных указов учинить следующее:

1. Означенных становщика слепова Андрея Кизяку и жену ево Пелагею Никитину дочь по повинкам их в держании у себя мошенников по силе Уложения 21 главы 63 и 64 статей пытать и при пытке спрашивать, кого еще у себя таких же мошенников держали, и что у них покупали, и кому ис тех краденых вещей продавали, и на кого будут показывать,

* В Сыском приказе «малолетних» пытали не кнутом, а плетьюми, при этом возраст «малолетства» законодательно установлен не был, а на практике мог варьироваться от четырнадцати до восемнадцати лет. Кроме того, нужно учитывать, что в ту эпоху даже знатные люди часто не могли назвать точную дату своего рождения.

тех оговорных сыскивая, спрашивать и в спорных речах давать очные ставки.

2. Хомоваго (Хамовного. — Е. А.) двора матроза Дениса Криворотова, Большаго суконнаго двора ученика Тихона Боброва Белой он же, Журавлевой фабрики Матвея Тарыгина, Полотняной фабрики содержателя Ивана Тамеса ученика Михайла Стульникова, Казанского полку беглова извощика Алексея Соловьева, Спаса-Ярославского монастыря крестьянина Ивана Семенникова Голой он же, того ж монастыря крестьянина Максима Боброва, Сысского приказу салдата Ивана Блинникова, Суконного двора учеников Ивана Кувая, Козму Легаса, Журавлевой фабрики ученика Ивана Гуся, жену ево Акулину Ларионову по подозрительствам и по повинкам их в вышепоказанных воровствах по силе уложенных 21 главы 9 и второй на десять статей пытать и при пытке спрашивать и в других воровствах о всем с подлинной очисткою (то есть тщательно расследуя все обстоятельства дела. — Е. А.), и по показанию их оговорных сыскивая, спрашивать, и в спорных словах давать очные ставки.

3. Также, что на вышеписанных колодников что будут показывать еще какое воровство, и о тех с прописанием указов доложить неукоснительно.

Князь Яков Кропоткин
Андрей Писарев»⁵³⁴.

Такие подписанные судьями протоколы являлись законным основанием для применения пытки.

«Взят в застенок и пытан»

Двадцать восьмого июля 1730 года первый судья Сысского приказа бригадир Федор Полибин докладывал в Сенат: «...ныне прислан ко мне ис Правительствующаго Сената указ для ведома, что велено очистить старой Разбойной приказ, что ныне была полиция, а где быть розыскам, по-прежнему ль, как было в Разбойном приказе, того в том указе не упомянуто. И дабы повелено было розыскам быть при той канцелярии по-прежнему, и на починку тюремного двора и застенка дабы повелено было определить денежную сумму.. понеже тюремной двор и застенок развалился». В ответ сенато-

ры распорядились: «...быть тому [Сыскному] приказу по прежнему указу, где был прежде Разбойной приказ... тако ж и колодниками розыск чинить в том месте, где было при Разбойном приказе, и для того тюремной двор и застенок починить». Для ремонта отведенных под Сыскной приказ ветхих помещений на Васильевском спуске было выделено 500 рублей⁵³⁵.

Из расходной документации Сыскного приказа видно, что застенок все-таки был отстроен заново. Его срубили за Андреевским монастырем, а в октябре 1730 года перевезли на Москворецкую улицу⁵³⁶ и собрали на месте, примкнув к каменному зданию присутствия Сыскного приказа со стороны кремлевской стены, в точности напротив Константино-Еленинской башни. Вход в застенок был снаружи, со стороны рва, через особое крыльцо. Длина его составляла пять сажений, ширина две сажени, высота от земли пять аршин. Пол был вымощен бревнами, по стенам стояли лавки. В одном углу располагался очаг для разведения огня, с другой стороны особое место было отведено для судей, присутствовавших при пытке арестантов. Вероятно, рядом находился стол канцелярского служащего, записывавшего слова подсудимых, произносимые под пыткой. Судя по всему, в центре застенка возвышалась дыба — главное орудие пытки. Это было нехитрое П-образное сооружение из трех деревянных столбов, два из которых вкапывались в землю параллельно друг другу, а третий прикреплялся сверху. Через поперечный столб перекидывалась веревка для подвешивания обвиняемого за руки. Из расходной документации мы знаем, что в застенке находился пыточный инвентарь: хомуты, ремни, плети, кнуты, «инструмент железный, чем смыкают ручные и ножные пальцы», веники, цепи и пр.⁵³⁷

Для произведения пыток в штате Сыскного приказа в разные годы состояло от двух до шести заплечных мастеров, кое-кто из них нам известен по именам. 15 декабря 1730 года приказ выплатил жалованье за январскую и майскую трети* 1730 года трем заплечным мастерам — Ивану Степанову, Ивану Кондратье-

* Жалованье тогда выплачивали трижды в год («по третям») — в январе, мае и сентябре.

ву, Федору Алексееву — общей суммой 13 рублей 26 копеек, по два рубля 21 копейке человеку за треть. Таким образом, палач в Сыскном приказе в 1730 году получал шесть рублей 63 копейки в год. В 1741 году деньги получили два заплочных мастера — Иван Степанов и Алексей Курбатов. По справке, составленной в 1748 году, из восьми числившихся работников кнута свои обязанности исполняли лишь двое — Яков Иванов и Петр Чаусов, а об остальных сказано, что двое умерли, Андрей Ушаков «находитца в безумии», Матвея Крылова перевели для работы в Санкт-Петербург в Тайную канцелярию, Василий Орешек «за воровства сослан в ссылку в Оренбург», а Андрей Савельев «взят в Мануфактур-коллегию и отдан на Большой суконной двор, понеже он того двора ученик»⁵³⁸.

Проходящих по одному делу подозреваемых, в отношении которых выносилось единое определение, приводили в застенки одновременно. Так, 28 февраля 1746 года пытали фигурировавших в одном деле С. Исаева, И. Стромьинского, Н. Суету, В. Забалдина, С. Евдокимова. В августе того же года совместно пытали «мошенников» С. Плохого, А. Соколова, И. Серкова, М. Коровина⁵³⁹.

Пытке предшествовал осмотр колодников, результаты которого могли, видимо, повлиять на количество ударов или вообще освободить от пытки. В 1742 году «взявший грабежом» личные вещи «незнаемо какого пьяного» 24-летний дворовый Семен Кадия был приговорен к простому поднятию на дыбу и допросу «при розыске других колодников». Можно предположить, что он находился в плохом физическом состоянии, поскольку его подельника, 23-летнего «фабричного» Осипа Соколова, давшего сходные признательные показания, судьи предписали пытать⁵⁴⁰.

После осмотра заплочный мастер перекидывал веревку через поперечный столб на дыбе, заворачивал руки пытаемого назад и затягивал их хомутом, после чего поднимал его на веревке. Допрашиваемый висел, не касаясь земли, на вывернутых руках, а его ноги, связанные ремнем, привязывались к прикрепленному к полу столбу⁵⁴¹. Затем по его спине наносились мощные уда-

ры кнутом, каждый из которых вырывал куски мяса, оставляя на теле глубокие раны. Число ударов при пытке в застенке Сысского приказа варьировалось от пятнадцати до тридцати пяти в зависимости от характера дела и физического состояния обвиняемого.

Пока заплечный мастер усердно работал кнутом, служащие Сысского приказа задавали страдальцу вопросы и записывали его ответы. На каждую пытку составлялся специальный протокол — «пыточные речи».

В тех случаях, когда преступник вопреки свидетельским показаниям и уликам отрицал предъявленные ему обвинения либо на первой пытке изменил свои показания, данные на допросе, по усмотрению судей Сысского приказа могла применяться трехкратная пытка. Однако, как правило, судьи старались не прибегать к ней, если подследственный на допросе признал обвинения и при первой пытке подтвердил признание. Во многих рассмотренных нами процессах обвиняемых пытали лишь единожды. Например, основная часть проходивших по делу Каина преступников, подвергшихся в январе 1742 года первой пытке, уже в феврале была приговорена к различным наказаниям, большинство — к порке и ссылке. Матвей Цыган в марте 1745 года был пытан однократно (получил 15 ударов кнутом), после чего ему определили наказание — кнут и вечную ссылку. Точно так же Петра Камчатку в октябре 1748 года пытали один раз, а в декабре приговорили к битью кнутом и ссылке в Оренбург⁵⁴². Если все-таки применялась трехкратная пытка, перерыв между «розысками» составлял от двух недель до нескольких месяцев, чтобы поджили раны на спине, что, несомненно, приводило к затягиванию следствия.

Однако пытка в застенке Сысского приказа очень редко приводила к выявлению дополнительных обстоятельств дела. Подозреваемые, как правило, не «винились» в совершении других преступлений и не меняли своих показаний, данных на допросе (из дела в дело в «пыточных речах» повторяется шаблонная формулировка «с пытки показал то же, что в роспросе говорил»). Несомненно, подследственные знали, что на пытке лучше не сообщать ничего лишнего и «утверж-

даться» в данных ранее показаниях. Видимо, они готовились к пытке и морально, и физически — некоторые старались перед приводом в застенки выпить хорошую порцию вина, чтобы легче перенести боль. Так, Иван Петриков, доставленный 20 октября 1747 года для пытки, оказался «весьма пьян». Истязание перенесли на другой день, а по факту проноса в острог спиртного провели расследование. Выяснилось, что заключенный долго откладывал деньги, а накануне рокового дня попросил караульного солдата принести вина, вручив немалую сумму — девять копеек⁵⁴³.

Тюремный быт арестантов Сысского приказа

В опубликованном 16 ноября 1738 года указе Московской сенатской конторы говорилось: «...в Сенатской конторе известно учинилось, что во обретающихся в Москве присудствующих местах колодники держатся года по два, по три и по пяти без решения... Того ради по указу Ея Императорского Величества Правительствующего Сената контора приказали: во все обретающиеся в Москве коллегии, канцелярии, конторы и приказы, и комиссии послать подтвердительные указы, велеть дела о содержащихся колодниках... чинить в немедленном времени, дабы те колодники за нерешением дел долговременно задержаны не были»⁵⁴⁴. Сколько же времени в действительности проводили колодники в остроге Сысского приказа?

Если судить по делам, инициированным доносами Ивана Каина, процесс шел от месяца до полугода, а в некоторых исключительных случаях мог затягиваться на несколько лет. Так, большинство преступников, арестованных Каином в конце декабря 1741-го — начале января 1742 года, отправились в ссылку уже весной 1742-го. Очевидно, такая поспешность при расследовании этого не совсем простого дела была связана с тем, что Москва готовилась к коронации Елизаветы Петровны и необходимо было разгрузить находившиеся в центре Москвы тюремные казармы Сысского приказа. Вор и «ссылочный утеклец» Петр Шибай был пойман Каином

в кабаке близ Ильинских ворот 26 ноября 1742 года, 22 декабря было вынесено решение о его пытке, 11 января 1743 года он был приведен в застенок, а уже 19-го приговорен к вырезанию ноздрей, битью кнутом и вечной ссылке в Рогервик. Напротив, беглые солдаты Савелий Ушаков и Тимофей Шорников, арестованные в начале октября 1744 года, были пытаны только 5 февраля 1745-го, а в апреле их отправили в Военную контору для суда. Таким образом, они провели в остроге Сысского приказа полгода, причем столь длительная задержка никак не была связана со сложностью их дела. Схваченные летом 1746 года и приговоренные в следующем мае к смертной казни Савелий Плохой, Андреян Болван и Иван Серков несколько лет ждали утверждения приговора в Сенате. Болван так и не дождался окончательного решения своей участи и умер в остроге Сысского приказа в апреле 1751 года. Тем временем их товарищ Михайла Таракан, которому, видимо, за молодостью лет 16 февраля 1747 года вынесли более легкий приговор (кнут и ссылка в Оренбург), уже давно отбывал наказание в одном из сибирских острогов. Для него следствие длилось чуть более полугода. Пойманный Каином в феврале 1746 года Гаврила Рыжий содержался в остроге по меньшей мере до лета 1748-го (в документе от 30 мая этого года он упоминается в качестве колодника Сысского приказа⁵⁴⁵).

Во времена Ваньки Каина, то есть в 40-х годах XVIII века, в тюрьмах Сысского приказа одновременно содержалось от двухсот до пятисот человек⁵⁴⁶. Основная часть колодников обитала в Большом остроге — на обширной территории между кремлевским рвом и Москворецкой улицей, обнесенной пятиметровым тыном из стоячих глубоко врытых в землю и заостренных сверху бревен, плотно скрепленных поперечными планками.

На территории острога располагались пять срубленных из елового леса казарм, оснащенных двухъярусными нарами. В помещениях Сысского приказа, предназначенных для содержания преступников, не было печей. Кроме казарм, на территории острога находилась часовня для исповеди и причастия колодников, к которой для службы прикреплялись священники близ-

лежащих храмов — церкви Космы и Дамиана в Чудове монастыре, Покровского собора на Рву и Всемилоостивого Спаса у Москворецких ворот⁵⁴⁷. Священнослужители приходили сюда по определенным дням, а в остальное время в часовне поочередно отдыхали караульные солдаты. К сожалению, документы почти не проливают свет на то, какое значение играла эта часовня в религиозной жизни колодников. Известно, что священники раз в год исповедовали и «по достоинству» причащали арестантов. В одном деле есть указание на то, что заключенных ежедневно по утрам водили туда для молитвы. Известно также, что некоторые колодники регулярно посещали эту часовню — может быть, для молитвы, но не исключено, что только по той простой причине, что это было единственное отапливаемое помещение на всей территории Большого острога. Так, днем 14 декабря 1742 года три обитателя второй казармы Большого острога (там томился 21 человек) находились в часовне⁵⁴⁸.

Когда за пределами Большого острога, в так называемой Сомовой казарме, выходившей окнами на Москворецкую улицу, содержались колодники, она также не отапливалась. В ноябре 1747 года она была переделана в помещение для караульных солдат и офицеров и оборудована печью. В дальнейшем в ней селили подследственных из дворянского сословия, причем караульные офицеры общались с ними и даже устраивали вместе шумные попойки. Так, 23 октября 1746 года сидевший в этой караульной казарме бывший гренадер Карп Толстой, осужденный к ссылке «на вечное житье» в Охотск за убийство ямщика, «сказал за собою Ея Императорского Величества слово и дело по второму пункту». На допросе перед присутствующими он показал: «...сего де октября 23 дня по полудни в 9-м часу он, Толстой, за собою слово и дело по второму пункту сказывал ли, не упомнит для того, что он, Толстой, был пьян, потому что он, Толстой, покупая на деньги с кабака вино, пил с караульным прапорщиком Самсоном Барщевитиновым и напився пьяни, и оной прапорщик ево, Толстого, пьяного ж незнаемо за что бил смертным боем»⁵⁴⁹.

В лучших условиях находились также колодники, сидевшие в подвальных помещениях каменного здания

присутствия Сысского приказа, входы в которые были окружены малыми острожками. Известно, что именно здесь располагались две казармы для содержания женщин, называемые «женские бедности»⁵⁵⁰. Кроме этого, небольшую часть подследственных размещали в самом здании присутствия — в его рабочих помещениях, а именно в подъяческой палате. Как мы помним, летом 1751 года присутствующие Сысского приказа жаловались на то, что за недостатком помещений «многие колодники содержатца в секретарской и подъяческой палатах, от чего не точию в летнее, но и в зимнее время бывает великая духота, к тому ж... и в произведении дел происходит не без помешательства»⁵⁵¹.

Шестнадцатого октября 1745 года караульный кап-рал Емельян Исаев подал ведомость о том, «сколько имеется при Сысском приказе в заковке, кандалах и железах колодников во всех казармах», благодаря которой мы имеем уникальную возможность узнать, как скудный резерв помещений Сысского приказа использовался для размещения колодников:

«Казармы	Число людей		Итого
	Скован-ных	Нескован-ных	
В Большом остроге в 1-й казарме	47	13	60
Во 2-й казарме, в том числе в железах 2 человека	45	14	59
В 3-й казарме, в том числе в железах 1 человек	42	15	57
В 4-й казарме, в том числе в железах 1 человек	45	13	58
В 5-й казарме на ссылочных кандал	22	23	45
В Малом острожке в 1-й казарме	25	7	32
В том же во 2-й казарме	24	6	30
В наугольной, что словет Сомова, в том числе в железах 1 человек	42	8	50

В Малом острожке, что по Дохтурову делу, в том числе в полукандальных 2 человека	3	27	30
Вверху в подъяческой полате	1	15	16
Итого во всех казармах	296	141	437» ⁵⁵² .

Итак, в октябре 1745 года 279 из 437 заключенных (64 процента) содержались в пяти казармах Большого острога, 50 человек — в Сомовой казарме, 30 арестантов — в подвалах здания присутствия Сыскного приказа (Малом острожке) и 16 подследственных — в канцелярских помещениях.

В каждой казарме был тюремный староста, который выбирался или назначался по желанию из числа заключенных. В случае если желающих не было, обязанности тюремного старосты могли исполнять тюремные сторожа. Известно, что весной 1749 года в первой казарме Большого острога старостой был за что-то угодивший в Сыскной приказ «города Верея дворянин Венедикт Ягодкин». Тюремные старосты должны были следить за порядком (некоторые из них пользовались плетями-шелепами⁵⁵³), помогать проводить переключку и т. д., а за свои труды получали небольшое денежное вознаграждение.

Надзор за колодниками осуществлялся силами военного караула, который состоял из 50—120 рядовых солдат, главным образом Коломенского полка. В помощь караульным Московская полицмейстерская канцелярия по требованию Сыскного приказа регулярно присылала десятских⁵⁵⁴. Вся эту команду возглавлял караульный обер-офицер (как правило, прапорщик), которому помогали унтер-офицеры (капралы, ефрейторы, сержанты). Для солдат и офицеров была предназначена одна казарма возле входа на территорию Сыскного приказа со стороны Москворецкой улицы, напротив Сомовой казармы.

Солдаты несли караульную службу посменно. Шестеро должны были стоять на часах в здании присутствия

Сыскного приказа — по одному у входа, в подьяческой палате у денежной казны, в секретарской у мешочка с ключами от острогов и тюрем, возле кладовой для складывания «опальных пожитков» в прихожей Сыскного приказа, у книги записи приводных и свободных колодников и возле судейской. По инструкции часовые должны были «не допускать колодников до разговоров», препятствовать проникновению посторонних «в подьяческую палату и до присутствующих», а также «во время присутствия к подьячим вина и никакого питья никогда отнюдь не пропускать и во время присутствия подьячих из приказа не выпускать». За самими караульными должен был постоянно следить офицер, чтобы они «крепкое смотрение имели, не дремали, и ружья б из рук не клали и держали при себе осторожно, и ножей бы близко от колодников не класть»⁵⁵⁵.

Несколько караульных патрулировали вокруг здания Сыскного приказа. Один охранник занимал пост у архива, другой — у застенка напротив нужника (следил, чтобы «кто из колодников в нужник утечки не учинил»), третий — возле ворот на Москворецкую улицу.

Но тщательнее всего охранялся Большой острог: солдаты стояли по одному у дверей каждой казармы и с каждой стороны Большого острога и двое при входе в острог. По инструкции часовые должны были стоять с ружьями с примкнутыми штыками и следить, чтобы посторонние не подходили к острогу и не разговаривали с колодниками. Каждую смену обер-офицер должен был ставить солдат на разные посты, «ибо оные бес-сменные караульные познаются с колодниками»⁵⁵⁶.

Осенью 1741 года на территории Сыскного приказа и Большого острога оброчный крестьянин Ефстихий Федоров поставил десять деревянных будок для караульных⁵⁵⁷. Однако этого было недостаточно, чтобы солдаты могли укрыться во время непогоды. 24 июля 1750-го подпоручик Суздальского батальона Иван Макаров в рапорте докладывал: «...при карауле в Сыском приказе для содержания колодников находится разных батальонов солдат девяносто два да московского шквадрона драгун четырнадцать человек. А во время бываемого дождя оные солдаты и драгуны за неимением удобных

для караула мест, кроме будок, претерпевают немалую от мокроты нужду, а паче ружей и амунических вещей для сохранения и класть негде. А обер-офицерский покой и состоящая в Большом остроге покаянная изба, где караул бывает же, все погнили и развалились, и быть в них караульным солдатам никак не возможно»⁵⁵⁸.

Каждый вечер офицеры должны были проводить перекличку. По инструкции полагалось «по полуночи в зимнее время в пятом часу, а в летнее время в седьмом часу, как свет будет, те ключи (от острогов и тюрем. — *Е. А.*) обер-офицеру брать и колодничий список, идти в остроги и перекликать ему, обер-офицеру караульному, все ли колодники, и потом уж их осматривать, нет ли у них ножей и инструментов каких»⁵⁵⁹. О том, как на практике происходила такая ежедневная перекличка, мы знаем благодаря одному происшествию октября 1742 года, которое в совместном доношении описали караульный прапорщик Иван Пирогов, дневальный канцелярист Осип Бровкин, подканцелярист Дмитрий Аверкиев, каптенармус Афанасий Доброхотов, «солдат за писаря» Семен Тюремный, староста Алексей Попов и караульные солдаты Петр Емельянов, Антон Печенин, Егор Левин: «...сего октября 29 дня по полудни в 4 часу во время переклички колодников в Большом остроге в первой казарме, как вошли мы в острог и стали перекликать первую казарму, и во время той переклички посаженный в том остроге князь Шейдяков правящего сержан[т]скую должность Петра Дарановского, который был при той перекличке, бранил матерно всячески, и при том говорил ему, Дарановскому, что он... ходил на экзекуции смертельных колодников во обрестованной ево шпаге. На что оной Дарановский объявил ему шпагу, которая была на нем, Дарановском, и сказал ему, Шейдякову, что у него имеется шпага своя. И означенной князь Шейдяков сказал, что тою шпагу дал ему черт, а потом в том остроге Шейдяков бросился на него, Дарановского, и, ухватя за горло, давил. И в то время его, Дарановского, у одного князя солдаты и содержащиеся колодники отняли. А потом оный князь Шейдяков в той же первой казарме ухватил его, Дарановского, вторично за горло и изорвал на нем, Дарановском, рубаху и

сертук, и в той же казарме караульные солдаты и колодники его отняли. А потом, как оный Дарановский из той казармы вышел, и оный Шейдяков, выбежав в тот острог, ухватил его, Дарановского, за ворот же, и как у него... стали караульные салдаты того Дарановского отнимать, и в то время оной князь Шейдяков кричал, что есть за ним, князем Шейдяковым, и за показанным Дарановским Ея Императорского Величества слово и дело»⁵⁶⁰.

Еще одно описание ежевечерней переклички колодников Сыскного приказа мы находим в другом «секретном деле». В рапорте от 13 октября 1747 года секретарь Сергей Попов так описал этот инцидент: «...сего октября 12 дня во оном Сыскном приказе имелось быть мое, Сергея Попова, держурство. И... для пересмотру и переклички содержащихся в Сыскном приказе во всех казармах колодников... ходил я, Попов... И как вошли в Большой острог, при том были подпрапорщик Павел Тюпин, за писаря гренадер Алексей Бутрюмов, с салдаты Иваном Карповым, Антоном Шабалиным и другими да з дневальным канцеляристом Иваном Фоминым, и в том остроге, по перекличке первой казармы, велено выходить колодникам из второй казармы на двор. И как вышли, то той казармы колодничья старосту Ермила Дьякова спрашивал: “Все ль колодники вышли и не имеется ли кого из колодников больных?” И тот староста объявил, что из тех колодников якобы больных человек с семь. И для уверения, что оные подлинно ль больны, входил в ту казарму, и как взошел, то оные колодники явились никто не болен, точию что из них некоторые весьма пьяные. И за то показанного старосту за неправое ево объявление велел высечь плетьюми. Да ис тех же пьяных колодников Ивана Квасникова за слушание, что не идет из казармы, велел было взять салдатам, которого караульные салдаты с немалым криком и дракою едва на двор вывели, понеже явился весьма пьян. И как за то ево шумство и за драку с салдатами велел было посечь плетьюми, то... оной Квасников сказывал за собою, что за ним слово и дело»⁵⁶¹.

После переклички двери тюремных казарм запирались, а ключи клались в специальный мешочек, запечатывались и сдавались в секретарскую палату под

охрану часового. Если во время переключки обнаружилось чье-то отсутствие, караульный офицер бил тревогу: тюремный староста должен был доложить, когда и куда отлучался колодник. 1 июня 1747 года прапорщик Фаддей Быханов рапортовал: «...сего мая 29 дня по переключке колодников и по запирации казарм не явилось в Большом остроге колодника Никиты Мельникова, а по объявлению тюремного старосты Алексея Семенова оной Мельников был взят вверх по полуночи в 9-м часу повытчиком Иваном Архиповым без ведома моего и отпущен он, Мельников, им, Архиповым, за которым по приказу ево, Архипова, капрал Федор Золотой послал солдата Григория Мокрицына, токмо оной капрал о том отпуске мне не объявил»⁵⁶².

По инструкции 1748 года в каждой казарме, кроме женской, на ночь следовало запирать двух караульных солдат, у которых забирались ружья, шпаги и ножи (им позволялось иметь при себе только шелепы). Они должны были следить, чтобы в тюрьмах не было «крику, и драки, и пьянства, и других непорядков, в карты, в кости, и во всякую зернь отнюдь их, колодников, играть не допускать и шеляпами их смирать, а по утру о тех непорядках, которые происходят от колодников, объявлять»⁵⁶³. В поддержании порядка им должны были помогать колодничьи старосты.

Но на практике оказывалось, что с арестантами на ночь запиралось по одному караульному, да и то из числа наименее подготовленных для выполнения таких сложных обязанностей. Так, десятский девятой команды четвертой сотни Егор Костырев, 8 июня 1738 года впервые присланный из Московской полицмейстерской канцелярии в Сыскной приказ для несения караульной службы, был в тот же день отправлен в одну из казарм «для ночевания у колодников». Когда стража порядка запирали в казарме, где содержались 32 колодника, тот растерянно спросил, что ему нужно делать, и в ответ услышал, «чтоб он смотрел, дабы колодники в карты и зерню не играли, и крику, и шуму, и драк у них не было, и ежели что учинитца, о том бы объявил часовому, а часовой их де будет сказывать сержанту»⁵⁶⁴.

Почему заключенные не умирали от холода в зим-

ние ночи в неотопливаемых казармах? Скорее всего, их спасала сильная скученность во всех тюремных помещениях. Казармы были всегда сильно переполнены, тюремные старосты постоянно жаловались на «великую тесноту»⁵⁶⁵, и колодники, видимо, естественным образом обогревали друг друга телами.

Ночью 8 июня 1738 года заключенные одной из казарм подкопались под стену и сбежали. В ходе расследования были опрошены все 32 арестанта, содержащиеся в этой казарме. Некоторых заключенных даже попросили описать точное расположение колодников во время ночлега. Благодаря этому мы имеем замечательные зарисовки тюремного быта обитателей казармы. Так, сбежавший из сибирской ссылки бывший крестьянин села Богородицкого Дмитровского уезда Венедикт Григорьев рассказал: «...сего де июня против девятого числа в ночи спал он, Венедикт, обще с колодниками попом Иванов Петровым да Миняем Давыдовым между ними в середине. И к ним ногами спали колодники Степан Герасимов, Андрей Алексеев, Петр Коверев, Федор Логов, Семен Лаврентьев и другие... А как означенные колодники поп Иван Петров и Миняй Давыдов, подрыв полатную стену, утечку учинили, того он, Венедикт, не слышал. А может де быть, что как те колодники, встав с нар, выходили в покаянную палату, слышали вышеозначенные колодники Степан Герасимов с товарищи?» Подозреваемый в разбое крестьянин Волоколамского уезда Степан Герасимов сын Баранников показал: «...со оным де Петровым и Давыдовым спал между ими в середине колодник сибирский утеклец Венедикт Григорьев, а он де, Степан, спал на нарах от тех колодников... одоль, напротиву их ногами, с колодники Андреем Алексеевым, Петром Коверевым, Федором Роговым, да Семеном Лаврентьевым и с прочими, а как зовут по именам, не упомнит». Еще один сиделец, Степан Федоров, сообщил, что в ту ночь был болен и поэтому «спал под нарами», «а означенные Петров и Давыдов спали з другими колодники... на нарах»⁵⁶⁶.

Каждая казарма была оснащена «парашей», которая, по-видимому, была отделена от главного помещения перегородкой. Хождение колодников в нужник часто

не прекращалось до полуночи. Так, вышеупомянутый десятский Егор Костырев наутро после своего первого дежурства в казарме рассказал: «...будучи де он, Костырев, в той тюрьме с вечера и до полуночи не спал, и которые колодники ис той тюрьмы выхаживали к параше в другую полату, и он, Костырев, за теми колодниками смотрел, и по полуночи он, Костырев, лег спать для того, что де колодники в то время все послули»⁵⁶⁷.

Казармы Большого острога запирались только на ночь, после ежедневной переключки, а днем были открыты, и колодники могли выходить во двор.

Четырнадцатого декабря 1742 года во второй казарме Большого острога колодники Тимофей Бурдин и Иван Онятин вместе с тюремным старостой Александром Нееловым избили заключенного Алексея Беляева, а затем донесли, что тот якобы объявил за собой «слово и дело». Однако сам Беляев на допросе утверждал, что «слова и дела» не говорил, призывая в свидетели остальных арестантов. Тогда судьями и прокурором был произведен опрос всех сидельцев этой казармы с целью выяснить, где каждый из них находился в момент драки. Хотя многие могли сказать неправду, однако всё же их заявления очень важны для понимания специфики тюремного быта колодников Большого острога.

Итак, кроме участников инцидента в казарме на тот момент содержался 31 человек, но свое местонахождение во время потасовки в казарме вспомнил 21 сиделец, из которых лишь семеро в тот момент находились в своей казарме. Заключенный Федор Курочкин спал «на верху на нарах», поэтому драки не видел и ничего не слышал. Еще четверо ссору видели, но объявления «слова и дела» не слышали. Сам же Тимофей Иванов сын Бурдин показал: «...колодника Беляева как бил староста Неелов шелепом, то видел, а Беляев слово и дело сказывал ли, не слышал». И лишь два свидетеля разыгравшегося побоища подтвердили, что действительно слышали объявление «слова и дела». Иван Михайлов сын Антипин «был в той же казарме на нарах» и видел, как «оной Беляев дрался с колодником Бурдиным, а Неелов бил ево, Беляева, шелепом» и в это время пострадавший «слово и дело за собою сказывал».

Но где же в этот зимний день находились остальные 14 колодников? Шесть человек в это время пребывали возле «острожной трубки» — отверстия в стене острога, специально проделанного для того, чтобы родственники, знакомые и просто жалостливые горожане могли передавать для заключенных деньги, пищу и одежду. Так, Яков Путилин показал, что он во время потасовки в казарме «был у трубки на часах для сбирания милостыни». Еще трое — Василий Сатин, Федор Зубков и Нестор Волынка — утверждали, что в тот момент находились в часовне (вспомним, что часовня была единственным отапливаемым помещением на территории Большого острога). Еще трое заключенных в тот момент сидели в соседней третьей казарме. Наконец, Антип Павлов «в то время в той казарме не был, а был во дворе», а Алексей Муховников «был взят в приказ»⁵⁶⁸.

Как видим, часовня уступает в популярности «острожной трубке». «Трубка» имела в жизни всех заключенных огромное значение. Именно через нее осуществлялась связь колодников с вольным миром: сидельцы получали еду и одежду, а сами отдавали родственникам белье для стирки⁵⁶⁹. Тем же путем им подавали милостыню некоторые сердобольные прохожие. По инструкции вещи, передаваемые через отверстие в стене, должны были принимать караульные солдаты, после чего их обязан был осматривать караульный офицер. Пищу следовало «отведывать ему, унтер-офицеру, самому» из опасения, чтоб «в тех пищах отравы не подали». Затем хлеб, мясо и прочие продукты надлежало «разрезывать по частям и как возможно осматривать же, не имеется ли между тем каких инструментов, и ключей, и вина... понеже многие таковые явились, что вино принашивали, якобы квас, и под капустою, тако ж в трупке и между тыну острожного в щели подавали в пузырьях... да им же, колодникам, по вымыслам их к утечкам приношены были в тряпье и отдаваны тайно пилы, зашитые в платье». Караульные, охранявшие острог с внешней стороны, должны были следить, чтобы «у трубки те податели не стояли б». Однако вряд ли это предписание соблюдалось. Из документов Сыскного приказа видно, что на посту у «трубки» стояли поочередно сами колодники⁵⁷⁰,

а другие постоянно толпились рядом с внутренней стороны стены, тогда как их родственники и податели милостыни — с внешней.

На стене острога висели запечатанные ящики для сбора милостыни. Распределение ее между заключенными происходило по воскресным дням. В соответствии с инструкцией эта процедура должна была происходить следующим образом: «А делить тою милостыню в Большом остроге при караульном обер-офицере, и во время того дележа в том остроге колодников запирают по тюрьмам всех, а к дележу... выпускать по одному человеку, и в то время за каждым человеком быть по одному караульному солдату, и во время того дележа за теми колодниками обер- или ундер-офицеру смотреть, чтоб шуму и драки у тех колодников и подозрительных поступок не было, и по разделении той милостыни означенных колодников разводить в прежние их места, где кто сидел, и по разводу в Большом остроге тюрьмы отпирать по-прежнему, а до разделу и по разделу как самому обер-офицеру, так и команде ево... от тех колодников денег ни под каким видом не брать и не требовать»⁵⁷¹.

Из дел Сыскного приказа видно, что многие колодники имели личные деньги, на которые они покупали себе квас и еду у харчевниц, ежедневно в определенное время допускаясь в острог со всяким съестным⁵⁷². Кстати говоря, регулярной раздачи еды в Сыскном приказе не было. В некоторых казармах сидельцы под началом тюремного старосты скидывались на ежедневную закупку каши (их называли «кашеядцы»). Видимо, эта практика становилась почвой для постоянных конфликтов между арестантами. Так, 14 декабря 1742 года во второй казарме Большого острога именно «кашеядцы», избив Алексея Беляева, отняли у него деньги, полученные им в милостыню⁵⁷³.

Распитие спиртных напитков, несмотря на строгие запреты, было неотъемлемой частью повседневной жизни колодников Сыскного приказа. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные дела об объявлении заключенными «государева слова и дела» в нетрезвом виде. Так, содержащийся в пятой казарме Большого острога колодник Иван Черкас 26 марта

1740 года «сказывал за собою Ея Императорского Величества слово и дело», после чего был посажен под особый караул, а проспавшись, признался, что «слово и дело за собой сказывал ли, того он за пьянством не упомнит». Ночью 9 октября 1749 года крик «слово и дело!» раздался в четвертой казарме — и вновь из уст пьяного колодника, который затем на допросе показал: «...слово и дело сказывал ли, не упомнит, понеже был весьма пьян»⁵⁷⁴.

Сами караульные солдаты и офицеры снабжали своих подопечных вином, неплохо на этом зарабатывая. Так, сидевший во второй казарме Большого острога Иван Квасников, который во время переключки 12 октября 1747 года оказался сильно пьяным, затеял драку с караульными солдатами, а затем объявил «слово и дело», на допросе рассказал: «...вино по просьбе ево, Квасникова, да колодника Алексея Вавилова принес им в острог имеющийся при Сыскном приказе барабанщик Данила Пушкарев, которого вина купил им на девять копеек, и оное вино он... с показанным Вавиловым выпили обще и стали быть пьяны». Барабанщик в приносе в острог выпивки не признался, а показал, что «оной Квасников дал ему для покупки вина девять копеек, на которые купя он, Данила, вина, выпил сам». На сей раз никакого взыскания не последовало. Но восемь дней спустя в застенок для пытки привели колодника Ивана Пестрикова, который при осмотре «явился весьма пьян» и после вопроса судей, кто ему достал вино, указал на того же Пушкарева. Караульного в тот же день вызвали в судейскую и строго допросили. Он вынужден был признаться, что «означенной Пестриков сего октября поутру, призвав ево... к трубке, и просил ево, чтоб он принес к нему вина, и подал ему денег девять копеек, которые он взял и купил того вина только без полушки на четыре копейки, которое ему, Пестрикову, и подал». Провинившегося барабанщика отослали из Сыскного приказа и отдали под военный суд. Но если таким наказанием и удалось напугать караульных солдат и офицеров, то совсем ненадолго. Содержавшийся в первой казарме колодник Никита Башкирев в 1749 году на допросе признался: «...он, Башкирев, слово и дело сказывал ли, того он... ска-

зять не упомнит для того, что он сего апреля 19 дня был весьма пьян, а вина ему, Башкиреву, принес по просьбе ево на пять копеек и подал в трубку стоящий в Сыскном приказе караульной салдат, а как ему имя и отчество... не знает, и в лицо ево признать не может»⁵⁷⁵.

Проносили в острог вино и сидельцы, которые ежедневно выпускались из острога для различных нужд. Так, в 1739 году из-за кувшина вина, принесенного одним из них, в остроге произошла драка. Сидевший во второй казарме участник потасовки Игнатий Сидоров так описал эту сцену: «...сего декабря 7 дня, как отпускали колодничьи связки по воду, и в то время содержащийся в том остроге второй казармы колодник Борис Никифоров по отпуску караульного сержанта Филиппа Кондратьева з десятским... для покупки щербы* отпущен был, и при выпуске... по просьбе той же казармы колодника Ивана Шветенка взял у него денег два алтына для покупки вина. И он, Никифоров, сходя для покупки... щербы и вина, пришед к острогу к передней трубке, и в тою трубку помянутое вино в малом кувшинчике подал ему, Игнатью, которое он принял, потому что в то время он, Игнатий, имелся по дневанью на часах... И в то время у той трубки прилучился быть первой казармы колодник Алексей Самарин, и то вино в том кувшине усмотря, стал у него, Игнатья, отнимать, и ухватился за кувшин, а он, Игнатий, тот кувшин держал за ручку, и между тем, отъемом, тот кувшин разорвали пополам, и тем вином оному Самарину залили кафтан и балахон»⁵⁷⁶.

В делах Сыскного приказа содержатся указания на то, что среди колодников находились предприимчивые люди, которые зарабатывали на купле-продаже спиртных напитков внутри острога. Обвинявшийся в краже Михайла Осипов вечером 10 мая 1748 года «по запирании казарм» сказавший «слово и дело», на допросе перед членами присутствия признался, что, «будучи в Большом остроге во второй казарме, Ея Императорского Величества слово и дела за собой в пьянстве сказывал, а за ним... слова и дела ни по которому пункту нет... а вино

* Щерба — рыбная уха.

купил он в той же казарме у колодника Семена Голова на четыре копейки с половиной, и выпил один, а где он, Голой, то вино взял, того он... не знает. А оной де Голой тем вином шинкует и продает и другим колодникам»⁵⁷⁷.

По инструкции допускать в острог для свидания с колодниками можно было только с разрешения судей в присутствии караульного офицера при условии, что на встрече не будут вестись никакие разговоры⁵⁷⁸. Тем не менее коммуникация колодников с окружающим миром существовала. Хотя тюрьмы и были окружены острогом, между бревнами колодники проделывали «скважины», через которые могли регулярно общаться с родными и знакомыми. 9 октября 1751 года содержащийся в Большом остроге арестант Федор Степанов, «впросясь в присутствие», донес на товарища по несчастью Якова Неклюдова: «сего де числа, пришед... к трубке... женка Пелагея Степанова... и говорила ему... чтоб он выслал к ней оного Неклюдова, которого он... к ней выслал. И потом оной Неклюдов от той трубки отошел, тако ж и оная женка отошла ж, и оной Неклюдов со оною женкою... позади того острога в скважину говорили». Доносчик подкрался поближе и подслушал их разговор:

— Велели де тебе поклонитца Василий Васильев да Степан Жданов, которые из Сыскного приказа бежали, — шепнула в скважину Пелагея.

— Ныне где оные Васильев и Жданов живут, и где ты их видала?

— Видела их на Сретенской улице.

— Жительство они где имеют? — спросил Неклюдов.

— Они живут в Пушкарях в Сергиевской улице.

Арестант попросил:

— Ежели увидишь их, то объяви, чтоб прислали мне в милостыню денег ⁵⁷⁹.

Когда Сыскной приказ перевели с Москворецкой улицы на Калужский житный двор, где был отстроен новый острог, арестанты и там проделали между бревнами отверстия, позволявшие им выглядывать из острога, видеть происходящее в свободном мире, переговариваться с родственниками и знакомыми. Судьи приказали караульному офицеру Федору Бестужеву за-

делать эти щели. Спустя несколько дней, 22 августа 1755 года, Бестужев рапортовал: «Оные... колодники угрожают, что ежели кто станет те скважины заделывать, то они камнем глаза всем выбьют, ис чего опасно, чтоб от тех колодников и вящих не порядков не учинилось». Однако щели всё же были заделаны. Но спустя пять дней уже другой караульный офицер, Степан Бородавкин, доложил, что «вставленные между стоячих бревен заделки теми колодниками выколочены, а кем именно, неизвестно»⁵⁸⁰.

Впрочем, колодники имели массу других возможностей контактировать с внешним миром. По инструкции позволялось отпускать преступников, которые содержались «не в важных делах», из острога «для нужды за квасом и водой на тюрьмы», для выноса параши к кремлевскому рву, для «чищения помета» или уборки снега во дворе Сыскного приказа и прочих хозяйственных работ. Так, именно арестанты сооружали сгоревшие в пожаре 1737 года деревянные строения Сыскного приказа. 4 января 1742 года доноситель Каин в одном из первых своих «изветов» показал: «Сего де числа он, Каин, с протчими колодники из Сыскного приказу послан был на Москву-реку для взятя ко оному приказу на топление печей бревен, и как он, Каин, вышел из острогу и у Большого острогу усмотрел он школьника Адексея Иванова сына Елахова». Осенью 1752 года по указу Московской сенатской конторы Сыскной приказ снарядил 200 арестантов под конвоем сотни солдат для уборки «на Ивановской площади разбитых Успенского колокола штук и сравнения около ямы, где состоит колокол, земли»⁵⁸¹.

Несмотря на строгие предписания, за определенную плату для работ из острога выпускались даже заключенные, приговоренные к смертной казни. Таким образом в 1749 году из Сыскного приказа сбежали четверо «смертельных» колодников. Как показало расследование, они заплатили караульному сержанту Ивану Шульгину, чтобы тот выпустил их вместе с товарищами по несчастью убирать территорию Сыскного приказа. Тюремный староста Тимофей Афанасьев через несколько часов после побега арестантов рассказал: «Сего 11 мар-

та по полуночи в 11 часу содержащиеся при оном приказе в Большом остроге колодники Федор Степанов, Яков Неклюдов, Михайла Бухтеев, Петр Карпов, Михайла Филимонов просили обретающегося при оном Сыском приказе сержанта Ивана Шульгина, чтоб выпустить их для чищения помету, по которым словам оной сержант ис того острогу оных колодников велел выпустить. Токмо де он, Афонасьев, ему, Шульгину, про тех колодников, что их не надлежит выпускать, объявлял. И потому оной Шульгин ему, Афонасью, сказал: “Разве де ты большой?” И за тот невыпуск хотел ево бить палкою. И он, Афонасьев, убоясь того, тюремные двери отпер и означенных колодников по приказу реченного сержанта Шульгина выпустил, токмо о том обер-офицеру не объявлял простотою своею». После работы четверо приговоренных к смертной казни отпросились у того же караульного сержанта сходить в ближайший к Сыскому приказу кабак — возле Москворецких ворот, «что словоет Солянка». Но обратно уже не вернулись ни смертники, ни четверо охранявших их солдат⁵⁸².

О выпуске из острога арестантов, согласно инструкции, следовало сперва доложить караульному офицеру, потом записать их имена в специальную книгу и отпускать их не иначе как в нашейных цепях и с двумя солдатами-конвоирами. Караульные солдаты и офицеры должны были строго следить, «чтоб те колодники по рядам, и по кабакам, и по дворам никуды не ходили, кроме того места, куда оне посланы»⁵⁸³. Но в реальности многие формальные процедуры опускались и колодников выводили из острога и без записи, и без ведома караульного офицера, по одной лишь договоренности с капралом или канцелярским служащим, и без нашейной цепи или вовсе без всякой заковки, под охраной одного солдата, а иногда и вовсе без всякого караула, под честное слово. Таких примеров очень много, приведем только несколько случаев.

Двадцать девятого мая 1747 года содержащийся в Сыском приказе беглый рекрут Никита Мельников обратился к караульному капралу Федору Золотому, чтобы тот сходил в присутствие и попросил канцеляриста Ивана Фомина, в чьем повытье находилось его след-

ственное дело, вызвать подследственного к себе. По распоряжению понытчика колодника вывели из острога и доставили в присутствие якобы для какой-то следственной процедуры. Там арестант уже лично попросил канцеляриста «отпустить ево для взятъя хлеба до лавки». Фомин велел капралу «объявленного Мельникова для взятъя ему хлеба отпустить на самое малое время». Капрал же «простоюю своею» отправил преступника за территорию приказа без нашейной цепи, в одних ножных кандалах, без записи в журнал и без доклада офицеру, под конвоем лишь одного солдата Григория Мокрицына, которому приказал «с тем колодником сходить поскорее, а до которого места иттить, не сказал». Они направились «за Яузские ворота в Семеновскую слободу, что в Таганке... незнаемо на чей постоялой двор», где колодник просил у разных людей «на хлеб», а один сердобольный подал «на хлеб денег с гривну и поил их вином»⁵⁸⁴. Очевидно, такого рода вояжи чиновники и караульные офицеры Сыскного приказа организовывали колодникам отнюдь не бесплатно.

Иногда за мзду караульные офицеры отпускали арестантов в город даже без какой-либо определенной цели. Так, в 1737 году дежурный прапорщик Яков Зловидов отправил из Сыскного приказа «прогуляться» дворового человека Михаила Ординовского. Примечательно, что тот был вообще никак не закован и охранялся лишь одним караульным солдатом. Прапорщик потом утверждал, что он отпустил Ординовского «в дом помещика своего для взятъя хлеба». Однако конвоировавший преступника караульный солдат Терентий Степанов так и не понял ни цели, ни конечного пункта прогулки: «...сего августа 18 числа, то есть в четверток, в обедни... по приказу... прапорщика Якова Васильева сына Зловидова послан для караулу колодника... которой отпущен был по приказу оного прапорщика... а для чего и куды имянно отпустил, о том он, Зловидов ему, Степанову, имянно не сказал».

Куда же отправилась эта парочка — незакованный арестант и караульный солдат? Терентий Степанов рассказал, что они сперва «пошли за Яузские ворота в Таганку для гуляния, и были в той Таганке часа с два, и по-

том с той Таганки пошли... за теми ж Яузскими воротаы в приход церкви Всемилоствитого Спаса, что словет в Гончарах, к нему, Степанову, на квартиру... и с ним, Ординовским... в той квартире ево обедали. И, пообедав... пошли в город на Красную площадь, и по полудни часу в другом оной Ординовский с ним, Степановым, пришли в Кремль на Потешной двор, а зачем ходили, того он, Степанов, не знает». Как видно, арестант и его конвоир за время этой прогулки успели подружиться. Но в конце концов Ординовский огорчил своего нового друга — скрылся от него в толпе⁵⁸⁵.

Даже колодники, отпускаемые бесплатно для выполнения каких-то заданий (за водой или квасом, для выноса параша, за едой и пр.), не упускали возможность задержаться на свободе подольше, развеяться от мрачного тюремного быта, прогуляться по московским улицам или же зайти в кабак. Так, 22 марта 1740 года заключенные Семен Леонтьев и Василий Полетаев были отпущены с ушатом на Москву-реку за водой. Они были закованы в ножные кандалы, а при выпуске из казармы на них надели двушейную цепь и командировали для их сопровождения караульного солдата Федора Андреева сына Морозова. Чтобы добраться до места назначения, арестантам нужно было проделать всего несколько десятков шагов — немного пройти по Москворецкой улице, миновать Москворецкие ворота и спуститься к Москве-реке, что должно было потребовать никак не более четверти часа. Но колодники и охранявший их солдат не вернулись ни через полчаса, ни через час, ни даже через день. Лишь четыре дня спустя конвоир явился в Сыскной приказ один, без колодников, и рассказал о их похождениях:

«И те колодники, взяв ушат, с ним, Морозовым, пошли, и как они будут (так в рукописи. — *Е. А.*) близ Москворецких ворот, оные колодники показанной ушат в лавке поставили, которой тот ушат приказали смотреть той лавки лавочнику... а сами они... пошли за Москву-реку на Балчуг. И на том Балчуге, пришед на кабак... купили на три алтына вина, и выпили они, колодники, с ним, Морозовым, вместе. И выпив то вино, с означенного кабака сошед, и из них, колодников... Василий Полетаев

стал ево, Морозова, просить, чтоб он за ними сходил к дяде ево, Полетаеву, в Новую Ладогу, что имеется в Ново-немецкой слободе на Большом рынке, на фартину, которой де имеетца на той фартине целовальником... И по тем словам он, Морозов, с ними идти и обещался. И те де колодники на том Балчуге, наняв извозщика, с ним... во оную Ладугу и поехали, в которую приехав, пришли на кабак. И на том кабаке оной Полетаев пришел к стойке и имеющемуся у продажи вина целовальнику, которого тот Полетаев называл дядею, просил вина. И тот де целовальник оному Полетаеву давал безденежно, и пили все вместе... И оные колодники... с того кабака сошед, наняли извозщика, а куды, подлинно за пьянством сказать не упомнит, и сели с ним в сани, и поехали было с той фартины, и оные колодники с тех саней ево, Морозова, пьянова столкнули. И он де, Морозов, свалившись с тех саней, ночевал на улице, а оные колодники куды уехали, и ныне где сыскать, не знает»⁵⁸⁶.

По договоренности с караульными некоторые подследственные имели возможность не только сходить в кабак, но также побывать у родственников и даже помыться в бане. Так, 3 июля 1749 года караульный капрал Михайла Тарасов отпустил Ивана Шевердяева, дворового человека Федосьи Петровой дочери Хрущевой, в «баню паритца» под караулом солдата Мины Ермолина, причем арестант был «без желез», то есть не закован в ручные или ножные кандалы. На допросе капрал объяснил свой поступок тем, что и ранее неоднократно отпускал Шевердяева в баню незакованного и под присмотром одного солдата, и заключенный всякий раз благополучно возвращался. Но на этот раз капрал поплатился за пренебрежение должностными инструкциями. Конвоир Ермолин рассказал, что колодник, выйдя из острога, попросил сводить его в дом его госпожи за Варварские ворота «для взятья рубахи». Они отправились к Ивановскому монастырю в дом полковницы Хрущевой, куда арестант зашел и через некоторое время вышел с чистым бельем вместе с еще двумя дворовыми, намеревавшимися пойти с ним вместе попариться. Вся компания прошествовала в баню на Яузе, где дворовые разделись и «на том банном дворе все обще па-

рились». Ожидавший своего подопечного караульный в задумчивости прогуливался возле бани, а может быть, разговаривал с встреченным приятелем. Тем временем дворовые, «не сказався ему, Ермолину, оделись и побежали на вышеобъявленной помещицы своей двор, и он де Ермолин ис той бани побежал за ними... до того помещицы их двора, только догнать не мог, а на том дворе другие дворовые люди объявили ему, что оной Шевердяев после того, как пошел в баню, в дом помещицы их не бывал». Однако солдат утверждал, что «в то ж время показанного утеклеца Шевердяева видел сквозь решетчатые огородки в огороде*, только де в тот огород другие оной госпожи Хрущевой люди, которых тогда на том дворе было многолюдно, для поимки того колодника, тако ж и для доклада о той утечке к госпоже своей ево... не допустили»⁵⁸⁷.

Отметим, что если отпущенные из Сысного приказа арестанты совершали побег, ответственность почти всегда несли не дежурные офицеры или чиновники, по приказу которых те были отпущены, а охранявшие их караульные солдаты, допустившие побег.

Жены некоторых колодников старались снять угол вблизи от острога Сысного приказа — в Зарядье или на Москворецкой улице, — чтобы ежедневно видеться с мужьями, передавать им чистую одежду и еду. 14 января 1748 года капрал Дмитрий Лобанов поймал возле острога жену одного из колодников. Капрал рапортовал, что «как он... ходил для осмотра караулов, и в то время он... у Большого острога у трубки усмотрел вышеписанную женку Катерину Владимирову и при ней пузырь с вином, которой подавала, завязав в платке... мужу своему Михайле Филимонову в трубку».

На допросе задержанная рассказала свою грустную историю, достойную пера романиста: «Катериною ее зовут Володимерова дочь. От роду ей осмнатцать лет. Отец де ее Володимер Иванов сын, прозвище не имеет, иноземец курляндской земли города Литавы (возможно, Митавы. — Е. А.) купец. И тому лет з десять она, Катерина, вывезена в Санкт-Петербург того ж города Литавы ино-

* Огород — здесь: территория, обнесенная оградой.

земкою Анною Ивановой дочерью, которая имелась при дворе блаженныя и вечно достоянныя памяти государыни императрицы Анны Иоанновны камер-юнгфром*. И жила она, Катерина, во дворце при оной иноземке года з два во услужении... И тому ныне осьмой год она иноземка Иванова выдала ее, Катерину, замуж лейб-гвардии Семеновского полка за солдата Михайла Васильева сына Филимонова». Через год после свадьбы гвардеец за какое-то преступление «с вырезанием ноздрей послан был в ссылку в Сибирь». Вскоре он из ссылки сбежал и вернулся к жене. Супруги сперва тайно жили в Санкт-Петербурге, а потом в Москве. Ее муж регулярно «в ночные часы ходил незнаемо куды», а однажды и вовсе не вернулся. Поутру Катерина нашла его «содержащегося в полиции с поличною коробкой». Для расследования дела о краже Филимонова прислали в Сыскной приказ, но следствие затянулось более чем на два года. Между тем супруга подследственного сняла жилье возле острога — «близ Москворецких ворот в приходе церкви Всемиловитого Спаса, что слово Мокрого, той церкви у дьяка Михайла Тимофеева... в углу» за копейку в неделю. Зарабатывая на жизнь прядением «льняных петинок на продажу», она каждый день приносила мужу вещи и еду. Как обычно, 14 января женщина пришла к «трубке» Большого острога и подала супругу серый кафтан, а тот подал ей бычий пузырь и 24 копейки, «повелев» на эти деньги купить выпивки. Катерина отправилась на Каменный мост, где купила четверть ведра вина и перелила его в кувшин. Дома, «взяв воронку, чтоб того вина никто не видал, вышла в нужник и то вино из кувшина перелила в показанной пузырь». Обернув пузырь платком, женщина принесла его к острогу и хотела передать мужу через «трубку». «И в то время, усмотря ее караульный капрал... с тем вином поймав ее, Катерину, привел к стоящему на карауле у Сыского приказа офицеру», — закончила свой невеселый рассказ жена сидельца.

Муж задержанной в тот же день был допрошен и показал: «Катерина Володимерова ему, Филимонову, за-

* Искаженное камер-юнгфер (от нем. *Jungfer* — девушка) — низшая придворная должность, девушка для прислуживания при одевании императрицы.

конная жена. А сего де генваря 14 дня она ево жена приходила к нему, Филимонову, для подания ему кафтана серого... которая в то время была весьма пьяна... И потом караульные солдаты ему, Филимонову, сказали, что она ево жена поймана с вином, несущим в пузыре, а к кому то вино она ево жена несла, не ведает».

Затем супругам организовали очную ставку, на которой Катерина взяла всю вину на себя: «...была она, Катерина, весьма пьяна, и в том де пьянстве она, Катерина, купила себе на Каменном мосту в ведерной, сложась с другими покупателями, полчетверти вина... И то вино... несла она в квартиру свою... И как будет против острогу для подания мужу своему означенного кафтана, была пьяная, а означенной пузырь с вином в то время был у нее под пазухой. И как де она вышеписанной кафтан стала тому своему мужу подавать в трубку, в то время караульной капрал... взяв ее, Катерину, со оным вином в пузыре, привел к караульному».

В Сыскном приказе этому признанию не поверили, обоснованно заподозрив женщину в том, что она передавала в острог вино для своего супруга не первый раз. Катерина была выпорота плетью, «чтоб она впредь колодникам вина отнюдь не носила», и в начале февраля 1748 года отпущена с распиской в том, чтобы «ей, Катерине, к Сыскному приказу вина не приносить». «На расписку» ее взял сторож приказа Василий Лукьянов⁵⁸⁸.

Из другого дела мы знаем, что Михаилу Филимонову время от времени удавалось отпрашиваться из острога, чтобы проводить счастливые минуты в семейном кругу. Так было, например, 11 марта 1749 года, когда бывший гвардеец вместе с другими колодниками был под караулом выпущен из острога на уборку территории возле Сыскного приказа. В то время как остальные работали, он с позволения караульного сержанта под охраной одного солдата отправился к жене. На допросе Филимонов так рассказал об этом: «...по полуночи в 10-м часу... при выпуске из Большого острога колодников... для чистения за Большом острогом помету просил он, Михайла, караульного сержанта Михайла Шульгина отпустить ево для свидания з женою ево Катериною Володимеровою дочерью, которая живет близ Сыскного приказа в

полатке... понеже болен малолетний сын их имеется, и оной сержант Шульгин... за ним послал особого одного солдата... И он, Филимонов, с тем солдатом пришел к означенной жене своей. А после того к нему, Филимонову, в тот дом пришли и показанной Шульгин, и староста Тимофей Афонасьев. И в том доме он, Филимонов, купя вина на кабаке за десять копеек, выпили. И, выпив, оной сержант и староста от него пошли, а ево, Михайлу с солдатом, оставили в том доме. И после того он, Михайла, со оным салдатом пришел ко означенным колодником... для чищения помету»⁵⁸⁹.

Тогда же солдаты повели к супруге другого колодника, выпущенного для работы. Это был приговоренный к смертной казни Михайла Бухтеев, ожидавший рассмотрения своего дела в Сенате. Его жена также жила «близ острогу». Как и в предыдущем случае, караульный сержант и тюремный староста отправились в гости к жене арестанта, где они все вместе пили вино, пока остальные колодники «чистили помет»⁵⁹⁰. Складывается впечатление, что практика выпускать колодников для свидания с их женами была традиционной для Сысского приказа. У Михаила Филимонова и Екатерины Владимировой за годы, когда муж сидел в остроге, даже появился сын.

Кроме выполнения всяких хозяйственных нужд, сидельцы имели и другую легальную возможность проводить время на свободе, вне стен Сысского приказа.

«Для прошения милостыни на связках отпускать...»

Утром 15 июня 1738 года ворота Большого острога Сысского приказа растворились и оттуда, гремя цепями, вышли два колодника — Иван Короткий и Степан Васильев. Они были закованы в ножные кандалы и привязаны друг к другу с помощью двушейной цепи. Охраняли их два караульных — 49-летний десятский Гаврила Сафонов и пятидесятилетний солдат Коломенского полка Иван Дружинин. Предварительно эти караульные получили из канцелярии Сысского приказа билет с указанием места, в котором им следовало стоять с ко-

лодниками для сбора теми подаяния. Очевидно, это делалось для того, чтобы равномерно распределять просящих милостыню арестантов по многолюдным местам центра Москвы. Названной четверке было приказано находиться у Никольских ворот Китайгородской стены (в районе современной Лубянки).

О том, что происходило после того, как компания покинула территорию Сысского приказа на Васильевском спуске, рассказал на допросе караульный солдат: «И как он, Дружинин, с тем десятским и колодниками из острогу пошли, то по просьбе тех колодников зашли на фартину, которая называется “Фантан”, и купили те колодники вина на четыре алтына, и выпив то вино, пошли к показанным воротам для прошения милостыни, где им по билету стоять показано, и стояли по полудни до первого часу. И оные колодники их, Дружинина и десятского, просили, чтоб им отдохнуть на час, и по той их просьбе они близ ворот, взошед на болверок (болверк. — *Е. А.*), легли отдыхать, и как он, Дружинин и десятской, уснули, и в то время оные колодники от них ушли»⁵⁹¹.

Практика выводить колодников на улицы для прошения милостыни очень древняя. Она была связана с тем, что многие заключенные не имели никакого пропитания. На казенном обеспечении в Сысском приказе находились лишь те колодники, которые состояли под следствием по важным государственным делам. Обвиняемые по «челобитчиковым» делам (инициированными заявлениями частных лиц) должны были содержаться за счет просителей. Все остальные категории арестантов, в том числе «взятые» Каином профессиональные воры, должны были кормиться исключительно за счет мирского подаяния.

Первая попытка запретить вывод колодников для сбора милостыни была сделана Петром I. 20 сентября 1722 года он указал: арестантов, содержащихся в Москве по «государевым делам», отсылать на казенные работы и платить им по четыре деньги на день. Но спустя месяц император вынужден был отказаться от запрета — 17 октября был издан новый указ: «...ежели тех колодников на казенные работы требовать не будут, и из тех ко-

лодников, которые держатся в государевых делах, а не в челобитчиковых, отпускать для прошения милостыни из каждого места по одной, а где таких колодников много, то по 2 и по 3 связки и больше, смотря по пропорции колодников. А которую милостыню они соберут, то оную делить на тех колодников, которые в государевых делах держатся, кроме челобитчиковых дел. И чтоб те колодники с работ, также и когда отпущены будут для прошения милостыни, уйти не могли, сделать длинные цепи с примера того, как на каторжных учинены»⁵⁹². Таким образом, фактически произошла легализация этой практики: Петр не просто разрешил выводить арестантов для прошения милостыни, но и указал, каким образом нужно было это делать. После этого, если судить по законодательству, власти на какое-то время вообще забыли о проблеме.

Вид бродивших по улицам на двушейных цепях колодников был привычным для повседневной жизни города. Отдельные следственные дела Сысского приказа позволяют в деталях реконструировать, каким образом происходил ежедневный вывод сидельцев на улицы Москвы для сбора подаяния.

Утром 13 апреля 1740 года из острога Сысского приказа были отпущены для прошения милостыни колодники Григорий Юдин и Алексей Егоров под охраной двух караульных — драгуна Петра Полякова и десяцкого Алексея Семенова. Как обычно, преступники были закованы в ножные кандалы, а кроме этого на них была надета двушейная цепь. Караульным был выдан билет с предписанием стоять с их подопечными на мосту у Никольских ворот Китайгородской стены. Проходя через Красную площадь, арестанты уговорили конвоиров по дороге зайти в кабак, на свои деньги купили вина, которое вместе с ними и распили. Потом они, наконец, добрались до Никольского моста, где некоторое время просили милостыню. Немного погодя колодники упростили караульных сводить их для свидания к родственникам, которое, конечно, также не обошлось без выпивки. Когда компания вернулась на Никольский мост, все четверо были пьяны. Поэтому долго простоять, прося подаяние, они не смогли, забрались на Китайгородскую стену,

где и уснули. Когда же караульные проснулись, то обнаружили, что один из их подопечных каким-то образом умудрился снять с себя цепь и убежать⁵⁹³.

Таких колодников, ежедневно выводившихся на связках в город, было очень много. Они не только стояли в людных местах и нараспев просили милостыню, но также бродили по торговым рядам, по Красной площади, заходили в кабаки — и это не воспринималось московскими обывателями как нечто из ряда вон выходящее. Так, целовальник кабака «Покровская Астерия» в Новонемецкой слободе Яков Яковлев 5 мая 1740 года в Сыскном приказе рассказал, что «в вышеписанную Покровскую Астерию... как преж сего, так и ныне из разных приказов и со штабных дворов колодники для прошения милостыни приходят и ис тех колодников другие, покупая на деньги вино и пива, пьют»⁵⁹⁴.

Если судить по делам Сыскного приказа, чуть ли не каждый такой вывод сидельцев для прошения милостыни сопровождался походом в кабак и совместным распитием спиртных напитков охранниками и колодниками за счет последних. Поэтому не приходится удивляться тому, что заключенные всегда просили милостыню в сильно нетрезвом виде, что, видимо, вызывало некоторое раздражение у московских обывателей.

Вечером 9 ноября 1738 года копиист Сыскного приказа Герасим Петров после напряженного рабочего дня прогуливался по Красной площади. Зайдя в Казанский собор, он встретил коллегу, канцеляриста Василия Панова, и приятели направились в Кремль через Спасские ворота. Но их прогулка была омрачена происшествием, о котором копиист рассказал в своем доношении: «...и близ Спасских ворот попались мне содержащиеся колодники Егор Петров да Федор Щукин с караульными солдатами пьяни, у которых колодников усмотрел я, что на нашейной цепи замки не сомкнуты». Копиист, обнаружив непорядок, сорвал несомкнутый замок с цепи одного из колодников и отдал для осмотра другому канцеляристу. Но пьяные караульные солдаты «тот замок насильством из рук вырвали, и вырвав, примкнули к той цепи, и при том бранили как меня, именованного, так и оного канцеляриста Панова матерно, и говорили,

что вам до того дела нет». Обиженный Петров пошел в Сыскной приказ и доложил караульному офицеру, подпрапорщику Осипу Смирному, что колодники с караульными солдатами расхаживают по Красной площади пьяные и с незамкнутыми цепными замками. Но реакция офицера была совсем иной, нежели рассчитывал ретивый копиист: тот его «незнаемо за что бил палкой». В Сыскном приказе было проведено расследование этого происшествия. Караульные солдаты на допросах не смогли объяснить, почему замки на двушейной цепи были не замкнуты, а подпрапорщик Смирной оправдывался, что канцеляриста Панова и копииста Петрова «за шумство и за пьянство бил... по спине палкою, и ударил только два раза». Судьи Сыскного приказа вынесли решение: караульным «за слабое за... колодники смотрение, у которых на нашейных цепях были замки худые, и за допущение тех колодников до пьянства, от которого кроме утечки ожидать было нечего, и за бранное поношение... подъячих, которых они бранили матерно... при собрании в строй солдат учинить наказание — бить батоги»; колодников же за то, что «они, будучи на связке для прошения милостыни, явились пьяни», следовало выпороть плетьюми⁵⁹⁵.

Видимо, для сбора подаяния выпускали не всех колодников. В документах Сыскного приказа есть упоминания о неких списках, куда вносились имена «ненужнейших» колодников, подлежащих отпуску из острога для прошения милостыни⁵⁹⁶. Но не исключено, что за определенную плату этим правом могли пользоваться и наиболее опасные преступники.

На законодательном уровне к этой проблеме власти возвращаются лишь в конце 30-х годов XVIII века. 23 декабря 1736 года был опубликован указ Московской сенатской конторы: «Понеже Правительствующаго Сената в конторе известно учинилось, что содержащиеся в Москве колодники из разных приказов отпускаются на связке для прошения милостыни без одежды в одних ветхих рубахах, а другие пытаны, прикрывая одни спины кровавыми рубашками, а у иных от ветхости рубах и раны битые знать, того ради по указу Ея Императорскаго Величества Правительствующаго Сената

контора приказали: в коллегии, канцелярии, приказы и конторы послать указы, велеть... колодников для прошения милостыни на связках отпускать с добрыми караульщиками, связки по 2 и по 3, в одежде, а в одних рубашках, а особливо пытаных, с кровавыми рубашками отнюдь не пускать». Но можно с уверенностью утверждать, что арестантов продолжали выводить на московские улицы в разодранных рубашках с окровавленными после пыток спинами. Именно это и стало главной причиной издания указа от 29 января 1749 года, призванного полностью упразднить эту практику в Москве: «...ныне Правительствующим Сенатом усмотрено, что многие колодники пытаные в разодранных платьях, что едва тела лоскутьями прикрыты, стоя скованные на Красной площади и по другим знатным улицам, необычно с криком поючи, милостыни просят, тако ж ходят по рядам и по всей Москве по улицам. Того ради по указу Ея Императорскаго Величества приказали: во все обретающиеся в Москве коллегии, канцелярии, приказы и конторы послать с крепким подтверждением указы, велеть имеющихся в тех местах колодников... которые, за караулом сидя, прокормить себя не могут, таких мужеска пола для казенных работ отсылать в Московскую губернскую и полицмейстерскую канцелярии или откуда сколько требовано будет, а баб и девок для работ же на мануфактурные прядильные дворы, где давать заработных денег, как мужеска, так и женска пола, по 2 копейки на день человеку, а которые колодники держатся в исковых исках, тех кормить истцам, и на связки не отпускать»⁵⁹⁷.

Но вопреки этому запрещению колодников продолжали по традиции регулярно выводить на связках для сбора мирского подаяния. 3 июня 1752 года последовал подтвердительный указ (не вошедший в Полное собрание законов Российской империи): «Правительствующего Сената конторе не безызвестно, что в Москве и в судебных местах отпускаемы бывают из содержащихся колодников по улицам на связке после пыток и ходят без рубаш обнажены, причем точию спины кровавыми рубашками прикрыты, что признается не безызвестно. Того ради по указу Ея Императорского Величества Пра-

вительствующего Сената приказали: в Военную контору, в Сысной приказ, в Московскую губернскую канцелярию послать указ, чтобы впредь таковые пытаные и наказанные кнутом колодники обнаженные на связке отнюдь отпускаемы не были, а велеть довольствоваться их по силе указов кормовыми деньгами тех, кои содержатся по интересным делам, выдачей из казны, а по челобитчиковым делам — от тех челобитчиков»⁵⁹⁸.

Несмотря на это, арестанты продолжали бродить по улицам Москвы, демонстрируя свои полученные на пытках раны, и просить милостыню подчас «непристойным» образом. 27 мая 1756 года проживавшим в Москве оброчным крестьянином дворцового села Тайнинского Николаем Анисимовым в Вотчинную контору было подано челобитье, в котором он жаловался: «...жительство он имеет в полицейской седьмой команде своим двором. И прошедшего мая 19 дня ко оному ево двору пришед три человека, ис которых один салдат, и при том салдате колодник, у которого на ногах железы... которые по приходе к жительству ево объявили... что де оговаривают ево воры... и при том говорили, что ежели даст [милостыню], то впредь до него дела не будет, а ежели не даст, то двор ево, Анисимова, весь огнем подымется». В это время в гостях у Анисимова сидел копиист Московской полицмейстерской канцелярии Алексей Иванов, который помог приятелю составить и подать челобитье⁵⁹⁹. Оно дошло до Сената и послужило поводом к новому указу от 18 октября 1756 года: «...небезызвестно, что... колодники ходят по кабакам, и по улицам, и по торговым местам с ящиками на связках и просят милостыни, и при том пьянствуют и чинят ссоры... И ныне... часто усматривается, что многие колодники ходят пьяные с ящиками в разодранных и кровавых рубашках, объявляя, якобы из Сысного приказа пытаные и определенные в ссылку, и просят милостыню с великим невежеством и необычным криком»⁶⁰⁰.

Только после 1761 года в Полном собрании законов Российской империи исчезают указы, подтверждающие этот запрет⁶⁰¹. Властям потребовалось не менее двенадцати лет, чтобы полностью изжить в Москве древнюю практику.

«Колодники утечку учинили»

Ночью 20 августа 1743 года на улице шел проливной дождь. В здании присутствия Сысского приказа содержались под особым караулом несколько колодников, в том числе обвиняемый в совершении крупной кражи Герасим Емельянов. Закованный в ножные кандалы, он сидел под часами в секретарской палате. С вечера его караулил солдат Прохор Ширяев, а в полночь его сменил Савелий Иванов. Около часа ночи преступник, «притворяя себя якобы болен и, застонав, пошел в нужник, якобы для испражнения». Минуту спустя часовой услышал подозрительный грохот и, «взяв имеющуюся при часах ево свечу, побежал в тот нужник», где с ужасом обнаружил, что колодник прыгнул в выгребную яму и через нее выбрался на улицу. Стоявший на улице возле застенка, напротив нужника, часовой Леонтий Семенов на допросе поведал, что «по полуночи во втором часу... стоял в будке, понеже был великий дождь», когда ему «сверху закричал часовой, который стоит в секретарской палате, что де у него из-под часов бежал колодник». Семенов «выбежал... из той будки с имеющимся у него ружьем и у того нужника против окна для поимки того колодника стал». В этот момент к нему «с огнем» прибежал капрал Емельян Исаев с прочими солдатами, «токмо того колодника в том нужнике не нашли».

Тем временем беглец, закованный в кандалы, до нитки промокший и сильно вымаранный «человеческим калом», пробирался по ночным улицам к Арбатским воротам. Там, в приходе церкви Николая Чудотворца, что на Щепках, жил его приятель отставной солдат Федор Иванов сын Новиков. Последний на допросе так описал встречу с преступником: «Сего августа против двадцатого числа в ночи перед заутреней оной Герасим пришел к ево двору и перелез через забор, и он, Федор, к тому Герасиму вышел на двор и усмотрел, что оной Герасим скован в ножных железах. И оной Герасим сказал ему, Федору, что де он бежал из Сысского приказа, и просил ево, чтоб он дал ему, чем те железа розбить, и он, Федор, дал тому Герасиму топор, а сам пошел в сени и стал обуватца, и оной Герасим в то время у себя железа

разбил и от него з двора пошел, а сказал, что де он пойдет в Мещанскую слободу в дом посацкого Ивана Федорова».

Емельянов отправился к посадскому человеку Ивану Федорову сыну Бабосову, проживавшему «за Сухаревской башней в четвертой Мещанской улице в приходе церкви Живоначальной Троицы, что в Троицкой», в надежде найти у него надежное убежище, но не застал приятеля дома, а его жена Аграфена Гаврилова беглеца на двор не пустила. На допросе в Сыскном приказе она рассказала: «...и сего ж августа девятого на десять дня означенной муж ее пошел в лес для искания грибов, и по прошествии того дня в ночи вышеозначенной Герасим Емельянов пришел к ней, Аграфене, в небытность мужа ее и постучался под окном и просился, чтоб она его пустила на двор. И она, Аграфена, открыв окно, усмотрела, что он... весь замаран в кале человеческого, и признала она... что он из Сыскного приказа бежал, и для того убоясь, его, Герасима, к себе на двор не пустила»⁶⁰².

Случай, когда колоднику удавалось бежать ночью из-под караула, довольно редкий. Чаще это случалось, когда их с разными целями (для прошения милостыни, за водой, для заковки, в баню и т. д.) выпускали из острога под присмотром солдат. Например, приговоренные к вечной ссылке и ожидавшие отправки в Сибирь Иван Петриков и Максим Букин 21 июля 1747 года устроили побег, воспользовавшись тем, что их под конвоем солдат Василия Курлова и Федосия Медведева повели на связке «на Болото в кузницы для заковки в кандалы». Закованные преступники стали просить караульных, чтобы «они с ними... съездили за Переяславскую-Ямскую слободу в рощу, которая близ Сокольников, понеже у них... имеетца зарыто в той роще в земле денег рублевых монет семьдесят рублей», обещая поделиться деньгами, и в конце концов уговорили. На Каменном мосту они наняли «двух извозчиков на дву роспусках*» и отправились в заветную рощу. О том, как события развивались дальше, на допросе поведал Василий Курлов: «Отпустя тех извозчиков, пешие пришли в вышеписан-

* Роспуск — здесь: повозка или сани без кузова для возки бревен и досок.

ную рощу, и оной Пестриков указал близ колоды место, где будто имеютца показанные деньги... И он, Василий, вынув из ножен шпагу свою, в том месте тою шпагою тыкал в землю, но денег ничего не обыскал. И как он, Василий, с тою шпагою наклонился к земле, вышеписанные Петриков у него... стал из рук вырывать шпагу, и ту шпагу у него... вырвал, и... левую руку изрубил в трех местах да прорубил голову в трех местах. Тако ж и у товарища ево Федосья Медведева... шпагу отняли ж. И, отняв, ... бросались на них... и хотели их заколоть до смерти... И отбежав от них, в той роще эфесами у нашейной цепи замки сбили, тако ж оной Букин на ногах кандалы эфесом переломил пополам. И от них, Василия и Медведева... они ушли незнаемо куды»⁶⁰³.

Степан Ровной, который по обвинению в разбое и убийстве летом 1747 года был приговорен к смертной казни и ожидал рассмотрения своего дела в Сенате, 12 декабря 1749 года «по полуночи в 11 часу» был послан под охраной двух солдат, Максима Леснякова и Ивана Родионова, на Болото в Кузнечный ряд для заковки. Вечером того же дня в Сыскной приказ вернулся караульный Лесняков — пьяный, без шпаги и шляпы — и «объявил, что оной колодник остался с товарищем моим». Ближе к ночи явился и Родионов в том же виде и рассказал, что подконвойный, «напоя ево... пьянова, бежал, а каким случаем, того за пьянством не упомнит». Солдатам дали проспаться и наутро обстоятельно расспросили. Лесняков откровенно рассказал: «...он, Максим, с тем ево товарищем по упрощению того посланного с ними колодника для питья вина, не доходя того Кузнечного ряду, зашли, во-первых, на кружало, которое имеется в Китай-городе у Москворецких ворот на Мытном дворе, и на том кружале выпили они вина на пять копеек, а с того кружала как пошли, и пришли на Конную площадку, то до заковки ононого колодника зашли еще на другую фартину, в которой выпили на пять же копеек. И, вышед с той фартины, привели ононого колодника в кузницу, которая имеется на Болоте, и имеющиеся на нем ветхие кандалы с него разбили, а другие, взятые ими на перемену... отдали для починки в кузницу... И, отдав те двои кандалы к показанному кузнецу, до-

коле он их починит, по прозбе означенного ж колодника Степана Ровного, наняв извозчика, для свидания ему незнаемо с каким человеком поехали за Арбацкие ворота. И, приехав за те ворота на фартину, на той фартине он же, колодник, купил им вина еще на пять копеек, которые они обще с ним же и выпили. И, выпив, как стали ево понуждать, чтоб он шел с ними к вышепоманутой заковке, то оной Ровной еще стал их упрашивать, чтоб еще им выпить по стакану пива. А он, Максим, в то время уже стал быть весьма пьян и... для испорожнения ис той фартины отлучился на сторону. А как уже он, по испражнении, пришел в ту ж фартину, то как означенного товарыща ево, так и объявленного колодника в той фартине уже не получил».

Второй караульный Иван Родионов подтвердил показания своего товарища и добавил: после того как Максим Лесняков в кабаке за Арбатскими воротами «для телесной своей нужды от них отлучился, он был в то время весьма пьян же, и, подождав ево близ получаса, точию не дождался. [Он,] взяв того колодника, уже один повел для заковки на Болото в ту ж кузницу... означенной колодник в той же фартине купил ему еще вина, а на сколько, того не упомнит, которое от него взяв, и выпил, и стал быть весьма пьян. И тот колодник каким случаем от него ушел, того за беспамятством сказать не упомнит».

К счастью для солдат, сбежавшего арестанта в этот же день привели из Московской полицмейстерской канцелярии. На допросе он признался: обнаружив, что один караульный отлучился из кабака, а второй после очередной чарки вина находился в бессознательном состоянии, он нанял извозчика, которому раскрылся, что «он намерен бежать». Извозчик согласился за два рубля вывезти беглеца за пределы Москвы. Сев в сани вместе с пьяным солдатом, они «поехали разными переулки и пробирались к Земляному городу в Зубов». В одном из безлюдных переулков колодник «сидящего с ним солдата из саней спихнул, которой и упал, а имеющийся на нем государев плащ остался в санях». Заслуга поимки беглеца принадлежала неизвестному офицеру, тем зимним вечером проезжавшему по московским улицам

и заметившему, что в проскочивших мимо санях сидит человек в нашейной цепи. С криками «Караул!» он погнался за санями. На помощь подоспели другие московские обыватели, и преступника удалось поймать⁶⁰⁴.

Шестнадцатого апреля 1752 года совершили побег двое из четырех колодников, посланных в кузницу для перековки, и вновь по вине караула. Главным виновником оказался сержант Навагинского пехотного полка князь Федор Иванов сын Мещерский, который в тот день возглавлял конвой из пяти солдат и ефрейтора. На допросе князь признался, что после того, как кузнец на Болоте снял с арестантов кандалы и приступил к их починке, все они, караульные вместе с заключенными, отправились в ближайшую харчевню, где за счет последних не спеша сытно пообедали. После их возвращения в кузницу мастер приступил к заковке первой пары колодников. Между тем из Сысского приказа, где стали беспокоиться по поводу задержки с их возвращением, в кузницу был прислан ефрейтор с приказанием поскорее вести заключенных обратно. Но вместо этого князь Мещерский с присоединившимся к нему ефрейтором повели пару ожидавших перековки заключенных в кабак под Каменный мост, где за их счет «выпили по стакану пива». Потом ефрейтор «в том кабаке стал бритца, понеже пришел фельдшер». Тем временем у колодников закончились мелкие деньги, и Мещерский с солдатом повел их менять последний рублевик, причем солдат остался стоять с ними на улице, а сержант сам бежал по лавкам и искал, у кого бы разменять рублевую монету. Арестанты попросили охранявшего их солдата поторопить князя, «чтоб шел поскорее». Когда же Мещерский и простодушный солдат вернулись, «оных колодников не явилось»⁶⁰⁵.

Одиннадцатого марта 1749 года из острога Сысского приказа бежали четыре преступника, приговоренных к смертной казни и ожидающих рассмотрения их дел в Правительствующем сенате. Первым о побеге стал думать Яков Неклюдов — тот самый, с которым в 1747-м совершил «утечку» из сибирской ссылки Матвей Цыган. Именно Неклюдов выступил инициатором побега и подговорил к нему других «смертельных» колодников.

Один из них, Федор Степанов, который спустя полтора месяца после побега явился в Сысской приказ с повинной, на допросе 24 мая подробно описал подготовку побега. Утром 5 марта, за несколько дней до побега, сразу после выпуска заключенных из казарм Неклюдов подозвал его, отвел в укромный уголок острога и затеял разговор:

— Хочешь ли ты со мною бежать за рубеж?

— Я бы бежал бы, да дороги не знаю, — растерявшись, ответил Федор.

— Я за рубежом был, и за рубеж дорогу знаю, и за рубежом жить вольно. Да со мною хотя бежать содержащиеся в Большом остроге колодники Петр Карпов да Михайла Бухтеев, — стал его уговаривать Яков.

Немного подумав, Степанов согласился:

— И я с вами товарищ.

После этого заговорщики, «сошедшись в том Большом остроге, советовали[сь], как бежать из Сысского приказа». Было решено бежать, добившись под каким-то предлогом вывода из острога. Арестанты прекрасно знали, что обычно колодников выводили из острога на двушейной цепи, причем каждую пару, как правило, охраняли два солдата. Предстояло подговорить четырех караульных.

Видимо, они тщательно выбирали подходящих кандидатов. 25-летний Тимофей Никифоров сын Шитов, совсем недавно взятый в рекруты из вятской деревни, видимо, был недоволен жизнью. Он стоял на карауле в покаянной палате, когда его подозвали Михайла Бухтеев и Петр Карпов. За казармами, в углу Большого острога, состоялся разговор:

— Мы с товарищи с Федором Степановым, Яковом Неклюдовым и Михайлой Бухтеевым намерены бежать за рубеж. А ты де намерение к тому побегу имеешь ли? — спросил Карпов солдата.

— Я бежать с вами намерен, только каким случаем?

— Мы отпросимся к заковке кандал в кузницу, а ты, Тимофей, будь за нами караульным. Только к тому нужно приговорить таких же солдат.

После этого Тимофей Шитов склонил к побегу своего приятеля, 23-летнего солдата Якима Михайлова сы-

на Зацепляева. И уже вдвоем они стали уговаривать 21-летнего Василия Сергеева и восемнадцатилетнего Григория Дементьева сына Желнина с помощью таких аргументов: «Хочешь ли бежать за рубеж? ...Там жить, сказывают, привольно... А колодники де сказывают, что они и город знают». В конце концов и эти служивые пообещали, что «они с ними за рубеж побегут».

В назначенный день заговорщики подкупили караульного сержанта Ивана Шальгина, чтобы тот выпустил их вместе с другими колодниками «для чищения поме-ту» возле Сыскного приказа. Охраняли преступников несколько солдат. Сделав работу, колодники отпросились сходить под конвоем в самый ближний кабак, «что словоет Солянка», находившийся у Москворецких ворот, всего в нескольких шагах от острога. Охранять их вызвались именно склонившиеся к побегу караульные. Выпив в кабаке вина, беглецы с солдатами отправились за Москву-реку на Болото, а там наняли двух извозчиков и поехали подальше от города⁶⁰⁶.

Ссылка

Большинство изловленных Ванькой Каином московских «мошенников» были осуждены на телесное наказание и сибирскую ссылку.

Отправка колодников Сыскного приказа в ссылку происходила от одного до восьми раз в год. Например, в 1736—1738 годах ссыльных отправляли трижды, в 1739-м и 1742-м — по четыре раза, в 1743-м — всего дважды, в 1745-м — шесть раз⁶⁰⁷. В теплое время года колодников пересылали водяным путем (по Москве-реке и Оке) на специально закупавшемся струге, а с окончанием навигации — на подводах. Так, многие московские «мошенники», пойманные по «указыванию» Каина в конце декабря 1741-го — январе 1742 года, были в числе 132 преступников, отправленных в феврале 1742-го на подводах в сопровождении пятидесяти солдат московского гарнизона, возглавляемых прапорщиком Василием Фиком. 28 февраля 1745 года из Москвы выехала партия из 235 колодников под охраной шести

офицеров и 129 рядовых солдат. Для них было выделено 65 подвод, а офицеру выданы подорожная и прогонные деньги для смены лошадей на ямских станциях⁶⁰⁸.

Перед отправкой колодников обязательно водили в кузницы для более крепкой заковки в ручные и ножные кандалы, а также сковывания попарно двушейной цепью. Так парами они и следовали до места назначения⁶⁰⁹.

Для плохо одетых колодников иногда покупалась одежда за счет казны. Так, в 1730 году для ожидающих отправки в ссылку заключенных было приобретено восемь шуб, три подкапка*, пять шапок и восемь пар рукавиц, в следующем — 49 шуб, 40 шапок, 14 рубах, 15 порток, девять подкапков. В феврале 1742 года для приговоренных к сибирской ссылке преступников было закуплено 16 бараньих шуб и четыре кафтана⁶¹⁰. Но вряд ли Сысской приказ обеспечивал всех нуждавшихся в теплой одежде колодников, осужденных на ссылку. Так, капитан Степан Михайлов сын Мاستинин, командированный для препровождения партии ссыльных водным путем до Казани, 29 сентября 1740 года, накануне отправления, просил начальство его проинструктировать на случай непредвиденных обстоятельств: «...а ныне уже настает путь зимний, и ежели, паче чаяния, нынешним водяным путем до указного места судно с наступающим зимним путем остановитца, то как оных колодников до показанного места вести — на подводах или пеших? Буде же вести на подводах, то о даче мне с конвоем и под оных колодников в городах подвод и прогонов в инструкции не изображено, и в города к воеводам послушных указов не имеетца». Капитан высказывал опасение: «А ежели оных колодников вести пеших, то оные провожением умедлятца, к тому ж из оных колодников много число и помрут, понеже оные безодежные, на которых не токмо шуб, но и кафтанов и обуви не имеетца, и скованы в ручные и ножные кандалы по два человека, ис которых многое число имеетца и больных»⁶¹¹.

Тридцать первого января 1745 года в Сысской приказ обратилась Афимья Дмитриева, жена ожидавшего

* Подкапок — шапка с околышем, передняя часть которой выше задней, идущей наклонно до шеи.

отправки в Сибирь бывшего канцеляриста Московской типографии Ильи Фролова, осужденного за недостачу денежной казны: «И за оной начет муж мой... прислан... для ссылки в Сибирь на житье обще со мною... а для одного дорожного пути как муж мой, так и я, именованная, никакой на себе одежи не имеем. А обретаем у себя свойственников, которые на нас могут и купить для одного дорожного пути одежи». Афимья просила отпустить ее «для просьбы у означенных наших свойственников, покамест она отправка учинена будет»⁶¹².

Жены ссыльных каторжных с детьми могли последовать за главами семей. Для этого им нужно было обратиться в Сыскной приказ. Именно так сделала Матрена Семенова дочь, жена «мошенника» Тихона Боброва по прозвищу Белый, пойманного по указке Каина в воровском притоне 28 декабря 1741 года, на допросе признавшегося в многочисленных кражах и 9 февраля 1742-го приговоренного к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и вечной ссылке в Оренбург. Спустя неделю после приговора Матрена подала доношение: «...означенной де муж ее по определению Сыскного приказу за вину ево определен в ссылку в Оренбурх. А по указу де велено ссыльных посылать з женами и з детьми. А она с малолетней своей дочерью Матреной, которой от роду четвертой год, ехать желает со оным мужем ее». В Сыскном приказе определили: «Означенного Тихона Боброва жену Матрену Семенову и з дочерью их малолетней Матреной послать в Оренбурх при оном муже ее Тихоне Боброве и для ссылке отослать к отпуску ссылочных колодников при ведении»⁶¹³.

Двадцать девятого сентября 1740 года в Сыскной приказ обратилась Анна Иванова, жена Василия Кузьмина: «Муж мой... посылаетца в ссылку в Оренбург с прочими ссылочными на стругу, с которым мужем моим желаю и я... з дочерью нашею Устиньею Васильевою ехать. А командированной господин обер-офицер без ведома Сыскного приказа на оной струг как меня, так и дочери нашей не принимает. И дабы повелено было для принятия меня, тако ж и дочери нашей на означенной струг определить от Сыскного приказу». В тот же день была получена аналогичная просьба от Татьяны

Афанасьевой, жены оброчного крестьянина дворцового села Тайнинского Федора Квасникова: «Муж мой... содержался во оном Сыскном приказе по делу в покраже на Троицком подворье церкви вором Иваном Гундуровым церковной утвари, в покупке из оной церковной утвари разных вещей, которому мужу моему... велено учинить наказание — бить кнутом и, вырезав ноздри, послать в ссылку, которому мужу моему сего сентября 23 дня оное наказание учинено... А я, именованная, со оным мужем своим, и з двумя детьми, с сыном и с дочерью, желаю ехать, а для проезду кормовых денег... не имею. И дабы... повелено было... со оным мужем моим отправить меня и з детьми нашими с ним, мужем моим, на струге, а для проезду кормовые деньги повелено б было и мне, нижеименованной, и детям нашим производить». Тогда же подали доношение дочери умершего купца Екатерининской слободы Петра Новикова «девки» Авдотья, Мавра и Анна: «Мать наша родная Анна Семенова посылается в ссылку в Оренбург, а мы, именованные, в Москве сродников никого не имеем и желаем быть при оной матери нашей. И дабы указом... повелено было нам быть при оной матери нашей, и о том к посылаемому офицеру об нас, чтоб нам быть при матери нашей, сообщить»⁶¹⁴.

Сыскной приказ всегда удовлетворял такие просьбы, предоставляя казенные средства для отправления в Сибирь членов семей приговоренных к ссылке. Правда, далеко не все родственники желали отправиться за осужденными. Так, 16 июня 1742 года прапорщик Иван Пирогов, откомандированный сопровождать партию колодников из Москвы до Казани, рапортовал, что «принял на тот струг для отвозу и отдачи в Казань ссыльных колодников мужеска полу *сто пятьдесят*, да их жен и детей мужеска и женска полу *шестнадцать*, итого сто шестьдесят шесть человек»⁶¹⁵.

Вероятно, в день отправки партии колодников из Москвы возле Сыскного приказа собиралось множество родственников и знакомых, пришедших навсегда проститься с близкими людьми, но об этом мы никаких сведений не имеем.

Офицеру, возглавлявшему конвой, выдавались «кор-

мовые» и «прогоночные» деньги, шнуровая книга для записи всех текущих расходов, а также запечатанные пакеты с документами для вручения в Казанской и Тобольской губернской канцеляриях и в Оренбургской экспедиции⁶¹⁶. Кроме этого, он получал инструкцию, которой должен был руководствоваться во время препровождения партии колодников. Так, по инструкции, выданной 14 июня 1742 года прапорщику Коломенского полка Ивану Пирогову, ему следовало «плыть от Москвы на покупном струге до Казани со всяким поспешением», а «будучи в пути, означенных колодников на всяком ночлеге осматривать, чтоб у них ножей, веревок и других причинных к утечке никаких инструментов отнюдь не было и имеющиеся на них кандалы ручные и ножные чтоб были во всякой крепости». Если кандалы какого-то преступника приходили в негодность, его следовало немедленно перековать «в пути как в городах, так и в селах и деревнях, где имеются кузницы». С особой тщательностью офицер должен был следить за порядком на струге: «чтоб ссор и драк.. не было», «солдаты всегда б были трезвы», «колодников до питья вина и прочих напитков отнюдь не допускать и табаку курить не давать». Точно так же инструкция от 27 февраля 1745 года строго предписывала руководителю конвоя из пяти офицеров и 129 солдат, препровождавшего в Сибирь 235 колодников на ямских подводах: «Тебе, капитану Петру Крупенину, от напитков излишних самому иметь воздержание и команды твоей за унтер-офицерами и капралами и салдаты всегда смотрение иметь неоплошное, чтоб под командующие твои всегда были трезвы, тако ж и колодников до питья вина и протчих напитков не допускать, и над солдатами оного всегда смотреть накрепко, дабы пьяных колодников отнюдь не было»⁶¹⁷.

Каждый день при остановке на ночлег офицер должен был устраивать переключку, проверять кандалы и смотреть, не появилось ли у колодников каких подозрительных вещей (ножей, веревок и пр.). Ссылные, отправляемые по воде, ночевали на струге, причем по инструкции следовало вставать на якорь не ближе 20 сажений от берега. Партии колодников, отправля-

емые в Сибирь в зимнее время на подводах, «в ночное время для ночлега» должны были останавливаться «в селах и деревнях, где дворов довольно число». Для закупки провианта караульный офицер обязан был посылать «добросовестных колодников по две и по три связки под крепким караулом», причем ему предписывалось «всегда наблюдать самому... дабы в покупке излишнего провианта... произойти не могло»⁶¹⁸.

Из каждого крупного населенного пункта на маршруте следования партии офицеры, возглавлявшие конвой, отправляли в Сыскной приказ рапорты. Например, 18 марта 1745 года в Сыскном приказе было получено известие от капитана Петра Крупенина: «С посланными из Сыскного приказа колодниками и с командированною при мне командою сего марта 12 дня в город Владимир прибыл я благополучно, и по данной мне из Ямской конторы подорожной, как под себя, и под команду мою, так и под колодников требовал ямских, в которое число дано только двадцать лошадей, а более за разгоном не сыщется. А понеже как Сыскному приказу не безызвестно, что на уездные подводы прогонных денег по плакату не дано... и чтоб полному числу быть, шестидесяти пяти лошадям, за тех платить не из чего. О чем Сыскному приказу сим доношу во известие, и о заплате на оные уездные денег требую неукоснительно резолюции. А на малом числе подвод поспешить маршем никак не возможно, ибо умножилось весьма больных»⁶¹⁹.

Благодаря такого рода доношениям можно в деталях проследить путь партии колодников от Москвы до Казани. Например, 2 сентября 1739 года 100 ссыльнокаторжных и 48 охранявших их солдат при одном прапорщике и одном капрале отправились на струге из Москвы. 23 сентября струг был в Коломне, 2 октября — в Переяславле-Рязанском, 15-го — в Муроме. В каждом городе струг делал остановку, для того чтобы принять на борт подлежащих отправке в ссылку местных заключенных: в Коломне были посажены два человека, в Переяславле-Рязанском 13, в Муроме — трое. 22 октября корабль с преступниками пристал в Нижнем Новгороде. Но здесь пришлось остановиться, так как «на реке

Оке стал лед». По всей видимости, арестантская партия была вынуждена продолжить свой путь пешком⁶²⁰.

Как правило, офицеры и солдаты московского гарнизона конвоировали колодников до Казани. Казанской губернской канцелярии следовало принять у них подопечных, сверив их реальное количество с отпускной документацией, а затем препроводить в назначенные для ссылки места силами солдат Казанского гарнизона. Одних заключенных отправляли на каторжные работы в шахты и на заводы, других отсылали для определения на военную службу в гарнизоны глухих сибирских крепостей, третьих — на поселение и т. д.

В архиве Сыскного приказа сохранился документ, составленный в марте 1742 года и озаглавленный «Рестр ссылочным колодникам, присланным в Оренбург». В нем перечислены имена всех 132 преступников, этапированных из Москвы в Оренбург. Здесь мы находим многих героев этой книги — пойманных по «указыванию» Каина в конце 1741-го — начале 1742 года московских воров. По всей видимости, этот рестр представляет собой черновые заметки караульного офицера, сдававшего партию колодников в ведение Оренбургской экспедиции. Он написан небрежно, вкривь и вкось, а против каждого имени стоят непонятные значки — крестики и палочки. Интересно, что имена в этом списке перечислены попарно: как мы знаем, ссыльные еще в Москве сковывались по два человека и таким образом следовали на протяжении всего длинного пути в Сибирь. Именно так колодников и пересчитывал караульный офицер — по связкам.

Благодаря этому документу мы можем представить, в каком порядке шли бывшие друзья Ваньки Каина.

«Мошенник» Кондратий Безрукий был скован с торговкой краденым солдатской вдовой Ириной Федосеевой. Ночью 28 декабря 1741 года они были вместе схвачены в притоне слепого нищего Андрея Федулова в Зарядье. Рядом с ними шли воспитанники гарнизонной школы Леонтий Юдин и Иван Тареев, он же Зубарев, ночевавшие в притоне Марфы Дмитриевой на Москворецкой улице, когда той же ночью туда нагрянула команда солдат вместе с Ванькой Каином. Тут же была пара дру-

гих «мошенников», также обитавших у Дмитриевой, — Петр Рябинин по кличке Ачка и Михайла Стульников, он же Киска, а за ними следовала и сама 44-летняя солдатская жена, содержательница притона Марфа Дмитриева. С ней на одной связке шел крестьянский сын Максим Боровков — известный московский вор и, возможно, ее ухажер, специализировавшийся на домовых кражах, взломавший своим буравом не одну крышу в Москве. Пятнадцатилетний «мошенник» Степан Копылов был скован с хорошо нам известным Матвеем Цыганом. Последний, возможно, уже в то время задумался о побеге и возвращении в Москву, что он и осуществил весной 1744 года. Парой шли московские «мошенники» Степан Жижин и Михайла Рубцов, он же Голован или Рубец. Их многое объединяло: им было по 20 лет, оба были сыновьями московских посадских людей (Жижин — Алексеевской слободы, Голован — Казенной), рано остались сиротами; ночью 28 декабря они были взяты в притоне слепого нищего Андрея Федулова в Зарядье. Вслед за ними шли на одной связке два других посетителя этого притона — Иван Дикой и Денис Криворот. Неподалеку, побрякивая цепями, плелся и сам содержатель притона Андрей Федулов, он же Кизяка, которого вел прикрепленный скованный с ним сорокалетний «мошенник» Михайла Жужла. Рядом шли два «фабричных»-«мошенника» — Тихон Белый и Матвей Тарыгин, вместе схваченные памятной ночью 28 декабря 1741 года в «палате», снимаемой крестьянином Федором Игнатьевым возле церкви Николая Чудотворца на Москворецкой улице. Взятая там же крестьянская вдова торговка краденым Татьяна Иванова теперь шла за ними в одной связке с другой скупщицей краденого, солдатской вдовой Прасковьей Васильевой. Беглый солдат Алексей Соловьев, пойманный тогда же в печуре Китайгородской стены близ Москворецких ворот, был скован цепью с шестнадцатилетним «мошенником» Максимом Клестом, он же Щегол. Торговка краденым купеческая вдова Марфа Семенова составила пару «коллеге», хорошо нам известной вдове заплочного мастера Анне Герасимовой. За ними на одной связке отправились к месту ссылки «фабричные» Григорий Рассадин и Иван Мотыль и т. д.⁶²¹

Шла ли эта толпа с веселыми шутками или в грустном молчании, приободрившись или понуриив головы, мы никогда не узнаем, как не узнаем и о дальнейшей судьбе большинства московских воров, торговков краденым, содержателей притонов, из-за доносов Ваньки Каина закованных в ручные и ножные кандалы, связанных попарно цепью и очутившихся в сибирской ссылке.

Впрочем, очень скоро Ванька Каин разделил судьбу своих бывших «товарищей».

Падение доносителя

В феврале 1745 года Иван Каин обнаружил общину, приверженцев христовщины, и донес о ней в Московскую тайную контору. Начались массовые аресты сектантов, которые привели к крупному расследованию. Арестованных оказалось так много (к следствию было привлечено около 450 человек), что в марте 1745 года была создана специальная следственная комиссия, существовавшая до 1756-го⁶²².

В то время, когда начались первые массовые аресты по делу о христовщине, объявились люди, которые стали спекулировать на страхе, объявшем определенные круги московских жителей. Крепостные оброчные крестьяне Федор Парыгин и Тарас Федоров стали ходить по домам обывателей (возможно, старообрядцев) и, объявив себя сыщиками, вымогали у них крупные суммы денег, запугивая: «Коли денег нам не дадите, ждите к себе ночью из Тайной канторы!» Так продолжалось до тех пор, пока много претерпевший от них оброчный крестьянин Еремей Иванов не подал в означенную контору доношение. Началось следствие, в ходе которого выявилась связь преступников с Иваном Каином. Следствие подробно восстановило один эпизод взаимодействия преступной группы с доносителем Сысского приказа. Парыгин, не получив от Еремея Иванова требуемой суммы, ночью вернулся в его дом вместе с Каином и командой солдат. Иванов был избит, его жилье и торговая лавка разграблены, возле дома поставлен караул,

а его племянница Афросинья арестована по подозрению в «расколе». Но отвел ее Каин не в присутственное место, а в свой дом, где «с согласниками своими мучил, бил плетьюми чрез всю ночь и доспрашивал, не знает ли она за оным дядею своим Еремеем Ивановым какова расколу, и сама не расколыщица ль?». При этом жена Каина Ирина Иванова приговаривала: «Бейте ее гораздо!» — а затем увещевала несчастную словами: «Если повинишься или на дядю своего что-нибудь скажешь, то лехче будет и бить тебя не станут». Но девушка мужественно выдержала все побои. Наутро Каин поехал к Еремею Иванову, снял караул, а хозяину сказал: «Молись де ты Богу, я племянницу твою, Афросинью, свободу». Тот понял намек и прислал к Каину солдата Карпа Макарова, через которого доноситель передал, что хочет получить за освобождение племянницы 20 рублей. Их встреча состоялась в харчевне в Зарядье. Каин вел себя слишком самоуверенно: «приказал» харчевнику Петру Веснину честь принесенные Ивановым деньги, «и говоря при том весьма продерско, чтоб он, Иванов, молил Богу за помянутого салдата Макарова, а то бы де оную девку Афросинью и с ним, Ивановым, отвел он, Каин, в Тайную кантору». Получив означенную сумму, Каин отпустил ни в чем не повинную девушку.

Доношение Еремея Иванова послужило основанием для ареста Каина Тайной канторой. На допросе он признался, что действительно «взял» Афросинью на основании доноса Парыгина и держал ее в своем доме в течение трех дней под караулом, а затем отпустил, не объявляя ее ни в каком судебном месте, поскольку «она ни в чем не винулась». Но при этом доноситель отрицал, что разграбил дом и лавку Еремея Иванова и мучил Афросинью.

Однако эти отговорки, конечно, не могли убедить следствие в его невиновности. В обвинительном протоколе отмечалось: «...ему, Каину, как оную девку Афросинью, так и других никого самому, и особливо в доме своем, не токмо по извету о деле спрашивать, но и под караулом держать, паче же свободять, ежели б в том ко взяткам воровства ево не были, не надлежало, а должно в то же время, где о ком подозрительном проведает,

доносить в судебных местах». «Ис чего явное ево, Каина, в противность ево должности воровство и народное разорение оказалось», — заключили судьи Московской тайной конторы.

Лжесыщики Федор Парыгин и Тарас Федоров были приговорены, «в страх другим, дабы, на них смотря, таковые воровства и народу разорения чинить не дерзали», к нещадному наказанию кнутом, вырезанию ноздрей и вечной каторге. Что касается Каина, судьи Тайной конторы рассудили: «А вышеобъявленной известной доноситель Иван Каин за вышеобъявленные ево, Каинова, воровства и народу разорение подлежал жесточайшему наказанью кнутом и дальней ссылке, однако ж, дабы впредь в сыску воров и разбойников и протчих подозрительных людей имел он крепкое смотрение, того для оное ему ныне оставить. А дабы те ево воровства вовсе ему упущены не были и впредь от такого воровства и от протчих подобных тому предерзостей имел он, Каин, воздержание и предосторожность, учинить ему, Каину, в Тайной конторе наказанье, бить плетьюми нещадно, и по учинении того наказания объявить ему под страхом смертныя казни с подпискою: ежели впредь сверх должности своей явитца он, Каин, в каких либо хотя наималейших воровствах и взятках, то уже поступлено с ним будет по силу указов Ея Императорского Величества безо всякого упущения. А чтоб впредь к воздержанию ево ото всякого воровства, и в сыску подозрительных людей невинным разорение не имело быть, над ним, Каином, иметь наблюдательство». 23 сентября 1745 года Тайная контора оповестила об этом решении Военную контору, Московскую полицмейстерскую канцелярию и Сыскной приказ⁶²³. Итак, на этот раз Каин избежал каторги, отделившись «нещадной» поркой плетьюми в стенах Тайной конторы.

Не успел доноситель в конце сентября выйти на свободу, как в начале октября на него было подано в Московскую сенатскую контору челобитье оброчного крестьянина Алексеевского монастыря Герасима Дмитриева, торговавшего в лавке на Варварке. Тот рассказал, что в 1743 году отдал своего десятилетнего сына Илью в Кожевники Ивану Савельеву для обучения сапожному де-

лу, а когда в феврале 1745 года сапожник был «взят» Каином по подозрению в «расколе», Илья также оказался в Тайной конторе. После допросов подростка передали Каину для отвода к отцу, но вместо этого сыщик привел его в свой дом, где держал трое суток, а одного из солдат своей команды отправил к Герасиму передать, чтоб тот прислал ему десять рублей, иначе грозился отвести его сына обратно в Тайную контору. Дмитриев означенную сумму прислал, после чего Илья был освобожден. Герасим был настолько напуган всемогущим доносителем, что даже испросил у него позволения: «Можно ли моему сыну в лавке за товаром сидеть?» — на что получил милостивое разрешение. Но после Пасхи Каин забрал из его лавки уже обоих сыновей — Илью и его старшего брата Андрея, отвел их в свой дом и вновь стал вымогать у отца деньги. За освобождение детей Герасиму Дмитриеву пришлось заплатить пять рублей. И вот теперь, 30 сентября 1745 года, только что освобожденный из Тайной конторы Каин опять явился в дом к Герасиму. Не застав его, доноситель приказал отвести его младшего сына на свой двор, а сам остался дожидаться хозяйна. В разговорах с его женой Каин разоткровенничался: «...давно я дома не бывал!», — а потом успокаивал хозяйку: «...ежели де дадите денег, то оного сына Илью отпущу, а ежели не дадите, то велю ево вести и дожидатся у Красных ворот». Между тем Герасим вернулся и вышедшая открыть ему ворота супруга сообщила, что в доме его ждет Каин, а сына Илью увели. Дмитриев развернулся и пошел напрямик к сенатскому прокурору А. Г. Щербинину, которому «о той... от Каина обиде его... объявил». Прокурор приказал арестовать Каина и отвести его под караулом в Московскую сенатскую контору.

Удивительно, но и на этот раз Каин легко отделался. Неделю он просидел под арестом в сенатской конторе, а 8 октября его отправили в Сыскной приказ вместе с челобитьем Герасима Дмитриева и предписанием расследовать дело. На допросе в Сыском приказе Каин ни в чем не признался. 1 ноября было решено допросить Герасима Дмитриева для получения его показаний, а тем временем незаменимого специалиста Каина освободить «для сыску и искоренения воров»⁶²⁴.

В апреле 1747 года из Московской сенатской конторы в Сыскной приказ было прислано для расследования челобитье московского купца 2-й гильдии Емельяна Юхатова. Тот жаловался, что 23 марта «в ночи» доноситель Каин и с ним «человек пятнадцать и больше» ворвались в его дом, разбив окно. Самого хозяина дома не оказалось (он гостил у протоколиста Ивана Плавильщикова), но два его работника были избиты, а всё имущество разграблено. Каин с товарищами прихватили «десять оленей деланных», «десять замшей», «два гнезда рубах», «два окорока, которые повешены были в чердаке», и пр. Однако в Сыскном приказе Каина по этому делу даже не допросили. Только 9 сентября было вынесено решение, что купцу Юхатову «в приезде к нему помянутого доносителя Ивана Каина в дом, в грабеже и в других обидах ведаться с тем Каином судом»⁶²⁵ (то есть судьи Сыскного приказа посчитали, что это дело относится к разряду «судных», а не «сыскных», а значит, решаться должно в Судном приказе). Так это дело и завершилось. Уже будучи под следствием, Каин на одном из допросов рассказал, что с купцом помирился: «...сошедчи он, Каин, в доме купца Алексея Алексеева с вышеписанным Емельяном Юхатовым при купецком человеке Федоре Алексееве, а того Алексеева брате родном, спрашивал у него, Юхатова, на сколько имянно по цене во время приезде ево, Каинова, к нему пропало, на что де он, Юхатов, при означенном Алексееве объявил, что у него пропало по цене на пять рублей да убытков ему от того дела стало двадцать рублей, ис которых де он, Юхатов, за старание по тому делу дал сенатской конторы прокурору Щербинину десять рублей да графа Петра Борисова сына Шереметьева управителю Федору Звереву десять же рублей, которые де деньги он, Каин, заплатить ему, Юхатову, и обещался. И тогда ж де пошли они все трое в Сыскной приказ и присутствующим... о том, что они помирились, объявили, которые де им сказали, когда они помирились, то уже им до того и дела нет»⁶²⁶. Отметим, что столь подробное описание картины примирения двух тяжущихся в стенах приказа является редким, если не уникальным.

Все эти инциденты, несомненно, подрывали дове-

рие к доносителю. Недовольство Каином постепенно накапливалось даже в стенах самого Сысского приказа. Об этом свидетельствует инструкция обер-офицеру от 11 ноября 1748 года, в которой, между прочим, говорилось: «...когда доноситель Каин будет объявлять, что ему надлежит для поимки сколько солдат, то спрося присутствующих, а в [их] небытность дежурного секретаря, и дежурному секретарю спросить тайно доносителя, куда иттить, и в какие дома, и за какими людьми, чтобы в том от него, доносителя, знатным людям каким страхов и бещинства не нанесено было, и не вне ль Москвы, и ежели подлежит той посылке быть, того часу потребное число солдат посылать, и с ними ундер-офицер или капрал с таким наставлением, чтоб которых он, доноситель Каин, будет показывать, тех брать и содержать, чтоб их не упустить, и приводить прямо в Сысской приказ... и х доносителю Каину в дом не водить, ибо от оного доносителя многие продерзости явились, что он перво к себе водит... Посланной з доносителем команде обер-офицеру приказывать... будучи ему и команде при взятъе тех по указыванью доносителем колодников, в которых домех взяты будут, обид и разорения и грабежа никакого не учинить, и доноситель бы во взятых домех грабежа не учинил же... и смотреть, чтоб ис того дому чего не вывезено было, также и доносителя, как во взятках, и грабеже, и разорениях не быть послушным»⁶²⁷.

Но неизвестно, сколь долго продолжалась бы деятельность официального доносителя Сысского приказа, а вместе с ней и его бесчинства, если бы не стеченные следующих обстоятельств.

В начале 1749 года императрица Елизавета Петровна вместе со своим двором пребывала в Москве. В числе высокопоставленных чиновников при государыне находился и генерал-полицимейстер А. Д. Татищев. Очередная челобитная на Каина, написанная солдатом Федором Тарасовым, 20 января попала Татищеву лично в руки. Солдат рассказал, что 17 января в его дом за Никитскими воротами приходила посланная от Каина «женка» Авдотья Степанова, которая у ворот разговаривала с его пятнадцатилетней дочерью Аграфеной, а некоторое время спустя девушка из дома ушла и пропа-

ла. После двух дней бесплодных поисков отчаявшийся отец отправил переплетчика Филиппа Александрова, его жену Дарью Дорофееву и «женку» Алену Митрофанову на двор к Каину. В тот момент доносителя дома не было, и посланным удалось побеседовать с его домашними. Жена Каина Ирина Иванова проговорила, что «слышала, какую-то де солдатскую дочь из-за Никицких ворот увес муж ее, Каин, а куда не знает», а работница «объявила, что ее увезли Каин да банщик Иван Готовцев в село Павшино». Не теряя времени, Федор Тарасов стал хлопотать о подаче прошения. Составить челобитную ему помог канцелярист Московской полицмейстерской канцелярии Николай Будаев, состоявший в ссоре с Иваном Каином. Видимо, именно Будаев сумел подать прошение лично генерал-полицмейстеру, который распорядился немедленно арестовать Каина.

Для ареста были посланы солдаты во главе с офицером, а сопровождал их тот же канцелярист Будаев. (Кстати, на следствии Каин оговорил Будаева в различных преступлениях, а тот в ответ показал: «...оным де всем он, Каин, ево, Будаева, поклепал напрасно, злясь на то, что он, Каин, сведав об нем, Будаеве, о том, яко на него, Каина, о увозе им салдатской дочери от отца ее писал челобитную, потому ж от присудствия для взятья ево, Каина, з дежурным афицером посылан был, которого и взял на дороге. А потом он, Каин, и в задержании в Главной полицыи, как он, Каин, шел в тюрьму, а он, Будаев, попался ему на крыльце на встрече, то он, Каин, бранил матерными словами и, утраживая, грыз на него, Будаева, руки свои, и оное видели и слышали купец Иван Козмин, да часовой Московского шквандрона драгун Иван Милюшин»⁶²⁸.)

Каин был задержан «на дороге» в Москву, когда возвращался из дворцового села Павшина. Надо думать, для него арест был полной неожиданностью. Вероятно, его многочисленная команда находилась в Москве, поэтому Каин не оказал сопротивления, рассчитывая, что и на этот раз пронесет.

На допросе в полиции доноситель признался, что 17 января «девку Аграфену Федорову... он звал с собой гулять и она с ним, Каином, ехать из своей воли и на-

мерилась. И он, Каин, взяв с собою свою епанчу лисью да шапку свою ж кунью, надел на нее, чтоб не признали... посадя с собою на наемного извозчика, поехал в Ново-немецкую слободу в трактирный дом француза Марки Бодвика для питья виноградных питей», где, «взяв белого и меду, пили», а после «с оною девкою чинил блудное дело». Дочь Федора Тарасова «в том во всё против Каина показания согласно объявила»⁶²⁹.

Расследование преступлений Ивана Каина не случайно началось именно с этого дела. Для людей Средневековья и раннего Нового времени кража девицы из дома отца «для блудного дела», даже при ее добровольном согласии, находилась в ряду наиболее тяжких преступлений. Например, в 1687 году расследование в Москве дела об увозе обманом и изнасиловании молодой девушки Мавретки Венцилеевой высокопоставленным служилым человеком Степаном Коробьиним потребовало вмешательства юных государей Иоанна и Петра Алексеевичей и регентши-царевны Софьи Алексеевны, которые приговорили насильника к наказанию кнутом, крупному штрафу в пользу Мавретки «за бесчестье ее и на приданое» и ссылке в Соловецкий монастырь⁶³⁰. По мнению американской исследовательницы Н. Ш. Коллманн, центральная роль в обеспечении стабильности семьи и общественных институтов принадлежала женщине и потому «сексуальная невоздержанность могла потрясти основы общества сильнее, чем преступление и проклятия: она разрушала семьи, унижала отцов и мужей, плодила нежелательных детей», а сексуальные оскорбления «ставили под угрозы шансы девушки на замужество и унижали семью в глазах села или местной общины»⁶³¹.

А. Д. Татищев принялся лично допрашивать Каина о совершённых им преступлениях, а также о его сообщниках и покровителях. Осознав безвыходность своего положения, доноситель начал давать признательные показания, каждый день делая по несколько новых заявлений, впутывая в дело всё больше и больше подозреваемых — чиновников разного калибра, купцов, «фабричных» и т. д. Генерал-полицмейстер особенно старался выведать компрометирующие сведения о служащих

Сыскного приказа и других московских учреждений, оказывавших покровительство «доносителю из воров».

Из показаний Каина следует, что он находил общий язык с канцеляристами Сыскного приказа благодаря подаркам, преподносившим как самим чиновникам, так и членам их семей. Так, на одном из допросов он сделал следующее признание: «Того ж де приказу секретари Иван Богомоллов, Сергей Попов, Петр Донской да протоколист Молчанов, будучи в приказе, почасту говаривали ему, Каину, чтоб он, Каин, позвал их в питейный погреб и поил их рейнским, которых де он и паивал часто и издерживал на то по рублю и больше. А когда он их в том не послушает, то держивали ево в том Сыскном приказе под караулом. И ис того задержания потому паивал их за то, когда на него произойдет какая в чем жалоба, чтоб они ему в том помогали и с теми людьми, не допуская в дальнее следствие, мирили, что де и самым делом бывало неоднократно, а по какому делу имянно, припомнить не может. А ежели, пачи чаяния, они в том будут запираяться, то он может обличить их торгующим шляпами Якимом, а чей сын, не знает, которой те шляпы и приносил при тех секретарях в питейный погреб, коими тако ж и сверх того он, Каин, за то даривал их, секретарей и протоколита, шапками, платками, перчатками и шляпами немецкими пуховыми, а протоколисту де и сукна цветом свинцового на камзол прошедшим летом в доме ево подарил, да жене ево бархату черного аршин, да об[ъ]яри* на болохон и на юпку цветом голубой, а сколько аршин, не упомнит, да в разные времена три или четыре платка италианских, и он де просил с него на кафтан себе сукна, токмо де он не дал»⁶³².

Обратим внимание на то, каких подношений ждали чиновники от Каина: «рейнское вино», «перчатки», «немецкие шляпы пуховые», «сукно цветом свинцовое на камзол», «платки италянские» и пр. Вероятно, правы те историки, которые утверждают, что в XVIII веке амбиции и аппетиты чиновников возросли⁶³³. Отметим также, что Каин был вынужден делать канцеляристам подарки и угощать их не только для того, чтобы они не

* Объярь — плотная шелковая одноцветная переливчатая (с муровым эффектом) ткань.

доводили до «дальнего следствия» дела по челобитьям против него, но также и в целях собственной безопасности — иначе он мог попасть «под караул».

Сыщик сильно зависел от секретарей Сыскного приказа и уж тем более от судей. На допросах бывший доноситель поведал и о тех усилиях, которые ему пришлось приложить для того, чтобы заручиться их поддержкой: «В прошедшем лете, а в котором месяце и числе, не знает, только после случившихся пожаров, Сыскного приказу судья Афонасей Яковлев сын Сытин говорил ему, Каину, что он мало воров к ним водит, и при том говорил же, что у него сахару и чаю нет. И он де, Каин, пошел от него и, купя в городе полпуда сахару кенарского (привезенного с Канарских островов. — *Е. А.*), отнес в дом ево, Сытина, которой и приняла у него служащая ево девка, а как завут, не знает, только в лицо узнать может. Понеже де он, Каин, часто к нему, Сытину, в дом хаживал и сверх того оной Сытин посылавал ево, Каина, во многия времена для разных в дом свой покупок, которые он и покупал, и хотя де оной Сытин и деньги на те покупки давал, однако де он, Каин, по большой части своими доплачивал, а иное всё на свои деньги покупал. А имянно купил на собственные свои деньги по приказу ево заслон железной, за которой дал полтину или десять алтын, не упомнит... В суконном ряду парцицу, называемую баракан*, которую он, Сытин, торговал, причем был и он, Каин, и сторговал, после из дому своего послал с ним, Каином, за тою парцицу деньги не все, а сколько, не упомнит, а достальные велел ему, Каину, заплатить своими, семдесят капеек или больше, не упомнит. Да и другие де товары он, Сытин, мехи и прочее, а что имянно, не упомнит же, покупывал, а для тех покупок бирал ево, Каина, с собою для того, что во многия времена за разные товары деньги он, Сытин, не доплачивал в надежде на него, Каина, что ему, Каину, в тех недоплатных деньгах поверят, а паче того ради, чтоб он те деньги даплачивал собственными своими... А когда он, Каин, ему, Сытину, говаривал о переплатных своих деньгах, тогда он, Сытин, ему, Каину, токмо объявлял,

* Баркан (баракан) — плотная шерстяная или хлопчатобумажная ткань с рубчатой поверхностью для обивки мебели.

что после заплатит, но ничего не заплатил. А как де он, Каин, по присылки от него, Сытина, в дом к нему не стал ходить, то де он и поставленных у него, Каина, солдат для сыску воров от него свел».

Со многими чиновниками Сыского приказа Каина связывала не только «служба», но и «дружба». Во всяком случае, из протоколов допросов доносителя следует, что в гости к нему они заходили и, конечно, сквозь пальцы смотрели на происходившее в его доме: «А что у него, Каина, в доме бывали зернь, о том, как объявленные Сытин, Непеин, так и секретари знали. А в одно время и в дом к нему приходили в гости того приказу секретарь Богомолов, правящей секретарскую должность Петр Донской да протоколист Молчанов и застали играков немалое число, токмо ничего не сказали и, выпив по рюмке вотки, от него пошли. И в той де надежде он на них и на судей как оную зернь в доме своем производил, так и вышеписанные продерзости чинил без всякого опасения». Протоколист Сыского приказа Белоусов, обвиненный Каином в «игрании... в зернь, карты и кости», сначала «запирался», но на очной ставке признался, что «игрывал на деньги, а во сколько раз, не упомнит, а в ыгре бывало только копеек до шести».

Таким образом Каин заручался покровительством со стороны чиновников Сыского приказа и поэтому вполне мог чувствовать себя безнаказанным. Отметим, что здесь не фигурируют денежные взятки. Неудивительно, что названные бывшим доносителем на следствии чиновники очень легко отделались, так как многие наветы на них удалось свести на нет. Например, под пыткой Каин сказал, что карты он дарил не судье Егору Непеину, а его служителю Грачеву «для игры детям ево, Грачева». В результате было «велено» это показание Непеину «в вину не причитывать для того, что он, Каин, сам ево даривал, а не с принуждения».

На одном из допросов доноситель поведал, что часто канцеляристы не принимали приводимых им мелких «мошенников», заявляя, «чтоб он в тот приказ приводил к ним коих полутче и богатее, а убогих бы не водил». Чиновники Сыского приказа не хотели возиться с «убогими» преступниками, а стремились получить для рас-

следования выгодные дела. В протоколе допроса Каина записано: «Да того же приказа правящей секретарскую должность Дмитрий Аверкиев, когда он, Каин, прихаживал к нему в тот приказ и сказывал, когда поймает вновь из воров, а случится не в его, Аверкиево, дневание, тогда де оной Аверкиев неоднократно ему, Каину, говаривал, чтоб он тех воров приводил в ево дневание, чтоб другому секретарю не досталось. По которым ево словам он, Каин, таких пойманных держивал у себя в доме и в ево дневание приваживал, а иных и сам отпускал, а кого имянно, не упомнит». Примечательно, что следствие на этот счет постановило: в том, что Аверкиев просил приводить воров в его дежурство, «ево, Аверкиева, вины не находится, ибо, видимо, Аверкиевым то говорено, как и в допросе своем показал, для следствия своего пропитания, понеже по указу 726 году мая 23 дня велено довольствоватца от дел».

Для прояснения причин, по которым секретарь так желал видеть Каина именно в свое «дневание», приведем несколько других показаний доносителя. Когда он близ Покровского монастыря из дома огородника «брал разбойников, кои разбои чинили на низу», «при том взятъе» присутствовали правящий секретарскую должность Петр Донской и протоколист Степан Молчанов. Последний «ис пожитков оного огородника... навязал себе целой узел и взял к себе... Да и при всех де таковых и подобных выемках как секретари, так и подьячии то ж чинили, а в чьих имянно домех, подлинно сказать за множеством оных не упомнит». На это обвинение протоколист возразил, что «тот узел положили на сани, на которых разбойники везены, и по приезде к Сыскному приказу тот узел с платьем неведомо кем унесен». После допроса свидетелей и пытки «доносителя» следствие определило это показание на Молчанова «оставить, что оказалось неправое».

На основании оговоров Каина можно также представить, что происходило в стенах Сыскного приказа ночью после подобных «выемок». Каин и Петр Донской с солдатами в доме отставного солдата Федора Иванова сына Новикова, который «у разных чинов людей скупал краденые пожитки», взяли много вещей и отвезли

в приказ. «При разборе помянутых пожитков в Сыском приказе в судейской каморе ночью взял же он, Донской, себе касяк камки*, а какой цветом, не упомнит, во взятку»⁶³⁴. Складывается потрясающая картина: канцелярские служащие Сыского приказа ночью за судейским столом, под портретом императрицы Елизаветы Петровны, делят между собой взятые на очередной «выемке» вещи.

Деятнадцатого марта 1749 года А. Д. Татищев обратился к самой императрице (!) с докладом (его подлинник сохранился среди документов Кабинета ее императорского величества). Московский генерал-полицмейстер сообщил: в результате расследования дела по челобитью солдата Федора Тарасова об увозе его дочери выяснилось, что «определенной в Москве по указу и Правительствующаго Сената при Сыском приказе для сыску воров и разбойников доноситель Иван Каин под видом искоренения таковых злодеев чинил в Москве многие воровства, и разбои, и многие грабежи, и, сверх того, здешним многим же обывателем только для одних своих прибитков немалые разорения и нападки». Татищев ссылаясь на сенатский указ 1744 года, обязывавший Каина «никому посторонним обид не чинить и напрасно не клеветать», а также на указ Московской конторы тайных розыскных дел 1745 года, в котором «под страхом смертные казни объявлено ему с подпиской, ежели впредь он сверх должности своей явится в каких наималейших воровствах и взятках, то поступлено будет с ним по указом». «Но он, Каин, — продолжал генерал-полицмейстер, — невзирая ни на что, как о том выше сего объявлено, вместо поимки воров, имея у себя товарищев фабричных и солдат, чинил многие воровства, грабежи, и разбои, и противные указом поступки, что уже ныне при бытности моей в Москве и самим делом открылось, в чем Каин и сам во всех тех своих преступлениях без всякого ему истязания, только по одному увещанию, принес повинною». В докладе особо отмечалось, что доносителю покровительствовали чи-

* Камка (дамас) — шелковая ткань с рисунком, обычно цветочным, образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом фоне полотняного переплетения.

новники Сысского приказа — судьи, секретари и протоколист, «которых он за то, что б ево остерегали, даривал и многократно в домех у них бывал, и как между приятелей, обыкновенно пивал у них чай, а с некоторыми и в карты игрывал». Упомянул генерал-полицмейстер и про обвинения во взятках, возведенные Каином, между прочим, на прокурора Московской сенатской конторы А. Г. Щербинина, присутствующего Московской полицмейстерской канцелярии А. С. Воейкова и прочих высокопоставленных должностных лиц различных московских государственных учреждений. Завершил доклад Татищев «всеподданнейшим мнением»: «...наискорее б то ево, Каиново, и ево сообщников воровство исследовано и пресечено быть могло, ежели б ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО изволили указать особливую для того комиссию учинить». Необходимость создания особой комиссии для расследования преступлений бывшего доносителя обосновывалась таким образом: «...ежели о всем том следовать в Главной полиции, то в настоящих по должности моей делах может последовать совершенная оstonовка [...] а Сысскому приказу об нем, Каине, и о сообщниках ево следовать за вышеписанными ясным подозрением не только невозможно, но и весьма опасно, чтоб и большему воровству и разбоям ему, Каину, с ево сообщниками попущения не учинилось». К докладу прилагался «экстракт» (краткий пересказ) дела о преступлениях Каина⁶³⁵.

Двадцать пятого июня последовал указ «за подписанием Ея Императорского Величества собственныя руки» об отрешении от дел Сысского приказа судей и всех приказных служителей, оговоренных Каином, а также о создании для расследования дела о «воре Каине» особого следствия (в его состав определялись чиновники Юстиц-коллегии, Канцелярии конфискации, Вотчинной коллегии и других мест) и формировании нового штата Сысского приказа. Хотя с началом дела о преступлениях бывшего доносителя чиновники Сысского приказа и были «отрешены от дел», всё же впоследствии многие из них были возвращены на службу и лишь некоторые канцеляристы подверглись штрафам или наказанию батогами⁶³⁶.

Расследование дела о «воре Каине» затянулось. 12 марта 1752 года на приказ Сената отчитаться, «от чего при том медление чинитца и какое исполнение учинено», из следственной комиссии было «доношением ответствовано»: «...подлежащих к допросам и очным ставкам требуетца 36 человек, в том числе московских купцов Андрея Кандратьева, да Сергея Осипова, о которых по справкам явилось, что Кандратьев з данным из Московского магистрата пашпортом отпущен для собрания вексельных долгов, а Осипов отпущен в Голландию, да не сыскано чрез полицию 11 человек, за чем оказанному Каину третичного розыску не окончано». В свою очередь, Сенат послал комиссии другой указ: «...велеть кого ис подлежащих к тому следствию людей сыскать можно, тех во всякой скорости сыскать и оное следствие и вышеозначенному вору Каину указные пытки окончать без всякого продолжения». Но дело быстрее не двигалось...

Через полтора года, 24 июля 1753-го, последовал сенатский указ о расформировании следственной комиссии и передаче «следственного дела со всем произведением и вора Каина с товарищи» для «доследования» в Сыскной приказ; задействованным в работе комиссии судьям, секретарю и приказным служителям велено снова быть «в определенных им местах».

И только 28 июня 1755 года в Юстиц-коллегию из Сыскного приказа было подано доношение об окончании следствия о воре Каине, к которому прилагались «обстоятельные выписки и краткие экстракты» с «мнением» Сыскного приказа по поводу наказания преступника. Обвинение против «вора Каина» строилось на основании сенатского указа 1744 года, запрещавшего Каину под страхом наказания чинить обиды и разорения невинным; Соборного уложения 1649 года (статьи о воровстве, разбое, неповиновении властям, обидах и бесчестии), Новоуказных (не вошедших в Уложение) статей, Военского артикула, Морского устава, указов 1718—1730 годов о наказании преступников. По «мнению» судей Сыскного приказа, в силу этих законов Каину надлежало «учинить смертную казнь: колесовав отсечь голову». Дело было передано на рассмотрение в

Юстиц-коллегию, а оттуда 24 января 1756 года в Сенат. В высшей судебной инстанции постановили поступить с Каином в силу указа от 30 сентября 1754 года — учинить «наказание кнутом и, вырезав ноздри, поставить на лбу “В”, на щеках на одной “О” и на другой “Р” и, по учинении того наказания, заклепав в кандалы, сослать до указа в тяшкую работу в Рогервик».

Последняя запись в этом деле лаконично свидетельствует о том, что в 1756 году приговор был приведен в исполнение: «Послан (в ссылку. — *Е. А.*) с салдатом Трофимом Грачевым марта 29 дня»⁶³⁷.

В отличие от предшествующих историков, из-под пера которых вышли блистательные жизнеописания известного «вора и сыщика», в этой книге мы попытались рассмотреть *мир вокруг* Ваньки Каина, то есть преступную среду Москвы 30—40-х годов XVIII века.

Такой ракурс изучения источников, связанных с личностью «доносителя из воров», позволил убедиться в том, что в Москве в эти годы уже существовала особая преступная субкультура. Вместе с тем можно увидеть и некоторые отличия общества тогдашних московских «мошенников» от преступников XIX—XX столетий. Так, воровской мир Москвы во времена Ваньки Каина еще не был жестко структурирован и скреплен законами. Он представлял собой слабо оформленное сообщество преступников, обладавших достаточной степенью свободы в определении сферы своей деятельности и выборе сообщников. Бродячий образ жизни растворял «мошенников», многие из которых постоянно находились «в бегах», в более массовой и разнородной околопреступной среде, представители которой хотя и не совершали уголовных преступлений, всё же являлись маргиналами. Многочисленные «беспаспортные» беглые крестьяне, дворовые, солдаты, «ссылные утеклцы», которые наводняли Москву в виде нищих, бурлаков, наемных рабочих, составляли своеобразный фон для преступников.

При этом нет сомнений в том, что многие профессиональные воры дейст-

вительно составляли единое сообщество. Его представители обучались «воровскому ремеслу», организовано совершали преступления, носили клички и использовали особый жаргон, имели свои собственные нормы поведения в повседневной и праздничной жизни, собирались для ночевки в притонах даже в самом центре Москвы, вблизи кремлевских стен.

«Мошенниками» во времена Ваньки Каина становились люди, чьи биографии, при уникальности каждой из них, имеют некоторые общие черты. Большинство профессиональных воров Москвы 30—40-х годов XVIII века являлись представителями новых маргинальных и полумаргинальных групп, образовавшихся вследствие петровской перестройки армии и промышленности (беглые солдаты, «фабричные», солдатские дети, малолетние воспитанники Московской гарнизонной школы). Причем многие «мошенники», относящиеся к этим криминогенным группам, являлись выходцами из других социальных слоев (посадских и крестьян). В путях их маргинализации, кажется, угадываются новые формы отношений между личностью и социумом (постепенное разрушение посадской общины и системы круговой поруки в городах⁶³⁸), а также между личностью и государством (превращение человека в безликую часть государственной машины).

Исследователи западноевропейской преступности констатировали постепенную «модернизацию» форм криминального поведения при переходе от Средневековья к Новому времени. Некоторые ученые для объяснения этого процесса используют концепцию *Violence-to-thief* («от насилия к краже»), согласно которой вместе с развитием частной собственности, накоплением богатства, ростом промышленности, урбанизацией, а также большей цивилизованностью нравов происходит постепенная эволюция форм преступлений против собственности — от насильственных (нападений разбойных банд) к более квалифицированным и изощренным кражам без использования насилия, практикуемым профессиональными карманниками и взломщиками в больших городах⁶³⁹. Можно предположить, что в России в первой половине XVIII века, после Петровских реформ также сложилась городская преступная среда «нового типа», для которой была характерна более высокая, чем пре-

жде, степень квалификации и внутренней организации (что, кстати, значительно понижало степень использования насилия при совершении имущественных преступлений). Эта преступная среда в будущем и превратилась в «блатной» мир, хорошо известный по художественной, мемуарной и криминологической литературе второй половины XIX — начала XX века (произведениям романиста В. В. Крестовского, бытописателя В. А. Гиляровского, исследованиям юриста М. Н. Гернета и др.).

Очевидно, что в 1740-х годах профессиональные преступники не только серьезно беспокоили московских обывателей, но и стали существенной проблемой для государства. Не случайно руководители Сыскного приказа и Сената для их «искоренения» в 1741 году пошли на сделку с отпетым вором Ванькой Каином, оставив его без наказания и наделив большими полномочиями. В этом прецеденте проявились и неспособность существовавших в Москве органов сыска эффективно противостоять профессиональным «мошенникам», и неразвитость знаний о преступности и методов борьбы с ней (вспомним наивное намерение Сената с помощью доносителя Каина «тех злодеев вовсе искоренить»).

Вручение вору-отступнику больших полномочий по розыску его бывших коллег и гарантия его неприкосновенности в случае доносов со стороны преступников не сопровождалась ни созданием механизма контроля над ним, ни даже обеспечением его жалованьем. Это привело к огромному количеству злоупотреблений со стороны Каина, а затем и к громкому краху самого, как бы сейчас сказали, проекта «сыщик из воров».

Обстоятельства преступной деятельности Каина, в которые лишь в начале 1749 года внимательно всмотрелся московский генерал-полицмейстер Татищев, повергли в шок как его самого, так и императрицу Елизавету Петровну, ознакомившуюся с его докладом. Стало очевидно, что не только простые чиновники, но даже руководители Сыскного приказа покровительствовали Каину и таким образом участвовали в его многочисленных преступлениях, подчас удивительных по дерзости. Этот печальный опыт борьбы с преступностью в середине XVIII столетия не мог не повлиять на дальнейшее развитие сыскного дела и уголовного права России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Мордовцев Д. Л.* Ванька Каин. Царь Петр и правительница Софья. Царь и гетман. М., 1994. С. 8.

² *Даль В. И.* Толковый словарь живого русского языка: В 4 т. М., 1978. Т. 1. С. 164.

³ См.: *Плюханова М. Б.* Литературные и культурные традиции в формировании литературно-исторического персонажа (Ванька Каин) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 620. Типология литературных взаимодействий. Тарту, 1983. С. 3.

⁴ *Соловьев С. М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 11. М., 1993. С. 510.

⁵ См.: *Северный Н. Е.* Описание документов Сысского приказа 1730–1763 гг. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 2. СПб., 1872. С. 46.

⁶ См.: История славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом, писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году. М., 1782; Жизнь и похождение российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла сыщика людей за раскаянье в злодействе получившаго от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланнаго вечно на каторжную работу прежде в Рогервик, а потом в Сибирь, писанная им самим при Балтийском порте в 1764 году. СПб., 1785. (Мы используем последнее переиздание этого произведения: *Rai-Gonneau E.* Vie de Kain, bandit russe et mouchard de la tsarine. P., 2008. P. 233–293.)

⁷ См.: *Ситовский В. В.* Из истории русского романа XVIII в. Ванька Каин. М., 1902. С. 2, 24–35; *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 3.

⁸ *Комаров М.* Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов, сочиненное М[атвеем] К[омаровым] в Москве 1775 года. СПб., 1779. Мы используем последнее переиздание этого произведения: *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P., 2008.

⁹ См.: *Рак В. Д.* Комментарии // *Комаров М.* История мошенника Ваньки Каина. Милорд Георг. СПб., 2000. С. 329.

¹⁰ См.: *Крутогоров Ю. А.* Король преступного мира Ванька Каин: Повесть. М., 1998; *Приставкин А. И.* Долина смертной тени: Романы-исследования на криминальные темы: В 3 т. Т. 3. Страсти по Ваньке Каину. М., 1996; *Рогов А. П.* Ванька Каин: Роман. М., 1998; *Щербак В. А.* Вор и сыщик (Ванька Каин): Историко-приключенческая повесть. Владивосток, 1998 и др.

¹¹ См.: *Акельев Е. В.* Следственные дела по доносу Ивана Осипова Каина как источник для изучения преступной среды Москвы 40–50-х годов XVIII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 2. С. 291–293.

¹² См.: *Есипов Г. В.* Ванька-Каин (из подлинных бумаг Сысского приказа) // Осьмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым. Кн. 3. М., 1869. С. 280–335; *Мордовцев Д. Л.* Ванька Каин. СПб., 1876; *Ситовский В. В.* Указ. соч.; *Шкловский В. Б.* Матвей Комаров, житель города Москвы. М., 1929; *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 3–17; *Schmidt C.* Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität und Leibeigenschaft. 1649–1785. Stuttgart, 1996. S. 348–355; *Анисимов Е. В.* Елизавете

та Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 293—307; *Rai-Gotteau E.* Op. cit. Следственные дела Сысского приказа использовались всего в четырех вышеуказанных работах (Г. В. Есипова, М. Б. Плехановой, Е. В. Анисимова и К. Шмита), причем привлекалась лишь небольшая выборка из обширного комплекса дел. Остальные ученые опирались на фундаментальную статью Г. В. Есипова и «Автобиографию» (жизнеописание Каина 1760—1770-х годов, составленное от его имени).

¹³ *Леви Д.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 191—206. См. также: *Ретина Л. П.* «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. М., 1999. С. 77—100; *Ревель Ж.* Биография как историографическая проблема / Пер. с фр. Ю. В. Ткаченко. М., 2002; *Corbin A.* Le monde retrouvé de Louis-François Pinagot. Sur les traces d'un inconnu (1798—1876). P., 1998; *Дэвис Н. З.* Дамы на обочине: Три женских портрета XVII в. М., 1999; *Кошелева О. Е.* Один из Иванов в эпоху Петра (опыт персональной истории) // Казус. 2002. М., 2002. С. 305—328.

¹⁴ См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 349. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1549.

¹⁵ Там же. Д. 1466. Л. 2.

¹⁶ Там же. Д. 1549. Л. 3—3 об., 8—8 об.

¹⁷ Там же. Д. 1466. Л. 2 об.—3.

¹⁸ См.: Там же. Ф. 931. Оп. 3. Д. 176. Л. 15.

¹⁹ Там же. Ф. 248. Оп. 121. Д. 1199—1202, 1243.

²⁰ Там же. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 5. 1741 г. Д. 20.

²¹ Текст «клятвенного обещания» см.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 11. СПб., 1830. № 8473. С. 538. Описание процедуры приведения к присяге см.: Там же. № 8474. С. 538—541.

²² Ежедневные рапорты декабря 1741 г. о количестве разного чина лиц, приведенных к присяге в московских храмах и монастырях, см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 121. Д. 1219—1220.

²³ См.: Там же. Ф. 248. Кн. 1513. Л. 255, 274.

²⁴ ПСЗ. Т. 11. № 8481. С. 546—549.

²⁵ См.: Там же. Т. 2. № 1052. С. 567.

²⁶ См.: Там же. Т. 4. № 1874. С. 175.

²⁷ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5230. Л. 3 об.

²⁸ См.: Там же. Д. 1022. Л. 4—4 об.

²⁹ См.: ПСЗ. Т. 8. № 5521. С. 259.

³⁰ См.: *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. М., 2002 (серия «ЖЗЛ»). С. 211—213.

³¹ См.: ПСЗ. Т. 8. № 5521. С. 258—259; № 5597. С. 302—303.

³² См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 2004. Л. 39.

³³ См.: *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009. С. 307—309.

³⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5597. С. 302—303.

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 2004. Л. 148—149; *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 14.

³⁶ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 515. Л. 1.

³⁷ Цит. по: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 10.

³⁸ См.: Там же. С. 5.

³⁹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 321, 328.

⁴⁰ Планы Сысского приказа 1750 и 1752 годов см.: Там же. Ф. 372.

Оп. 1. Д. 2681. Л. 8—9; Ф. 248. Оп. 160. План № 216. Ср.: Переписные книги города Москвы, составленные в 1737—1745 гг. М., 1885. Т. 1. Книги по первой команде. С. 17—18. См. также: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 1—4, 14—19. О строительстве и ремонте малых острожков возле здания присутствия см.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 515; 599; 1761, 2147.

⁴¹ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 38—65, 70—74.

⁴² См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5230. Л. 2.

⁴³ См. вышеупомянутые планы Сысского приказа 1750 и 1752 годов и переписные книги московских дворов по первой команде 1742 года.

⁴⁴ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5230. Л. 20.

⁴⁵ См.: Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 126 об.—127.

⁴⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5230. Л. 1—4, 16 об., 20—21.

⁴⁷ План Сысского приказа, составленный в 1752 году архитектором князем Дмитрием Ухтомским, см.: Там же. Д. 2681. Л. 8—9.

⁴⁸ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 71—72.

⁴⁹ *Есипов Г. В.* Указ. соч. С. 280—283.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1022.

⁵¹ Там же. Д. 1623. Л. 47—48.

⁵² См.: Там же. Д. 2508. Л. 3 об.—8.

⁵³ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5449; Ф. 248. Кн. 7633. Л. 213—218, 364—365 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 248. Оп. 121. Д. 1199—1201, 1243.

⁵⁵ См.: Там же. Д. 1243.

⁵⁶ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 2. Кн. 511. Л. 8—22.

⁵⁷ См.: Там же. Кн. 375.

⁵⁸ Там же. Кн. 353. Л. 314—315.

⁵⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 5259; Оп. 2. Кн. 111. Л. 239—240; Кн. 436. Л. 174 об.

⁶⁰ Там же. Оп. 2. Кн. 111. Л. 241—241 об.

⁶¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 5226. Л. 82.

⁶² *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P. 266.

⁶³ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5226. Л. 43.

⁶⁴ Генеральный регламент (1720) // Реформы Петра I: Сборник документов / Сост. В. И. Лебедев. М., 1937. С. 119.

⁶⁵ Преступный мир Москвы: два «повинных доношения» профессиональных воров. 1741 г. / Подг. публ. Е. В. Акельев // Исторический архив. 2007. № 6. С. 209—214.

⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 1—2 об.; Оп. 2. Кн. 353. Л. 313 об.

⁶⁷ Генеральный регламент. С. 131.

⁶⁸ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 515. Л. 1 об.; Д. 1623. Л. 2.

⁶⁹ Там же. Оп. 2. Кн. 436. Л. 174 об.—175.

⁷⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 5226.

⁷¹ См.: Там же. Д. 1946, 2046; Д. 5226. Л. 56, 64, 70, 81, 83.

⁷² См. книги протоколов декабря 1741 года (Там же. Оп. 2. Кн. 111. Л. 239—241 об.), журналы входящих и исходящих бумаг (Там же. Кн. 353. Л. 313 об.—315 об.; Кн. 375), книгу освобожденных колодников (Там же. Кн. 436. Л. 174 об.—175) и книгу подлинных сенатских указов декабря 1741 года с пометами служащих Сысского приказа об их получении и прочтении (Там же. Кн. 510, 511).

⁷³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 5226. Л. 83—85.

- ⁷⁴ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2085, 2306; Оп. 2. Кн. 463. Л. 24 об.
- ⁷⁵ См.: Там же. Д. 386. Л. 31—32 об.
- ⁷⁶ См.: Там же. Д. 1791.
- ⁷⁷ См.: Там же. Д. 5226. Л. 7.
- ⁷⁸ См., например: Там же. Д. 1560.
- ⁷⁹ См.: Там же. Оп. 2. Кн. 111. Л. 242—244.
- ⁸⁰ См.: Там же. Кн. 463. Л. 26.
- ⁸¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1989. Л. 14 об.
- ⁸² Там же. Д. 386. Л. 26 об.
- ⁸³ См.: Там же. Д. 1989. Л. 3, 10 об., 18.
- ⁸⁴ См.: Там же. Д. 866.
- ⁸⁵ См.: Там же. Д. 386. Л. 73; Д. 1989. Л. 2.
- ⁸⁶ Там же. Оп. 2. Кн. 411. Л. 12.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1989. Л. 14.
- ⁸⁸ Там же. Д. 1542.
- ⁸⁹ Там же. Д. 1989. Л. 1 об.
- ⁹⁰ См.: Там же. Д. 386. Л. 91—93.
- ⁹¹ Там же. Д. 1989. Л. 1 об., 14.
- ⁹² Там же. Д. 386. Л. 11, 41—41 об.; Д. 1989. Л. 31—32 об.
- ⁹³ См.: Там же. Д. 386. Л. 22 об. — 23.
- ⁹⁴ См.: Там же. Д. 1989. Л. 14.
- ⁹⁵ Там же. Д. 386. Л. 10.
- ⁹⁶ См.: Там же. Д. 264. Л. 2; Д. 386. Л. 21 об.; Д. 511. Л. 9 об., 23 об.
- ⁹⁷ См.: Там же. Д. 386. Л. 25 об.; Д. 1989. Л. 2 об.
- ⁹⁸ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 386. Л. 31—32 об., 93; Ф. 248. Оп. 102. Д. 8122. Ч. 3. Л. 1033 об.
- ⁹⁹ ПСЗ. Т. 7. № 4889. С. 652—653.
- ¹⁰⁰ См.: *Северный Н.Е.* Указ. соч. С. 44.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 264. Л. 2—4.
- ¹⁰² Там же. Д. 6010. Л. 34.
- ¹⁰³ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1989. Л. 1; Ф. 239. Оп. 1. Д. 8001.
- ¹⁰⁴ Запись духовной вдовы Кожевницкой полустотни Ивана Федотова сына Вешнякова Агриппины Егорьевой 1722 г. // *Городская семья XVIII в.: Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. В. Козловой. М., 2002. С. 103—104.*
- ¹⁰⁵ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 515. Л. 1 об.; Д. 5226. Л. 8, 36, 46; Д. 6258. Л. 2 об.
- ¹⁰⁶ См.: Там же. Ф. 248. Кн. 1649. Л. 59—66.
- ¹⁰⁷ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 386. Л. 6—6 об.; Ф. 248. Оп. 102. Д. 8122. Ч. 3. Л. 1032.
- ¹⁰⁸ Расположение этой лестницы хорошо видно на планах Сысского приказа 1750 и 1752 гг.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2681. Л. 8—9; Ф. 248. Оп. 160. План № 216.
- ¹⁰⁹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5226. Л. 33, 46.
- ¹¹⁰ См.: Там же. Л. 79—80.
- ¹¹¹ ПСЗ. Т. 6. № 3970. С. 656—657.
- ¹¹² См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5226. Л. 84.
- ¹¹³ Генеральный регламент. С. 120.
- ¹¹⁴ В 1730 году Сысской приказ купил для судейской настольный колокольчик (см.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3. Л. 46). Надо полагать, что этот важный для той эпохи канцелярский предмет находился на судейском столе и в декабре 1741 года.
- ¹¹⁵ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5226. Л. 8; Ф. 248. Кн. 1649. Л. 66.

- ¹¹⁶ См.: Генеральный регламент. С. 120.
- ¹¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3644.
- ¹¹⁸ См.: Там же. Д. 5226. Л. 7, 32—33, 46, 55.
- ¹¹⁹ Там же. Д. 6210. Л. 3—4.
- ¹²⁰ Там же. Л. 5—5 об.
- ¹²¹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 386. Л. 35; Ф. 248. Д. 8122. Ч. 3. Л. 1032 об.; Юркин И. Н. Тульские помещики Хомяковы в Екатерининскую эпоху // Хомяковский сборник. Томск, 1998. С. 245—257.
- ¹²² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 6.
- ¹²³ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 19—25, 102—103.
- ¹²⁴ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 181.
- ¹²⁵ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 21.
- ¹²⁶ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 182—183 об.
- ¹²⁷ См.: Там же. Л. 82—83.
- ¹²⁸ РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Д. 2447. Л. 2 об.—3.
- ¹²⁹ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 19—22; ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 83—83 об.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. План № 1814.
- ¹³⁰ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 14, 23.
- ¹³¹ См.: Там же. Л. 14—15, 23.
- ¹³² Там же. Л. 20 об.
- ¹³³ Там же. Л. 6 об., 15.
- ¹³⁴ Там же. Л. 16 об.—20.
- ¹³⁵ Там же. Л. 23 об.—24.
- ¹³⁶ См.: Там же. Л. 20—23 об.
- ¹³⁷ Там же. Л. 15.
- ¹³⁸ Там же. Л. 23 об.
- ¹³⁹ Там же. Д. 6210. Л. 6 об.—7.
- ¹⁴⁰ Облик Москворецкой улицы в 1730—1740-х годах восстановлен главным образом благодаря плану, составленному в ноябре 1750 года в связи с судебным делом, которое вела Берг-коллегия, располагавшаяся на современном Васильевском спуске, против купца Алексея Зайцева, владельца большого соседнего двора (см.: Там же. Ф. 248. Оп. 160. План № 216). На плане изображены строения по правой стороне Москворецкой улицы от Спасских ворот до Сысного приказа. Застройка левой стороны улицы отображена на плане торговых рядов между Никитской, Варварской и Москворецкой улицами 1745 года (см.: Там же. План № 403). Эти данные значительно дополняет перепись московских дворов первой команды 1742 года, в которой «сказки» № 8—32 относятся к Москворецкой улице (см.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 17—19). Уникальные сведения предоставляет также перепись всех харчевен, палаток и выносных очагов в Китай-городе, составленная после пожара на Гостином дворе 22 марта 1735 года (см.: РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 29073. Л. 4—34 об., 156—163 об.).
- ¹⁴¹ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 18.
- ¹⁴² См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 124—128.
- ¹⁴³ См.: РГАДА. Оп. 1. Д. 6210. Л. 30 об.—34 об.
- ¹⁴⁴ Там же. Д. 2310. Л. 48—49.
- ¹⁴⁵ Там же. Д. 6210. Л. 32.
- ¹⁴⁶ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 18; ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 125.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 24—25.

- ¹⁴⁸ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 18; ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 89—89 об.
- ¹⁴⁹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 26—28 об.; 29—30, 43, 46 об.
- ¹⁵⁰ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 18.
- ¹⁵¹ Цит. по: *Сытин П. В.* История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. М., 1950. Т. 1. С. 135—136.
- ¹⁵² См.: *Казакевич И. И.* Московское Зарядье. История архитектурных памятников. М., 1977. С. 166—172; РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Д. 2447.
- ¹⁵³ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 34 об.—36 об.
- ¹⁵⁴ См.: Там же. Л. 7 об., 34—36.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. 6210. Л. 8—10 об. Опубликовано: Преступный мир Москвы. С. 209—214.
- ¹⁵⁶ См.: *Есипов Г. В.* Указ. соч. С. 306; *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. С. 302.
- ¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 41—41 об.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 47—47 об.
- ¹⁵⁹ См.: Там же. Л. 43—59.
- ¹⁶⁰ См.: Там же. Л. 66—67.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 90—90 об.
- ¹⁶² См.: Там же. Л. 98.
- ¹⁶³ Там же. Оп. 2. Кн. 113. Л. 146—146 об.
- ¹⁶⁴ См.: *Peveri P.* Techniques et pratiques du vol dans la pègre du Paris de la Régence d'après les archives du procès de Louis-Dominique Cartouche et ses complices. Contribution à l'histoire des milieux criminels urbains de la France d'Ancien régime. Thèse de doctorat. P., 1994. P. 308—309; *Buwat J.* Journal de la Régence, 1715—1723 / Publié par E. Campardon. P., 1865. V. 2. P. 425—426.
- ¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 372. Оп. 2. Кн. 115. Л. 114—114 об.
- ¹⁶⁶ Там же. Оп. 1. Д. 2310. Л. 57 об.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 132.
- ¹⁶⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 349. Л. 540—540 об.
- ¹⁶⁹ Там же. Кн. 346. Л. 318—319.
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 325—327 об.
- ¹⁷¹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 62 об.—63.
- ¹⁷² См.: Там же. Ф. 248. Кн. 346. Л. 325—333.
- ¹⁷³ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1258. Л. 2; Д. 1083 (2), 2050.
- ¹⁷⁴ См.: Там же. Д. 1535.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 6—6 об.
- ¹⁷⁶ Там же. Оп. 2. Кн. 118. Л. 36—39 об.
- ¹⁷⁷ См.: Там же. Оп. 1. Д. 989. Л. 1.
- ¹⁷⁸ См.: Там же. Д. 1440. Л. 1.
- ¹⁷⁹ См.: Там же. Д. 1534. Л. 10; Д. 6260. Л. 1.
- ¹⁸⁰ См.: Там же. Д. 2181. Л. 1.—1 об.; Д. 2310. Л. 43—44, 158, 159.
- ¹⁸¹ Там же. Д. 1371. Л. 1—1 об.
- ¹⁸² См.: Там же. Д. 1389. Л. 3; Д. 1851. Л. 3; Д. 1853. Л. 4 об.—5.
- ¹⁸³ См.: Там же. Д. 2310. Л. 42—42 об., 140 об.—141 об.
- ¹⁸⁴ Там же. Д. 1415. Л. 1.
- ¹⁸⁵ Там же. Д. 1846. Л. 8 об.; Д. 2019. Л. 4.
- ¹⁸⁶ Д. 1846. Л. 11—11 об., 13.
- ¹⁸⁷ См.: *Petrovitch P.* Recherches sur la criminalité à Paris dans la seconde moitié du XVIIIe siècle // Crime et criminalité en France sous l'Ancien Régime 17e—18e siècles. P., 1979. P. 221—226, 244—248, 257—258; *Farge A.* Vivre dans la rue à Paris au XVIIIe siècle. P., 1979. P. 214—217.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 25.

¹⁸⁹ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 437—438; *она же.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. М., 1960. С. 170; *Kimerling E. C.* Soldiers Children, 1719—1856: A study of social engineering in imperial Russia // *Forschungen zur osteuropäische Geschichte.* 1982. № 30; *Виртушафтер Э. К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 103—104; *Щербинин П. П.* Плод страсти роковой // *Родина.* 2003. № 8.

¹⁹⁰ Цит. по: *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P. 70, 76—78.

¹⁹¹ *Есинов Г. В.* Указ. соч. С. 280—335.

¹⁹² См.: *Мордовцев Д. Л.* Ванька Каин. Царь Петр и правительница Софья. Царь и гетман. С. 9, 12—13, 21, 29—30.

¹⁹³ См.: *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. С. 293—307; *он же.* Ванька Каин: легенды и факты // *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1991. № 184—185. С. 55—84.

¹⁹⁴ *Corbin A.* Op. cit., P. 8.

¹⁹⁵ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 3; Ф. 350. Оп. 2. Д. 4242. Л. 1253 об., 1254 об.

¹⁹⁶ См.: *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С. 74, 114, 267; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 122—123, 151—153; *Аксенов А. И.* Генезис московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 42—45; *Городская семья XVIII в.* С. 521—523; *Шахова А. Д.* Дворы торговых людей Панкратьевых и Филатьевых в Москве: к вопросу формирования городской историко-архитектурной среды второй половины XVII — XVIII в. // *Историография, источниковедение, история России X—XX вв.: Сб. статей в честь С. Н. Кистерева.* М., 2008. С. 407—409.

¹⁹⁷ См.: ПСЗ. Т. 2. № 1233. С. 846; *Голикова Н. Б.* Формы землевладения и землепользования гостей и Гостиной сотни в конце XVI — начале XVIII в. // *Торговля и предпринимательство в феодальной России.* М., 1994. С. 23—56.

¹⁹⁸ См.: *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. С. 320—321.

¹⁹⁹ См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 340. Л. 255—271; Оп. 2. Д. 4242. Л. 1236 об.—1255; Д. 2811. Л. 1090 об.—1137; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2110. Л. 109 об.—110 об.; Ф. 1356. Оп. 1. Д. 6716.

²⁰⁰ См.: Там же. Ф. 563. Оп. 2. Д. 185. Л. 627 об.

²⁰¹ См.: Там же. Д. 422. Л. 146 об.—148, 222 об.

²⁰² См.: Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2110. Л. 109 об.—110 об.

²⁰³ См.: Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4242. Л. 1236 об.—1248 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2110. Л. 110; Ф. 563. Оп. 2. Д. 422. Л. 146 об.—147.

²⁰⁴ См.: Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 340. Л. 255—258; Оп. 2. Д. 4242. Л. 1236 об.—1248 об.

²⁰⁵ См.: Там же. Оп. 2. Д. 4242. Л. 1236 об.—1237, 1248 об.; *Титов А. А.* Указ. соч. С. 320—328.

²⁰⁶ См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 340. Л. 267—268; Оп. 2. Д. 4242. Л. 1253—1255.

²⁰⁷ *Городская семья XVIII в.* С. 25, 124—127, 521—523. См. также: *Коз-*

лова Н. В. Духовные гости Михаила Шорина (1711 г.) и Алексея Филатова (1731 г.) // Очерки феодальной России. Вып. 5. М., 2001. С. 200—203.

²⁰⁸ См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2815. Л. 855—856.

²⁰⁹ См.: Там же. Л. 857.

²¹⁰ См.: Там же. Ф. 349. Оп. 1. Д. 614.

²¹¹ См.: *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России 30—50-х гг. XVIII в. М., 1958; *Козлова Н. В.* Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983; *Мамсик Т. С.* Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в. Новосибирск, 1978.

²¹² См.: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 2815. Л. 855—892 об.

²¹³ См.: *Словцов И. А.* Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. Кн. 3. С. 470; *Козлова Н. В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010. С. 48—59.

²¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2110. Л. 110.

²¹⁵ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 26.

²¹⁶ См.: *Шахова А. Д.* Указ. соч. С. 414.

²¹⁷ См.: Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 25—28.

²¹⁸ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142.

²¹⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 1808; Кн. 7322. Л. 3—19; *Шахова А. Д.* Указ. соч. С. 411—414.

²²⁰ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 117 об.—118.

²²¹ См.: РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2092; Ф. 372. Оп. 1. Д. 3497.

²²² Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 26.

²²³ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3497. Л. 1—2.

²²⁴ Цит. по: *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P. 234.

²²⁵ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 3.

²²⁶ См.: Там же. Ф. 400. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2092.

²²⁷ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 117 об.—118.

²²⁸ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3497.

²²⁹ См.: *Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. С. 166.

²³⁰ См.: *Кошелева О. Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 322—341.

²³¹ См.: Там же. С. 214.

²³² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 642. Л. 10—10 об.

²³³ Тюрьмы и госпитали в России в 18-м веке по наблюдениям Уильяма Кокса // Русская старина (далее — РС). 1907. Т. 131. С. 32.

²³⁴ См.: *Акельев Е. В.* Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: Диссертация... канд. ист. наук. М., 2009. С. 85.

²³⁵ Цит. по: *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P. 80—82.

²³⁶ Цит. по: Ibid. P. 234—236.

²³⁷ *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 189.

²³⁸ См.: РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ч. 1; Ф. 372. Оп. 2. Ч. 2. Д. 2811. Л. 1121.

²³⁹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 149 об.—150.

²⁴⁰ Там же. Д. 1534. Л. 10 об.—11.

- ²⁴¹ Там же. Д. 6210. Л. 92.
- ²⁴² Там же. Л. 81.
- ²⁴³ Там же. Оп. 2. Кн. 123. Л. 148 об.
- ²⁴⁴ См.: Там же. Оп. 1. Д. 2310. Л. 48; Д. 6210. Л. 32 об., 33 об., 92 об.
- ²⁴⁵ Там же. Д. 2310. Л. 62 об.—63.
- ²⁴⁶ См.: Там же. Л. 161—162.
- ²⁴⁷ См.: Там же. Л. 106—106 об.
- ²⁴⁸ Там же. Д. 1642. Л. 1.
- ²⁴⁹ Там же. Д. 1658. Л. 2—3; Д. 2310. Л. 91 об.—93.
- ²⁵⁰ Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. С. 159—160.
- ²⁵¹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 48—49.
- ²⁵² Там же. Ф. 340. Оп. 1. Д. 6258. Л. 10—10 об.
- ²⁵³ См.: Там же. Л. 4—4 об., 12, 30.
- ²⁵⁴ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 129 об.—131, 165 об.
- ²⁵⁵ См.: Там же. Д. 2310. Л. 44, 52 об., 129 об.—131, 137—137 об., 139, 157; Д. 1033. Л. 2—3.
- ²⁵⁶ См.: Там же. Д. 2310. Л. 40, 42 об.—43, 47—47 об., 129 об.—130.
- ²⁵⁷ См.: Там же. Л. 4 об., 5 об., 53, 81 об., 127 об.
- ²⁵⁸ Там же. Л. 44 об., 46, 110 об.
- ²⁵⁹ Там же. Д. 6260. Л. 1.
- ²⁶⁰ См.: Там же. Л. 2.
- ²⁶¹ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 128—131.
- ²⁶² См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 260—260 об.
- ²⁶³ Там же. Ф. 340. Оп. 1. Д. 6258. Л. 77.
- ²⁶⁴ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 132—141.
- ²⁶⁵ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1440; Д. 6210. Л. 25, 90, 92 об.
- ²⁶⁶ Там же. Ф. 349. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1030. Л. 2—2 об.
- ²⁶⁷ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6260. Л. 2 об.
- ²⁶⁸ Там же. Л. 2 об.—3.
- ²⁶⁹ Цит. по: *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P. 250, 254.
- ²⁷⁰ РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1030. Л. 1—3 об.
- ²⁷¹ См.: ПСЗ. Т. 8. № 5528. С. 263.
- ²⁷² РГАДА. Ф. 349. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1030. Л. 4—6.
- ²⁷³ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6260. Л. 3 об.—4, 9 об.
- ²⁷⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 5. Д. 110. Л. 1—3.
- ²⁷⁵ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1213. Л. 7.
- ²⁷⁶ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 462—463.
- ²⁷⁷ РГАДА. Ф. 400. Оп. 5. Д. 110. Л. 4—4 об.
- ²⁷⁸ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 277—278.
- ²⁷⁹ См.: *Заозерская Е. И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. С. 62, 135—136.
- ²⁸⁰ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1213. Л. 2—3.
- ²⁸¹ См.: Там же. Ф. 400. Оп. 5. Д. 110. Л. 6, 10 об.—11, 15.
- ²⁸² См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве первой четверти XVIII в. С. 430—433, 435—436.
- ²⁸³ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1534. Л. 2.
- ²⁸⁴ См.: Там же. Д. 6210. Л. 6—7, 17.
- ²⁸⁵ См.: Там же. Л. 2; 8 об., 18—20, 35.

- ²⁸⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 32—32 об., 48 об., 51—51 об.
- ²⁸⁷ См.: Там же. Д. 1033. Л. 3—3 об.
- ²⁸⁸ См.: Там же. Д. 6210. Л. 14—15, 23 об.
- ²⁸⁹ Там же. Оп. 2. Кн. 116. Л. 143 об.—144, 145 об.
- ²⁹⁰ См.: Там же. Оп. 2. Кн. 116. Л. 30—31; Оп. 1. Д. 1213. Л. 11—11 об.
- ²⁹¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1213. Л. 7 об.
- ²⁹² Городская семья XVIII в. С. 389.
- ²⁹³ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1213. Л. 17 об.—18.
- ²⁹⁴ См.: Там же. Л. 8 об.
- ²⁹⁵ См.: ПСЗ. Т. 12. № 8992. С. 171.
- ²⁹⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1213. Л. 8, 12.
- ²⁹⁷ См.: Там же. Л. 1—2 об., 4, 6, 8—8 об., 11—12 об., 13—16, 19.
- ²⁹⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 149. Л. 276.
- ²⁹⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 6210. 48 об.—50.
- ³⁰⁰ Там же. Д. 1534. Л. 12—12 об.
- ³⁰¹ Там же. Л. 13.
- ³⁰² См.: Там же. Ф. 248. Д. 1503. Л. 95 об.; Ф. 277. Оп. 3. Д. 328. Л. 98—98 об.; Ф. 372. Оп. 1. Д. 1534. Л. 10.
- ³⁰³ См.: *Успенский А. И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века: Словарь: В 4 т. Т. 1. М., 1910. С. 22.
- ³⁰⁴ См.: *Викторов А. Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг. М., 1883. Вып. 2. С. 463; *Николаева М. В.* Словарь иконописцев Оружейной палаты. 1630—1690-е гг.: работа на заказ, дворовладение, судные дела, события повседневной жизни (в печати).
- ³⁰⁵ См.: *Заозерская Е. И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. С. 315—316.
- ³⁰⁶ См.: *Кизиветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 15.
- ³⁰⁷ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Кн. 1200. Л. 85, 219.
- ³⁰⁸ См.: Труды историко-археографического института. Т. 13. Крепостная мануфактура в России. Ч. 5. Московский суконный двор. Л., 1934. С. 216.
- ³⁰⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 721. Л. 322—330 об. Благодарю Д. О. Серова, обратившего мое внимание на этот документ.
- ³¹⁰ См.: Труды историко-археографического института. Т. 13. Ч. 5. С. 218.
- ³¹¹ См.: Там же. С. 226—227.
- ³¹² См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 157, 166—168, 247, 251.
- ³¹³ См.: Там же. С. 242—263.
- ³¹⁴ Цит. по: Труды историко-археографического института. Т. 13. Ч. 5. С. 78.
- ³¹⁵ ПСЗ. Т. 11. № 8440. С. 487.
- ³¹⁶ См.: *Заозерская Е. И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. С. 326, 360.
- ³¹⁷ Цит. по: Труды историко-археографического института. Т. 13. Ч. 5. С. 78, 101, 106.
- ³¹⁸ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 161—163, 246, 254, 456.
- ³¹⁹ Цит. по: Труды историко-археографического института. Т. 13. Ч. 5. С. 124.
- ³²⁰ ПСЗ. Т. 11. № 8440. С. 493.

- ³²¹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 57 об.—58 об.; Оп. 2. Кн. 114. Л. 82 об.—83.
- ³²² См.: Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 26—26 об.
- ³²³ Там же. Д. 6210. Л. 27, 58 об.; Д. 1033. Л. 2 об.
- ³²⁴ См.: Переписная книга города Москвы. Составлена в 1738—1742 гг. Т. 1 [3-я команда]. М., 1881. Стб. 255, 279, 386, 410.
- ³²⁵ См.: Там же. Т. 1. Стб. 548—549.
- ³²⁶ Об Алексее Шинкарке см.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 237—238, 282—284 об.
- ³²⁷ Там же. Ф. 340. Оп. 1. Д. 6257. Л. 2—3 об.
- ³²⁸ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1534. Л. 19—19 об.
- ³²⁹ См.: Там же. Л. 10—13.
- ³³⁰ Там же. Д. 6210. Л. 48.
- ³³¹ Там же. Д. 1534. Л. 4.
- ³³² См.: Там же. Л. 21—27 об.
- ³³³ См.: Там же. Ф. 277. Оп. 3. Д. 328. Л. 98 об.
- ³³⁴ См.: *Заозерская Е. И.* Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. С. 163—165.
- ³³⁵ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 2. Кн. 118. Л. 63, 156.
- ³³⁶ Там же. Кн. 114. Л. 90.
- ³³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 98 об.
- ³³⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 91 об.
- ³³⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1180.
- ³⁴⁰ См.: Там же. Д. 2310. Л. 36.
- ³⁴¹ См.: Там же. Оп. 2. Кн. 115. Л. 60—61.
- ³⁴² Там же. Оп. 1. Д. 2252. Л. 61; Д. 2111. Л. 7—7 об.
- ³⁴³ См.: Там же. Д. 5290.
- ³⁴⁴ См.: Там же. Д. 1440. Л. 1, 5—5 об.
- ³⁴⁵ См.: Там же. Ф. 248. Кн. 1503. Л. 304; Ф. 277. Оп. 3. Д. 328. Л. 287—287 об.
- ³⁴⁶ См.: *Козлова Н. В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. С. 100.
- ³⁴⁷ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 20 об.
- ³⁴⁸ См.: Там же. Л. 14.
- ³⁴⁹ См.: Там же. Л. 14—15, 17 об.—18, 39—39 об.
- ³⁵⁰ См.: Там же. Ф. 248. Кн. 1503. Л. 312, 318 об.; Ф. 372. Оп. 1. Д. 1033. Л. 2—2 об.
- ³⁵¹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1900. Л. 1.
- ³⁵² Там же. Д. 6210. Л. 18—18 об.
- ³⁵³ См.: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 355—356.
- ³⁵⁴ *Есинов Г. В.* Указ. соч. С. 280.
- ³⁵⁵ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 8.
- ³⁵⁶ См.: Там же. Д. 990. Л. 2—2 об., 10—10 об., 18—18 об.
- ³⁵⁷ См.: Там же. Д. 6210. Л. 19—19 об., 68; Д. 1141. Л. 6—7.
- ³⁵⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 113. Л. 133 об.
- ³⁵⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1201.
- ³⁶⁰ Там же. Д. 989. Л. 11.
- ³⁶¹ См.: Там же. Д. 712.
- ³⁶² Там же. Л. 12.
- ³⁶³ См.: ПСЗ. Т. 8. № 6188. С. 928; Т. 9. № 6767. С. 541.
- ³⁶⁴ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 7705. Л. 607; Кн. 7731. Л. 29—38 об.
- ³⁶⁵ Там же. Кн. 7709. Л. 229.
- ³⁶⁶ См.: Там же. Ф. 400. Оп. 5. Д. 331. Л. 5—8; ПСЗ. Т. 9. № 6767. С. 540—541.

- ³⁶⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 7768. Л. 95.
- ³⁶⁸ Там же. Л. 96.
- ³⁶⁹ См.: Там же. Л. 94—96.
- ³⁷⁰ См.: Там же. Кн. 7785. Л. 236—247.
- ³⁷¹ Там же. Л. 238.
- ³⁷² Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 2 об.
- ³⁷³ См.: Там же. Ф. 400. Оп. 5. Д. 171; Д. 331. Л. 1; Д. 548. Л. 55—55 об.
- ³⁷⁴ Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 31 об.—32.
- ³⁷⁵ См., например, допросы А. Соловьева (Там же. Л. 35), Петра Ачки (Там же. Л. 32 об.), Дениса Кривороты (Там же. Л. 25) и др.
- ³⁷⁶ См.: Там же. Л. 30 об.—31.
- ³⁷⁷ Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 92.
- ³⁷⁸ См.: Там же. Оп. 1. Д. 824. Л. 4; Д. 6210. Л. 30 об., 32 об., 98 об.—99.
- ³⁷⁹ Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 151 об.
- ³⁸⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 824.
- ³⁸¹ Там же. Д. 989. Л. 3.
- ³⁸² См.: Там же. Д. 712.
- ³⁸³ См.: Там же. Д. 989. Л. 12, 15, 19.
- ³⁸⁴ См.: Там же. Д. 1048. Л. 2 об.; Д. 1337. Л. 4.
- ³⁸⁵ См.: ПСЗ. Т. 11. № 8306. С. 332; Т. 12. № 8965. С. 141.
- ³⁸⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1—2 об., 16; Оп. 2. Кн. 115. Л. 20—20 об.
- ³⁸⁷ Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 18 об.—19; Д. 1048. Л. 2 об.; Д. 989. Л. 12.
- ³⁸⁸ См.: Там же. Д. 6210. Л. 44 об.
- ³⁸⁹ См.: *Щербинин П. П.* Жизнь русской солдатки в XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79.
- ³⁹⁰ См.: ПСЗ. Т. 5. № 2718. С. 56; Т. 12. № 9019. С. 197; *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004. С. 27, 35. *Виртушафтер Э. К.* Указ. соч. С. 102.
- ³⁹¹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 30, 44, 46 об.
- ³⁹² См.: *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. С. 37; *он же.* Жизнь русской солдатки в XVIII—XIX вв. С. 79—92.
- ³⁹³ См.: *Студенкин Г. И.* Заплечные мастера: Исторический очерк // РС. 1873. № 8. С. 201—202; *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 58—61.
- ³⁹⁴ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 48; Д. 6210. Л. 33 об.
- ³⁹⁵ См.: *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. С. 61—68.
- ³⁹⁶ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1527. Л. 4.
- ³⁹⁷ См.: Там же. Д. 6210. Л. 43.
- ³⁹⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 113. Л. 81; Кн. 114. Л. 82 об.—83.
- ³⁹⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1527. Л. 4.
- ⁴⁰⁰ См.: Там же. Д. 1527. Л. 1.
- ⁴⁰¹ ПСЗ. Т. 12. № 8992. С. 171.
- ⁴⁰² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1527. Л. 4.
- ⁴⁰³ См.: Там же. Л. 5—9.
- ⁴⁰⁴ См.: Там же. Д. 1532. Л. 16, 71—81.
- ⁴⁰⁵ См., например: *Еситов Г. В.* Указ. соч. С. 280.
- ⁴⁰⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1440; *Алефиренко П. К.* Указ. соч.
- ⁴⁰⁷ См.: *Заозерская Е. И.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 447; *она же.* Рабочая сила и классо-

вая борьба на текстильных мануфактурах России в 20—60-х гг. XVIII в. С. 161, 170—171, 178—179.

⁴⁰⁸ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 989. Л. 2.

⁴⁰⁹ Там же. Д. 6010. Л. 14.

⁴¹⁰ См.: *Фойницкий И. Я.* Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871. С. 25—39; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1900. С. 342. См. также комментарий С. И. Штамма к 11-й статье XXI главы Соборного уложения: Памятники русского права / Под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. Вып. 6. С. 411.

⁴¹¹ См.: *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 148—149.

⁴¹² РГАДА. Ф. 372. Оп. 2. Кн. 114. Л. 244.

⁴¹³ Там же. Кн. 120. Л. 242—242 об.

⁴¹⁴ Там же. Кн. 115. Л. 146, 150 об.

⁴¹⁵ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1382. Л. 38.

⁴¹⁶ Там же. Д. 1529. Л. 20, 23—24.

⁴¹⁷ Там же. Д. 1587. Л. 1.

⁴¹⁸ См.: *Бондалетов В. Д.* В. И. Даль и тайные языки в России. М., 2004. С. 147.

⁴¹⁹ См.: *Rai-Gotteau E.* Op. cit. P. 234—264.

⁴²⁰ См.: *Плюханова М. Б.* Указ. соч. С. 12.

⁴²¹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 23 об., 39.

⁴²² См.: Там же. Л. 2, 8 об.—10, 35 об.—36.

⁴²³ Там же. Д. 2310. Л. 77 об.

⁴²⁴ См., например: Там же. Д. 1534. Л. 10 об.—11.

⁴²⁵ Там же. Д. 6210. Л. 99.

⁴²⁶ Там же. Л. 81.

⁴²⁷ См.: Там же. Л. 6 об., 23 об., 133—134.

⁴²⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 113. Л. 146—146 об.

⁴²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 56—56 об.; Д. 1033. Л. 2; Д. 6210. Л. 92.

⁴³⁰ Там же. Д. 6210. Л. 98 об.

⁴³¹ Цит. по: *Снегирев В. Л.* Московские слободы: Очерк из истории Московского посада XIV—XVIII вв. М., 1956. С. 220—221.

⁴³² См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1440. Л. 3 об.—4; Д. 2310. Л. 36; Д. 990. Л. 18—18 об.

⁴³³ Там же. Д. 5794. Л. 193; Д. 989. Л. 5—5 об.; Д. 1337. Л. 4.

⁴³⁴ См.: ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 142. Л. 92.

⁴³⁵ См.: Переписная книга города Москвы... Т. 1. Стб. 247, 281.

⁴³⁶ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 19; Д. 5794. Л. 186, 203; Д. 1180. Л. 2—4; Д. 1337. Л. 3; Д. 1335. Л. 2—2 об.

⁴³⁷ Там же. Д. 1335. Л. 1, 6—6 об.

⁴³⁸ См.: Там же. Д. 1440. Л. 3 об.—4; Д. 6210. Л. 18; Д. 1141.

⁴³⁹ См.: Там же. Д. 1397.

⁴⁴⁰ Там же. Д. 2310. Л. 67 об.—69 об.

⁴⁴¹ Там же. Д. 1337. Л. 3; Д. 6210. Л. 16 об.—17.

⁴⁴² Там же. Д. 1382. Л. 1.

⁴⁴³ Там же. Оп. 2. Кн. 123. Л. 74—74 об.; Оп. 1. Д. 990. Л. 2—2 об.

⁴⁴⁴ См.: Там же. Оп. 1. Д. 712, 1440.

⁴⁴⁵ См.: Там же. Д. 6210. Л. 66.

⁴⁴⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3445. С. 748—750.

⁴⁴⁷ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 27 об.—30.

⁴⁴⁸ Там же. Оп. 2. Кн. 121. Л. 31.

⁴⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 35—36, 39—39 об., 17.

- 450 РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 92 об.—93.
451 См.: Там же. Оп. 2. Кн. 121. Л. 150—150 об.
452 Там же. Оп. 2. Кн. 123. Л. 148 об., 74—74 об.; Оп. 1. Д. 5794. Л. 186.
453 Там же. Оп. 1. Д. 2310. Л. 33 об., 69 об.
454 Там же. Д. 2310. Л. 156 об.—157.
455 См., например: Там же. Д. 2310. Л. 12, 41 об., 46 об.; Д. 6210. Л. 2.
456 Там же. Д. 2310. Л. 132.
457 Там же. Л. 58 об.
458 Цит. по: *Rai-Gotteau E.* Op. cit. P. 190—192.
459 РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 119 об.—120.
460 Там же. Д. 6210. Л. 76—78.
461 См.: Там же. Л. 54—54 об.
462 Там же. Л. 73—73 об.
463 Там же. Л. 55 об.
464 Там же. Л. 58.
465 См.: Там же. Л. 49—50.
466 Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 39—39 об.
467 Там же. Оп. 1. Д. 989. Л. 1—2.
468 Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 151 об.
469 См.: *Reveri P.* Op. cit. P. 316.
470 См.: *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. М., 2001. С. 101.
471 См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1048.
472 Там же. Д. 6210. Л. 26—26 об.
473 Там же. Л. 72 об.
474 Там же. Д. 1201. Л. 16.
475 Там же. Д. 6210. Л. 52 об.—53, 59.
476 См.: Там же. Л. 32 об.—33, 56 об.—57.
477 Там же. Л. 105 об.—107.
478 Там же. Д. 984. Л. 62—63; Д. 6210. Л. 18 об.—19.
479 См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 54 об.—55; Ф. 400. Оп. 5. Д. 110. Л. 1—1 об.
480 Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 92.
481 Там же. Л. 25.
482 Там же. Л. 44, 45 об.—46, 81.
483 Там же. Д. 1048. Л. 2—2 об.
484 См.: Там же. Д. 6210. Л. 33; Д. 1048. Л. 3, 9.
485 Там же. Д. 6210. Л. 10—10 об.
486 См.: Там же. Д. 1534. Л. 3 об., 11—11 об.
487 См.: Там же. Л. 3—3 об.
488 Там же. Д. 1534. Л. 3 об.—4, 11—11 об.
489 См.: Там же. Д. 1534. Л. 3; Д. 6210. Л. 68 об.—70.
490 См.: Там же. Д. 1534. Л. 3 об.
491 Там же.
492 См.: Там же. Д. 6210. Л. 54 об.—55, 58—58 об.
493 Там же. Д. 2052. Л. 1—3 об.
494 Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 142—142 об.; Оп. 1. Д. 6210. Л. 16 об.—18.
495 См.: Там же. Оп. 1. Д. 1201. Л. 2 об.—3.
496 Там же. Д. 1337. Л. 1—3.
497 См.: Там же. Оп. 2. Кн. 118. Л. 36—38.
498 Там же. Оп. 1. Д. 1201. Л. 2 об.
499 См.: Там же. Д. 6210. Л. 17 об.—18; Д. 1337. Л. 4; Д. 1335. Л. 1, 6—6 об.

- ⁵⁰⁰ Там же. Д. 6210. Л. 39—39 об.
⁵⁰¹ См.: Там же. Оп. 2. Кн. 118. Л. 36—38; Кн. 353. Л. 313 об.
⁵⁰² См.: Там же. Оп. 1. Д. 1033.
⁵⁰³ См.: Там же. Д. 712. Л. 3—4 об.
⁵⁰⁴ См.: Там же. Оп. 2. Кн. 392. Л. 18.
⁵⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 52.
⁵⁰⁶ Там же. Оп. 2. Кн. 392. Л. 18—19, 31.
⁵⁰⁷ Там же. Ф. 931. Оп. 3. Кн. 1645. Л. 550; Ф. 372. Оп. 2. Кн. 392. Л. 31.
⁵⁰⁸ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 6210. Л. 27—27 об.
⁵⁰⁹ ПСЗ. Т. 13. № 9574. С. 10—11.
⁵¹⁰ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Кн. 1712. Л. 45.
⁵¹¹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 688. Л. 78—83.
⁵¹² Там же. Ф. 931. Оп. 3. Кн. 1712. Л. 13 об.—14, 21; Ф. 372. Оп. 2. Кн. 411. Л. 1.
⁵¹³ См.: *Сытин П. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 274—276; Переписные книги города Москвы... Т. 1. С. 25—28.
⁵¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5794. Л. 7—11, 108—109.
⁵¹⁵ См.: Там же. Л. 37—37 об.
⁵¹⁶ Цит. по: *Rai-Gonneau E.* Op. cit. P. 242.
⁵¹⁷ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5794. Л. 187 об.—188.
⁵¹⁸ См.: Там же. Д. 6210. Л. 51 об.—52; Д. 5794. Л. 40, 5—6, 10 об.—11.
⁵¹⁹ См.: Там же. Д. 5794. Л. 108—109 об.; Д. 6210. Л. 101 об.
⁵²⁰ Там же. Ф. 931. Оп. 3. Д. 1647. Л. 144—145.
⁵²¹ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1440. Л. 1, 4—5, 8, 33 об.—34 об., 40 об., 47—51, 61—61 об.
⁵²² Там же. Оп. 2. Кн. 392. Л. 24—24 об.
⁵²³ См.: Там же. Кн. 388. Л. 22; Кн. 411. Л. 4 об.
⁵²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 1440. Л. 38—38 об.
⁵²⁵ Там же. Д. 2310. Л. 4 об.—7 об.
⁵²⁶ Там же. Д. 989. Л. 3—3 об.
⁵²⁷ Там же. Оп. 2. Кн. 420. Л. 114—115.
⁵²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2653. Л. 2.
⁵²⁹ Там же. Д. 6210. Л. 54 об.—55.
⁵³⁰ См.: Там же. Д. 6210. Л. 48 об.—50; Д. 1400. Л. 1—4 об.; Д. 1534. Л. 12.
⁵³¹ См.: Там же. Д. 6210. Л. 28 об., 53, 57 об.
⁵³² Там же. Д. 989. Л. 4 об.; Д. 2052. Л. 4; Д. 1534. Л. 5 об.
⁵³³ См.: Там же. Д. 6210. Л. 109—123 об.
⁵³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 113. Л. 11—11 об.
⁵³⁵ См.: Там же. Ф. 248. Кн. 2004. Л. 148—149 об.
⁵³⁶ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3. Л. 14.
⁵³⁷ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 12—14, 27—28; Обряд како обвиненный пытается // РС. 1873. Т. 8. № 7. С. 58—59.
⁵³⁸ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3. Л. 38; Д. 5226. Л. 3; Д. 5303. Л. 2—2 об.
⁵³⁹ См.: Там же. Д. 1440. Л. 55—57; Д. 1534. Л. 21—22 об., 23—27.
⁵⁴⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 6210. Л. 50 об., 92 об.; Оп. 2. Д. 113. Л. 129—134.
⁵⁴¹ См.: Обряд како обвиненный пытается. С. 58—59.
⁵⁴² См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 2. Кн. 114. Л. 3—11 об., 129—134; Оп. 1. Д. 1180, 6260.
⁵⁴³ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1771.
⁵⁴⁴ Там же. Ф. 248. Кн. 336. Л. 2.

- 545 См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 871. Л. 1; Д. 1141; Д. 1900. Л. 1.
- 546 См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 71—72.
- 547 См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2421; *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 31, 65.
- 548 См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 98—99; РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 884 а. Л. 3—6.
- 549 См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1589.
- 550 См.: Там же. Д. 387. Л. 2.
- 551 Там же. Д. 2508. Л. 3—3 об.
- 552 Там же. Д. 1316. Л. 5.
- 553 См.: Там же. Д. 2111. Л. 1; Д. 2134. Л. 3; Д. 84 а. Л. 1, 2 об.
- 554 См., например: Там же. Д. 450. Л. 5.
- 555 Там же. Д. 6258. Л. 1 об.—2.
- 556 См.: Там же. Д. 6258. Л. 6 об.; Д. 984. Л. 34.
- 557 См.: Там же. Оп. 2. Кн. 464. Л. 36.
- 558 Там же. Оп. 1. Д. 2306. Л. 4.
- 559 Там же. Д. 6258. Л. 2 об.
- 560 Там же. Д. 855. Л. 2—3.
- 561 Там же. Д. 1771. Л. 1—1 об.
- 562 Там же. Д. 1681. Л. 1.
- 563 Там же. Д. 6258. Л. 3.
- 564 Там же. Д. 450. Л. 5 об.
- 565 См., например: Там же. Д. 387. Л. 6 об.
- 566 Там же. Д. 450. Л. 9—11.
- 567 Там же. Л. 5 об.
- 568 См.: Там же. Д. 884 а. Л. 3—6.
- 569 См.: Там же. Д. 3840. Л. 4 об.
- 570 См.: Там же. Д. 6258. Л. 2, 4; Д. 884 а. Л. 4; Д. 627. Л. 3—3 об.
- 571 Там же. Д. 6258. Л. 5.
- 572 См.: Там же. Д. 387. Л. 3 об.
- 573 См.: Там же. Д. 884 а.
- 574 См.: Там же. Д. 635; Д. 2256. Л. 1—2.
- 575 См.: Там же. Д. 1771, 2134.
- 576 Там же. Д. 627. Л. 3—3 об.
- 577 Там же. Д. 1900. Л. 2.
- 578 См.: Там же. Д. 6258. Л. 4 об.
- 579 Там же. Д. 3840. Л. 1—1 об.
- 580 См.: Там же. Д. 3359. Л. 34—37.
- 581 См.: Там же. Д. 6210. Л. 98; Д. 2784.
- 582 См.: Там же. Д. 2111.
- 583 См.: Там же. Д. 6258. Л. 3—3 об.
- 584 См.: Там же. Д. 1681.
- 585 См.: Там же. Д. 328.
- 586 Там же. Д. 5210. Л. 4—5.
- 587 См.: Там же. Д. 2178.
- 588 См.: Там же. Д. 5291.
- 589 Там же. Д. 2111. Л. 3—3 об.
- 590 См.: Там же. Л. 1—3 об.
- 591 Там же. Д. 453. Л. 3—4 об.
- 592 ПСЗ. Т. 6. № 4094. С. 774; № 4111. С. 783.
- 593 См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5216.
- 594 Там же. Д. 5210. Л. 12 об.
- 595 См.: Там же. Д. 524.

- ⁵⁹⁶ См., например: Там же. Д. 1681. Л. 2 об.
- ⁵⁹⁷ ПСЗ. Т. 9. № 7132. С. 1011—1012; Т. 13. № 9571. С. 2—3.
- ⁵⁹⁸ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 3359. Л. 16—16 об.
- ⁵⁹⁹ См.: Там же. Д. 3572. Л. 1—1 об.
- ⁶⁰⁰ ПСЗ. Т. 14. № 10660. С. 683.
- ⁶⁰¹ См.: Там же. Т. 15. № 11282. С. 739—740.
- ⁶⁰² См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 984. Л. 31—34, 47—50.
- ⁶⁰³ См.: Там же. Д. 1712.
- ⁶⁰⁴ См.: Там же. Д. 2297.
- ⁶⁰⁵ См.: Там же. Д. 2653.
- ⁶⁰⁶ См.: Там же. Д. 2111. Л. 52—52 об., 55 об.—60, 78.
- ⁶⁰⁷ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 103.
- ⁶⁰⁸ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 679. Л. 39—43; Д. 1228. Л. 165—165 об.
- ⁶⁰⁹ См., например: Там же. Д. 642. Л. 12 об.
- ⁶¹⁰ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 103; РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 681. Л. 75.
- ⁶¹¹ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 642. Л. 12—12 об.
- ⁶¹² Там же. Д. 1228. Л. 185—185 об.
- ⁶¹³ Там же. Оп. 2. Кн. 114. Л. 82 об.—83, 123.
- ⁶¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 642. Л. 2—3, 6—6 об., 8, 11.
- ⁶¹⁵ Там же. Д. 719. Л. 317.
- ⁶¹⁶ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 106—107.
- ⁶¹⁷ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 719. Л. 272—274; Д. 1228. Л. 167.
- ⁶¹⁸ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 106—107; РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 719. Л. 272—274; Д. 1228. Л. 165 об.
- ⁶¹⁹ РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1228. Л. 74.
- ⁶²⁰ См.: *Северный Н. Е.* Указ. соч. С. 104—105.
- ⁶²¹ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 679. Л. 39—41.
- ⁶²² См.: *Нечаев В. В.* Дела следственных о раскольниках комиссий // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 6. Отд. 2. М., 1889. С. 98—107; *Панченко А. А.* Указ. соч. С. 148—149.
- ⁶²³ См.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 347. Л. 263—266 об.
- ⁶²⁴ См.: Там же. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1355.
- ⁶²⁵ См.: Там же. Д. 1658.
- ⁶²⁶ Там же. Д. 2310. Л. 93 об.—94.
- ⁶²⁷ Там же. Д. 6258. Л. 5 об.—6.
- ⁶²⁸ Там же. Д. 2310. Л. 150 об.
- ⁶²⁹ Там же. Л. 50—50 об.
- ⁶³⁰ См.: *Коллманн Н. Ш.* Соединенные чество: Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001. С. 127—130.
- ⁶³¹ Там же. С. 125.
- ⁶³² РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 106—106 об.
- ⁶³³ См.: *Серов Д. О.* Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 8—22; *Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. 1725—1762 гг. Рязань, 2003. С. 74—75.
- ⁶³⁴ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2310. Л. 105 об.—107, 109 об.—112, 140 об.—141 об.
- ⁶³⁵ Подлинник доклада и «экстракта» см: Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 34. Публикацию «экстракта» см.: Российский Картуш // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. СПб., 1873. Т. 3.

⁶³⁶ См.: РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 2172.

⁶³⁷ См.: Там же. Д. 2310. Л. 3—3 об., 66 об.—67, 86—86 об., 167—284 об.

⁶³⁸ См.: *Снегирев В. Л.* Указ. соч. С. 220—237; *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 493—494.

⁶³⁹ Эта эволюция эмпирически подтверждается некоторыми исследованиями (см.: *Dubied C.* «La lie de la canaille» Larrons, brigands et filous de profession: la répression du banditisme à Genève (1682—1792) // *Crime, histoire & sociétés.* 2001. № 2. V. 5. P. 107—131; *Gégot J. C.* Etude par sondage de la criminalité dans le bailliage de Falaise. XVII—XVIIIe siècle. Criminalité diffuse ou société criminelle? // *Annales de Normandie.* 1966. № 2. P. 103—164; *Boutelet B.* Étude par sondage de la criminalité du bailliage de Pont-de-l'Arche. XVII—XVIIIe siècle. De la violence au vol. En marche vers l'escroquerie // *Ibid.* 1962. № 4. P. 235—262). Впрочем, не все историки преступности разделяют концепцию *Violence-to-theft* — многих смущает ее упрощенность (см., например: *Johnson E. A., Monkkonen E. H.* Introduction // *The Civilization of Crime: Violence in Town and Country since the Middle Ages.* Chicago, 1996. P. 7). Однако даже ее противники признают, что формы преступности в Новое время постепенно меняются в сторону уменьшения насилия. Для объяснения этого явления некоторые ученые предпочитают использовать концепцию Н. Элиаса о «процессе цивилизации» нравов (см., например: *Johnson E. A., Monkkonen E. H.* Op. cit. P. 4—6, 16).

БИБЛИОГРАФИЯ

Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»).

Есипов Г. В. Ванька-Каин (из подлинных бумаг Сысского приказа) // Осмнадцатый век: Исторический сборник, издаваемый П. Бартеневым. Кн. 3. М., 1869.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006.

Козлова Н. В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010.

Комаров М. История мошенника Ваньки Каина. Милорд Георг. СПб., 2000.

Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008 (серия «Живая история»).

Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М., 2009.

Сиповский В. В. Из истории русского романа XVIII в. Ванька Каин. М., 1902.

Смилянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.

Снегирев В. Л. Московские слободы: Очерк из истории московского посада XIV—XVIII вв. М., 1956.

Rai-Gonneau E. Vie de Kain, bandit russe et mouchard de la tsarine. P., 2008.

Schmidt C. Sozialkontrolle in Moskau. Justiz, Kriminalität und Leibei-genschaft. 1649—1785. Stuttgart, 1996.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Глава первая. «МОШЕННИК И ТОГО РЕМЕСЛА ЛЮДЕЙ СЫЩИК»</i>	12
«Торжественные» дни декабря 1741 года	12
Сыскной приказ	18
28 декабря 1741 года: день	32
28 декабря 1741 года: ночь	61
«Явшейся доноситель»	86
<i>Глава вторая. МОСКОВСКИЕ ВОРЫ XVIII ВЕКА — КТО ОНИ?</i>	104
Портретная галерея профессиональных преступников	104
Неизвестный Ванька Каин	108
Петр Камчатка, друг и учитель Каина	142
Крестьянский сын Иван Метла	153
Сын иконописца Иван Серков	167
Потомственный «фабричный» Матвей Цыган	188
Выходец из посадских Гаврила Рыжий	196
Беглый рекрут Иван Харахорка	201
Школьник Сергей Зотов	209
Торговка краденым Анна Герасимова	222
Коллективный портрет московских воров	232
<i>Глава третья. ОБЫДЕННОСТЬ ГОРОДСКОГО ДНА</i>	237
Московские воры о самих себе	237
Преступный мир глазами «честных» горожан	242
Воровской язык	245
Неписанные законы	247
Воровские «пристани»	249
Отдых от «трудов неправедных»	260
<i>Глава четвертая. «МОШЕННИКИ», ГРАБИТЕЛИ, РАЗБОЙНИКИ</i>	265
Преступные группировки и «специализация»	265
Карманные кражи	269
Кражи в банях	279
Кражи с повозок	285
Грабежи на улицах Москвы	291
Домовые кражи	295
Разбои в Москве и на подмосковных дорогах	302
<i>Глава пятая. НАКАЗАНИЕ</i>	316
Арест	316
«Роспросить обстоятельно»	318

«Взят в застенки и пытан»	324
Тюремный быт арестантов Сысского приказа	328
«Для прошения милостыни на связках отпустить...»	352
«Колодники утечку учинили»	359
Ссылка	365
Падение доносителя	373
<i>Послесловие</i>	390
Примечания	393
Библиография	411

Акельев Е. В.

А 38 Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Евгений Акельев. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 413 [3]с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03508-9

Ванька Каин — беглый дворовый, лихой вор, «московский сыщик», каторжник, фольклорный персонаж — стоит на первом месте в череде знаменитых отечественных уголовников. С кем вместе он совершал кражи и почему сдал властям бывших приятелей? Кого в XVIII веке называли вором и чем занимались в то время мошенники? Что отличает тогдашних преступников от их современных коллег? На эти вопросы отвечает книга кандидата исторических наук Евгения Акельева, написанная на основе архивных документов, запечатлевших результаты семилетней доносительской деятельности Каина. Ее страницы пропитаны атмосферой преступного мира Москвы середины XVIII века, когда на Красной площади бурлила торговля, воровы чистили карманы зевак и сбывали добычу держателям краденого, нищие и арестанты громко требовали милостыню, конвоиры вели задержанных в располагавшийся прямо у кремлевской стены Сысканой приказ — предок современного МУРа, а в Зарядье усадьбы знатных господ, притягивавшие воров, соседствовали с притонами, где обитали беглые, карманники, разбойники, скупщики краденого.

**УДК 94(47)“174” “17”
ББК 63.3(2)512-7**

Акельев Евгений Владимирович
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОРОВСКОГО МИРА МОСКВЫ
ВО ВРЕМЕНА ВАНЬКИ КАИНА

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **И. И. Суслов**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 21.11.2011. Подписано в печать 07.02.2012. Формат 84×108/₃₂. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 21,84+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1201640.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
япк

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03508-9

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Е. Глаголева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МАСОНОВ
В ЭПОХУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

О. Ковалик

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БАЛЕРИН
РУССКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ТЕАТРА

И. Курукин, А. Булычев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ
ИВАНА ГРОЗНОГО

Л. Петрушенко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ЕВРОПЫ

Жан Поль Креспель

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИМПРЕССИОНИСТОВ.
1863—1883

ISBN 978-5-235-03508-9

9 785235 035089 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ